

Медиха Шаманова

Медиха Шаманова
Ордена
Патриотической
войны

Медиха Шаманова

**ДЕРЕВО
ДЕРЖАТ
КОРНИ**

**Ставрополь
2002**

Шаманова М.

Дерево держат корни. – ГУП «Ставропольская краевая типография», 2002 г. – 288 с. + вкл. 120 с.

Новая документальная повесть известной карачаевской писательницы и журналиста Медихи Шамановой «Дерево держат корни» посвящена одному из славных сыновей карачаевского народа, ярчайшему представителю замечательной плеяды талантливых руководителей высшего эшелона власти, ветерану двух войн, бывшему председателю Карачаево-Черкесского облисполкома Магомету Абдурзаковичу Боташеву.

Повествуя о нелегкой судьбе этой неординарной во всех отношениях личности, писательница одновременно рассказывает и о поколении (к которому, кстати, относится и сама), на чью долю выпали тяжелейшие испытания, связанные с Великой Отечественной войной, а затем и депортацией карачаевского народа в районы Средней Азии и Казахстана в 40-е годы XX столетия.

В книге приводится немало интересных фактов из нашей недавней истории, которые долгие годы оставались известными лишь узкому кругу людей.

**Автор благодарит всех, кто
принял участие в издании этой книги.**

ISBN 5-901563-34-4

Издательская лицензия
ЛР № 020760 от 26 марта 1998 г.

© Медиха Шаманова, 2002 г.
© Оформл. ГУП «Ставропольская
краевая типография», 2002 г.

Дорогой читатель!

Я представляю сегодня тебе свою новую документальную повесть «Дерево держат корни».

Это рассказ о человеке удивительно прекрасной и одновременно сложной, полной драматизма судьбы, сполна испытавшем в своей нелегкой жизни все тяготы, выпавшие на долю его поколения.

Нет, пожалуй, в нашей республике человека старшего и среднего возрастов, кто не знал бы героя моей книги — Магомета Абдурзаковича Боташева. Участник двух войн — финской и Великой Отечественной, — достойно пережив вместе со своим родным карачаевским народом жестокие годы депортации в суровых условиях Средней Азии и Казахстана, Магомет Абдурзакович, вернувшись на родину, долгие годы жизни посвятил возрождению земли отцов, укреплению экономического могущества и расцвету всех народов многоязыкой Карачаево-Черкесии.

Занимая на протяжении 14 лет пост председателя Карачаево-Черкесского облисполкома, Магомет Абдурзакович Боташев успел сделать так много, что плоды его неустанного труда и неумной созидательной энергии ощущаются и по сей день. А главное, он всегда и во всем являл собой пример беззаветного служения народам Карачаево-Черкесии, чуткого, бережного отношения к людям, оставаясь во всех ситуациях простым и доступным.

Сегодня стало модным (будем надеяться, что это болезнь времени и она скоро пройдет) с сарказмом и иронией вспоминать прошлое, писать о бывших руководителях органов власти разного уровня непременно с негативным оттенком. Однако не будем забывать, что история не имеет сослагательного наклонения. Ее не перепишешь. Она или есть, или ее нет. «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы...», — учит нас Священная книга.

Совсем другое дело — осмысливать и переосмысливать ушедшее время через образы богатых по содержанию личностей, ставших знаковыми для своих эпох.

Я абсолютно уверена: одной из таких колоритных фигур истории Карачаево-Черкесии второй половины 20 века и является Магомет Абдурзакович Боташев.

Неординарный, безусловно одаренный талантом большого масштаба руководитель, необыкновенно преданный интересам простых людей Магомет Абдурзакович, по сути, всю жизнь остававшийся бесребреником, достоин стать примером для нынешнего и грядущих поколений руководителей.

Горская пословица гласит: «Красота ветвей зависит от корней». Только крепкие, сильные, здоровые, прочные корни позволяют дереву расти, вбирать в себя янтарные соки земли, постоянно, неуклонно тянуться ввысь к солнцу, голубому небу и давать жизнь новым побегам.

Как дерево держат корни, так и молодое поколение не может духовно и нравственно формироваться без учета лучшего, накопленного своими предшественниками.

Прочитав предлагаемую книгу, ты, дорогой читатель, убедишься, что ее герой – один из мощных корней своего народа, его совесть и законная гордость, неиссякаемый источник добра и глубокого уважения к человеку любой веры и национальности.

Более того, Магомет Абдурзакович – это не только история, но и наша живая память, без которой невозможно строить фундамент будущего.

Возможно, некоторые предлагаемые мною в книге выводы, положения и мысли покажутся кому-то далеко не бесспорными. Скажу прямо – не вижу в этом ничего предосудительного. Такова моя точка зрения, совсем, – хочу особо это подчеркнуть, – не претендующая на истину в последней инстанции.

Важно другое – определить место и дать историческую оценку деятельности человека, внесшего весьма заметный вклад в процветание своей маленькой Карачаево-Черкесии, образно названной известной российской поэтессой Халимат Байрамуковой «матерью наших отцов».

**М. Шаманова, член Союза писателей России,
заслуженный журналист Карачаево-Черкесии,
отличник радио и телевидения СССР**

ПОТОМКИ ЛЕГЕНДАРНОГО БОТАША (некоторые страницы из истории рода Боташевых)

Много ли мы знаем о своих предках? Кто они были, чем занимались, как жили, какой след оставили на земле? Будем откровенны: порой в нашей суматошной жизни мы начинаем четко осознавать, что напрочь оторваны от своих корней. По меткому выражению прекрасного русского писателя Василия Белова: «Всю мировую историю перечитали, и даже не знаем и не пытаемся о предках прямых своих знать. А жаль! Именно с этого начинается человек...».

Магомет Абдурзакович Боташев являет собой пример глубочайшего уважения не только к прошлому вообще, но и к истории своей родословной в частности.

Это показатель прежде всего воспитанности и высокой нравственности. Один из ярчайших представителей русской интеллигенции 20-го века академик Дмитрий Сергеевич Лихачев не раз подчеркивал, что «историческая память – благодатная база для формирования лучших качеств, без которых человечество не может развиваться дальше».

В одной из наших бесед, посвященных истории Карачая, я неожиданно обнаружила глубокие познания Магомета Абдурзаковича в богатейшей и весьма интересной истории его рода, подарившего народу немало уникальных личностей, по праву составляющих гордость Боташевых.

«Конечно, – заметил Магомет Абдурзакович, – многое зиждется на легендах. Но ведь их создают люди. Значит, правда присутствует. Впрочем, как и вымысел, всегда требующий доказательства».

Пудобнее устраиваясь в кресле, мой собеседник словно приглашает меня в дальний путь по лабиринтам истории своей фамилии. Предчувствуя увлекательный рассказ, я следую примеру Магомета Абдурзаковича и уже через минуту переносюсь – страшно подумать – в 13-й век...

«Да, именно в 13-м веке основатель нашего рода Боташ появился в верховьях Кубани. Кстати, это реальная личность.

Диковинные места, сплошь окруженные сурово-молчаливыми горами и неприступными скалами понравились ему сразу.

Весна входила в свои права. Спавшие всю долгую зиму маленькие речушки, медленно просыпались, наполнялись холодными водами таявших ледников. Лесные чащи, обрамлявшие горные склоны, превращались в плотный зеленый ковер, сотканный из солнечных лучей и живительного сока земли...

Долго стоял Боташ у того места, где Уллу Хурзук впадает в Уллу Кам и образует Кубань. Окружающая природа все больше и больше очаровывала его. Недалеко от берега нежно ласкавшей слух реки Боташ разрыхлил муджрой¹ землю у огромного осколка скалы и высыпал в нее семена ячменя, бережно хранившиеся в газырях опытного охотника...

На исходе лета Боташ вновь вернулся в эти места. Маленькое поле, засеянное весной ячменем, встретило его роскошными золотистыми колосьями. Слегка покачиваясь, они под воздействием иногда пробивавшегося в ущелье ветерка, соприкасались друг с другом и еле заметно склонялись к земле. словно приветствовали человека, подарившего им счастье недолгой жизни.

Как ребенок, могучий, рослый и сильный Боташ трогал и ласкал каждый колосок. Не решаясь сорвать, он подставил свою широкую ладонь под самый крупный и отшелушил. Переспелые, давно дожидавшиеся этого часа зерна, посыпались, превращаясь в горку золотых россыпей.

Сердце Боташа переполнила безграничная радость. Душа ликовала. Тепло от ячменных зерен, словно молодое янтарное вино, проникло во все части тела и зажгло лучезарную улыбку на суровом лице не привыкшего к нежности горца. Губы непрерывно что-то шептали, будто молитву благодарности Всевышнему за чудо-подарок.

Бытующая в народе легенда гласит, что в этот миг у кромки возвращенного Боташем ячменного поля он был не один. Поодаль, за плотно заросшими деревьями, уже начавшими сбрасывать желтую листву, за ним наблюдал некий Узден. Подойти к незнакомцу он не решался.

И лишь когда окрыленный неожиданным счастьем Боташ собирался покинуть поляну, Узден вышел из укрытия и пошел к шелестевшим колосьям. Увидев зерна, он ахнул, сразу поняв, зачем посадил их здесь человек.

¹ Муджра – деревянная палка охотника с железным наконечником.

Боташ встретил его с улыбкой и пригласил посмотреть выращенное им чудо. Любуясь даром Божиим, они готовы были целовать эту землю, каждый выросший на ней колосок – источник будущего благополучия тех, кто придет сюда, чтобы остаться навсегда...»

Прервав свое повествование, Магомет Абдурзакович возвращает меня в действительность. Правда, совсем не надолго. Чтобы не прервать связь времен, без которой трудно, а точнее, невозможно попытаться воссоздать подлинную картину истории одной фамилии, одного рода.

Не успев «переварить» в голове только что услышанное, я вновь слышу его голос, уверенный, но вовсе не претендующий на абсолютную истину, а на память приходит когда-то давно вычитанная фраза: «Минувшее молчит до тех пор, пока к нему не проявляют глубокий интерес».

«...Боташ перевез из Баксана свою семью и навсегда поселился у подножия Эльбруса. Говорят, что дом ему помог построить Узден. Они стали почти как братья и сохранили добрые отношения до конца своих дней.

Дом, срубленный из бревен, леса, слава Аллаху, здесь хватало всегда, – был поставлен недалеко от берега реки. Весной его земляная крыша покрывалась травой...

В народе говорят, что первый дом Боташевых в Карачае был предметом восхищения художников. Однако встретить где-нибудь полотна с изображением нашего родового дома пока не приходилось. А вот рассказы о мудрости, смелости, находчивости и смекалке Боташа переходили из поколения в поколение. Конечно же, каждый раз они обрастали подробностями, уточнениями, обретали более конкретные черты.

С наибольшим почтением в нашем роду относились к личным вещам Боташа. Да, они сохранились. И всегда воспринимались как дорогая реликвия, бесценная. В них было нечто магическое, освещенное знаком Всевышнего...

В семье Каншаукаевых-Боташевых долго хранились два ружья Боташа – охотничье и так называемое парадное. Наш родоначальник был на редкость одаренным охотником и самым метким стрелком. Парадное ружье, о котором в Карачае говорили: «Боташны алтынлы шкогу» (ружье Боташа с золотой россыпью) он перекидывал через плечо и появлялся на публике только в особо торжественных случаях.

Ружье действительно было сплошь покрыто серебром и золотом. Кто и где его сделал, история об этом умалчивает...

Много легенд ходило в нашем роду о шашке (уллу бычакъ), пороховнице, специальном сосуде для воды, которые всегда были при Боташе. Куда бы он не направлялся.

А о знаменитом посохе основателя нашей фамилии стоит сказать отдельно. Мне посчастливилось держать в руках эту знаменитую вещь. Каждый бравший в руки эту совсем не простую палку сквозь века ощущал тепло рук Боташа. И душа наполнялась особым чувством к человеку, от которого пошел большой род Боташевых, ставший частицей карачаевского народа.

Ни одна свадьба у Боташевых не проходила без почетного гостя – нашего родоначальника, представленного в образе его посоха-палки.

Представьте себе, когда посох заносили в комнату, где сидела невеста (келин), она с почтением вставала. И не присаживалась до тех пор, пока палку не выносили из помещения. Более того, невеста обязательно должна была одарить чем-нибудь посох так, словно перед ней стоял сам мудрый старец Боташ. Высказав устами державшего дорогую реликвию добрые пожелания невесте, палка Боташа покидала комнату. Однако не насовсем. До конца торжества находилась на свадьбе, занимая самое почетное место.

Тот, кто, не выпуская из рук, держал этот заветный посох, имел право на первый тост. Ему с подобающими случая почестями преподносилась джауорун (лопатка) от курманлыка...

Сегодня знаменитый посох Боташа находится в краеведческом музее. Так решил один из нашего рода, передав когда-то эту бесценную для нас палку в музей. Возможно он сделал правильно. Как знать, может быть со временем посох, как и все на свете, исчез бы и мы не нашли бы его след.

О том, что посох Боташа сохранился, я узнал совсем случайно. От старшего сына Мурата, работавшего в те годы в музее. Можете представить наши чувства! Чтобы удостовериться, что это именно посох Боташа, мы решили, направляясь в музей, взять мою старшую сестру Гезам. Только она могла узнать посох. Гезам не раз рассказывала, что на сучке палки Боташа отчетливо выделялись точки, соответствующие количеству убитых Боташем туров.

Взяв в руки палку, Гезам, уже не сомневаясь, по этим линиям сразу узнала посох родоначальника Боташевых. Радость и гордость обуяли наши сердца. Гезам неустанно целовала священное древо, все повторяя: «Оно, родимое, оно...»

Легкая светлая улыбка озаряет лицо Магомета Абдурзаковича – уже немолодого, много повидавшего на своем веку человека – одного из достойных представителей Боташевых. Я молчу, не пытаюсь задать вопросы, которых накопилось у меня за время нашей беседы немало.

Подумалось вдруг о другом. Пройдут годы. И несомненно, о самом Магомете будут говорить с таким же почтением. С уважением и любовью, как он только что сам говорил о своем роде, о безмолвном, но столько несущем в себе посохе Боташа. Магомет Абдурзакович заслужил это – быть почитаемым и уважаемым в своем народе, у всех народов многонациональной Карачаево-Черкесии за неоценимый вклад, который внес он в развитие Карачаево-Черкесии – ее экономики, социальной и культурной сфер.

Конечно, Магомет не может даже догадываться, о чем я сейчас думаю. Он все еще там, в далеком-далеком времени – отшумевших над землей веках и трудных годах детства. Перелистывая страницы памяти, он неотступно видит себя рядом с Боташем. Ведь именно с этой легендарной личности начинается и его, Магомета Абдурзаковича, восхождение. Восхождение к вершине его собственной жизни – богатой и интересной, до предела отданной людям.

«Почти в каждой семье нашего рода хранилось что-нибудь из личных вещей Боташа. Они словно оберегали нас от бед и неприятностей. Так считали наши старшие.

В нашей семье, сколько я себя помню, у изголовья моей бабушки – матери отца – всегда висела шашка Боташа. Изредка, с особым благоговением и даже некоторым страхом, я притрагивался к ней. Хотя трогать ее было строжайше запрещено. Особенно детям. Но детское любопытство иногда брало верх. Особенно после услышанных рассказов о ее магических свойствах, о чем я не раз слышал от бабушки.

Говорили, например, что любое живое существо, стоило лишь малость задеть его лезвием шашки, было обречено. Не знаю, кто и как относился к этому, но мы, дети, верили в фантастическую силу шашки и часто обходили место, где она висела. Правда, я иногда, переборов страх, все-таки находил в себе смелость, и на свой страх и риск вытаскивал шашку из ножен. И подолгу любовался ярко блестящей сталью. Казалось, только вчера держал ее в руках мастер, любовно осматривая свое изделие и, не смущаясь, гордился творением своих рук. Но мог ли я тогда знать, что уже не одно столетие

представители нашего рода с особым почтением берегли эту изумительную вещь, о которой слагались легенды.

Однажды в нашем доме собрались гости. И, как всегда, речь зашла о шашке Боташа. Неожиданно возник спор: правда ли она наделена теми магическими свойствами, о которых говорят в народе. Я замер, вслушиваясь в каждое слово, чтобы запомнить. Среди присутствующих было немало скептиков.

Тогда кто-то из наших родственников попросил поймать во дворе курицу. А сам тем временем снял со стены шашку, обнажил ее и комната сразу же засверкала от блеска безупречно гладкого лезвия, которое за долгие столетия так и не покрыла ржавчина. У находившихся в комнате, казалось, остановилось дыхание.

Когда внесли с испуганными глазами курицу, наш сородич сделал слегка заметный надрез на ее ноге и отпустил. Возмущенная птица, оказавшись наконец на свободе, едва успев шумно отряхнуться, тут же, отбежав от стола несколько метров, свалилась замертво. Лишь на долю секунды раздался непонятный стон-вздых уже бездыханной курицы. Сидевшие в комнате, в том числе и я, в оцепенении смотрели то на безучастное ко всему происходящему холодное лезвие шашки Боташа, то на его жертву — переставшую дергать ногами курицу.

Долго потом победители и побежденные в этом споре, наши родственники размышляли о свойствах шашки, но так и не смогли объяснить, в чем же дело.

И только спустя десятилетия, когда многих моих старших уже не стало в живых, я узнал, что существует такой растительный яд, который в процессе обработки впитывается в сталь и остается в ней навсегда, придавая ей свойство убивать ядом, практически не нанося серьезных ран живому существу. Вот вам и далекая старина! Надо же, в 13–14 веках люди творили настоящие чудеса, поражающие их потомков через столетия! Ну кто мог тогда разгадать тайну шашки Боташа?!

О дальнейшей судьбе этой уникальной шашки Боташа ничего не известно. Надо думать, что до выселения карачаевцев она хранилась в одной из семей Боташевых. Затем, по крайней мере, так я слышал, перед оккупацией немцами Карачая шашку, дабы она не попала в руки врагам, глубоко закопали. А где, в каком месте — неизвестно. Спрятавшие ее сородичи, скорее всего, не вернулись из ссылки. Такова моя

версия. Жалко. Очень жалко, что такие исторические, не имеющие цену вещи, утеряны безвозвратно. Вместе с посохом Боташа его шашка должна была обогатить фонд нашего музея и стать его законной гордостью. Но этого, к сожалению, не случилось.

Магомет останавливает ход своих мыслей. Деловито разминает в руках сигарету, закуривает. Прожитые годы давят ему на плечи. Он вынес и пережил многое. Я смотрю на его испещренное глубокими бороздами морщин лицо и думаю о величии человека, творившего на земле добро. Ведь лишь оно, всецелопобеждающее добро, возрождает жизнь, не дает угаснуть надежде и берет верх над мракобесием, уничтожающем в человеке все человеческое.

Магомет Абдурзакович человек действительно на редкость удивительной и интересной судьбы. Он – кладезь мудрости и высокой нравственности. На примере жизни таких как он, нужно учить подрастающее поколение. Учить честности, мужеству, бесстрашию, патриотизму, почтительному отношению к родителям, старшим, женщине. Всему тому, что сегодня в силу многих причин, к сожалению, ушло на второй, а то и на третий план. Магомет, надо отдать ему должное, определенную долю ответственности за столь пассивное отношение к качеству воспитания нынешней молодежи справедливо относит к старшему поколению. Из уст убежденного сединой аксакала это звучит как укор и своего рода призыв опомниться и выполнить свою миссию, как делали это в свое время наши предки...

И мы вновь, сидя с Магометом в его теплом, уютном доме, возвращаемся в прошлое. Меня интересует звучащая в разных вариациях история гибели Боташа. Магомет, прищуря глаза, чтобы, видимо, до предела сконцентрировать память, рассказывает то, что мне пришлось услышать впервые...

«Боташ был убит. Будучи, как известно, первооткрывателем Хурзукского ущелья, он вел себя как и подобает настоящему хозяину. На этой почве у него часто возникали конфликты и споры. Однажды на него поднял руку внук Карчи. В результате Боташ был убит.

Род убийцы дорого поплатился за это коварное преступление. Кровавой мести тогда еще не существовало. По строгим законам того времени, родичи убийцы, бравшие на себя ответственность за пролитую кровь, обязаны были прорыть канаву, с помощью которой орошались бы земли Боташевых.

Это было почти непосильное наказание. Но вынесенный приговор, как правило, обжалованию не подлежал. Так в Хурзуке со временем появился так называемый «кровавый канал» – «къан илпин». То есть канал, вырытый за пролитую кровь Боташа.

Канал снял много проблем. Теперь не нужно было, натирая плечи, носить воду коромыслами из реки. Появилась возможность орошать плодородные земли. По своему усмотрению Боташевы могли разрешать пользоваться водой в канале представителям других фамилий. Канал всегда напоминал Боташевым трагедию, произошедшую с их родоначальником.

«Историю не перепишешь, не выкинешь из нее ни одной буквы и запятой, – заключает Магомет, – ее надо воспринимать и осмысливать такой, какая она есть».

Кстати, об этом «кровавом» канале упоминает в своей автобиографической книге «Моя жизнь» известная далеко за пределами России выдающаяся карачаевская поэтесса Халимат Байрамукова. Вот что она пишет: «...Иду по берегу канавы и такое чувство, будто многовековая история аула окутала меня. Длина канавы два километра, глубина – метр. Раньше по обеим сторонам канавы жили Боташевы. Сейчас остались лишь развалины каменных оград, да одичавшие фруктовые деревья. А вода по «кровавой» канаве так и продолжает течь. Кто поливает огороды, кто сенокосные угодья. Многое изменилось. А канава, как вечный укор, – осталась».

Неотступно думаю о своем народе. Никогда он не был жестоким. Не жаждал ничьей крови, не совершал набеги на чужие земли. А свою защищал как мог от непрошенных гостей, кто приходил не с добром, а с камнем за пазухой. Наши мудрые, как молчаливые вершины гор, старики умели всегда находить верное решение. Кровь за кровь, считали они, – это не способ восстановления справедливости. Они, мудрые аксакалы, соль нашей земли, на своем совете и вынесли наказание для убийцы Боташа – обеспечить водой земли рода Боташевых. При этом было поставлено условие, чтобы эту тяжелую работу он выполнил сам, без привлечения помощи со стороны родственников.

Народная память не сохранила сведений о том, сколько времени понадобилось внуку Карчи, чтобы выполнить решение старейшин аула. Но несомненно одно: он очень сожалел о содеянном до конца своих дней.

А канава, вырытая по мудрому решению старейшин, приносит людям пользу и по сей день».

Впрочем существует и официальный документ, свидетельствующий о реальности этого события.

В «Списке лиц свободных сословий в Карачаевском обществе Баталпашинского уезда 1868–1872 гг.» мы читаем: «Когда сыновья Джантугана, внука Карчи, убили Боташа, то Боташевы и их братья, в качестве калыма, получили в уплату за кровь Боташа одну струю из общей поливной канавы, которой они пользовались и до настоящего времени».

Познакомив меня с этим удивительно как сохранившимся документом далекой эпохи, Магомет добавил давно услышанное когда-то от своего дяди:

«Один из сыновей Боташа не мог простить убийство отца. И никак, вопреки воле старших, не хотел признавать выбранную ими форму возмездия. Кровной мести, как известно, тогда не было. Сын Боташа, надо полагать, жаждал только одного – отомстить любой ценой человеку, поднявшему руку на его отца. Но старшие Боташевы были категорически против очередного кровопролития. И требовали беспрекословного подчинения их воле.

Сын же Боташа, жаждущий мести, не примирился. И дабы в порыве гнева не натворить беды, тем самым нарушить вековые законы гор, покинул навсегда родные места и переселился в Россию.

Существует расхожая версия, что, якобы, именно от него пошел русский род Боташевых, подаривший немало крупных, известных далеко за пределами России, владельцев заводов. Один из них, например, владел в Туле заводом по производству самоваров. И, как знать, возможно он и есть прямой потомок легендарного Боташа...»

Однако вернемся снова к уже цитированному выше официальному документу – «Списку лиц свободных сословий в Карачаевском обществе Баталпашинского уезда 1868–1872 гг.» В нем есть немало фактов, непосредственно относящихся к роду Боташевых.

«Поручик Абдрахман Боташев как офицер получил 100 десятин земли. Боташевы живут двумя отдельными кварталами в двух аулах – Хурзук и Карт-Джурт.

Хурзукских Боташевых считают за настоящих, а карт-джуртских за неправильно называющихся этой фамилией. Вся разница в том, что верхние (хурзукские) Боташевы по-

явились от жены узденовского рода, а нижние (карт-джуртские) от крестьянки Крымшамхаловых по имени Гошаях, вследствие чего верхних называют сары, а нижних – кара. Впрочем, это обстоятельство не имело никакого значения даже в то время, когда появились на свет оба рода Боташевых, потому что родовые земли поделены поровну между верхними и нижними Боташевыми.

Напротив, лучшие люди в обществе были всегда из нижних Боташевых – прямых потомков правнука Будияна Боташа. Кстати, генеалогия этой ветви такова: Будиян – Гыджир – Джашарбек – Боташ».

В этом же документе дан список лиц мужского пола рода Боташевых. Процитируем его: «Абдурахман, Магомет, Хаджи, Ахмат, Таусолтан, Юсуп, Казий Хаджи, Керты, Селемек, Кудой, Канай, Ахмат, Мамет, Махмут, Давлет, Хасан, Мусост, Абай, Сеит, Смаил, Хусин, Аджи-Герий, Махат, Искакъ, Хача, Якуп, Аслан, Алиса, Тенгиз-Бей, Чурук, Яхья, Умар, Эдик, Давлет, Герий, Карабит, Батыр-Герий, Туган, Ислам, Адиль-Герий, Хаджи-Исмаил, Шемахо, Барак, Осман, Ахмат».

Внимательно просматривая этот список, Магомет Абдурзакович заметил: Таусолтан, Махмут, Давлет, Хача, Шемаха, Шымацха – родные братья. А Таусолтан – мой прадедушка. Родословная моя выглядит так: Магрел-Исхак-Мыртаз-Таусолтан-Наиб-Абдурзак-Магомет. Атаул¹ наш – Магреллери».

Здесь стоит вспомнить еще одного, уже упоминавшегося нами, представителя рода Боташевых – Абдурахмана Боташева.

Этой поистине легендарной личности посвящена недавно вышедшая брошюра известной карачаевской писательницы, кандидата филологических наук Назифы Кагиевой.

Она упоминает, в частности, что в журнале «Столица» был напечатан любопытный материал москвича, кандидата технических наук Алексея Боташева, который не так давно написал и выпустил книгу под названием «Боташ в Москве» о роде Боташевых.

Так вот, он утверждает, что род Боташевых уходит своими корнями в глубокую древность. А первые сведения о нем появились пять с половиной тысяч лет назад. «Если пятьдесят с лишним веков тому назад уже имелась эта информация, – заключает Назифа Кагиева, – то это весьма большое научное открытие в изучении карачаево-балкарского этноса вообще».

¹ Атаул – здесь: буквально «родовая ветвь»

Более того, Алексей Боташев обнаружил в архивах Британского музея снимок надгробного камня родоначальника своей фамилии и подробно описал его в своей книге...

Один из ярчайших представителей карачаевской линии рода Боташевых – Абдурахман – был на редкость удивительной личностью. Известно, что он дружил с генералом, графом Воронцовым-Дашковым, служившим на Кавказе в 1905–1915 годах.

Граф бывал в старинном карачаевском ауле Карт-Джурт в гостях у Абдурахмана Боташева. В такие дни в доме Абдурахмана устраивались пышные торжества, собиралось много народу, а сам хозяин, радушно встречая высокого гостя, не упускал случая одновременно решать насущные проблемы родного аула.

Легендой овевано в горах Карачая имя Петрусевича. Когда любимец народа уехал по назначению в Туркестан, на его место прислали другого наместника царя. Новый назначенец не пытался, однако, даже считаться с местными традициями и укладом жизни людей. Однажды со своей свитой он пожаловал в Учкулан и стал жестко, что называется, «перегибая палку», наводить новые порядки. В адрес жителей аула посыпались угрозы и устрашения.

Тогда люди, почувствовав надвигающуюся беду, обратились за помощью и советом ко всеми уважаемому Абдурахману Боташеву. Приехавшие к нему двое всадников – Магомет Хубиев и Дадаш Байрамкулов – обнаружили Абдурахмана больным. Силы постепенно покидали его. Но, услышав о творимом в Учкулане беспределе, он попросил помочь ему встать и доставить на место схода людей в Хурзуке.

Услышав оскорбляющие соплеменников слова, Абдурахман смело вышел к новому приставу и заявил:

– До сих пор здесь выполняли мои указания. И если кто-то думает установить в ауле свои порядки, вопрос будет решаться по-другому.

С почтением и уважением, потерявшие, казалось, всякую надежду на защиту люди, повернули свои головы к Абдурахману и молча ждали развязки.

Пристав, поняв, что ситуация накаляется и может обернуться для него и его сопровождающих не лучшим образом, ничего не ответив, ретировался и больше в ауле не появлялся.

– Майор-Хаджи, да благословит тебя Аллах! – Со вздохом радости и облегчения люди протянули руки к Абдурахману. – Ты наша защита и опора...

Из поколения в поколение, из уст в уста передается и такой забавный случай из жизни Абдурахмана Боташева в период его службы в Санкт-Петербурге.

Однажды полк, в котором служил Абдурахман, выстроили на плацу и сообщили, что вот-вот к ним подъедет сам Его Величество император. Все заволновались. И вдруг произошло неожиданное. Абдурахман выскочил из строя и под мелодию лезгинки в собственном исполнении пустился в пляс. Мощный голос горца оглушил площадь. Напуганные столь неожиданной выходкой Абдурахмана, офицеры опешили. И тут же, подхватив его под руки, быстро отвели в рядом стоящее здание. Находясь под замком, Абдурахман вскоре, по донесшимся до его слуха торжественной музыке и отдававшимся командам, догадался о приближении свиты царя. И стал, что есть мочи, кричать. Подъехав к площади, царь, услышав непонятные крики, спросил, что за шум.

— Да это один из наших офицеров, узнав, что полк посетит сам император, слегка помешался.

— А ну-ка, покажите мне его! — повелел царь.

Когда Абдурахмана привели к царю, тот увидел перед собой красивого, статного, брови в разлет офицера. В остром взгляде черных, как уголь, глаз — лукавая улыбка.

— Что же случилось? — с любопытством рассматривая горца, спросил царь.

— Наш высокопочтенный государь, — набравшись храбрости, которой ему было не занимать, начал Абдурахман, — когда у человека радость на душе, он может выразить ее только в танце и песне. Я узнал, что вы едете к нам и не мог по-иному выразить свои чувства — вышел и станцевал нашу карачаевскую лезгинку. Понимаю, что, может быть, сделал неправильно, нарушил правила, устав. Виноват, ваше Величество.

Царь молча выслушал, отметив про себя острый ум и природную находчивость бравого офицера. Стоявшие рядом затаились в непредсказуемом ожидании. Царь улыбнулся и произнес: «За твою сообразительность и умную голову, офицер, повышаю тебя в чине!»

Абдурахман Боташев был не только известным общественным деятелем, но и поэтом-песенником. Он достойно представлял свой народ и всегда умело отстаивал его интересы.

Но мог ли он знать тогда, что через много-много лет его потомкам придется пережить самое страшное — жестокое

выселение на чужбину и долгие 14 лет геноцида, гибель тысяч и тысяч соплеменников в бескрайних степях Казахстана и районах Средней Азии.

Не мог тогда знать, мудрый Абдурахман, что и его сородич, достойный из рода Боташевых – Магомет Абдурзакович – гордость карачаевского народа, пройдя через многие испытания, унижения и оскорбления, не сломается под натиском жизненных невзгод. Вернется на Родину и сделает очень многое, чтобы древняя земля отцов возродилась и стала еще краше. Иначе не могло и быть.

Род Боташевых выжил и сохранился, потому что у него крепкие корни – его лучшие представители, одним из которых и является герой нашей повести Магомет Абдурзакович Боташев.

Магомет часами может рассказывать о знаменитых представителях своего рода – рода Боташевых, насчитывающего не одно столетие.

Об одном из них – Хаджи Шокаевиче Боташеве – он вспоминает часто. Уже не одному поколению карачаевцев он известен не иначе, как Шокай улу Хаджи. О нем сложено множество легенд, зачастую переходящих в мифы. Но то, что это была реальная личность, – не спорит никто.

Сам Магомет считает, что такие, как Шокай улу Хаджи, появляются в народе редко. И коль они были, не помнить о них нельзя.

«Хаджи был глубоко религиозным человеком. Никакие угрозы не могли заставить его отречься от веры и беззаветного служения Аллаху. За всю жизнь не пропустил ни один намаз, исправно, как предписывают заповеди священного Корана, держал уразу. День за днем творил добро, лечил людей, облегчал участь страждущих, помогал, чем мог, бедным и неимущим.

Власть придерживающим, однако, не нравилась подвижническая жизнь Хаджи, его приверженность законам истинного ислама.

Так он оказался в тюрьме Микоян-Шахара (ныне Карачаевск). Но и здесь, будучи оторванным от мира, не изменил свой раз и навсегда установленный им распорядок...»

Спустя много лет Магомет познакомился с бывшим начальником ГПУ Микоян-Шахара Хаджахом Чотчаевым, который рассказал интересные эпизоды о времени пребывания Хаджи в заключении.

«Иду как-то, – говорит он, – из Учкулана в Микоян-Шахар (машин тогда и в помине не было, а встретить подводу – редкость небывалая). И вот дохожу до аула Каменномост. Кругом лежит толстый слой снега. Сгущаются сумерки. Мороз пробирает до костей. Ну, думаю, потерпи, осталось немного.

И вдруг, на берегу Кубани замечаю зеленую лужайку. И сидящего на ней человека. Он совершал намаз. Сначала не поверил. Наверное, подумал, от тяжелого пути и мороза с головой что-то. Остановился, протер глаза, присмотрелся. Нет, все так. Человек сидел на лужайке, покрытой зеленой травой и молился. А вокруг снег. Все замерзло. Деревья, слегка качаясь от набегавшего ветра, трещат на морозе. Вот те на!

Хаджи Боташева узнал сразу. И как не узнать, в Карачае его все знают. И тут же пронеслось в озябшей голове: «Постой, так он же должен сейчас сидеть в тюрьме. Не может быть, чтобы без моего разрешения выпустили».

Я прибавил шагу, дабы быстрее добраться до Микоян-Шахара и разобраться в случившемся.

Едва переступив порог тюрьмы, стал требовать от охраны объяснений, что, мол, так и так, как мог заключенный Боташев выйти на свободу. Кто разрешил? На меня недоуменно посмотрели. И предложили пройти в занимаемую Хаджи камеру. Мы пошли. По дороге еще подумал: «Неужели помешалось?». Отожкнули замок, отворили двери – и, – о, чудо! – не может быть! Навстречу нам поднялся Шокай улу собственной персоной. Я остолбенел. Он, как ни в чем не бывало, улыбнулся, пригласил войти. Невольно я приложил руку ко лбу – проверить, не поднялась ли температура. Стало вмиг как-то нехорошо. Я поспешил уйти...

Вот такая интересная, прямо загадочная история. До сих пор не могу понять, что же случилось на самом деле? И еще другое – там, в Каменномосте, увидев на зеленой лужайке Хаджи, я, по логике, должен был броситься к нему, чтобы задержать. Ан, нет! Даже мысли такой не появилось.

Теперь, спустя столько лет, понимаю – его оберегал сам Всевышний. И никто не переубедит меня в этом. Аллах Всемогущий и Всемиловитый был рядом с ним, как высшая награда за послушание и верное Ему служение...»

Впрочем, об этой легендарной личности я немало слышала и сама, бывая в журналистских командировках в аулах Карачаево-Черкесии на протяжении 40 лет работы на республиканском радио.

...Хауа Борлакову (в замужестве Катчиеву) я знаю давно. Сейчас ей за 80. Но она по-прежнему энергичная, как и 40 лет назад. Лишь голова за эти годы стала белая, как лунь. А памяти ее только позавидовать. Недавно беседуя с ней, подумала: она живая история ушедших эпох, а, может быть, и нескольких эпох. Ведь она столько перевидела и пережила на своем веку. И что интересно, не очерствела душой, не осталась равнодушной к происходящему вокруг, как это часто случается с людьми ее возраста.

А когда я упомянула имя Шокай улу Хаджи, она сразу встрепенулась. Глаза ее загорелись. Лицо просияло, словно она встретила через годы хорошего знакомого. А ее память зашелестела страницами, содержание которых надо только успевать записывать.

«О! Это был необыкновенный человек. Уж кто, кто, а он точно был человеком от Бога. Мне было всего 11 лет, когда я увидела его впервые. Заболела моя тетя, и тогда позвали Хаджи. Я помню его сильный, даже мощный голос. Кстати, тетю он все-таки поставил на ноги, за что она молилась за него всю оставшуюся жизнь.

Потом наступили тяжелые времена. Мой отец попал в тюрьму. Сидел в одной камере с Хаджи. После рассказывал, Хаджи не пропускал ни один намаз. И даже во дворе тюрьмы совершал это неукоснительное предписание Аллаха. Никого не боялся.

Однажды заключенных вывели во двор. И вот подходит к отцу Хаджи и говорит, что, мол, на днях всех увезут отсюда далеко-далеко. А он, Хаджи, исчезнет. С ними его не будет.

Так и случилось. Моего отца и других заключенных по этапу отправили в Сибирь. А Шокай улу Хаджи исчез. И больше его никто и никогда не видел. Говорят, правда, кто-то где-то вроде встречал его потом. Может быть, — свидетелей не видела.

Много о нем рассказывают, и порой не знаешь, где правда, а где вымысел. Только одно скажу тебе — таких истинно преданных Аллаху я больше не встречала в жизни...

«Да, забыла сказать тебе, Медиха, я ведь давно написала стихотворение, посвященное Хаджи. Хочешь запиши, а то вдруг забуду, или, как знать, может в другой раз и не встретимся — годы-то мои какие».

Я взяла ручку и слово в слово занесла в свой разбухший от записей блокнот ее стихотворение. Вот как оно звучит в оригинале.

Атам бла тургзан эди
Сыйлы устаз тюрьмеде.
Аны киши тыялмагзанд
Кирит салынъан юйледе.

Бир кзарасам кере эдим дейед
Кзатымда ерге сюйелиб.
Кесекден кзальучан эди
Эшик аллында керюнуб.

Эшиклени ачыб ол
Чыгзыб намаз кзылыучу эди.
Каллай тюрсюн керек болса
Аллай тюрсюн алыучу эди.

Эшиклени ачыб чыкъса
Нек кзайытаса бери дей эдим.
Аллах буйрукъ эткенди дей эди
Сизге негер болургза.

Тауларыбыз бирди деучен эди
Сен ызынъа кзайтырса.
Мени ахлуларыма
Хапарымы айтырса.

В народе до сих пор ходит молва, что Шокай улу Хаджи значился в списках самых влиятельных шейхов Сирии. Возможно и так, ведь скольких представителей Северного Кавказа занес трагический и беспокойный 20 век на чужбину, в первую очередь в страны Ближнего Востока и Турцию. А на родине имя Хаджи Боташева осталось в памяти потомков, в устном народном творчестве, в легендах, бережно передающихся из поколения в поколение.

У Хаджи Боташева был единственный сын – Оли. В Казахстане он с матерью жил недалеко от города Джамбула. Дружил с моим братом Арло. Часто бывал у нас дома. На расспросы моей мамы о судьбе Хаджи он ничего не мог рассказать. Но я всегда замечала, что к нему все относились с почтением и говорили: «Он сын Шокай улу Хаджи!»

Говорят, Оли всю жизнь искал отца, но так и умер, ничего не узнав о его судьбе.

В роду Боташевых есть немало и других замечательных личностей.

В 80-х годах я отдыхала в одном из санаториев Кисловодска. Помню теплый ласковый день. Город купался в золоте наступившей осени. Отдыхающие медленно прогуливались по ухоженным чистым тротуарам парка. Кругом царило спокойствие и благодать. Задумавшись, я шла, не торопясь, к нарзанному источнику. Иногда мне нравится бродить в одиночестве. Никто не мешает наслаждаться окружающей природой, не нарушает возникающую в моем воображении идиллию. На пути к источнику выставка-продажа картин местных художников. Я остановилась. Картин много, и самых разных. В основном, пейзажи. Глаз не отвести. Одна лучше другой. У одной из картин людей особенно много. Продвигаюсь вперед и передо мной возникают горы, река, сосны и небольшой водопад. Ничего не скажешь. Красиво.

— Ну, точь в точь, как у нас в Хурзуке, Учкулане и Карт-Джурте, — слышу за собой незнакомый голос. Оборачиваюсь. Небольшого роста уже немолодая женщина, мягко улыбаясь смотрит мне в лицо и с явно проскальзывающей гордостью продолжает:

— Вы знаете, у нас так много красивых мест, не нагладишься. И эта картина, наверное, написана, именно у нас, в Большом Карачае. Не иначе.

Поняв, что передо мною землячка, перехожу на карачаевский.

— Вы отдыхаете здесь, откуда вы родом?

— Нет, — разводит руками женщина. — Я здесь живу. А сюда часто прихожу. Прихожу, постою вот так, часик-другой. И словно дома побывала. Воздухом горным подышала, воды из родника напилась. Давно я там не была, давно...

Мы познакомились. Постоянной посетительницей кисловодского вернисажа оказалась Къызтюйме Боташева.

Взяв ее под руку, мы направились к почти неслышно протекавшей речке. Къызтюйме рассказывала о годах своей молодости, вспомнила своих родных, близких, друзей. Видно было, что ей не всегда удастся поделиться с кем-нибудь сокровенным, сугубо личным. Глубоко проникавшие в тебя глаза говорили о добром, спокойном характере женщины, привыкшей все в жизни воспринимать мудро, философски.

Случайно в ходе беседы я упомянула имя Мухаммата Боташева, когда-то тоже жившего в Кисловодске. И надо же! – женщина чуть не подскочила с лавочки, окруженной еще зелеными густыми кустарниками и запоздалыми осенними цветами.

– Знаю ли я его? Конечно! Еще бы! Он сын Кудая. Богатый был человек купец, помещик. Держал сотни овец, коров, маслосырзавод. Да мало ли чего еще было у него.

Вот как-то пошла я в ювелирный магазин. Присмотреть себе перстень. Молодая была. Так вот, стою, значит, я у витрины, прицениваюсь. И вдруг кто-то со спины обнял меня. Поворачиваюсь – Мухаммат.

– Что это делает здесь моя красивая сестра, а? – обнажив ровный ряд ослепительно белых зубов, спросил он.

– Да шла вот мимо и решила заглянуть, – успела прийти в себя. – Ничего интересного, ничего.

– Неправда. Знаю я вас, женщин. – И тоном, не терпящим возражений, почти приказал:

– Вот что, выбери себе что-нибудь из золота. Хочу подарить тебе.

– Нет, нет, – замахала я руками, словно стараясь защититься от кого-то невидимого. – Мне ничего не надо. Клянусь, я зашла совсем случайно.

И быстро направилась к двери.

Но не тут-то было. Мухаммат успел преградить мне дорогу. И все-таки заставил выбрать кольцо, вернее, сделал это сам. Тут же, в магазине, надел мне его на палец.

Мог ли он тогда знать, да и я тоже, что это кольцо спасет мне и моим родным жизнь в годы депортации в Казахстане.

Нас у отца и матери было восемь душ детей. Папа погиб в боях за Ленинград, так, к счастью, не узнав о постигшей его народ трагедии выселения на чужбину. Мама, как могла, тянулась из последних сил, чтобы прокормить нас, детей. Меняла на продукты все, что у нас было. А это кольцо не трогала, берегла. Но в один момент с ним пришлось все-таки расстаться. Жить стало невмоготу. Голод стянул наши желудки. Черная ворона смерти выжидающе стояла на пороге нашего дома. И тогда мама отнесла кольцо одинокой, но богатой казашке. А взамен принесла муку, куртла (маленькие, кругленькие, похожие на яйцо куропатки высушенные сырочки), пол-литровую банку топленого масла, ведро картошки. Больше нам менять было нечего. Поэтому мама очень экономно расходовала продукты, понимая, что помощи ждать уже не откуда и не от кого.

Вот так спасло нас от неминуемой голодной смерти подаренное мне Мухамматом Боташевым золотое кольцо.

Славный он был человек. Но судьба не пожалела его. В годы репрессий его раскулачили. Конфисковали все имущество, оставив жену и детей без крова и средств к существованию. Мухаммата осудили и отправили отбывать наказание в далекую Сибирь.

Къызтуйме тяжело вздохнула, смахнула накатившуюся на глаза слезу.

– Все ушло, – грустно сказала она. – но, слава Аллаху, есть в нашем роду еще личности. Вот, например, Магомет, сын Абдурзака, нынешний председатель облисполкома. Их семья жила на нашей улице. Я помню тогда его высоким, стройным и постоянно занятым каким-нибудь делом. Отца у них не было. Осенью в школу Магомет приходил всегда с опозданием. Работал с дядей Чубуром на заготовке сена для скота. Уже тогда было заметно, что станет он большим человеком. Вот, видишь, так и случилось...

Она говорила о Магомете с таким восхищением и гордостью, что я невольно по-доброму позавидовала всем Боташевым, что есть у них такой знаменитый сородич.

Когда я работала над книгой, поставила себе цель непременно съездить к Къызтуйме, посидеть, поговорить с ней еще раз. Но не успела, опоздала. Пусть земля будет ей пухом! Я решила обязательно упомянуть ее имя в этой книге, чтобы Боташевы помнили о ней, достойной дочери своего рода. Ей нелегко жилось на свете. Война и незаконная депортация исковеркали судьбу. Она осталась одна. Но сохранила в себе столько добра, света и тепла, что их хватило бы не на одну человеческую жизнь.

... А я по-прежнему часто вижу перед собой сухощавую старушку, тихо стоящую подолгу у одной из картин в Кисловодском парке. Вокруг снуют люди, а она, словно перенеслась в прошлое, никого не замечает, вспоминает и вспоминает все, что ей близко и дорого. А в небе медленно проплывают, не останавливаясь, облака, как годы жизни, стремительно унося вдаль наши горести и печали...

ДЕТСТВО, ЮНОСТЬ...

Май 1921 года в древнем, окруженном вечно молчаливыми горами, старинном карачаевском ауле Хурзук был обычным для этих суровых мест. Весна медленно входила в свои права. И если на равнине поля уже давно покрылись радующей глаз зеленью, среди которой виднелись тянущиеся к солнцу чашечки первых раскрывшихся цветов, то здесь, в ауле, образно названном Халимат Байрамуковой «каменным мешком», по утрам еще веяло морозным холодом, а реки пока не шумели от избытка воды, вызываемого активным таянием ледников.

Но ущелье уже оживало. Это чувствовалось хотя бы потому, что в домах аульчан начали повсюду готовиться к летней откочевке в горы. Ремонтировали арбы, чинили седла, гибытла (бурдюки), в которых из кошар в разгар жаркого лета спускают с пастбищ на ишаках айран, сметану, тузлук.

Неустанно в этот ответственный период трудились все, особенно женщины. Работы у них было неупрочот. Нужно было как можно скорее доделать бурки, башлыки. Без них в горах не прожить. Бурка всегда заменяла чабанам дом. И в дождь, и в пургу она не подведет. Черная бурка, белый башлык, сделанные ласковыми, заботливыми руками женщин были надежными защитниками от ветров и морозов в суровых условиях Приэльбрусья.

Впрочем, не только они. Долгими зимними вечерами в каждом хурзукском доме при свете керосиновых ламп хозяйки, думая о предстоящей весне, шили тулупы, меховые шапки из овечьей шкуры, ышимла¹. Это был совсем нелегкий труд. Если не сказать – адский. Швейных машин не было. Иглы – не чета современному. Грубая кожа не всегда поддавалась хрупким женским рукам. Периодически иглу необходимо было втыкать в мыло, чтобы она легче проходила сквозь кожу, из которой шили предметы одежды и обуви. Когда игла переставала слушаться, ее кончик вновь

¹ ышимла – ноговицы, подобие гетр со штрипками, охватывающих ногу от ступни и заходящих выше колен.

погружали в мыло. И так до бесконечности, пока изделие не было готово.

Порой этот изнурительный процесс длился до утра. Но иглу из рук женщины не выпускали. А с наступлением светового дня начинались бесконечные хлопоты по дому.

Снохи, как правило, вставали в доме раньше всех. До утреннего намаза готовили отцу и матери завтрак, прибирали в комнатах. Приводили в порядок одежду и обувь старших, если это не успели сделать вечером. Почтительное отношение младших к старшим, к матери и отцу, свекру и свекрови было законом, неотъемлемой нормой жизни в каждой горской семье. В этом заключается кодекс чести жителя гор, независимо, мужчина он или женщина. «Отец велел, мать сказала», — эти слова были вполне обычными в каждом доме, где почитали законы гор.

С особым уважением мужчины относились к женщинам. Проявлялось это во всем. В том числе и в стремлении не позволять женщинам заниматься тяжелым физическим трудом. Мужчины не только ухаживали за скотом, но и помогали доить коров. Принести дрова и затопить печь было уделом мужчин. И лепешки из кукурузной муки, кстати, готовили тоже представили сильного пола. Это было под силу лишь им, поскольку из кукурузной муки с помощью кипятка месили очень крутое тесто. А попробуй нежными женскими руками проделать такую работу!

Что и говорить, мужчины в те далекие годы более внимательно относились к женщинам. Наверное, отсюда крайне редко встречавшиеся тогда случаи разводов. Считалось, что это грех. Большое унижение прежде всего для горца. Потому, что дети не должны были расти и жить в чужом доме. Пусть даже и в доме дедушки по матери. Но девочку в карачаевской семье еще, что называется с пеленок, готовили к замужней жизни. Она должна была стать не только заботливой женой и нежной матерью, но и доброй снохой, умеющей почитать старших и беспрекословно выполнять закон той семьи, куда она пришла жить в надежде обрести счастье.

Мать Магомета, дочь высокочтимого в ауле Карт-Джурт Айтека Узденова, став снохой Боташевых, была именно такой. Без дела не сидела ни минуты. Делала сыр, взбивала масло, квасила айран, собирала на зиму тузлук. Всегда аккуратная, подтянутая, собранная сноха Боташевых — будущая мать героя нашей повести — стала для своей свекро-

ви дочерью. Умная, много повидавшая на своем веку женщина, была рада, что ее сын Абдурзак не ошибся в выборе. Знала: сноха сделает все как надо. Дошьет, доштопает. Не прольет ни капли молока или айрана на пол, что считалось большим грехом и явным просчетом в воспитании любой девушки.

Недаром говорят, что свекровь создает мнение о снохе. От их взаимоотношений во многом зависит, какое место займет сноха в доме мужа, как ее будут воспринимать его родственники, соседи, друзья. Как в целом сложится их семейная жизнь. Мать Магомета, несмотря на молодость, уродилась, видно, мудрой. Родители мужа любили ее. Разве это не мудрость – прийти в чужой дом и овладеть своим мягким характером и добрым нравом сердцами, казалось, совсем чужих людей. Она смогла.

У Наиба – дедушки Магомета – было два сына – Абдурзак и Асланбек. И дочь – Бабала.

Хотя Абдурзак и Асланбек были женаты, имели детей, жили они все в одном дворе. А главным в семье был отец. После смерти Наиба его место заняла бабушка.

Как и все в Хурзуке, Боташевы занимались животноводством.

У Абдурзака росло четверо дочерей. Боташевы переживали, что у него нет наследника, который бы продолжил дело Абдурзака. И хотя Гезам, Сапрахан, Зурум и Айшат были на редкость трудолюбивыми девочками, во всем помощницами матери и бабушке, Абдурзак очень хотел сына. Ведь сын – не только гордость отца, но и опора семьи, защитник сестер, продолжатель рода. Недаром ведь говорят в народе: «Рай брата у подошвы сестры».

Абдурзак и его жена денно и ночно просили Аллаха ниспослания им долгожданного подарка.

И этот радостный день настал. 5 мая 1921 года у Абдурзака, наконец-то, родился сын. Сюйюмчюлюк (подарок за добрую весть) в этот лучезарный день получили многие: дети, бегавшие по дворам аула, разнося приятную новость, снохи и зятя Боташевых, не знавшие, как вместить эту радость в сердце.

У карачаевцев есть красивый обычай. Если после появления нескольких однополых детей рождается ребенок другого пола, ножки предыдущего малыша опускают в мед. В доме Наиба Боташева не пренебрегли этим хорошим обычаем. И

уже в первый день появления на свет единственного сына Абдурзака ножки его последней дочери Айшат были погружены в ароматно пахнущий мед. Вслед за этим предстояла и другая, не менее важная процедура – дать имя ребенку. Эту почетную миссию выполняли только старшие. Думали они не долго.

«Пусть наш внук будет таким же мудрым, как наш пророк Мухаммад. Пусть он станет таким же мужественным и любит свой народ, как наш пророк Мухаммад. Пусть будет он чистым и добрым, отзывчивым и порядочным, как наш пророк Мухаммад...»

Родные хотели видеть малыша человеком, нужным людям, хорошим сыном, братом и другом...

И, конечно, не могли себе даже представить, в какого большого государственного мужа превратится через годы сын Абдурзака Боташева...

Малыш рос, окруженный любовью и заботой всей дружной семьи Боташевых. Особенно бабушки, не чаявшей во внуке души. Она оберегала его как могла. Клала под детскую подушечку амулеты, чтобы ангелы хранили его сон и покой. А то бывало нанизывала зубчики чеснока на нитку. И подвешивала необычную гирлянду у изголовья колыбели. «Чеснок отгоняет шайтанов», – объясняла она свои действия домашним.

Строго следила и за тем, как сноха пеленала продолжателя рода Боташевых. Замечала любую складочку на простынке. «Если хоть одна складочка останется, мальчик будет беспокойно спать». И сама поправляла то, что не заметила потерявшая от счастья голову мать.

Но больше всего бабушка боялась сглаза. Потому не раз наказывала снохе, чтобы та не забывала прикрывать личико спящего внука салфеткой или краем белоснежной простыни. «Глазливых много, – говорила бабушка, – береженного Бог бережет. Пусть он сохранит моего внука». Уходя отдыхать, она несколько раз придирчиво осматривала колыбель внука: как он дышит, хорошо ли стянута подушечка на его детских коленках, чтобы у будущего горца были стройные ноги. И только после этого, удовлетворенная, уходила к себе. Правда, не надолго. Почти круглосуточно она неотступно находилась подле маленького человечка, такого родного и близкого.

Маленького Магомета купали каждый день. «Мыло и вода – вот что способствует росту и развитию ребенка». Бабушка

напоминала об этом каждый раз, превращая купание малыша в целый ритуал.

Обливая внука теплой водой, а затем кутая его в чистую, блестящую кюрпе (обработанная мягкая шкура молодого барашка), бабушка не уставала просить Аллаха дать маленькому Магомету здоровья, счастья, долгих лет жизни. А затем, сидя у его бешик (колыбели), тихо пела нежные песни, какие пела когда-то давно его отцу Абдурзаку. «...Джашым, тенъле-ринъден баш болгъун. Сенден оноу сорур джаш болгъун».

Казалось, счастливее ее в этот миг никого нет на свете...

...Магомету не было еще и года, когда внезапно умер отец. Дом, в котором совсем недавно поселилась неопишуемая радость, в одночасье изменился. Не слышно было больше колыбельных песен милой бабушки. Она замкнулась в себе. И почти не выходила на улицу. Сильная и мужественная, не показывая днем, как горько ей оплакивать сына, ночью она давала волю слезам. Но не роптала на судьбу, на выпавшие на ее долю невзгоды: «Аллах всемогущ, он посылает нам испытания. И мы должны принимать их покорно». Этому учила она и сноху, мать Магомета, прекрасно понимая, как нелегко ей, вдове, на руках которой осталось пятеро детей — мал мала меньше. Свекровь по-матерински жалела сноху, осознавая всю тяжесть ее непростого положения.

«Каково ей, — думала она, — когда вечереет, когда наступает рассвет. Как она будет жить, когда погаснут мои очи? О Всемогуший Аллах, смилостивись над моей снохой, ее детьми-сиротками. Дай им счастье, не оставь их...»

После смерти Абдурзака, бабушка вызвала к себе второго сына Асланбека и сказала ему:

— Вот мой тебе наказ — заботься о семье Абдурзака как о своей. Ни одного дня не оставляй их без опеки. Они на твоей совести. Они — твоя память об Абдурзаке. Сперва делай все возможное моим сироткам, а потом своим детям. Помни: это и твои дети. Они наши, Боташевы. Мы за них в ответе перед Аллахом и людьми.

Асланбек выполнил наказ-завещание матери. Семья покойного брата всегда была для Асланбека на первом месте. Все лучшее он отдавал племянникам, делал для них иногда почти невозможное...

Абдурзак не смог, к сожалению, вдоволь нарадоваться своему единственному наследнику. А тот, еще несмышлениш,

не мог понять, неосознанно вглядываясь в печальные глаза матери, почему по вечерам она так грустит. Почему иногда, крепко его сжимая в своих объятиях, тихо рыдает и на его нежное личико капают горячие вдовьи слезы. Не знал он, что жизнь матери с уходом отца перевернулась. И в сердце навсегда поселилась тоска – спутница всех вдов на земле.

«Ну, ничего, – успокаивала она себя, – все постепенно образуется. Теперь Магомет у нас единственный мужчина. Есть опора, крепость, наша защита и надежда. Лишь бы он был здоров, а я постараюсь, чтобы он ни в чем не нуждался».

Она наклоняется и нежно целует мальчика в лоб. «Все будет ладненько, мое солнышко. Ты вырастешь и станешь непременно похож на отца. И когда-нибудь я не без гордости услышу от людей: «Какой хороший сын Абдурзака! Мы тебя так любим, спи, наша радость. Впереди тебя ждет целая жизнь».

Смерть Абдурзака, однако, изменила характер его вдовы. Она стала не только замкнутой, но и немного резкой. Не любила, когда жалели, сочувствовали, охали и ахали, завидев ее детей. Работала без устали. Старалась, чтобы дети не чувствовали себя ни в чем обделенными. А по ночам плакала, вспоминая мужа. Рассказывала ему, словно живому, о прожитом дне, о том, как растут девочки. Но больше – о Магомете. О его детском лепете, первых словах, им произнесенных, проявляющихся с каждым днем все отчетливее чертах лица. Его, Абдурзака, чертах. И, конечно, упоминала об Асланбеке, своем девере, ставшем ей надежной опорой во всем.

При воспоминании о дяде, которого давно уже нет в живых, Магомет Абдурзакович светлеет лицом. Асланбек, заменивший ему отца, остался в его жизни больше, чем просто дядя.

«Сколько я себя помню, хозяйство было общее. Асланбек, единственный тогда взрослый мужчина в нашем роде, заготавливал сено на зиму для всех коров и овец. Летом одной семьей выезжали на горные выпаса, вместе собирали на зиму сыр, тузлук, айран. Осенью делали кыйма (вид домашней колбасы), сушили мясо.

На две семьи в степных районах Асланбек закупал муку. Сам заготавливал дрова. И порой даже столько, что хватало соседям одалживать, если под конец холодов у них заканчивалось топливо. Дядя был душой нашего дома. Не знаю, что было бы с нами, не будь он рядом. Не согрей он наши осиротевшие сердца. Никогда мы не чувствовали себя обделенны-

ми. Никому не завидовали. Мы знали – у нас есть дядя Асланбек. Он все сможет, все сделает. Золотой был человек...

... Когда мне исполнилось шесть лет, он сказал, что осенью поведет меня в школу. Как я ждал осени и первое сентября!

Готовились к этому дню и мои родные. Сшили сумку из ткани. Достали – Бог весть откуда! – карандаши, тетради и даже букварь, тексты в котором были напечатаны на двух языках, латинском и арабском. По тем временам это была редкость. И вот, наконец, дядя повел меня, нарядно одетого, за руку в школу. Все было мне в диковинку. В классе я оказался и годами, и ростом меньше всех, поэтому с первого дня ко мне относились как к младшему братику. Особенно девочки. Во всем опекали, поддерживали. Учеба давалась легко. Правда, в начальной школе проучился недолго. Дядя очень хотел дать нам, детям, в первую очередь детям своего умершего брата, хорошее образование. В 1930 году он купил в Кисловодске дом и мы переехали в город. Моя дорогая аннэшка ехать с нами отказалась. И осталась в родовом доме с двумя моими сестрами. Она не могла допустить, чтобы в боташевском очаге на древней земле предков погас, зажженный и поддерживаемый не одним поколением, огонь. И правильно сделала. Точнее, мудро!

Кисловодск в те годы являлся центром Малокарачаевского района и, конечно же, отличался от Хурзука. Как, впрочем, и сегодня. Достижения цивилизации здесь ощущались повсюду. Излюбленным местом отдыха горожан была нарзанная галерея. Собиравшиеся возле нее люди говорили на разных языках. Чаще на русском, которым я абсолютно не владел. Это изрядно мешало мне в общении со сверстниками. Но вскоре, собственно и сам этого даже не заметил, выучил русский. С тех пор положение мое в школе, куда я пошел сразу по приезде в Кисловодск, изменилось к лучшему.

После занятий ходили по городу, в кинотеатр, заглядывали в магазины, на рынок. Мне это нравилось. Заметил это и дядя, а затем не на шутку встревожился, напомнив мне однажды, что я единственный сын Абдурзака. И об этом нельзя забывать ни на минутку.

В первые дни очень скучал по узким улочкам родного Хурзука. По бабушке, сестрам, школьным друзьям. Часто вспоминал наши выезды с дядей Чубуром (так называли Асланбека дома) за дровами в лес, где собирали шиповник,

малину, чернику. Говорливая Кубань и родной аул, с которым было так много связано, не уходили из души. И если представлялась возможность, всегда охотно ездил с дядей проводить бабушку. А заодно и друзей, встреча с которыми для меня была радостью...»

Воспоминания о первой школе в Хурзуке, затем карачаевской начальной школе на Подгорной улице, семилетке, а потом и средней школе № 4 Кисловодска воедино сливаются в памяти Магомета Абдурзаковича в нечто целое, вызывающее в нем огромную благодарность людям, учителям, оказавшим существенное влияние на формирование его личности.

Да, любовь и глубокое почтение сквозят в его словах, когда он возвращается в прошлое, подарившее ему встречи с людьми поистине уникальных судеб.

«Мне уже немало лет, но имена своих дорогих учителей я всю жизнь ношу в сердце. Добрая русская женщина Лариса Семеновна Захватаева была нам примером во всем. Не уважать и не любить ее было просто невозможно. Каждого ученика она, как могла, старалась приобщить к богатому миру знаний, высокой культуре. У нее не было любимчиков. Влюбом из нас она видела прежде всего человека, личность.

Учителем от Бога был и ее супруг Игнат Иванович.

Директором карачаевской образцовой семилетней школы являлся Александр Григорьевич Фундер. Его супруга Ольга Никитична вела у нас русский язык. В те годы этот предмет считался одним из трудных. Ольга Никитична, не жалея сил и энергии, самозабвенно работала с нами, используя самые разнообразные формы и методы преподавания. Рассказывая о творчестве того или иного писателя, она, как бы исподволь, вызывала в нас желание прочитать его произведения, прививая тем самым любовь к книгам, как она говорила, источнику всех знаний. Я благодарен ей за титанический труд, за терпение, любовь к нам, порой так трудно воспринимавшим ее предмет.

Кстати, с этой супружеской парой подлинных русских педагогов, я имел счастье встретиться после возвращения из Средней Азии. Они уже жили тогда в Армавире. В небольшом, приземистом домике. Вот была встреча! Бедные старики! Не знали, куда меня посадить, чем накормить. Счастье и радость светились в их заплаканных глазах. Так же, как и в моих. На фронте, а позже и в местах ссылки, я часто, очень часто, вспоминал их – Александра Григорьевича

ча и Ольгу Никитичну. Молодых, обаятельных, энергичных моих дорогих учителей. И как же сжалось мое сердце, как стало мне больно, когда в Армавире, спустя много лет, немало пережив и перевидев, я обнаружил их совсем другими. Страшно постаревшими. И измученными от горя, следы которого до конца дней оставались на их лицах. Они так и не дождались с полей сражений Великой Отечественной войны своих сыновей. И не узнали никогда, где они похоронены, куда бы они могли приехать и поклониться их праху, положить на могилы цветы. Остались лишь их портреты в скромных рамках, висевшие на видном месте в доме Александра Григорьевича и Ольги Никитичны».

Фундеры, всю жизнь проработавшие в школе, жили весьма скромно, почти бедно. Не имея даже холодильника. А помощи ждать было неоткуда и не от кого. Магомет купил им холодильник. Он не знал, что их встреча будет последней...

...Учителя! В жизни Магомета Абдурзаковича они занимали особое место. Каждый, с кем свела его судьба, кто вложил в него частицу своей души. Как не удивительно, он помнит их всех поименно. Может описать любого, хотя почти всех их уже нет в живых...

Зоя Ивановна Цибизова, Тохтар Шагайбович Биджиев, Василий Павлович Осецкий, Хамзат Махаевич Каракетов, Аклима Гебенова, Шогаиб Акбаев, Магомед Узденов, Мудалиф Батчаев...

Имя последнего – Мудалифа Батчаева – Магомет Абдурзакович произносит с нескрываемой гордостью. И может говорить о нем часами. Действительно, это была весьма интересная личность, почти легенда.

«Мудалиф Батчаев – первый из карачаевцев, с отличием окончивший Московский государственный университет. Слыл сильным математиком. В четвертой школе Кисловодска был любимцем и учителей, и учащихся. Такое редко встретишь. Всегда подтянутый, аккуратный, скромный, молодой и красивый, одним словом настоящий горец. Мудалиф, как никто другой, мог увлечь своим достаточно сложным предметом даже не имеющего склонности к математике ученика. Живые, умные глаза его завораживали. Говорил он просто и доходчиво. При этом улыбка никогда не сходила с его лица. Необыкновенный был человек...»

...Мудалиф Батчаев, где я слышала об этом человеке? Закравшаяся мысль не давала мне покоя. И тут я вспомнила.

3467 Карт-Джуртский аул

- 1. Поручик Хаджи-Абдул-Рахелан (Адрахман) Боташев, 2. Хаджи Абдурзак Крым-Шамхалов,
3. Хаджи-Даут Герий Крым-Шамхалов, 4. Прапорщик Хаджитау Крым-Шамхалов, 5. Юсуп Боташев,
6. Эфенди Алиса Узденов, 7. Поручик Асланбек Крым-Шамхалов.*

*Фото Д. И. Ермакова, Тбилиси 1896 год (по каталогу). Напечатано в книге «Народы России». Энциклопедия,
М., БРЭ, 1994. с. 185. Из архива профессора Ибрагима Шаманова*

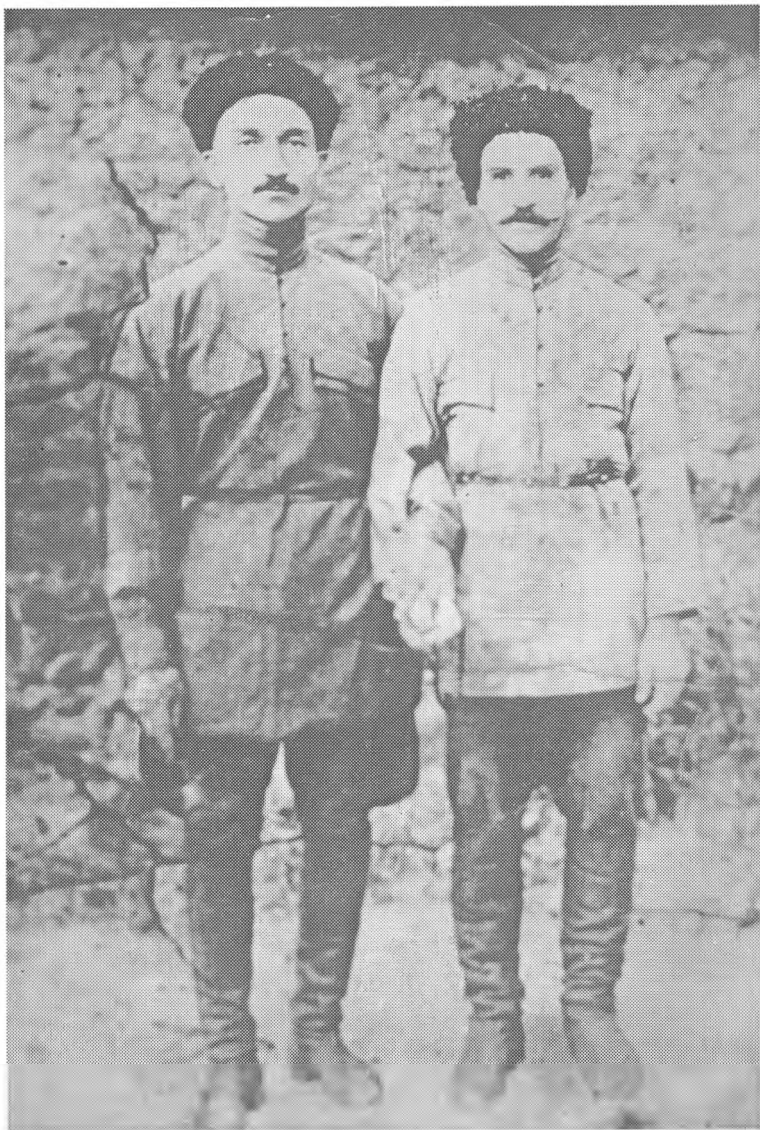

1914 год, а. Хурзук.

На снимке: сидят Наны Боташев и Джаджи Боташева,
во втором ряду: Аскер Дескушев, Тамаш Боташев, Боташева Меккя,
Боташева Гоша, мальчик — Ботишев Нюрчюк

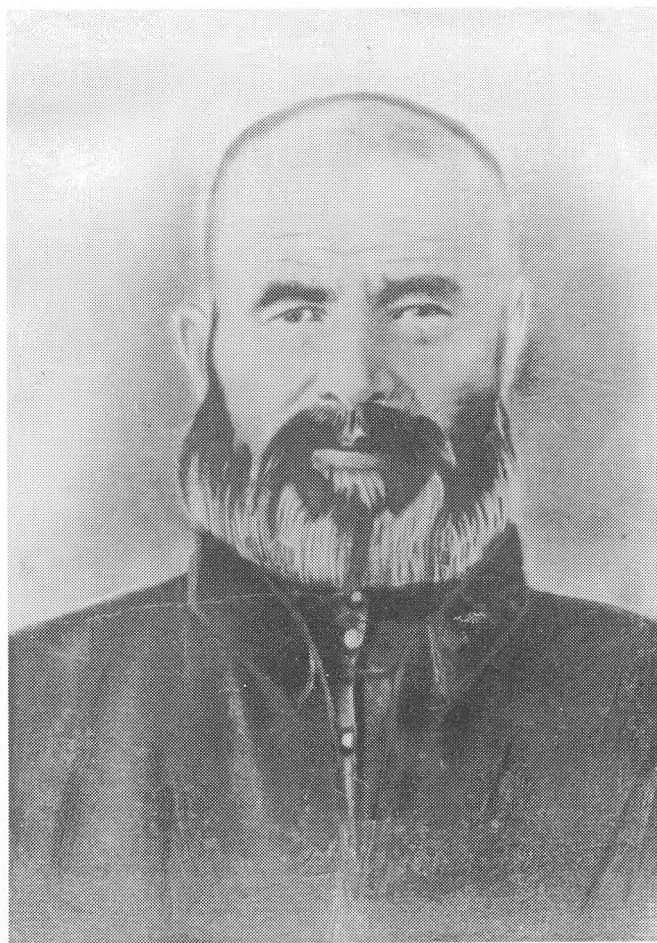
Боташев Хаджи Шакай Улу, 1930 год

1933 год. Боташев Хаджи Шакай Улу (слева)

*82-летняя Хауа Катчиева (Борлакова).
Держит четки, сделанные Боташевым Хаджи Шакай улу
в 1930 году, когда он находился в заключении*

Боташев Мухаммат Кудай улу, 1934 год

На снимке справа налево: участник финской и Великой Отечественной войн Боташев Борис Биболатович, заслуженный работник культуры России Борис Мусратович Боташев, фронтовик, первый драматург Карачая и композитор Шахарби Эбзеев

1935 год, г. Кисловодск. Слева направо: М. Боташев,
А. Боташева, А. Борлаков

*М. А. Боташев с двоюродным братом Борлаковым Ахматом.
Август, 1938 год, г. Кисловодск*

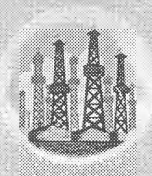
*Кисловодск, 1934 г. Карачаевская образцовая школа. Сидят: первый слева М. Боташев,
стоят: слева первый С. Магомедов, (будущий легендарный генерал-полковник)
в центре директор школы А. Г. Фундер*

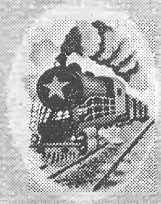
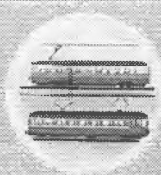
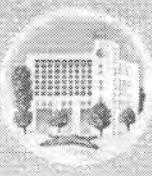
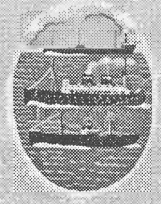
*Кисловодск, 1936 г.
Выпускной класс Карачаевской образцовой 7-летней школы. Стоят: слева направо
Боташев М., преподаватель Ш. Акбаев, директор школы А. Г. Фундер*

Кисловодск. Октябрь, 1939 год. Магомед с сестрами

ГРАМОТА
Броманска
Марицета Арстура
за отличную работу
и дисциплину.
Директор ин. М. Захватова
31 мая 1935 г.

Кисловодск, 1938 г.

*М. Боташев со своими друзьями, сидят: справа – Ахмат Кульчаев, слева – Добай Касаев,
стоят: справа – Хусей Гусейнов, слева – Магомет Боташев*

*Кисловодск, 1939 год.
Боташев М. А. и его сестры Гезам и Айшат*

Кисловодская школа № 4. 4/VII-39 г. Комсомольская организация

Ну конечно же, о нем мне рассказывал Азрет Шаманов. И я решила поделиться с Магометом Абдурзаковичем когда-то услышанным от Азрета. Он учился тогда в Учкуланской средней школе, где одно время преподавал Мудалиф Батчаев. Так вот, ученикам, прилежно изучавшим математику и соответственно проявлявшим хорошие знания, Мудалиф на всю длину строчки в классном журнале выводил одну запись «Отлично».

– Верно, – подхватил Магомет Абдурзакович. – Это был особый почерк Мудалифа. Почерк его отношения к ученикам, особый знак восхищения результатами своего труда».

Мудалифу Батчаеву выпала в жизни нелегкая доля. Несправедливое тюремное заключение. Ужасные годы депортации и ссылки в безжизненные районы Средней Азии и Казахстана. Но ничто не сломило этого неординарного человека, не убило в нем тягу к математике, которую он преподавал долгие годы. В том числе и в Карачаево-Черкесском госпединституте, где он работал после возвращения карачаевцев на родину...

В 1939 году Магомет Абдурзакович Боташев заканчивает школу и получает аттестат лишь с одной четверкой – по немецкому языку. Родные – дядя Асланбек, мать, сестры – очень хотели, чтобы он продолжал образование. Магомет подает документы в Тифлисский индустриальный институт имени С. М. Кирова. Выдержав серьезные экзамены и жесткий конкурс – аж 20 человек на одно место – Магомет становится студентом первого курса энергетического факультета.

Но интересная студенческая жизнь, знакомство с удивительными достопримечательностями старинного города продлились недолго. Проучившись до конца октября, Магомет получил повестку из военкомата.

Вместе с ним в один и тот же день на призывную комиссию пришли его сверстники – Солтан Магометов, Ахмат Кульчаев, Шагабан Боташев, Унух Гебенов, Магомед Аджиев. Они сразу договорились проситься в одну часть и в один род войск.

Но после встречи с врачами Магомету было отказано в его просьбе. Причина банальная, если не смешная – несоответствие, якобы, его роста объему грудной клетки. Медики даже и слышать не хотели об артиллерии.

«Вышли мы из военкомата подавленные. Но решили не сдаваться. Помог Солтан. Не знаю, к кому он ходил, но в

конце концов в артиллерию меня записали. Помню, мы ходили такие гордые, что идем служить в армию. Волновались лишь мама да сестры. Но не показывали виду. В дорогу собирали молча, мама тайком смахивала слезы и тяжело вздыхала. А был бы жив Асланбек, он бы сказал: «Будь мужчиной, сынок! Не подведи наш род! Я рад за тебя. Береги себя!»

...Для Магомета начиналась другая жизнь. Самостоятельная, суровая, трагическая...

НА ФИНСКОЙ ВОЙНЕ

Не считая периода поступления в институт и двух месяцев учебы в Тифлисе, Магомет никогда до этого не уезжал далеко из родительского дома.

И все бы ничего, да подошло время службы в армии. «Долг перед Отечеством, – вспоминает сегодня Магомет Абдурзакович, – мы понимали тогда как-то по-особенному. Не то, что сейчас. О том, чтобы уклониться от службы, никому даже в голову не приходило. Что вы! Даже представить такое было невозможно!

В нашей семье, кроме меня, мужчин больше не было. Мама, конечно, могла похлопотать, чтобы мне дали отсрочку, пока не закончу институт, в который поступил с таким трудом. Но она даже не собиралась этого делать. Надо, значит надо. И никаких разговоров».

А между тем, это было тяжелое и очень тревожное время. Семнадцатого сентября, когда Магомет еще находился в Тифлисе, прозвучало радиообращение министра иностранных дел СССР Вячеслава Михайловича Молотова. В нем говорилось: «Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей, неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, Советское Правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам, а также беззащитному положению украинского и белорусского населения. Ввиду такой обстановки Советское Правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии».

Это обращение было ничем иным, как предупреждением, что обстановка чрезвычайно опасная, и война может разразиться в любой час и день.

В это время войска фашистской Германии уже захватили часть Польши и ее столицу. Решение Советского правительства перейти границу незанятой фашистами части территории Польши было продиктовано прежде всего интересами безопасности СССР и предотвращения возможности внезапного нападения.

Вот в такое беспокойное время и провожала мать Магомета своего единственного сына в армию.

Прощаясь с ней, он неотступно думал, как будет трудно ей жить, поднимать на ноги сестер. Переносить тяготы лишений. Она, как и все матери на свете, смотрела на него ласковыми, добрыми, нежными глазами, пытаясь вселить в него уверенность, что все будет хорошо. Лишь бы он вернулся живым и невредимым. Она выдержит все – уж такая она, женская, материнская доля, – ждать и верить в удачу.

«Мы ехали в приподнятом настроении. Проводов тогда пышных не делали. Дорогой перезнакомились. Сразу сдружились. Может потому так не было тоскливо на душе от прощания с домом, родными...»

Их привезли в город Моршанск Тамбовской области. Магомет попал в 376 гаубично-артиллерийский полк резерва Главного Командования вооружений тяжелыми гаубицами 156 калибра.

«Определили сразу в полковую школу. И началась совсем другая жизнь. День был расписан по часам и минутам. Свободного времени почти не было. Редкие письма домой писали перед сном. Учения, максимально приближенные к условиям военного времени. Трудились без усталости. Мы уже знали, война с финнами неизбежна. Каждый день на границе происходили пока еще мелкие стычки. В районе деревни Маннийла на Карельском перешейке финская артиллерия обстреляла советскую территорию, в результате чего было убито 4 и ранено девять советских военнослужащих. Ситуация накалялась с каждым днем.

Правительству Финляндии была вручена нота, в которой говорилось, что финские войска, находящиеся под Ленинградом, представляют военную угрозу СССР. Соседней стране было выдвинуто требование отвести свои войска на 20–25 километров от границы.

Однако Финляндия никак не отреагировала на протест СССР. Мало того, усилились новые инциденты в районе Карелии и Заполярья. Последовала очередная нота, в которой была предпринята еще одна попытка мирным путем избежать кровопролития, а по сути надвигающуюся войну. Однако все старания Советского Правительства оказались тщетными.

Одновременно, в зарубежных средствах массовой информации появляются материалы о том, что, якобы, Советский Союз посягает на суверенитет и независимость Финляндии, грубо вмешивается в ее отношения с другими странами.

В очередном обращении Молотов опроверг эти слухи, напомнив всему миру, что СССР всегда считал Финляндию независимым государством. И не имеет к ней никаких претензий. Увы, все действия Советского правительства, направленные на стабилизацию отношений между двумя странами-соседями, так и не дали положительного результата».

Магомет подходит к шкафу, берет в руки книгу в скромном переплете с аккуратными закладками. На титульном листе название: «Внешняя политика СССР. Том 4-й». Издание 1946 года.

«Я очень хорошо помню те напряженные до предела дни. Наши нервы были натянуты, как стрела. Многие детали прошлого, правда, вспомнить уже невозможно. Такие книги помогают. Их надо читать и перечитывать. Ведь эта война в отечественных учебниках по истории осталась почти неосвещенной. Как будто ее и не было. О ней мало упоминалось в прессе, почти не затрагивали в своих трудах ученые. Обидно, если вспомнить, что только на Карельском перешейке погибло 132 тысячи советских солдат. Подумать страшно: 132 семьи не дождались своих мужей, сыновей, братьев с той, казалось бы, непродолжительной по времени войны. А еще 265 тысяч раненых. Сколько из них навсегда остались калеками и не встали в строй защитников Отечества в годы второй мировой войны. Тысячи раз прав великий чех Юлиус Фучик, призывавший скрупулезно собирать любые свидетельства о каждом, кто обессмертил себя, кто, отдав свою жизнь во имя счастливого будущего, остался навсегда народной легендой.

Я видел и пережил эту войну. Видел, в каких неимоверно сложных условиях сражались наши войска. И потому считаю,

что эта война, называемая финской, осталась незаслуженно забытой, не до конца изученной и исследованной, а потому не ставшей широко известной современному поколению. Сколько фильмов поставлено об этой войне, сколько книг написано? Сколько героев она дала? Не знаем, правда? И как скоро узнаем – неизвестно. Обидно, многие погибшие на Карельском перешейке так и остались навеки неизвестными.

И как знать, возможно в какой-то семье на далеких просторах России до сих пор ждут и верят, что свершится чудо, откроется дверь и войдет их близкий и дорогой человек. Забытый уже всеми, но никогда не уходивший из сердца родных. Тот, кто еще до рокового 1941 года сражался на финской войне... Как знать?!»

Вспоминая те далекие дни и годы, Магомет время от времени обращается к уже пожелтевшим бумагам. Их много. Это исторические документы, которые не один год бережно хранятся в доме Боташевых. Некоторые из них поистине бесценны. В том, что они сохранились большая заслуга верной спутницы Магомета Абдурзаковича, его заботливой и внимательной супруги Тамары. Она бережно, как инкрустированную дорогую вазу, достает папки, в которых хранятся материалы, ставшие частью жизни Магомета.

Финская война стала очевидным фактом минувшей истории. А Магомет Абдурзакович Боташев одним из ее непосредственных участников, эпизоды которой всплывают в его памяти, особенно по ночам, и не дают покоя, как и тысячам рядовых солдат огненного поколения...

«...В январе 1940 года на Карельском перешейке готовились к серьезным боям. Мы уже знали, какие мощные укрепления нам надо прорвать. И когда первого февраля пошли, наконец, в наступление, поняли сразу, как все не просто. Мы даже не представляли, насколько основательно укрепили свои позиции финны. Если они готовились к этой войне весьма серьезно, то мы почему-то непростительно легко. Проще говоря, не оценили до конца их возможности. В итоге и понесли большие потери.

Вот, казалось, что россиянам бояться морозов? Однако в районе сражений они оказались на редкость лютыми. Снег – по горло. Передвигались трудно и медленно. Это был адский труд. На дорогах бывали огромные пробки. Выходить на обочину не решались из-за больших сугробов, но в первую очередь из-за того, что вокруг все было заминировано.

Запомнилась такая картина. Во время продвижения вперед образовалась пробка. Впереди шел обоз из конных саней с ранеными. Стояли долго. Обоз никак не мог продвигнуться. Слышалась ругань, шум, гам, рокот моторов. Моторы нельзя было глушить — сразу бы все замерло, так как радиаторы заливались водой. Антифриза в то время не было.

И вдруг один из раненых сильным, красивым голосом закричал: «Напрасно старушка ждет сына домой...»

Магическая сила песни подействовала молниеносно. Все замолкли. Обоз с ранеными пропустили, пробка постепенно рассосалась. Только через 20 дней подошли ко второй, так называемой линии укрепления Маннергейма. Противник сопротивлялся отчаянно. Наши войска не ожидали такого яростного сопротивления. Мы по-прежнему несли огромные потери убитыми, ранеными и обмороженными.

Несмотря на это, вскоре заняли город Коивисто — в районе побережья Выборгского залива. А к седьмому марта уже овладели окраинами самого Выборга. Тем не менее, ожесточенные бои продолжались.

11 марта 13-я армия форсировала реку Вуоксу, тем самым создав явную угрозу тылу финских войск. Красная Армия уже была готова полностью разгромить вражеские войска. Но они запросили мира.

Советское Правительство решило пойти на уступки и подписать мирный договор. Финны согласились на все наши условия. Другого выхода у них просто не было.

12 марта ровно в 12 часов дня нам был дан приказ прекратить огонь. Так закончилась война с финнами. Непродолжительная, но невероятно тяжелая и кровопролитная...

Магомета до сих пор терзают многие мысли, так или иначе связанные с тем далеким уже периодом не только его личной биографии, но и всей отечественной истории.

Действительно, до сих пор об этой войне мы имеем весьма смутное представление. Ничего не знаем о просчетах нашего командования, Правительства. Тайной покрыта летопись героизма наших солдат. Более того, некоторые представляют войну с финнами столь незначительным эпизодом, что о ней вообще не стоит и упоминать. А все было не так просто. И Магомет Абдурзакович знает это не понаслышке, не по рассказам очевидцев. Все прошло через его сердце и душу, через боль по погибшим друзьям-товарищам.

Как, например, можно объяснить тот факт, что финны, не имевшие авиации, танков и артиллерии, наносили сокрушительные удары по нашим позициям, а затем, когда ситуация изменилась, яростно сопротивлялись, неся сравнительно небольшие потери?

Впрочем, не все вопросы остаются без ответов. У финнов было что перенять. Грамотно оборудованные прочные доты. Совершенное по тем временам автоматическое оружие. Достаточное количество минометов. Высокий уровень техники минирования. Хорошо подготовленный снайперский состав.

Магомет откладывает книгу в сторону, тяжело вздыхает и, глядя в оконное пространство, словно обращаясь к кому-то невидимому, говорит: «Я не могу забыть эту войну. Когда вспоминаю о ребятах, погибших в сражениях с финнами, постоянно начинаю анализировать. Понимаю, что их уже не вернуть. Да и времени прошло много. Но ведь уроки прошлого всегда необходимо учитывать и помнить. Любая ошибка на войне стоит человеческой жизни, а то и сотни жизней. Нас осталось мало, участвовавших в войне с белофиннами. И потому мы должны постоянно говорить об этом, не молчать, не позволять предавать забвению подвиг наших солдат...»

Магомету Абдурзаковичу нелегко даются эти воспоминания. В минуты особого волнения, когда память воскрешает наиболее яркие события финской войны, он начинает беспрерывно курить сигарету за сигаретой.

Рассказывая о войне, он редко упоминает себя. Как будто его там и не было. Даже не пытается как-то выделить себя, поведать о своих подвигах, о том, что пришлось пережить на той далекой войне. Такое оно, это удивительно сильное покое, выдержавшее на своих плечах почти невероятное...

«На войне, в сражениях, в бою никто не жалел жизни. Каждый думал только о победе. А то, кто и сколько вложил в разгром врага – разве мы об этом думали?! Между нами были совсем другие отношения. Проверялись они только совестью и честью настоящего мужчины, солдата...»

Слушая своего собеседника, я невольно ловлю себя на мысли, что люди поколения Магомета Абдурзаковича – действительно удивительные. И на память приходят известные строки Николая Тихонова: «Гвозди бы делать из этих людей, крепче бы не было в мире гвоздей».

Смерть победившие, прошедшие все девять кругов ада, они не устали любить жизнь, не устали помнить и нести с

собой память, которая, как факел, зажигает сердца молодого поколения. И предупреждает их, что подобное не должно повториться. Они, честь и совесть народа, не могут молчать, когда сегодня извращается история и перечеркивается все, во имя чего проливали свою кровь миллионы солдат и офицеров. Они не могут молчать, пока живы, пока бьются их горячие сердца, умеющие любить самое дорогое — Родину.

Пытаясь отвлечь Магомета от тяжелых дум, я как бы исподволь прошу рассказать о некоторых интересных эпизодах его участия в финской войне. Война есть война. Люди переносили ее по-разному. И не только горевали по убитым друзьям-товарищам, но и находили время посмеяться, пошутить, внести хоть какое-то разнообразие в это суровое время. Так было всегда: горе и радость шли рядом. Мир не изменился.

«Землянки мы не строили, полагая на скорую победу. Спасались от холода в подвалах, саунах и финских банях. Оттуда в бинокли наблюдали за финнами. Скорчившись, они сидели у костров, протягивая к языкам огня одеревеневшие руки и ноги. Не сладко приходилось и нам.

Однажды мы так замерзли, что зуб на зуб не попадал. Мой товарищ, из Пятигорска, с которым, как говорится, не один пуд соли съели, говорит: «Давай сходим в подвал — погреемся. А то неровен час — замерзнем!» В подвале горела буржуйка, плотным кольцом окруженная солдатами. Я возразил: «Не получится! Не протиснемся. Не стоит зря силы тратить». Хотя лютый мороз давил не на шутку. Мой товарищ однако не отступился: «Пойдем! Я найду место, вот увидишь!»

Я скептически глянул на него и все же, повинувшись, пошел вслед за ним, к подвалу. Не доходя нескольких шагов, он вдруг вытащил из-за пазухи противотанковую гранату и с криком: «А ну-ка, ребята, расступись! Скорей, мне надо руки погреть, не могу разогнуть пальцы!» — влетел в подвал. Солдаты, стоявшие у буржуйки, опешили.

— Вы что, не видите, что у меня в руках?! Быстрее разойдитесь! — крикнул мой товарищ, уже находясь у пылавшей буржуйки.

Солдаты, увидев наконец, что держит их сослуживец в руках, опрометью бросились вон. Давясь от смеха, мы протянули руки к буржуйке. Гранату с невыдернутой чекой то-

варищ спрятал во внутренний карман фуфайки. И, пританцовывая, у печки, все повторял: «Ну, как я их, а? А ты говорил, не сможем протиснуться. Ха-ха! Ан нет! Как видишь, получилось». Я тут же попытался возразить ему: «Неудобно, ты обманул ребят».

– Не беспокойся, – извиняющимся тоном ответил он. – Они погрелись, теперь мы. Вернутся сейчас, вот увидишь!

Были, правда, эпизоды и печальные. Мало кто знает, что гибли ребята на войне не только от пуль.

Как-то, когда мы отдыхали ночью, неожиданно услышали выстрел со стороны подвала. Все быстро вскочили и кинулись туда. Прибежали, видим немного странную картину. Прямо у подвала стоит раздетый солдат. С винтовкой и почти обезумевшими глазами. Что за черт! Язык его словно отнялся. Что случилось? Трясем его, а он молчит и только показывает в сторону подвала, мол, идите скорей туда.

Спустились в подвал и оцепенели. Вокруг лежали мертвые и еле дышавшие еще несколько солдат. Как потом оказалось, они угорели. Но как это получилось, так и не узнали. Кого еще можно было спасти, быстро отправили в госпиталь. Погибших – скрюченных, уже окоченевших, вынесли наружу. Что и говорить, печальный был случай.

Разное бывало на войне, всего и не вспомнишь...»

Закончилась война с финнами. Магомет не знал, что его ждет впереди. А впереди были Великая Отечественная и долгие годы депортации в далеких от родимых кавказских гор районах Средней Азии и Казахстана...

ДОРОГАМИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Возвратившись живым и невредимым после недолгой войны с белофиннами снова в Моршанск, где дислоцировалась его часть, Магомет Боташев мечтал только об одном: отслужить оставшееся время и вернуться домой. Успевшему понюхать пороху на самой настоящей войне, ему, как никогда, хотелось увидеть родных, близких, снова сесть на студенческую скамью, слушать лекции, встречаться с друзьями. Ему всего 19 лет. Впереди целая жизнь. И тысячи планов, задумок. Неважно, сколько из них не сбудется. Он еще молод. Отчеканивая каждый удар, бьется горячее сердце, готовое вот-вот выпрыгнуть из груди. Завтра, а может быть, сегодня, нежданно-негаданно, нагрянет счастье. И он утонет в нем, как случилось это с миллионами людей, жившими до него на земле.

Эх, молодость, молодость... Сколько тебе дано, как щедро к тебе природа, как ярко светит солнце, отгоняя черные тучи!..

Им, уже прошедшим войну, не раз хоронившим боевых друзей, познавшим, как тяжело пахнет кровь, хотелось верить, что это уже не повторится. И сбудутся все мечты, и птица счастья подарит радость, без которой в девятнадцать лет ну просто никак нельзя. Невозможно. Потому как у жизни свои законы.

Но очень уж суровое время выпало на их долю. Фашистские полчища все упорнее продвигались на восток. К самым границам Советского Союза, стране, заключившей недавно с Германией пакт о ненападении. Тревожные сообщения о захвате стран Западной Европы приходили ежедневно и еще больше настораживали народы СССР.

«Неужели войны не миновать?», — задавали себе этот вопрос и те, кто стоял у станка, кто лечил и учил, кто строил, и те, кто, как Магомет Боташев, выполнял свой священный долг перед Родиной, проходя службу в армии.

Нет, не страх и не ужас рождала в людях эта мысль. А твердую убежденность, что родная земля огнем будет гореть под

ногами врага. И возможные жертвы будут не напрасны, если народ защищает самое дорогое, что у него есть, — Отчизну...

В Моршанске Магомет оставался недолго. Вскоре полк, в котором он проходил службу, переводят в Киевский особый пограничный округ. А местом дислокации стал маленький городок Фельштын, расположенный между Львовом и Перемышлем. В тридцати километрах от Фельштына — государственная граница.

Стоял жаркий июнь 1940 года. Уже все давно отцвело. Ветки деревьев ласково шелестели зеленой листвой, качались сочные травы, с нетерпением ожидая сенокосной поры. Высоко в небе разноязыким хором щебетали птицы, трещали в кустах кузнечики, где-то далеко стучал дятел. Мир блаженствовал, не подозревая о надвигающейся беде.

А гром прогремел совсем неожиданно. Пока, правда, не сильный. Возник небольшой конфликт между Советским Союзом и Румынией. А суть его такова. В 1918 году Румыния захватила Бессарабию и Северную Буковину. Эти земли ранее принадлежали России. Они были заселены молдованами и украинцами. В 1940 году СССР потребовал вернуть эти земли как наследнику царской России.

Переговоры по этому вопросу в Москве шли трудно. Тогда СССР к границе подтянул войска, чтобы в случае провала переговоров освободить Бессарабию и Северную Буковину силой. Войска были готовы к наступлению. Наша часть должна была форсировать реку Прут. Начало наступления откладывалось несколько раз. Каждый раз на час. В один из дней в семь часов утра объявили нам, что реку переходим мирно. Румыния согласилась вернуть эти земли.

Таким образом СССР добился возвращения своих земель, освобождения украинцев и молдаван. И еще, что не менее важно, в случае войны, отодвинула границу на Восток.

Тем не менее, дабы предотвратить возможные инциденты, полк, в котором служил Магомет, успел продвинуться вглубь румынской территории на 20 километров. Другие части южного фронта в течение двух дней, не понеся практически никаких потерь, заняли города Черновцы, Хатин, Бельцы, Кишинев, причерноморский порт Измаил. А чуть позже Белград и Бендеры. Конечной линией продвижения стали районы, где еще до первой мировой войны проходила граница Российской империи.

Выполнив задание, полк вернулся на место постоянного базирования в Фельштын.

И снова началась обыденная солдатская жизнь. Ранний подъем, тренировки, политзанятия. Снова тренировки. Все свободное время Магомет посвящал письмам домой. Зная, с каким нетерпением ждут от него вестей мать, сестры, родные. Он не позволял себе лениться и регулярно сообщал им о себе. Причем, никогда не жаловался на тяготы солдатской службы, у кого их нет. Писал, что скучает, ждет не дождется возвращения. Уверял, что у него все хорошо, лишь бы они берегли себя, не растрачивали понапрасну силы, здоровье. Делился своими планами на будущее. Об участии в финской войне писал скупно. Или почти ничего. Все больше о том, что осталось совсем немного, и он переступит порог родительского дома.

Впрочем, день ото дня изменявшаяся не в лучшую сторону обстановка на границе не оставляла у него уверенности в возможность скорой демобилизации. Приближение войны было уже очевидным. Магомет не раз видел, как весной 1941 года немецкие самолеты грубо и беспрепятственно нарушали воздушное пространство страны. Странно, но факт: зенитной артиллерии было приказано ни в коем случае не сбивать нарушителей. Орудия даже не расчехлялись. Настораживало другое, чего военнослужащие никак не могли понять. Накануне войны советское правительство приняло решение разрешить немцам вывезти из Западной Украины останки своих солдат и офицеров, погибших и захороненных в ходе польской компании 1939 года. Тогда немцы заняли почти всю Львовскую область, но вынужденны были потом, в соответствии с подписанным договором о ненападении, отойти за реку Сан (приток Вислы).

Благородный шаг со стороны советского правительства немцы, как показали затем события, использовали в своих коварных целях. Под видом поиска могил погибших сограждан они наглым образом, порой даже не скрывая этого, вели активную разведывательную деятельность.

Одновременно регулярным частям Красной Армии, расположенным вдоль границы, был дан приказ усиленно маскироваться. Доходило порой до абсурда. У входа в полковую школу солдаты стояли днем в гражданской форме. Подобная формальная маскировка, однако, не мешала немецким шпионам с успехом передвигаться по населенным пунктам, внимательно за всем наблюдать, иногда обнаруживая спрятанные в сараях орудия, зорко следить за передвижением час-

тей, отмечать на специальных картах пункты сосредоточения воинских подразделений, детально изучать их режимные условия.

Неприкрытая ничем наглость немцев возмущала солдат. Но предпринять адекватные действия они не могли. Местное военное руководство, главное командование в Москве или делали вид, что ничего не замечают, или на самом деле не понимали, что на приграничной территории началась и уже активно ведется самая настоящая шпионская война. Усиленная воздушная и наземная разведка не прекращалась ни на один день. Спустя годы стало известно – все выполняли приказ Сталина, требовавший не поддаваться провокациям. Ему необходимо было оттянуть начало войны.

А между тем Магомет Боташев к тому времени уже закончил в Киевском военном округе полковую школу. И был назначен помощником командира взвода. И сразу сообщает об этом событии домой. Пишет, что живут они в бывшем католическом монастыре, в маленьких комнатах-кельях, где раньше проводили время в молитвах монашки. И что совсем скоро (в который раз эти, обращенные главным образом к сестрам, слова) увидимся. Только берегите маму.

Поставив точку, Магомет мысленно переносился в родной Кисловодск. В его красивые, тенистые аллеи. На горные пастбища, где так легко дышится, а вокруг, на сотни километров, колышется сочная альпийская трава. Сказочная красота гор, которые, протяни только руки, – будто на ладони, завораживала. Натянутую тишину высокогорья изредка нарушают мычание коров и блеяние овец. Их так много, что с высоты орлиного полета кажется, что по зеленому ковру медленно передвигаются маленькие букашки. В полдень, утомленные солнцем, они замирают, расположившись лежа в разных местах пастбища, чтобы переждать жару. И как только солнце начинает ослабевать, и в горах появляются первые признаки настоящих сумерек, тучные стада коров и овец снова начинают не спеша, монотонно передвигаться, срывая крепкими зубами траву.

А вечером, когда заканчивалась дойка, начинались танцы. Там, в горах, где так близко висят звезды и не совсем легко жить, в те далекие годы летними прохладными вечерами было очень весело. Как любил Магомет эти мгновения! Слышатся чарующие звуки гармоники, и, вот смотришь, расплываются в улыбке уставшие лица животноводов. В круг

выходят молодые и так лихо отплясывают, словно не было позади трудного, почти без отдыха дня. А какое наслаждение следить за плывущими, как лебеди на воде, в танце девушками. Грациозные, красивые, скромные, полные собственного достоинства, они будили воображение, заставляли учащенно биться сердце. В их умении танцевать в полной мере отражался кроткий характер девушек-горянок...

Недописанное письмо вернуло Магомета в действительность. Суровую и абсолютно непредсказуемую. Служить ему еще было долго. Но даже вообразить он себе не мог, каким длинным, трагическим, будет путь домой, в Кисловодск. Сколько унижений придется вынести ему вместе со своим народом. Не мог он знать, что однажды затоптанной в грязь окажется его офицерская честь. И он, связанный по рукам и ногам, вынужден будет считаться с жестокой реальностью.

Через окно проник солнечный лучик и остановился рядом с лежащей на столе бумагой. На дворе бушевало лето. Уже было нестерпимо жарко. А по ночам даже душно. Пора заканчивать письмо. Магомет дописал последние строчки и хотел уже свернуть бумагу, как снова развернул ее и дописал: «Мама! Будь спокойна! Твой сын никогда и нигде тебя не подведет. Тебе никогда не будет стыдно за меня. Запомни это! Я тебя очень люблю! Береги себя! Вот только приеду и сниму с тебя все заботы. Обещаю! И о сестрах позабочусь. Лишь бы вы были живы и здоровы. До свидания!» И дата: 20 июня 1941 года.

Через несколько дней это письмо будут держать руки его матери. Магомет вдруг поймал себя на мысли, что завидует простой безмолвной бумаге белой завистью. Надо же как, а?! А он так давно не видел маму, не прикасался к ее натруженным, не знавшим ни минуты отдыха рукам. Руки мамы! Какие они? Он помнит их всегда. Их тепло, необычный, ни с какими другими руками несравнимый запах. Он помнит даже расположение линий на ее ладонях. Он помнит их в белоснежной муке, когда она замешивала тесто для хычинов; с иголкой или спицами в долгие зимние вечера, укрывающими его ватным, собственноручно сшитым одеялом, постоянно спадавшим с него во сне. Мамины руки со вздувшимися от тяжелого труда венами незаметно подкладывали в тарелку самый вкусный, самый большой кусок мяса, хычина, кукурузной лепешки. Только для него, своего единственного сына и единственного мужчины в доме. Сестры привыкли к этому давно и

вовсе не обижались. Магомет смеялся, ласково обнимал маму. Слегка протестовал против особо проявляемой о нем заботы. И понимал, что дороже ее на всей земле у него нет и не будет. И как знать, может быть, именно сейчас она, его истосковавшаяся мама, сидит за столом и как обычно гадает на кукурузных зернах. Что там выходит, знает только она. Время от времени ее лицо озаряет лучезарная улыбка. Она поднимает голову и радостно сообщает окружившим ее дочерям: «Хорошо выходит. Аллах даст, скоро увидим джашчыкъхъ!»¹ В один голос сестры облегченно вздыхают: «Магомет сау келсин» («Пусть Магомет вернется здоровым»).

А о ком им еще думать, переживать, тревожиться? В карачевских семьях, как впрочем и в любой горской семье, сестры по-особому заботятся и относятся к братьям. А если он один у них – тем более. В те далекие предвоенные времена часто можно было увидеть девушку с маленькой фотографией брата на груди. Она была не только их талисманом, но и выполняла другую функцию. Когда девушка пыталась доказать кому-то свою правоту, она притрагивалась рукой до висевшей на груди фотографии брата и произносила клятву: «Кхарнашым елмесин» («Пусть брат не умрет», «Брат – мои глаза», «Пусть я умру раньше брата»). Магомет любил сестер. Часто по ночам, лежа в притихшей казарме, думал-раздумывал об их судьбе, как она сложится у них. Готов был отдать последнее, чтобы они были счастливы, обрели хорошие семьи. А как же иначе? Ведь он нес за них ответственность перед матерью, умершим отцом, дядей Чубуром, всем родом Боташевых, перед собой и своей совестью...

В раздумьях о доме, тоска по которому порой не проходила неделями, он незаметно заснул. Последнюю ночь мирной жизни он встретил на маленькой станции Надыбы.

А утром началась война. Первые минуты запомнились как настоящий кошмар. Магомет вскочил от сильного дребезжания стекол и висевшего над казармой и всей землей гула. Одна из сброшенных фашистскими летчиками бомб разорвалась совсем рядом. Затем вторая, третья. На станции горели цистерны с нефтью. Земля словно разверзлась, небо, еще ночью сверкавшее яркими звездами, было сплошь затянуто дымом, пылью и гарью. Взрыв каждой бомбы усиливал ощущение нагрянувшей страшной беды. Магомет вместе с одно-

¹ Джашчыкъхъ – мальчик, так ласково называла сына мать в некоторых карачевских семьях.

полчанами, молниеносно одевшись, выбежал на улицу. «Неужели началась война?» – сверлило в голове. Все знали, что войны не миновать. Но почему-то никак не ожидали этого в конце первого месяца лета. Полагали, произойдет это значительно позже. Где-то осенью. И вот тебе на?

Магомет, правда, не мог и предвидеть тогда, в день начала войны, что страшнее этой войны окажутся годы яростной борьбы его народа в жестоких условиях Средней Азии и Казахстана. Время борьбы за право свободно жить на своей родине...

...В считанные минуты под непрекращающейся бомбежкой полк был готов к наступлению. В ночь с 22 на 23 июня на самой границе у города Перемышль Магомет принял первый бой Великой Отечественной. Уже несколько часов там держали оборону пехотные части 99 стрелковой дивизии под командованием небезызвестного генерала, в будущем предателя, Власова.

Ситуация накалялась с каждой минутой. Силы были явно неравными. Недостроенные пограничные укрепления уже не могли сдерживать натиск противника.

Шесть дней и ночей шли ожесточенные бои. Советские воины мужественно и смело обороняли свои позиции, не жалея жизни. Но выдержать атаки до зубов вооруженных фашистских полчищ было практически невозможно. Все кругом горело, взрывалось. Воздух пропитан гарью, копотью, потом и кровью. Потери с нашей стороны исчислялись уже сотнями и сотнями солдат и офицеров...

В своих воспоминаниях дважды Герой Советского Союза, маршал В. И. Чуйков так охарактеризовал начальный период самой страшной и кровопролитной войны минувшего XX столетия:

«Громадные преимущества агрессора, хотя они и носили временный характер, дали ему возможность в начальный период добиться крупных военных успехов. Для внезапного нападения на СССР фашистская Германия и ее сателлиты сосредоточили у наших западных границ 190 дивизий, в том числе 33 танковых и моторизованных. Такая громадная группировка войск еще никогда не создавалась в истории всех войн.

...Гигантским полчищам врага противостояли значительно меньшие силы советских войск, находившиеся в западных военных округах Советского Союза. И дело не только в том, что советские войска значительно уступали противнику в численности личного состава и боевой техники, но и в том, что они были рассредоточены с удалением от границы на 200–400 и более километров.

Значительная часть этих войск, поднятая по тревоге, оказалась под массированными ударами наземных и воздушных сил противника, вступая в бой с ходу, разрозненными частями, на неподготовленных в инженерном отношении рубежах. Массированными ударами по аэродромам фашистская авиация в первый же день войны вывела из строя 1200 советских боевых самолетов. Численное превосходство врага в воздухе стало многократным. Именно громадное неравенство в силах и средствах и позволило войскам агрессора сравнительно быстро продвигаться вперед и захватить обширную территорию...»

Магомет с болью в сердце видел, как отступали наши воинские части. Нехватка военной техники, людских ресурсов, внезапность нападения и многое другое давали врагу возможность очень быстро продвигаться вперед. Однако сопротивление наших войск, упорное и героическое, в первые же дни войны воочию показало врагу, что боевой дух советских солдат не просто сломить. И что здесь, на территории огромной многонациональной страны, им придется несладко. Это не Европа, многие страны которой почти без единого выстрела оказались под гнетом фашизма.

Высокие моральные и боевые качества советских воинов поражали врага. Фашисты никак не ожидали такого яростного сопротивления уже на самой границе.

Отступая со своим полком, Магомет надеялся, что, дойдя до старой, на редкость хорошо укрепленной границы, они смогут остановить гитлеровцев. И будут держаться на этих рубежах до подхода основного подкрепления. Но немцы следовали по пятам. Они появлялись то слева, то справа. В бой особо не ввязывались. В их план молниеносного захвата не входили мелкие бои с разрозненными, изрядно измотанными частями Красной Армии.

...Поредевший численностью полк подошел к болотистой речушке. Перейти не проблема, но что делать со 152-миллиметровыми пушками? Соединявший оба берега реки мостик явно не выдержал бы огромную тяжесть. Пришлось переправлять их вброд. Два трактора-тягача, тащившие пушки, застряли на самой середине реки. Все старания сдвинуть их с места оказались тщетными. Время на вес золота. Солдаты по горло в воде сделали еще одну попытку вытащить технику. И снова неудачно. Пришлось оставить и уже налегке двигаться дальше. Магомет вдруг понял, что рубежи старой границы позади...

Уставшие, голодные, солдаты оставшихся частей шли на восток. О чем думал тогда Магомет, тяжело передвигая затекшие ноги? О том, как выжить? О доме? Ничего подобного! Как и все, шагавшие рядом с ним бойцы, он терзал себя мыслью только об одном — как остановить вражеские полчища. Отомстить врагам за убитых на границе друзей-товарищей, мирных граждан, не успевших осознать страшную беду.

«Шли мы долго, почти безостановочно. Позади остались Львов, Тернополь, Хмельницкий, Жмеринка, Умань. Остановились только через несколько дней в районе Белой Церкви, что западнее Харькова. Вскоре узнали, что именно в этом районе в окружение попали крупные соединения войск. Немцам удалось сомкнуть кольцо. Долгих пятнадцать суток, в условиях непрекращающихся ни на один час массированных атак полк пытался вырваться из окружения. Ценой огромных жертв эта задача была выполнена. Из трех дивизионов за линию фронта по числу оставшихся в живых вышел только один. Почти вся техника была уничтожена».

Магомет чудом остался в живых. Времени анализировать происходящее не было. Вынужденное отступление угнетало. Усталость давила на плечи, смыкала веки, и казалось, еще минута и силы покинут его навсегда...

...Впереди колосилось пожелтевшее пшеничное поле, местами тронутое безжалостным огнем. Недалеко от наезженной проселочной дороги несколько женщин убирали руками хлеб. «Надо же, — с грустью подумал Магомет, — идет война, с неба летят бомбы, мы отступаем, а они, как ни в чем не бывало, косят пшеницу». И ему почему-то стало стыдно от того, что они, солдаты, призванные их защищать, спешат сейчас подальше отсюда. А они, великие труженицы-матери, остаются. Думают о завтрашнем дне, о детях, иначе зачем вышли в поле и, рискуя жизнью, занимаются мирным трудом.

Подъехав к женщинам, уже давно заметившим двигавшихся по дороге красноармейцев, Магомет, пытаясь не смотреть им в глаза, поздоровался и спросил:

— Немцев здесь еще не было?

Немолодая женщина с туго перетянутым на голове ситцевым платком, в широкой юбке скорбно посмотрела на незнакомца. В ее взгляде Магомет словно прочел укор: мол, куда ж вы бежите? куда? а мы? как же быть нам?

Но вслух она сказала:

– Пока не было. А вам лучше уходить отсюда побыстрее. Вон в ту сторону, через лесок к речке. За ней, говорят, иродов пока не видели. Поспешите. И пусть вас Бог бережет. Только бейте извергов, родимые!

Стоявшие рядом женщины с изможденными от жары и непроходящей тревоги лицами украдкой вытирали кончиками полинявших платков слезы. Слова говорившей взбудрили Магомета.

– Не плачьте, сестры. Мы обязательно их разобьем. Под корень уничтожим. Потерпите немножко, и вот увидите – погоним их. Здесь им не хозяйничать.

Направившись по указанному женщинами направлению, красноармейцы, не доезжая до опушки, обнаружили фашистов. Их было немного. Полагая, что здесь спокойно, фашисты на легковой машине решили обследовать путь дальнейшего передвижения... Увидев солдат, готовых принять бой, немцы быстро развернулись и пустились наутек. Магомет понял: впереди им дорога заказана. Нужно было искать другой путь. Они решили идти в противоположную сторону. И вскоре попали в поток отступавших наших войск.

То было страшное зрелище. Все смешались в кучу. Беспорядочно двигались танки, артиллерия, пехота. Повсюду слышались душераздирающие стоны раненых. У кого оторвало ногу, у кого руку, кто бледный, как простыня, лежал без движения на подводах со смертельной раной в груди. Сидевшие рядом сестры милосердия, поглаживая раненых, успокаивали их: «Потерпите, миленькие. Еще чуть-чуть. Сейчас придем в госпиталь. И сразу полегчает. Осталось немного...»

Глядя на этих еще совсем молоденьких девчонок, Магомет подумал печально, что ведь они сами уже ни во что не верят. Какой госпиталь! Какая помощь! В такой суматохе нет просвета. Но слова медицинских сестер ой как нужны были сейчас умиравшим солдатам. Они придавали силу, надежду и веру.

Хаотичное передвижение отступавших частей могло привести к непредсказуемым последствиям. Наконец Магомет услышал твердый, уверенный, сильный голос одного из офицеров. Отдавая четкие приказы, он стал наводить порядок. Подробно объяснял разрозненным группам как расположиться в колонне и куда двигаться дальше. Пока суть да дело, немцы сомкнули кольцо и оторвали от основной части колонны значительное число солдат и техники.

Магомету повезло и здесь. Он успел проскочить. Зато восемь его земляков из Кисловодска остались замкнутыми фашистами в круг. Больше они не встречались. И до сих пор числятся без вести пропавшими.

Пожалуй, самое страшное на войне – терять боевых друзей. Только вчера они были с тобой, ели из одного котелка, курили по очереди самокрутку. Мечтали добить врага, вернуться домой, растить детей, сажать сады. Только вчера... А сегодня их больше нет. И не будет уже никогда. А родным напишут: «Ваш сын погиб, защищая Родину!». Мать погибшего солдата, живущая где-то там на необъятных просторах страны, не зная, как и где закрыл в последний раз глаза ее сын, все равно не поверит и будет ждать его возвращения. Год, два, всю жизнь. Потому что только мать не сможет успокоиться и перестать ждать. В этом и состоит материнский подвиг. Скольких боевых друзей потерял на дорогах войны Магомет? Много. Так много, что порой, вспоминая каждого из них, он не может найти себе места. Они встают перед его взором, как живые, и он незаметно начинает вести с ними разговор. Неоконченную беседу. О чем? О героическом времени, оставившем на сердце живых ветеранов незаживающие раны.

В тот день немцам удалось вновь замкнуть кольцо вокруг наших войск. Успевшим выйти из окружения было приказано двигаться на Днепропетровск и перейти на восточный берег Днепра. Там из остатков 376 гаубичного артиллерийского полка была сформирована лишь одна отдельная артиллерийская батарея 152 мм пушек-гаубиц. Город-красавец Днепропетровск был уже в руинах. К этому времени плотина Днепрогэса была взорвана. Город был затоплен. Когда вода схлынула, представала ужасная картина. Улицы сплошь покрыты толстым слоем непролазной грязи. Женщины и подростки – основное население города – с трудом преодолевая жидкое, вязкое месиво, спускаются к Днепру за чистой водой. Обратный путь – сущий ад. Перебирать ногами под тяжестью полных ведер невозможно. Зачастую из обуви, затянутой трясиной густой грязью, приходится освобождать ноги, а затем неимоверными усилиями рук вытаскивать сапоги.

За городом, на левом берегу Днепра, батареи дали два тяжелых орудия. Из того что было, хотя требовалось как минимум четыре. Тянули их обыкновенные трактора ЧТЗ. Все остальное имущество, в том числе и боеприпасы, везли на мобилизованных конных подводах.

Продвигались по самым глухим местам. Иначе нельзя. По шоссе дорогам вольготно следовали фашистские части. Иногда путь наших и немцев пересекался. Тогда происходили стычки. Таким образом батарея Магомета Боташева добралась до Донбасса.

Вспоминая те дни, Магомет Абдурзакович рассказывает: «Одна из таких стычек произошла в районе станции Пологи, это чуть южнее известного со времен гражданской войны Гуляйполе, где находился в свое время штаб батки Махно.

Я по приказу командира батареи старшего лейтенанта Колосова следовал на расстоянии 300–400 метров от батареи. При выходе из лощины обнаружил неприятеля. Большая колонна немцев двигалась в направлении, почти перпендикулярном движению батареи. Колонна состояла из танков и пехоты на автомашинах. Командир принял решение открыть огонь по колонне из закрытых позиций. Был немедленно организован ПК, орудие развернули в лощине. По команде комбата полетели тяжелые (около 50 кг) снаряды на головы зарвавшихся фрицев. Немцы такого дерзкого нападения не ждали, да еще из таких мощных орудий. Было видно, что они растерялись, кто пытался развернуться назад, кто пытался скрыться за насыпью железной дороги, кто в лесополосе.

К тому времени, как немцы очнулись и открыли огонь из танковых орудий, в нескольких местах колонны горели танки, машины.

Артиллерийская дуэль продолжалась недолго. После того как было повреждено одно из наших орудий и ранен один из бойцов расчета, Колосов, воспользовавшись наступающими сумерками, вывел батарею из боя.

В Донбассе наша отдельная батарея по приказу командования поддерживала при обороне и контратаках то одни, то другие стрелковые или кавалерийские части. Вскоре наша батарея была передана кавалерийской дивизии (позже преобразованной в конный корпус под командованием генерала Кириченко).

После успешного контрнаступления войск Южного фронта в ноябре-декабре 1941 года и освобождения г. Ростова наша отдельная батарея была включена в 43 гвардейский артиллерийский полк 15 гвардейской стрелковой дивизии. Батарея получила новые орудия – 122 мм гаубицы.

Дивизия всю зиму 1941–1942 гг. вплоть до мая держала оборону в районе города Красный Луч в Донбассе. А в начале мая 42 года дивизия погрузилась на железнодорожные эше-

лоны и двинулась на Север. Проехали крупные станции Миллерово, Россошь, Лиски, Грезы и т. д. и оказались на самом севере Тульской области в городе Алексин (120–150 км от Москвы). Но вскоре поступил другой приказ. Эшелоны двинулись на юг с большой скоростью. В пути они останавливались только для смены паровозов. Доехав до станции Валуйки, остановились. Это было в Белгородской области.

Мы потом узнали, что все это странное передвижение нашей дивизии и других частей было связано с крупным поражением наших войск в районе Харькова. Дело в том, что в мае 42-го года по инициативе главнокомандующего Южно-Западным фронтом маршала С. К. Тимошенко с одобрения Сталина была предпринята попытка окружения и уничтожения немецкой группировки в районе Харькова и освобождения этого крупнейшего города. Эта попытка кончилась для наших плачевно. Немцы окружили наступающую советскую группировку, разгромили ее. Много наших солдат и офицеров попали в плен.

Фронт с нашей стороны оголился и немцам представилась возможность быстро и беспрепятственно двигаться на восток.

Вот по какой причине были спешно переброшены наша дивизия и другие соединения на оголенный участок фронта восточнее Харькова. Всем войскам ставилась задача: остановить движение вражеских войск вглубь нашего фронта. Но к великому сожалению нам вновь пришлось отступать. Правда, отступали более организованно, чем в 41-м году. И потери были меньше. Наша дивизия, отступая почти два месяца, оказалась на восточном берегу Дона. За это время было много боев».

Весной Магомет Боташев принимал непосредственное участие в освобождении Харькова. Этой операцией командовал генерал Тимошенко. К сожалению, наступление наших войск было безуспешным. Значительные воинские подразделения попали в окружение. Правда, были и небольшие победы.

Однажды, когда Магомет со своей батареей находился западнее Оскола, разведка доложила, что танковая колонна фашистов пытается скрытно пройти по узкой неглубокой балке вдоль правого берега речушки. Командир батареи Колосов, опытный тактик и стратег, сразу принял единственно правильное решение: подождать пока вся колонна врага не окажется в балке. Когда, наконец, замыкающий колонну танк с ревом вошел в балку, Колосов дал знак открыть огонь. Сначала наши орудия ударили по головной машине и метким попаданием подбили ее.

Где-где, а здесь фашисты не ожидали встретить огневую преграду. И просчитались. Уцелевшие танки стали в спешке разворачиваться и отступать. Другого выхода у них не было.

К сожалению, в тот первоначальный период нашим войскам чаще приходилось отступать. С огромными потерями батарея под натиском противника переправилась через Дон. И остановилась южнее Сталинграда. Командованию уже было известно, что в районе этого города немцы успели сосредоточить огромные силы и в любую минуту были готовы к масштабным боям за этот важнейший стратегический регион, открывающий путь на Северный Кавказ и в Закавказье.

Этот тяжелейший период минувшей войны незаживающей раной остался в памяти Магомета Абдурзаковича Боташева.

«После успешной Ростовской наступательной операции (ноябрь-декабрь 1941 г.) в результате которой был освобожден Ростов, немецкие войска были отброшены от Ростова на 60–80 км., а южный фланг советско-германского фронта был стабилизирован, личный состав нашей отдельной батареи тяжелых орудий влили в артиллерийский полк 136-й стрелковой дивизии. Мы получили новые 122 мм гаубицы. Эта дивизия, одна из самых боеспособных в Красной армии, была сформирована в 1939 году в г. Горьком. В феврале 1942 года за боевые заслуги была преобразована в 15 гвардейскую стрелковую дивизию, а наш артиллерийский полк в 43 гвардейский. При мне этой славной дивизией успешно командовал генерал-майор Василенко. Дивизия принимала участие еще в советско-финской войне 1939–1940 гг., в период Великой Отечественной войны она участвовала в Донбасской, Ростовской оборонительных операциях, в Сталинградской и Курской битвах, освобождении Левобережной и Правобережной Украины, в Львовско-Сандомирской и, уже без меня, в Сандомирско-Силезской, Берлинской и Пражской наступательных операциях. Дивизия, за боевые заслуги преобразованная в 15 гвардейскую дивизию, была удостоена почетного наименования «Харьковская» в августе 1943 г. и «Парижская» в 1945 г. На знамени дивизии ордена Суворова, Кутузова. Около 10 тыс. воинов дивизии были награждены орденами и медалями СССР, а 19-ти присвоено звание Героя Советского Союза.

Всю зиму 1941–1942 гг. и почти всю весну 1942 г. дивизия наша держала оборону в районе г. Красный Луч (р. Миус). Мы с тревогой следили за ожесточенными оборонительными

боями под Москвой, с восторгом встретили разгром немецких войск. Это была, по существу, первая победа такого масштаба наших войск и первое большое поражение захватчиков.

Как известно, в мае 1942 года командование Юго-Западного направления (маршал С. К. Тимошенко) предприняло наступление с целью разгрома большой группировки вражеских войск и освобождения крупнейшего города Украины Харькова. К великому сожалению, наступательная операция обернулась окружением наших наступавших войск южнее и севернее г. Харькова. В результате этого наши войска понесли огромные потери в живой силе и технике. Большое количество красноармейцев и командиров попали в плен, был оголен огромный участок фронта от Волчанска до Красного Лимана. Это произошло из-за неверной оценки командованием Юго-Западного направления оперативно-стратегической обстановки, роковой ошибки, просчета.

Наша дивизия была снята с южного участка фронта (у г. Красный Луч) срочно погружена на ж. д. эшелоны и направлена на север. Дивизия подвергалась налетам вражеской авиации, добралась до г. Алексин Тульской области. Через сутки вновь отправилась на юг. Выгрузились на станции Валуйки (это уже на юге, в Белгородской области). Была поставлена задача остановить противника, наступающего на восток практически без сопротивления, после поражения наших войск под Харьковом. Это было уже в июне 1942 г.

Дивизия заняла оборону, к сожалению силы на этом участке были неравны. Мы отступали с боями до самого Дона. Отступали с потерями, с тяжелым сердцем, население провожало нас с болью. Одни ругали, на чем свет стоит, другие плакали, жалели. После того, как дивизия была вынуждена переправиться на восточный берег Дона, был получен приказ: все тяжелое вооружение, в том числе оставшиеся орудия и боеприпасы передать оборонявшимся на Дону частям, а дивизии для переформировки и пополнения сосредоточиться южнее Сталинграда.

Летнее отступление из-под Харькова до Сталинграда в 1942 г. для советских войск было такое же тяжелое, как в 1941 году. Такая же поспешность, многочисленные потери. Однако было и различие: больше организованности, противник имел больше потерь. Из всех событий 1942 г. до начала Сталинградской битвы запомнились два. Первое –

это встречный бой с немецкой моторизованной колонной. После выгрузки с ж.-д. эшелонов на станции Валуйки части дивизии, в том числе наш артиллерийский полк, форсированным маршем двинулись на запад навстречу наступавшим на восток вражеским войскам (после окружения, разгрома наших войск под Харьковом враг наступал практически беспрепятственно).

На одном из рубежей части нашей дивизии заняли оборону и спешно готовились встретить врага. Для нашей батареи были оределены огневые позиции, наблюдательный пункт, установлена связь. Мы на наблюдательном пункте обустраивались и одновременно наблюдали. Во второй половине дня разведчики на дальних подступах к нашим позициям заметили густые облака. С течением времени стало ясно: движется большая моторизованная колонна противника (танки, мотопехота) наш командир батареи Колосов, несмотря на настойчивые требования пехотных командиров открыть немедленно огонь из орудий, решил открыть огонь только после того, как вся колонна втянулась в довольно глубокую и узкую балку. Несмотря на то, что местность перед нами мы не успели пристрелять, благодаря знаниям командира, его опыту, точности расчетов, с первых же выстрелов были поражены головные машины противника. После этого командир перенес огонь на хвост колонны. Вражеская колонна, как выражаются артиллеристы, попала в «вилку». А дальше дело техники. Вражеская колонна была разгромлена. Ликованию артиллеристов, пехотинцев не было границ. К сожалению, в эту ночь после этого удачного боя нам было приказано отступить.

Второе, что мне запомнилось, — это полная драматизма переправа через реку Дон. Для переправы наших отступающих войск на восточный берег Дона в районе станицы Константиновская (ниже всем известной Цимлянской) была устроена понтонная переправа. Переправу почти непрерывно бомбила вражеская авиация. Мост повреждался, саперы (действительно героически) под огнем вновь и вновь восстанавливали мост, и войска вновь переправлялись через Дон. Скопившиеся у переправы войска несли большие потери. Враг вышел на западный берег Дона севернее и южнее переправы. Многие пытались переправиться через реку любыми способами, на лодках, на плотках, кавалеристы с

лошадьюми (я впервые видел, как лошади хорошо плавают, многие из них преодолевали широкую реку, спасали своих всадников, которые держались за их гривы, хвосты, стремяна и т.д.). Командир нашего арtpолка решил переправлять через реку материальную часть и личный состав южнее понтонной переправы, на плотах. Из подручных материалов (пустых бочек, бревен и т.д.) строили плоты. Мой старый товарищ старшина Лесниченко, который рос на берегу Днепра и хорошо плавал, первый вплавь переправился через Дон и перетянул легкую веревку. К ней был привязан хороший канат. На самодельных плотах вручную, при помощи этого каната, были переправлены уцелевшие в боях орудия и другая материальная часть, личный состав полка. На одном из последних плотов переправлялся и я. На большой плот были погружены передок орудия, ящики со снарядами. Группы из 7–8 человек должны были тянуть за укрепленный на обоих берегах канат и двигать плот к восточному берегу Дона. Сначала часть бойцов тянула плот, перебирая руками канат, другие длинными шестами толкали плот, упираясь на дно реки (у берега, где река неглубока). Говорят: Тихий Дон. На самом деле в середине реки течение быстрое, сильное. Оно такое сильное, что в один момент наших сил не хватило. Плот поплыл по течению. Наши шесты не доставали дна, весел не было. Шесты пытались использовать как весла, гребли руками. Ниже нашей переправы был небольшой остров. Основное русло Дона огибало остров с запада. Если бы нам не удалось зацепиться за остров, то мы попали бы прямо в руки противника. К нашему счастью, нам это удалось и по мелководью мы перетащили плот на восточный берег островка и отсюда через мелкий рукав реки на восточный берег. Жертвы отступавших из-под Харькова наших войск были не напрасны. В оборонительных боях они затормозили наступление вражеских войск, которые после разгрома нашей группировки в р-не Харькова хотели молниеносно захватить Сталинград, выйти к Волге, отрезать юг страны от центра. Сопротивление наших войск позволило создать оборонительные линии по Дону и на подступах к Сталинграду. Нашим частям, видимо, как и другим переправившимся через Дон, было приказано все тяжелое вооружение и боеприпасы сдать оборонявшимся на Дону войскам. Дивизия наша по приказу командования дислоцировалась в р-не Сарпинских

озер южнее Сталинграда. Здесь она должна была получить новое вооружение, пополнение личного состава, готовить-ся для обороны Сталинграда...»

Колосов вызвал Магомета и еще нескольких солдат.

— Пойдете в Сталинград, получите технику, орудия и доставите в часть, — коротко объяснил он задачу. — Надежда только на вас.

Благополучно добравшись в город, Магомет с однополчанами быстро выполнил задание. И только собрались обратно, как в небе противно загудели вражеские самолеты. Они летели такими плотными рядами, что, казалось, заслоняли собой все воздушное пространство. Не прошло и секунды, как на землю полетели бомбы. Город моментально запылал. Особенно досталось южной части, где протекала небольшая речка Царица. По ее берегам еще с давних пор стояли деревянные, добротно срубленные дома. Как только пламя коснулось одного из них, огонь тут же перебросился на другие дома. Пламя уничтожало все на своем пути и длинными ядовитыми языками тянулось к небу. А самолеты тем временем продолжали методично сбрасывать бомбы. Они падали в разные места, разрывая землю на части. Жуткая картина настоящего ада потрясла Магомета. Прижавшись к земле, крепко зажав руками уши, он думал только об одном: как бы вырваться отсюда и в целости доставить в часть полученную технику и боеприпасы.

Но подняться было не так-то просто. Пикирующие бомбардировщики Ю-07 непрерывно сбрасывали смертоносный груз. И не только их. Для еще большего устрашения из багажников фашистских самолетов на землю летели пустые железные бочки. Падали они со страшным грохотом, оглушавшим, казалось, даже безмолвные камни.

Налет вражеской авиации застал Магомета у железнодорожного вокзала. «Что только не придумают, сволочи, — подумал Магомет, — чтобы навести на нас страх». Он попытался в очередной раз подняться, но бомбы летели одна за другой. И в какой-то момент ему показалось, что это все. Уйти отсюда живыми они не смогут. Слишком все было сложно. Земля не успевала приходить в себя от очередного удара, как следовал другой. Здания, как спичечные коробки, рушились на глазах, поднимая клубы пыли. На их месте тут же возникали глубокие воронки. Повсюду лежали обгорелые трупы. Магомет не помнил, сколько шла эта воздушная бойня. Час, второй, третий... Не помнит, как же удалось

выбраться из этого огненного мешка и добраться до части. Командование, наблюдавшее за городом налет фашистских самолетов на Сталинград, уже и не надеялось на удачное возвращение бойцов. И когда перед Колосовым предстали Магомет Боташев и его товарищи, немало удивилось. Еще бы!

А через два дня началась великая Сталинградская битва. Она стала новой страницей непоколебимого мужества, стойкости и бесстрашия советских солдат в этой страшной войне. Именно здесь ценой огромных человеческих жертв произошел перелом в Великой Отечественной войне.

Батарея Магомета Боташева находилась юго-западнее Сталинграда. Как раз в этом районе гитлеровцы пытались во что бы то ни стало прорваться к Волге. Для этого сюда были брошены большие силы. Но все складывалось для них здесь по-другому – волжской водицы им попить не пришлось. Такого сопротивления они, пожалуй, еще не встречали. А попросту не знали, что когда народ защищает свою землю, он становится по-особенному яростен и неистов. Вот что писал в своих воспоминаниях маршал Советского Союза В. И. Чуйков:

«Я никогда не забуду великую Сталинградскую битву, в которой участвовал в качестве командующего 62-й армией, преобразованной впоследствии в 8-ю гвардейскую.

В этой битве генерал Паулюс располагал подавляющим численным превосходством в силах и средствах вооруженной борьбы, в том числе в артиллерии, танках и авиации. Войска фронта были буквально прижаты к правому берегу Волги. Уже не осталось места для нашей артиллерии, пришлось перенести и огневые позиции за Волгу. Даже командный пункт армии обстреливался всеми видами вражеского оружия... И в этой тяжелейшей обстановке солдаты и офицеры провозгласили лозунг: «За Волгой для нас земли нет!» Он означал, что все мы можем погибнуть в этих кровопролитных боях, но на противоположный берег Волги не уйдем. И не ушли!

Сражение, как известно, окончилось полным окружением и разгромом 330-тысячной армии фашистской Германии». (Великая Отечественная война 1941–1945, стр. 9).

За словами прославленного маршала судьбы тысяч и тысяч рядовых солдат войны, вынесших на своих плечах ад этой жесточайшей битвы, участником которой был и наш земляк Магомет Боташев.

«Как известно, немцы пытались взять Сталинград сначала с запада, затем с юго-запада, потом с севера. Наша дивизия защищала город с юго-запада. Первый бой против частей 4 танковой армии немцев произошел 17 августа 1942 года. Бой был тяжелейшим. Фашистов не пропустили. После боя на нейтральной полосе всю ночь горели подбитые нами немецкие танки. В этом сражении я принимал участие в качестве командира взвода управления (в моем подчинении были артиллерийские разведчики, связисты, топографы). За этот бой я получил первую награду — медаль «За отвагу», которой больше всех дорожу. Враг еще не раз пытался прорвать оборону советских войск на нашем участке. Но ему не удалось пробиться ни к Сталинграду, ни к Волге. Ожесточенный бой продолжался вплоть до 19 ноября 1942 года. В этот день началась стратегическая наступательная операция советских войск по окружению и уничтожению мощнейшей группировки вражеских войск под Сталинградом...

Не забуду один трагический случай. Немцы заняли оборону по насыпи окружной железной дороги на западной окраине Сталинграда. Я, как обычно, находился на командном пункте батареи в рядах нашей пехоты. Немецкие снайперы и пулеметчики не давали поднять головы. Среди бела дня кто-то из больших начальников приказал одно из наших орудий поставить так, чтобы прямой наводкой подавить огневые точки противника. Осуществить такой маневр на виду у противника безнадежное дело. Такой приказ мог дать только такой командир, который нисколько не дорожил жизнью своих солдат. Но приказ есть приказ. Показались тягач, гаубица, за ними расчет. Немцы не замедлили открыть огонь. Тягач подбили из противотанкового орудия. Раненый водитель свалился из кабины. Когда я подполз, командир орудия Трусов Сергей, мой старый товарищ, пытался перевязать рану водителю (пожилой украинец, фамилию не помню). Он был ранен в живот. Мы растегнули жилет, ватную фуфайку. Обнаружили большую рану, из которой вываливались кишки. Мы с Трусовым руками бережно засунули кишки вовнутрь и кое-как перевязали (мне кажется, что я и сейчас пальцами чувствую тепло внутренностей этого человека). Пехотные санитары на специально сделанных санках ползком утащили его в тыл. После этого мы с Трусовым вернулись в мой снежный окоп. Поступила команда: расчету орудия вернуться на батарею. Я уговаривал Трусова подождать, пока начнет темнеть — было

чрезвычайно опасно. Он считал необходимым выполнить приказ немедленно. И побежал. Я заметил снежный фонтанчик снайперской пули около него и крикнул: «Ложись!» Вторая пуля его настигла. Он был еще жив. Позже я решил отправить его в госпиталь. Посадил в кабину тягача, рассказал водителю куда везти. Вернулся к Сергею, чтобы попрощаться, открыл дверцу кабины, а он упал на меня уже мертвый. Печальная история. Мне было больно. Я злился на того, кто дал неграмотный, бездумный приказ. К сожалению, на войне бывали такие приказы и более масштабные с плачевными последствиями.

После этого случая я долгое время переживал потерю друга. Я знал Сергея Трусова (его я ласково называл Трусенок) еще с 1941 года. Он был уроженцем Ленинграда, призван в армию будучи студентом вуза. Надежный, верный товарищ. Пришел я в себя после того, как однажды ночью, слушая сообщение «Совинформбюро» по полевой радиостанции, узнал об освобождении родного Кисловодска от немецко-фашистских оккупантов. Помню, даже не дослушав сводку, написал письмо матери и сестрам. Позже я получил ответ и групповую фотографию мамы и сестер в подтверждение того, что они все живы и здоровы. Между прочим, я эту фотографию сохранил до конца войны.

В одном из ожесточенных боев за Сталинград Магомет получил ранение. В госпитале он пробыл недолго. «Руки, ноги целы – это самое главное. Здесь мне делать нечего. Я должен быть рядом со своими товарищами», – категорически заявил он врачам. И уже через несколько дней снова был в строю. И сразу в наступление. Мысль разбить врага и не пропустить его за Волгу заставляла преодолевать боль от еще незажившей раны и крепко сжимать автомат в руках.

Но мог ли знать тогда Магомет Боташев, что пройдет всего несколько месяцев и его мать, сестры, дядя, весь карачаевский народ будет насильственно выселен с исторической родины. Солдатские матери и вдовы, осиротевшие дети, униженные, но не потерявшие горского достоинства старики более двадцати суток тряслись в наглухо закрытых телячьих вагонах, направляясь в полную неизвестность.

На редких остановках из вагонов выносили завернутые трупы умерших, клали недалеко от железнодорожной насыпи, а хоронить не успевали. Составы стояли недолго. Иногда из одного вагона выносили сразу несколько трупов. Чаще

всего это были старики и дети. Сколько их осталось лежать непреданными земле? Кто знает, подсчет никогда никто не вел... Составы со спецпереселенцами сворачивали, не доезжая до Сталинграда, направо, в сторону Азии. И Магомет не мог знать, что в одном из вагонов, обхватив руками укутанную в теплый платок голову, сидела его мама, недоумевая, за что с ней так поступили. А его сестры, с молоком матери впитавшие такие святыне понятия, как намыс, адат, горский такт, почтительность, уважение к старшим, трясутся грязные, завшивленные, с изможденными лицами, давно не видевшими воды, в одном вагоне с мужчинами. А на дверях вагонов крупными буквами чьей-то злодейской рукой выведено подлое слово «людоеды».

Такое не приснится даже в самом кошмарном сне. Супруга участника войны крепко прижимает к груди уже мертвого ребенка. Закрыв окоченевшее личико пеленкой, она качает его, не выдавая окружающим свое горе. На остановках вагоны тщательно осматривают. Обнаружив мертвеца, труп тут же выносят. Несколько дней обезумевшая от горя мать держала почти разложившийся труп родного комочка, не находя сил расстаться с ним. На очередной остановке у нее хотели отобрать то, что осталось от ребенка. Но она попросила сама вынести его. Занесла в рядом стоявшее с железнодорожной насыпью разрушенное здание и чуть не лишилась рассудка. У стен ровными рядами лежали трупы закоченевших солдат. Их было много. Некоторые с открытыми глазами. Она подошла к ближайшему трупу солдата, отвернула полы шинели и бережно, скрепя сердце, отрывая от себя, положила рядом свое пятимесячное дитя. Бережно закутав напоследок свое сокровище, она, не стесняясь стоявших рядом сопровождающих, прошептала: «Береги его солдат! Береги, чтобы не разорвали мою кровиночку шакалы! Его отец тоже где-то сейчас воюет, кто знает, жив ли он? Но ты береги его, как оберегал ты свою землю от врага до последней капли крови, до последнего дыхания...»

В глазах следившего за этой душераздирающей картиной красноармейца стояли слезы. Он отворачивал голову и, как бы невзначай, утирал ладонями лицо. Мать не плакала. Откуда взяться слезам? Она их давно выплакала, выжигая сердце в течение нескольких дней, пока ее бездыханный мальчик покоился на руках...

Об этих и других фактах, шокирующих каждого здравомыслящего и порядочного человека, Магомет узнает позже, когда

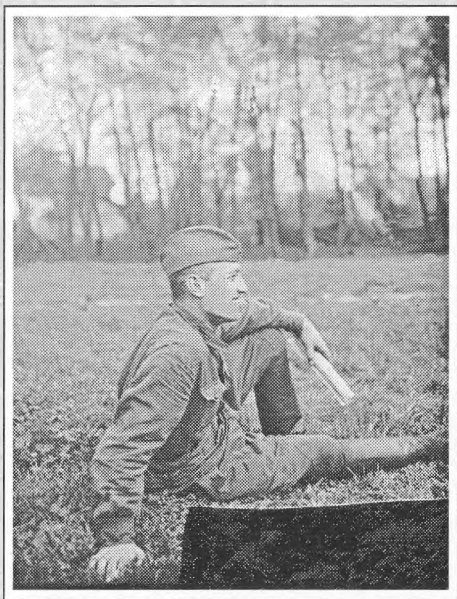

*г. Моршанск, ноябрь 1939 г.
Сидят: справа налево Солтан Магометов, Магомет Боташев,
стоят: справа налево Шагабан Боташев, Ахмат Кульчаев, Магомет Аджиев, Билял Алиев*

1940 год, г. Моршанск.

*Стоят: слева направо Шагабан Боташев, Ахмат Кульчаев, Солтан Магомедов,
Магомед Боташев. Сидят: слева направо Билял Алиев, Магомед Магомедов, Сагит Чомаев*

1941 год. До Великой Отечественной оставалось всего несколько дней

*1 июня 1941 года. Слева направо: фронтовые
друзья Буров, Боташев, Разгон*

На снимке: в центре мать М. А. Боташева – Кемсия Айтековна, сидят – сестры Сапрахан и Чезам, стоят – двоюродная сестра Халимат, сестры Зурум и Айшат. Фотография была сделана в г. Кисловодске сразу же после освобождения города от фашистских захватчиков в 1943 г. специально для отсылки М. Боташеву на фронт. Она должна была засвидетельствовать, что его мать и сестры живы и здоровы. Фотографию Магомед Абдурзакович не утерял в боях, сохранил.

Переподготовка офицеров, 1945 год, г. Благовещенск, Башкирия

*Кисловодск, 1946 год.
М. А. Боташев с земляками-однополчанами
Алиевым Б. и Абисаловым У.*

Январь 1949 года. Ташкент, ИИЖДТ. Экзаменационная сессия

*Ташкент, 26.12.48 год.
Члены профкома Ташкентского института инженеров
железнодорожного транспорта*

Ташкент, 1948 г. М. Боташев (крайний справа) в лаборатории СЦБ института

МПС СССР

ТАБ. ММТ

Юбилейный ЖЖ выпуск института инженеров Ж.г. транспорта

Ташкент, 1952 год.

*В годы учебы в Ташкентском институте инженеров ж.-д. транспорта.
М. А. Боташев среди актива студентов вуза*

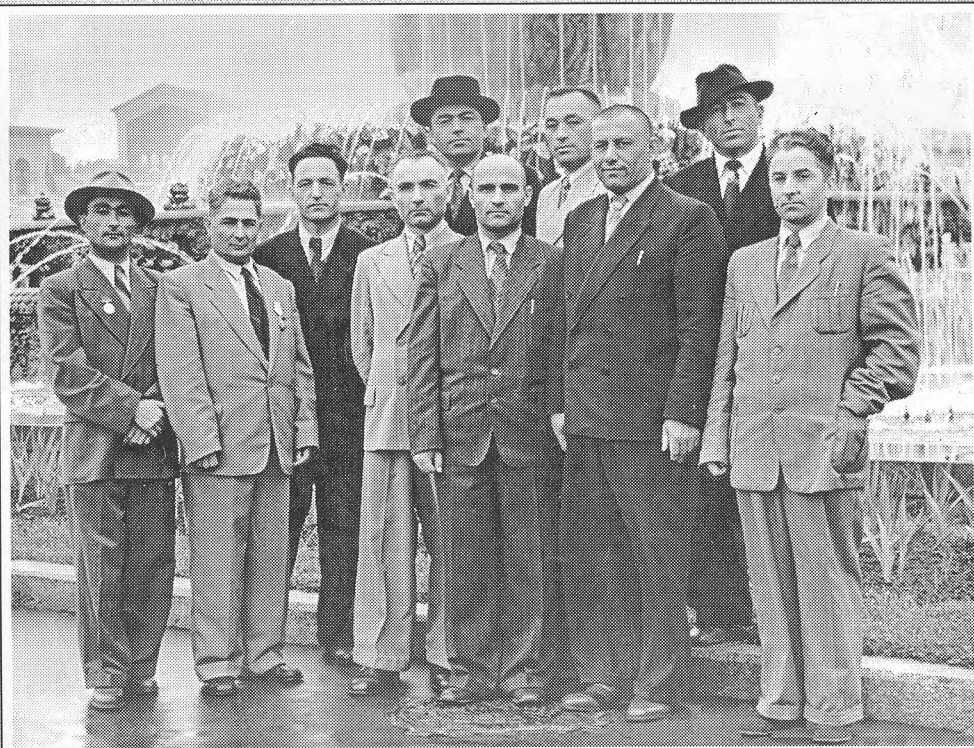
*Ташкент, институт инженеров ж.-д. транспорта.
Боташев М. А. с товарищем Соколовым Владиславом*

Фрунзе, 1955 год. Семья Боташевых

Кисловодск, 1953 год. Боташев М. А. с другом-однополчанином Абисаловым Умаром

Москва, 1957 год. М. А. Боташев с группой карачаевцев — слушателей шестимесячных курсов при Высшей партийной школе ЦК КПСС. Слева направо: Халит Борлаков, Борис Узденов, Магомет Боташев, Али Байкулов, Мухаджир Салпагаров, Коджаков Идрис, Хамзат Бабоев, Гербеков, Ибрагим Кубанов

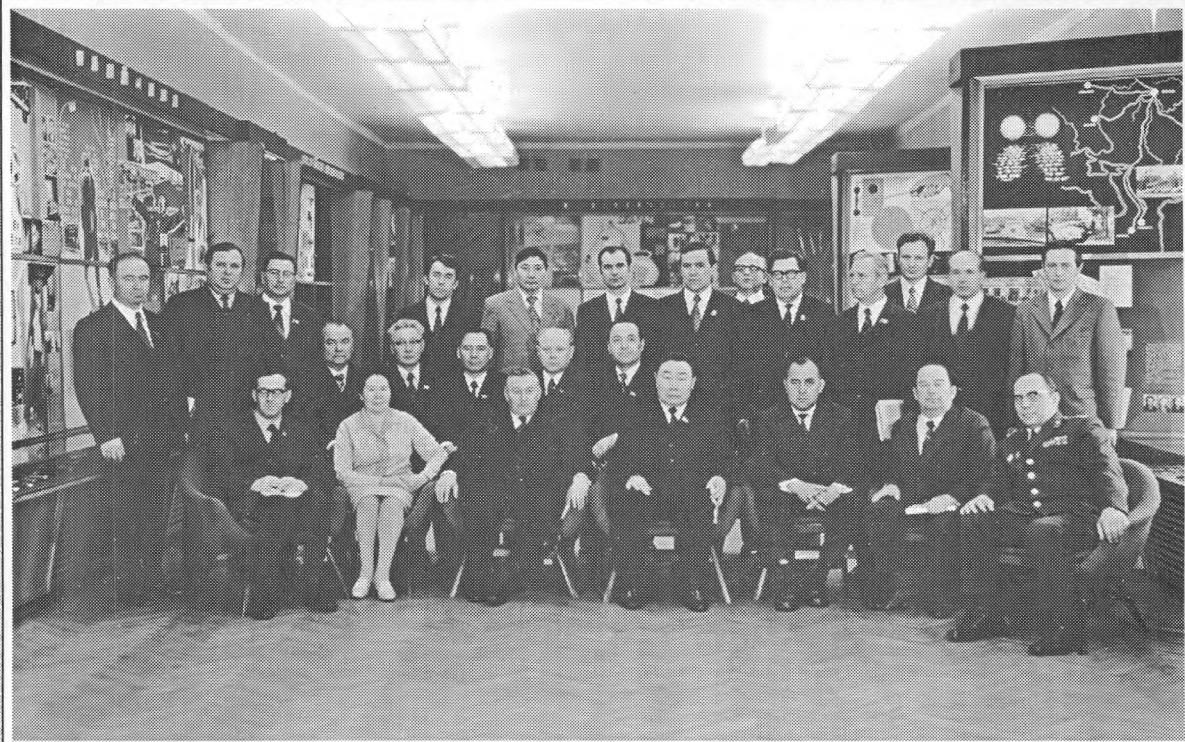

На сессии Верховного Совета РСФСР, 1971 год

В первом ряду слева направо: 1-й секретарь Карачаево-Черкесского ОК КПСС Ф. Бурмистров, первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС М. Горбачев, председатель облисполкома М. Боташев. Адыге-Хабльский район, 1973 год

Всероссийское совещание работников советских и административных органов, май 1974 г.

уже позади будут жестокая война, кровопролитные сражения, гибель однополчан, ранения и перенесенные страдания.

Последний день октября 1989 года. В Карачаевске проходит траурный митинг, посвященный очередной годовщине депортации карачаевского народа. В своем обстоятельном докладе известный общественный деятель, истинный патриот своего народа Солтан Алиев приводит страшные факты тех трагических дней и лет. От его голоса содрогаются даже горы. Он говорит убедительно и весомо. Все им выстрадано и пережито. На глазах многих пожилых мужчин и женщин слезы. Рядом со мной сидит легендарная Мелек Глоова, которая в годы Великой Отечественной войны летала на боевых самолетах, бомбила фашистов, ходила в разведку в суровых Швейцарских Альпах. Сильная, волевая женщина, не скрывая слез, плакала. Великая дочь Карачая плакала и о тех, кто остался на поле брани, и о тех, кому выпала горькая участь пережить трагедию выселения и долгие годы, страдая и мучаясь, жить на далекой чужбине. «И это сделал Сталин, с именем которого мы шли в бой и погибали, — в сердцах произнесла Мелек, а потом, уходя в себя, добавила, — когда я вернулась с войны вместе с боевой подругой — грузинкой, здесь, на родине, уже никого не было. Она забрала меня к себе. Моим переживаниям и боли не было конца. Я металась, не зная что делать. Но убило меня другое. В одном доме я увидела ступеньки, вымощенные из надгробных плит. Помню, чуть не потеряла от ярости сознание. На одной ступеньке отчетливо была выбита карачаевская фамилия. Какой ужас, разве забудешь», — губы овеванной славой Мелек Глоовой задрожали. Я обняла ее, пытаюсь успокоить. А голос Солтана Алиева тем временем продолжал будоражить сознание собравшихся на площади, листая трагические страницы памяти народа. Называя имена героических сынов и дочерей Карачая, он призывал тем самым подрастающее поколение помнить об уроках истории, чтобы подобные трагедии никогда и ни с кем не повторились.

«Второго ноября горянка, командир кавалерийского взвода, старшина Халимат Эбзеева форсировала Днепр. А ее семья под усиленным конвоем отправлялась со станции Баталпашинская в дорогу неслыханных страданий.

Третьего ноября 1943 года командир пулеметного отделения 125 полка морской пехоты сержант Хызыр Хачиров повторил подвиг Александра Матросова, а его семья, об-

виняемая в предательстве, на станции Невинномысская под дулами автоматов следовала неведомо куда.

Когда пятого ноября 1943 года в Белоруссии командир партизанского отряда сержант Юнус Каракетов, за голову которого немецкое командование назначило 50 тысяч марок, разрушил три вражеских моста, его семья на станции Астрахань в вагоне для скота этапировалась в чуждадельные края.

Шестого ноября 1943 года командир танковой бригады полковник Харун Богатырев (впоследствии Герой Советского Союза) освобождал Киев, а его семья на станции Гурьево тоже под усиленным конвоем держала путь в Среднюю Азию и Казахстан.

Чудовищно, но факт: 9 ноября 1943 года за разгром 27 немецких гарнизонов легендарный командир 121 партизанского полка капитан Осман Касаев был представлен к высокому званию Героя Советского Союза, а его семья на станции Кызыл-Орда конвоировалась к месту выселения.

Седьмого ноября 1943 года бывший политрук 29 стрелкового полка Борис Казиев был в шестой раз приговорен фашистами к смертной казни за побег из лагеря, а его беззащитная семья находилась на станции Аральская на пути в незнакомые им края...

Ничего об этом не знал в то грозное время Магомет Боташев. Да и откуда? С изуверской несправедливостью он столкнется позднее. Сейчас стояла самая важная задача – повернуть гитлеровцев обратно, еще лучше – уничтожить их всех до одного, очистить родину, принести народам страны освобождение...

У переправы через Волгу в районе города Первомайского, где стояла его часть, Магомет заметил баржу. На ней находилось много пленных. По их теплой одежде и высоким меховым шапкам Боташев догадался, что пленные – румыны. Странно, но среди них немцев не было.

Один из конвоиров рассказал, что пока баржа шла через Волгу, румыны подняли бунт, перебили немцев, их охранявших, и выбросили в ледяную воду. «За чем рвались сюда, то и получили», – промелькнуло в голове у Магомета.

По левому берегу Волги под конвоем наших бойцов шли целые колонны пленных. Это были уже не вчерашние надменные солдаты фюрера. Жалкий, потрепанный вид, испуганные лица, на которых четко обозначилась печать безысходности, – вот что

осталось от них, считавших еще недавно себя победителями. Порой эта картина вызывала у Магомета смех. Головы пленных фашистов обмотаны во что попало. В старые Бог знает откуда взявшиеся женские платки, куски одеял, какие-то тряпки непонятного назначения. А что делать, мороз ведь не тетка?! Немцы никак не ожидали, что, кроме советских солдат, у них будет и другой, не менее жестокий враг — сильные русские морозы.

«Память сохранила даже такую деталь, — вспоминает сегодня Магомет Абдурзакович, — в тот момент где-то, но это абсолютно точно, я увидел на одном из пленных табличку, на которой четко было выведено: «Дорога в плен». Ворочить прошлое — губить сердце. Сталинградская битва, пожалуй, самое кошмарное, что пришлось пережить на войне. Мы действительно не постояли за цену. Ах, как много там полегло наших солдат. Диву даюсь, как смогла волгоградская земля снова возродиться после такого побоища».

...Почти стертый с лица земли город ликовал. Многотысячная армия Паулюса в плену. Прямо среди развалин разрушенного Сталинграда состоялся большой митинг, на котором выступил Никита Сергеевич Хрущев. Он поздравлял с победой, благодарил бойцов и их командиров за проявленный, неслыханный доселе героизм и мужество, вселял уверенность в неминувность окончательной победы над фашистами. Уставшие, измученные бесконечными боями и бессонными ночами солдаты обнимали друг друга, вспоминали погибших друзей. Поднимали за них наркомовские сто граммов.

Радость огромного успеха переполняла души, новый прилив сил овладевал бойцами. Они уже понимали — перелом наступил. Наступал решающий час главной битвы с врагом, который должен быть уничтожен и изгнан с родной земли. И Магомет был готов сражаться до последнего.

Но случилось непредвиденное. Он снова оказался в госпитале. Обиднее всего, что на этот раз вывела его из строя не вражеская пуля, а тиф. Коварная, порой тяжело протекающая болезнь. Приходя в себя, он с тревогой думал: «Неужели это все. Как обидно уйти вот так, не успев сделать главного, — добыть любой ценой победу».

Иногда он начинал злиться на врачей за то, что так долго не могут поставить его на ноги. Магомет считал, что не имеет права просто так лежать в госпитале, когда его однопольчане ведут сейчас активные наступательные бои по всему фронту. Щемящая боль наполняла сердце.

Врачи, понимая, как терзает себя Боташев, успокаивали его как могли. Уверяли, что совсем скоро он снова окажется в строю. Убеждали, что с тифом шутки плохи. Зачастую он дает серьезные осложнения, а иногда приводит к смерти.

Проходил день за днем. Крепкое здоровье и усилия врачей помогли Магомету справиться с недугом. Лечение шло успешно, и, наконец, настал день, когда его выписали из госпиталя.

На дворе бушевал май зеленой листвой. На Кавказе, в его родных горах, в это время уже готовятся к откочевке на горные выпаса. Альпийские луга, как разноцветные ковры, радуют глаз и манят. Глядя на это чудо, холодные молчаливые пики гор начинают оттаивать, словно не желая входить в противоречие с законами природы. Начинался трудный период для сотен простых людей, поднимавшихся в высокогорье, чтобы помочь животным набрать вес, заготовить на зиму сено, молочнокислую продукцию: айран, сыр, масло, тузлук.

«Вот бы попасть сейчас туда, где свежий воздух перехватывает дыхание и постоянно возникает ощущение новизны жизни», — размышлял Магомет, собираясь в дорогу. Но его путь лежал на запад. Он торопился в свою часть. Она находилась уже на Воронежском фронте, недалеко от Белгорода. Впереди Магомета ждало еще одно из решающих сражений Великой Отечественной — Курская битва.

...Харьков планировали взять штурмом. При упоминании этого города Магомет Абдурзакович сразу оживает и меняется в лице. Что-то долго обдумывает и спустя время начинает рассказывать: «И вот неожиданно разведчики приносят приятную новость — немцы оставили город. Странно. Что бы это значило? Но гадать-раздумывать абсолютно нет времени. В Харьков мы вошли без единого выстрела. Бывало на войне и такое. Радовало в этой связи другое — наши части не понесли потерь...»

Но разгадка столь легкого овладения Харьковом не заставила себя ждать. Фашисты город-то оставили, но заняли достаточно серьезную оборону южнее Харькова. И у большой железнодорожной станции Основа встретили наступление наших войск мощным огнем. Это было 23 августа. Стоял жаркий летний день. Откровенно говоря, бойцы не ждали такого поворота событий. Разгорелся страшный и жестокий бой. Он длился несколько часов. Гитлеровцы строчили и били из всех видов оружия, их танки нагло лезли на наши позиции, полагая, что не получают ответного внушительного удара. В какой-то момент

боя Магомет, никогда не прятавшийся за спины других, почувствовал: что-то обожгло лицо. Но не придал этому значения. И вдруг он услышал:

— Боташев, ты же ранен, — тронул за рукав Магомета сидевший боец.

— Не может быть! — Магомет посмотрел на товарища. И тут же почувствовал, как по подбородку что-то стекает на гимнастерку. Коснулся рукой лица. Оно было в крови.

— А черт, все-таки задело, — почти что крикнул Боташев, — а я-то надеялся — пронесет. — И только сейчас он ощутил жгучую боль. Она разливалась по всему лицу и отзывалась в теле. Кровь текла не останавливаясь. На месте раны застрял осколок.

— Пойдем, скорей пойдем в медсанбат, — потащил Магомета товарищ. — Надо срочно остановить кровь.

— Может пройдет, — Магомет неуверенно еще раз тронул лицо. И снова окрасилась рука.

— Ну, что они, гады, по лицу, — в сердцах сказал врач, нагнувшись над Боташевым, когда его все-таки, вопреки протестам, доставили в медсанбат. — Потерпи чуть-чуть солдат. Осколок хорошо сидит. Попробую сейчас вытащить. И не расстраивайся. След от раны, к сожалению, останется. Задело сильно. А шрам, да что шрам, он еще больше украсит лицо любого мужчины.

Разговаривая с Боташевым, врач разрезал щеку. Прикусив губу, Магомет терпел мучительную боль, не показав ни одним движением мускула свои страдания.

— Вот так, — наконец врач выпрямился над Магометом, — повезло тебе, парень! Могло быть хуже. Еще бы чуть-чуть, и осколок мог угодить в глаз. На, возьми, вот на память.

Он протянул Магомету кусок еще теплого металла, только что извлеченного из залитой кровью раны.

— Да на черта он мне нужен, — сказал Магомет.

— И то правда, — засмеялся доктор, — на кой он тебе нужен, этот «подарок» врага. — И осколок со звоном полетел в железный таз.

Врач отошел. Его ждали другие больные. А Магомет остался лежать на кушетке, полагая, что ему наложат повязку и отпустят. Но о нем словно забыли. Рана ныла. Кровь продолжала течь.

— Доктор, мне долго еще лежать, — почти крикнул Боташев, обращаясь к врачу, который с кем-то оживленно разго-

варивал. Врач обернулся. И тут Магомета обожгла обида: неужели он забыл о нем. Сделал операцию и отошел. На лежащего Магомета смотрели смертельно уставшие глаза доктора. Лицо было бледным с желтым оттенком. Под глазами жуткие синие круги. Магомету стало неловко. Как знать, может быть, он уже несколько суток не смыкал глаз. Раненых привозили постоянно, операции идут за операциями. А тут он, Магомет, еще требует к себе внимания. И так врач сделал все, что мог.

Не подходя к Боташеву, доктор крикнул медицинскую сестру и попросил сделать Магомету перевязку. На ходу завязывая издававший виды халат, врач спешил к только что поступившему тяжелораненому солдату...

...Немцы отступали. Подсознательно они смирились с неизбежностью своего поражения. Торопясь, однако, не забывали оставлять о себе подлую память. Сжигали и разрушали все, что попадалось им на пути. Больше всего Магомету было видеть сгоревшие скирды пшеницы. Но местами поля стояли нетронутыми. «Не успели, гады,» – со вздохом облегчения Магомет останавливался у кромки поля. Шелушил созревшие зерна и радовался тому что, вопреки всему, жизнь продолжается. А залог тому – поспевшая пшеница, терпеливо ждавшая часа, когда заботливые руки человека уберут ее в закрома.

«С боями наша дивизия продвигалась к знаменитому, воспетому украинским народом, Днепру. Немцы надеялись остановить движение наших войск на этой водной преграде. Они раструбили, что по Днепру ими создан неприступный восточный вал. Но надежды их не оправдались. Советские войска, подойдя к водному рубежу, с ходу его форсировали и создавали на западном берегу плацдармы. Части нашей дивизии тоже переправились через Днепр в районе Кременчуга и отвоевали у немцев плацдарм. К началу ноября все плацдармы на западном берегу были расширены, а столица Украины Киев был освобожден от захватчиков.

Всю зиму 1943–44 годов шли ожесточенные бои на Правобережной Украине. Была разгромлена крупнейшая Корсунь-Шевченковская группировка гитлеровцев. Войска наши двигались на запад и в весеннюю распутицу. 15 гвардейская дивизия с боями преодолела кроме Днепра еще несколько водных преград (реки Ингулец, Ингул, Южный Буг) и в середине апреля 1944 года вышла к реке Днестр севернее города Тирасполя. Сходу был захвачен небольшой плацдарм

на западном берегу реки у города Бендеры. Все три артбата-реи нашего дивизиона оставались на огневых позициях на восточном берегу, а командные пункты вместе с пехотой обустроились на плацдарме.

На этом участке фронта дивизия находилась до начала июня 1944 года».

Ни контузии, которых не счесть, ни ранения не могли вывести отважного парня из далекого карачаевского аула Хурзук из строя.

Каждая пядь родной земли давалась нелегко. Порой невозможными потерями. Но что поделать – шла война. А она без жертв не бывает. В короткие минуты отдыха, когда разрешалось на час-другой вздремнуть, Магомету снилась победа. Вот он стоит у знамени своей дивизии. Кругом оживленные голоса друзей-товарищей, звучит торжественная музыка. Еще не все знают, что произошло. А он уже в курсе – Победа. Эх, если бы мама увидела меня, – эта мысль последняя. Дальше сон прерывается, и он снова окунается с головой в суровую действительность. Неожиданно стало грустно. Писем из дома уже давно не было. Скорее всего они не успевают вслед за его частью. Сегодня здесь, завтра там...

«Во Львовской области нас однажды привлекли для проведения облав и зачисток сел. Прятавшиеся в лесах и селах бендеровцы не упускали любого случая расправиться с нашими солдатами. Ходить по одному было опасно. Командование издало даже специальный приказ: ходить на выполнение заданий по несколько человек. А поводом послужил один весьма печально закончившийся случай. Части нашей дивизии располагались в разных деревнях Львовщины. Как-то два солдата, выполняя задание, шли из одной деревни в другую. На пути встретилась речка. Они решили искупаться. Ну как лишиться такого удовольствия, когда нещадно палит солнце, а прохладная вода неотступно манит к себе. Решили – сделали. О необходимой в таких случаях бдительности даже и не вспомнили. И вот, когда ребята безмятежно плескались, к ним подкрались те самые «блуждающие» немцы и безжалостно расстреляли их.

Мы обнаружили солдат не сразу. И до того было обидно, что так глупо они погибли. Погибли, пройдя такой трудный фронтовой путь, а до победы оставалось совсем немного.

Под Львовом мы стояли относительно недолго. Вскоре дивизию укомплектовали и она двинулась дальше. К реке Сан,

протекавшей прямо на границе. Так случилось, что воевать мне пришлось почти в одних и тех же местах. Сначала отступал, а потом, спустя три года, вновь оказался в этих местах, но уже наступая, освобождая Родину от врага.

Начались бои за Сандомирский плацдарм на Висле. Дивизия начала переправу через реку Висла на плацдарм». Магомет Абдурзакович прерывает рассказ, и его взгляд становится чернее тучи. Я прекрасно понимаю, что творится сейчас в его душе. Дальше со своей дивизией он не пошел. И долгожданную победу встретил не в Берлине, о чем мечтал все долгие дни, месяцы и годы войны.

Дальше начинается другая, пожалуй, самая печальная и самая трагическая история в его судьбе.

ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ПРИЗНАКУ

В конце июля 1944 года части Красной Армии, в одной из которых воевал Магомет Боташев, вышли с боями к реке Висла.

Для героя моей повести с этого периода началась череда поистине черных лет жизни, в которой с лихвой хватило всего — боли и огорчений, ежедневной, не проходящей ни на минуту тревоги за родных и близких, переполнявших чашу терпения оскорблений человеческого достоинства.

Неспроста потому конец второго месяца лета предпоследнего года войны остро врезался в его память и остался в душе Магомета Абдурзаковича, как резьба на камне.

«В тот день дивизия переправлялась на левый берег Вислы южнее города Сandomира. Город Сandomеж (так произносятся название города поляки) расположен на западном высоком берегу Вислы. Командир части, которая вышла к реке напротив города, оказался по гражданской специальности архитектором. При виде города он поразился его красоте и приказал никоим образом не обстреливать город из орудий и минометов. Позже город был освобожден без каких-либо повреждений его исторической части: городской ратуши, костелов и т. д. (молельный зал одного из костелов расписан русским художником Васнецовым). Командир-архитектор был смертельно ранен на западе Польши. Перед смертью он попросил, чтобы его похоронили в Сandomире. Его просьба исполнена. Прах русского офицера-архитектора и сейчас покоится на Сandomирской земле. Эту историю я узнал, посетив Сandomир в период работы в Польше в 1979–87 гг.

Приказ срочно явиться в штаб дивизии застал меня на Сandomирском плацдарме.

— Мы получили приказ отправить вас в один из тыловых округов, — объявили коротко.

— Почему? — не поверив услышанному, переспросил Магомет.

К сожалению, прояснить ситуацию ему не смогли. Или просто не захотели, чтобы не нанести рану одному из бесстрашных воинов дивизии. Впрочем, Магомет догадался, почему его снимают с фронта.

– Куда? – спросил он и не узнал свой голос.

– Среднеазиатский или Южно-Уральский. Можете выбрать.

– Южно-Уральский, – ответил Магомет. В тот момент у него мелькнула мысль, что это ближе к его дивизии. Вдруг его отзовут назад. Не хотелось уезжать так далеко.

– Когда выезжать?

– Сегодня. Вот ваше предписание, – ему протянули бумагу.

Ватными, почти бесчувственными пальцами он взял документ, который показался ему в этот миг тяжелее любой скалистой глыбы. «К чему такая спешка? – мелькнуло в голове у Магомета, – неужели сегодня я должен покинуть часть, друзей, с которыми прошел столько страшных военных дорог, видел столько горя и материнских слез. Что я скажу своим однополчанам, как объясню свой неожиданный отъезд на восток?»

Чувство обиды и несправедливости обожгло его сердце. Мысли одна за другой проносились в голове. Страшные подозрения, закравшиеся совсем недавно, похоже стали оправдываться. Они начали терзать его после того, как однажды – это было месяца 2–3 назад, пришло письмо от его сестры Айшат. Магомет не поверил своим глазам, прочитав на конверте незнакомый ему доселе обратный адрес: «Пахта-Арал». Быстро распечатав конверт, он узнал знакомый почерк сестры. Она писала, что мама и Зурум попали в Киргизию, аул Кара-Балта, Гыджиккы и Гезам – в Курдайский район. Как они оказались столь далеко от родных мест, Магомету пришлось узнать позже. Но он уже чувствовал: случилось что-то страшное. С письмом сестры он направился к заместителю командира полка. Тот связался сразу с политотделом дивизии. Увы, вразумительного ответа дать никто не мог. Оставшись в полном неведении относительно причины появления матери и сестер в Средней Азии и Казахстане, Магомет написал письмо сестре. Он пытался успокоить их, прекрасно понимая, как тяжело им приходится, живя разобщенно в разных районах далекой чужбины. Но вопрос: «почему?» не давал ему покоя ни на минуту.

Мог ли знать Магомет, что вместе с его родными в Среднюю Азию и Казахстан в одночасье был выселен весь карачаевский народ. Что железнодорожные полотна, по кото-

рым шли составы с жертвами чудовищной депортации, были сплошь усеяны трупами его соплеменников – в основном детей и стариков. Что земля Средней Азии и Казахстана станет настоящей Голгофой для сотен тысяч не только карачаевцев, но и балкарцев, ингушей, чеченцев, калмыков и других представителей репрессированных народов...

Впрочем, Магомет знал о случившейся трагедии, но далеко не все, что могло повергнуть его в настоящий ужас.

«О депортации я узнал так. В конце апреля 1944 г. в течение полторы – двух недель получил три письма от родных. Все три письма имели разные обратные адреса. Первое от сестры Айшат из Южного Казахстана, из известного теперь всем карачаевцам Пахта-Арала. Второе от старших сестер Гезам и Сапрахан (Гыджыккы) из Курдайского района Джамбульской области, где они подневольно трудились на цементном заводе. Третье от матери и сестры Зурум из Кара-Балта во Фрунзенской области Киргизии. Все письма на 2/3 были замазаны военным цензором. И тогда я понял, что высланы с Кавказа на Восток все карачаевцы. В письмах говорилось, что там никого не осталось, что писать туда не надо. Было понятно, что всех брали там, где их застало злое утро 2 ноября 1943 г.: сестру Айшат – дома в Кисловодске, мать – на летних кошах в 7–10 км от Кисловодска, сестер Гезам и Сапрахан – на сельхозработах на прирезках у Соленых озер недалеко от Черкесска...

Всю дорогу от штаба дивизии, где ему сообщили печальную весть, Магомет шел как во сне. Словно в калейдоскопе, он прокручивал в памяти все увиденное и пережитое в этой жестокой войне. Все месяцы войны, растянувшиеся казалось на долгие десятилетия, он мечтал только об одном – дойти до Берлина. Дойти во что бы то ни стало. Разгромить фашистов в их логове. В полной мере ощутить радость долгожданной победы. И с особой гордостью написать на стенах рейхстага заветные слова: «Мы победили! Ура, советскому воину-освободителю!» А еще бы он дописал обязательно собственноручно: «Низкий поклон советским женщинам-матерям!»

О многом мечтал Магомет, рядовой солдат самой кровопролитной в XX столетии войны. Не раз в ожесточенных сражениях, когда наступала минута-другая передышки, он представлял себе этот светлый день. И перед его взором обязательно вставало лицо матери – самое святое и родное для него в этом мире...

Теперь всего этого не произойдет. Никогда. При этой мысли сердце Магомета еще сильнее защемило от горечи обиды, которую он, ну никак, не заслужил. «В чем я виноват? В чем виноваты мои мать и сестры? Ведь я верой и правдой служил Родине. Никогда не прятался за спины других. Не боялся смотреть смерти в лицо. Почему? Как же это несправедливо! Как жестоко по отношению к своим сыновьям-защитникам, не жалевшим себя во имя победы...»

Тысячи вопросов. И все без ответов. Магомету хватило сил, к его чести, мужественно выдержать суровый приговор. К тому времени он был членом партии. В нее он вступил в самый ответственный и трагический период войны – под Сталинградом. В заявлении тогда он написал: «До последней капли крови буду биться с ненавистным врагом. Сделаю все от меня зависящее, чтобы моя Родина была свободной и счастливой».

И никогда, пройдя жестокими дорогами войны, он не нарушил данного обещания.

...Тяжелым свинцом оттягивало карман брюк пресловутое предписание. Казалось, оно невыносимо жгло его ноги, и тогда они отказывались подчиняться. Зловещая бумага серого цвета делала Магомета теперь второсортным солдатом. А ведь только вчера командиры доверяли ему самые ответственные, требующие особого мужества и храбрости задания. Еще вчера он был равный среди равных... А сегодня... Что-то оборвалось внутри...

Как ни странно, день был ясным, солнечным. Но ему он казался холоднее, чем лютые морозы в январе 40-го года в Финляндии. Жизнь для Магомета начинала терять смысл и всякую значимость. Правда, только на миг он показался себе беспомощным. И тут взял себя в руки. «Жизнь не закончилась. Мужество не должно подкачать меня. Надо перенести и этот удар судьбы...»

Тяжело передвигая ноги, не замечая ничего происходящего вокруг, Магомет вдруг вспомнил своего земляка по фамилии Батчаев (имя и откуда он родом Магомет так и не узнал). Он воевал в соседней дивизии, дислоцированной на другом берегу Днестра. Однажды Батчаев позвонил и взволнованным голосом сообщил Магомету, что его вызывают в штаб. Магомет заинтересовался на всякий случай, не натворил ли Батчаев чего-нибудь. Это было исключено. Батчаев был адъютантом командира батареи. Живой, храбрый, немного озорной, он пользовался большим авторитетом и у солдат, и у офицеров. Командир был доволен его службой и дорожил своим адъютантом.

Перед тем как положить трубку, Батчаев предложил Магомету встретиться и поговорить. Магомет попытался отговорить его, объясняя это тем, что переправляться через Днестр весьма опасно. Немцы беспрестанно бомбили береговые линии и не давали возможность частям Красной Армии строить понтоны.

Однако Батчаев стоял на своем. Магомет понял, остановить его невозможно. Надеясь, что командир не отпустит земляка, Магомет все же пошел к берегу Днестра. Напряженно всматриваясь вдаль, Боташев вскоре увидел лодку. Сомнений не было – в ней сидел Батчаев. Над головой смельчака, посмеявшегося на такой дерзкий поступок, беспрерывно свистели пули – немцы успели заметить лодку и сидевшего в ней человека. Магомет с тревогой ждал минуты, когда крохотная лодка прибьется к берегу. Он понимал, что Батчаев совсем непросто рискует сейчас жизнью. Значит, что-то случилось. Ему необходимо сказать Магомету что-то очень важное.

Когда до берега оставалось 15–20 метров, вражеский снаряд достал лодку. Магомет, не раздумывая, бросился в воду, хотя совсем не умел плавать. В мыслях было только одно – спасти Батчаева, не дать унести его, возможно уже раненого, быстрому течению реки. Откуда-то издали Магомет услышал незнакомый голос: «Ты что делаешь? Погибнуть хочешь, пловец?» И чьи-то сильные, почти стальные руки выхватили его из водной стихии и выбросили на берег.

Придя в себя, Магомет продолжал неустанно всматриваться в дымовую завесу, нависшую над рекой, надеясь увидеть Батчаева. «Он должен вынырнуть, он не должен погибнуть», – повторял он про себя, теша себя все еще теплившейся в душе надеждой.

Продолжавшиеся и на следующий день поиски друга не увенчались успехом.

Днестр унес не только Батчаева, но и его тайну, с которой он хотел поделиться с Магометом. И вот сегодня, когда в штабе дивизии ему сообщили о немедленном отбытии на восток, Боташев уже не сомневался, что заставило Батчаева броситься в холодные воды Днестра и настойчиво плыть на другой берег. Как потом стало известно, именно в это время рядовой и сержантский состав из репрессированных народов отзывали с фронта и направляли на лесоповал как заключенных.

Возможно, Батчаев знал, что совсем скоро его отправят на лесоповал как уголовного преступника. Для него, Батчае-

ва, гордого, отважного, свободолюбивого, не умеющего склонять голову и лизать начальству сапоги, это было бы равносильно смерти. Судьба смиростивилась над ним – не уготовила ему этого оскорбительного унижения.

...Получив предписание, Магомет в тот же день немедленно выехал на перекладных и направился в Южно-Уральский военный округ. Но сначала был Киев, потом Москва.

«Это был мой первый приезд в столицу. Разумеется, она не была такой торжественной и красивой, какой я видел ее в последующие годы. Следы войны были видны повсюду. На улицах, площадях, на зданиях и особенно – на лицах людей. Москва была мрачной и суровой», – вспоминает Магомет.

В столице он останавливается у своего давнего друга Авраама Моисеевича Разгона. Сразу же был накрыт скромный по тем временам стол. Пришли соседи. Состоялся долгий разговор. О ситуации на фронте. О наших потерях. О возможности скорого завершения войны. Женщины, сидевшие за столом, вздыхали и украдкой плакали. Но никто не спросил Магомета о причинах его отъезда из части, зачем и с какой целью он держал сейчас путь в Оренбург.

С Авраамом Моисеевичем Разгоном Магомет Абдурзакович был знаком еще с финской войны.

«Разгон был коренным москвичом. Как и я, призывался в армию в 1939 году. Он был студентом первого курса исторического факультета МГУ. Познакомились мы с ним в полковой школе 376 гаубичного артиллерийского полка. Вместе принимали участие в советско-финской войне 1939–1940 годов. На западных рубежах под Уманью в 1941 году воевали тоже вместе. В 1942 в оборонительных боях с немцами, когда после разгрома наших войск они рвались к Дону, Разгон, имея только звание старший сержант, был назначен старшим на батарее (старший на огневых позициях батареи). Проявил себя знающим артиллерийское дело, хладнокровным боевым командиром. В бою получил тяжелое ранение, я сам отвозил его в госпиталь. Больше года пролежал в госпитале в Средней Азии. После госпиталя вернулся в Москву и поступил снова в МГУ (между прочим он был на одном курсе со Светланой – дочерью Сталина). После войны стал доктором наук. Бывал у меня в гостях в Черкесске».

Незаметно пролетели два дня в гостеприимном доме Авраама Моисеевича Разгона. Глубокой ночью третьего дня Магомет выехал к пункту назначения. В ожидании поезда он ко-

ротал время на вокзале. И не разу не сомкнул глаз. Вот уже который день его мучили одни и те же тяжелые мысли: «Почему я здесь, а не там, где мои боевые товарищи? За что эта страшная кара, свалившаяся невесть откуда?» Магомет хорошо понимал, что дорога до Берлина будет совсем нелегкой. Она потребует новых, возможно неисчислимых жертв. Враг просто не сдастся. Но Магомет готов был пройти эту дорогу с другими, чтобы добыть любой ценой — пусть самой дорогой — победу. Он так хотел увидеть своими глазами, прочувствовать всем своим нутром эту вожденную победу. Ощутить ее сладкий вкус и рассказать потом об этом своим потомкам. Казалось, все это было так близко... Оказалось совсем далеко и недостижимо. У него отобрали, нет, вырвали эту возможность, эту лучезарную надежду вложить в здание победы свой собственный последний кирпич...

Сидя в переполненном зале ожидания вокзала, он чуть было не крикнул: «Это ко мне нет доверия?! Ко мне?! Кто, кто же усомнился там, наверху, в моей искренней преданности Родине, кто не поверил, что лучше я погибну, но никогда не опозорю отца, мать, сестер, дядю Чубура, вековые законы наших мудрых гор!»

Внутренняя, непроходящая боль отразилась на его лице. Он вздрогнул, подумав, что окружающим его людям вдруг стало известно, какие мысли обуревают его голову.

А вокруг были люди. Главным образом женщины с детьми, старики и фронтовики. Одни с перевязанными головами, другие на костылях, третьи, тяжело кашляя, почти не вставали, каждое движение приносило им боль. У всех в этом зале были свои проблемы, переживания, горе, которое, как широкая река, разливалось по всей стране, затекая в душу любого человека большой страны, где бы он ни жил.

Копотившиеся рядом дети жалобно смотрели в глаза матерей. Голод истощил их и без того слабые тельца. Каждый хотел кушать и не скрывал своего желания. Дети всегда остаются детьми. Один из малышей подошел к Магомету и долго смотрел на него. В глазах ребенка Магомет прочитал неизбывную печаль и непредсказуемость собственной судьбы. Мальчик не отходил, словно чего-то ждал. Боташев, не раздумывая, развязал вещмешок, вытащил консервы, хлеб и протянул матери ребенка.

— Покормите его, у меня больше ничего нет.

Женщина, удивленно, даже несколько странно посмотрела на солдата и ничего не ответила, с благодарностью при-

няла столь шикарный подарок. Магомет понял, что у нее не было даже сил сказать ему, что такие поступки в голодное время сродни подвигу. Немедля несколько детей окружили женщину, разрезавшую хлеб, и, жадно выхватывая из ее рук сделанные тут же бутерброды, молниеносно проглатывали, вновь протягивая маленькие ручонки. У наблюдавшего за этой картиной Магомета засадило сердце. Он снова запустил руку в вещмешок, вытащил из дальних запасников несколько кусочков сахара. И даже не успел заметить, как они оказались в тех же детских руках, крепко сжимавших белоснежные кубики. «Может где-то сейчас вдалеке вот так голодными скитаются и дети моего высланного народа», — подумал Магомет.

Волна обиды и возмущения вновь горячей струей расплавленного металла облила его душу. Он не мог себе даже представить, что есть люди, у которых хватило совести обвинить целый народ и выбросить его на произвол судьбы. В том числе и детей, чьи отцы погибали со словами «За Сталина!» на устах. И в чем обвинить — в предательстве...

Но мог ли тогда, сидя в холодном, обшарпанном, переполненном женщинами с трагическими лицами и плачущими детьми железнодорожном вокзале, знать Магомет Абдурзакович Боташев, что через много-много лет, он, став большим государственным деятелем, будет сидеть за столом с одним из главных инициаторов выселения его народа — Сусловым. По его вине погиб не только Батчаев, переплывая Днестр, чтобы сообщить Магомету печальную весть, но и десятки тысяч безвинных карачаевцев, навсегда оставшиеся лежать на чужбине — далеко от родимых кавказских гор. Да, именно Михаил Андреевич Суслов повинен в том, что сотни и сотни карачаевских сыновей, не успев дойти до Берлина, были сняты с фронтов. И подвергнуты изуверскому унижению и оскорблению. Их честь, честь воинов-горцев, была бессовестным образом втоптана в грязь, а их имена постарались предать забвению.

К сожалению, Магомет не мог в ту ночь предполагать, что через десятилетия ему придется — куда денешься! — встречать этого злодея в облике человека, как высокого московского гостя, слушать неоднократно его речи, в которых каждое слово, как капля крови его соплеменников, не вернувшихся домой из ссылки, отравляло душу и вызывало нестерпимое порой желание высказать ему все накопившееся в сердце.

...Суслов. Это он однажды на собрании актива в Ставрополе произнес такую кощунственную фразу: «Карачаевцев вы-

селили — теперь осталось уничтожить в ущельях их дух». Такое мог сказать только человек, удивительным образом ненавидящий людей, человек, в ком напрочь отсутствовали понятия «гуманность» и «честь».

Магомету Абдурзаковичу не раз приходилось встречаться с этой одиозной фигурой, занимавшей высокие посты в партии. Уже будучи на пенсии, наш замечательный земляк не мог не высказаться в печати о том, какие незаживающие раны наносили ему встречи с Сусловым, как невыносимо тяжело было ему сидеть рядом с человеком, повинном в неисчислимых страданиях и горе карачаевского народа в 40–50-е и последующие годы. (Подробно о встречах М. А. Боташева с М. А. Сусловым см. в Приложении).

...Итак, снятый с фронта, Магомет Абдурзакович направлялся в Оренбург. Что его ждало впереди, он не знал. На фронте было проще. Ему верили. А теперь снова придется доказывать свою честность, порядочность, верность партии и Отечеству. Все начинать сначала.

«В Оренбург приехал я ночью. Утром я был у штаба Южно-Уральского ВО. Рабочий день еще не начался. Я отошел к нерабочему подъезду здания, сел на ступеньки, задумался. Позже к подъезду штаба начали собираться офицеры. Появился и Соттаев. С его появлением офицеры оживились, все чаще раздавался громкий смех. Заметив меня, одиноко сидящего на ступеньках соседнего подъезда, он отделился от группы и подошел ко мне. Я продолжал сидеть. Он поздоровался со мной, спросил: «Ты откуда?» Я, взглянув на него вверх, увидев его аккуратные черные усы, лицо ответил: «Оттуда откуда и ты». Тогда он спросил: «Таулумуса?»

Магомет утвердительно кивнул и они обнялись, как будто знали друг друга всю жизнь. Адильгерий Соттаев сообщил, что балкарцев выселяли 8 марта, преподнеся солдатским матерям и женам своеобразный «подарок» (Адильгерий при этом горько усмехнулся). Спросив Магомета, из какого он аула, Соттаев произнес:

— Я думал, ты таулу (т. е. балкарец), а ты карачаевец, оказывается. Да какая разница, мы ведь братья — карачаевцы и балкарцы. А ваших ведь тоже выселили, знаешь?

— Да, — вздохнул Магомет, — теперь уже знаю. 2-го ноября 1943 года. Дошло и до тех, кто воевал. Меня вот с фронта сняли. В Польше был.

– Меня тоже, – и глаза Адильгерия вмиг наполнились такой печалью, что, казалось, радости места уже нет на свете.

В управлении кадров Магомета зачислили в 21-й отдельный батальон резерва офицерского состава, в котором состоял и Адильгерий Соттаев.

Направляясь в управление, Магомет ожидал встретить со стороны штабистов не только равнодушие к его судьбе, но даже и некоторую неприязнь. И, естественно, был готов постоять за себя, не дать унижить свое человеческое достоинство.

Произошло же совсем обратное. Поднявшийся навстречу работник управления в чине генерал-полковника (как жаль, что память не сохранила его фамилии) протянул руку и пригласил сесть. Магомет отдал ему предписание и сразу встретился со взглядом человека, хорошо понимавшего состояние сидевшего напротив него офицера.

– Я знаю, все знаю, – вздохнул генерал, как будто был виновен в том, что Магомет оказался сейчас далеко от линии фронта.

Он внимательно слушал Боташева, который впервые за многие дни мог высказать без оглядки назад свою обиду.

– А вы знаете, где сейчас находятся ваши родные? – спросил офицер, едва Магомет закончил свой печальный рассказ.

– Знаю. Их разбросали кого куда. Мама и четыре сестры находятся не только в разных населенных пунктах, но даже в разных республиках, за тысячи километров друг от друга.

– М-да! Понимаю, тяжело. – Генерал поднялся со стула. Прошелся по кабинету. Глянул в окно и сказал:

– Что и говорить, идет большая жестокая война. Без ошибок не обойтись. В этой неразберихе порой происходят самые невероятные вещи. Недаром говорят: «Лес рубят – щепки летят».

«Ничего себе щепки, – кольнуло у Магомета под сердцем. – Выселили целые народы с родных мест на чужбину. А почему – никого не волнует. Щепки... Эх, вы...»

Магомет только настроился возразить, как услышал:

– Чем я могу вам помочь?

Боташев не понял вопроса. И внимательно посмотрел на него: мол, к чему этот вопрос, когда и так все ясно.

– Да, наверно, ничем. Назад на фронт вы меня не отправите. Родных на Кавказ не вернете. Нет на то у вас прав, да и возможности. Спасибо и на том, что поняли меня, выслушали и проявили сострадание. А жалеть меня не надо. Не привык.

— Вы совершенно правы — к сожалению, я не могу многое для вас сделать. А вот отпуск дать, чтобы вы съездили к матери и сестрам, — это в моих силах. Кстати, как давно вы не видели мать?

— С ноября 1939 года.

— Вот и хорошо. Съездите, обрадуете близких. Они должны знать, что герой финской войны, храбро воевавший и с немцами, жив, здоров. Поезжайте! И знаете еще что — не огорчайтесь! Поверьте, настанет время и правда восторжествует. Беззаконие будет наказано. Непременно. Видите, я не боюсь этого говорить. Кроме нас двоих здесь никого нет. Что со мной могут сделать за подобные рассуждения, вы прекрасно знаете. Тем не менее, не отчаивайтесь. На смену ночи всегда приходит день.

Магомет хотел верить услышанному. Как замороженный, он смотрел на совсем незнакомого ему человека, говорившего правду, о которой предпочитали в это суровое время просто молчать. «Надо же, есть еще и такие, — подумал он, — Мир действительно не без добрых людей».

Магомету выписали соответствующую бумагу об отпуске, воинское требование на проезд до места нахождения родных и обратно.

— Спасибо, — только и мог сказать Боташев, уже представляя себе долгожданную встречу с матерью, сестрами, с семьей дяди Чубура.

О республиках Средней Азии Магомет, как впрочем и все карачаевцы, имел весьма смутное представление. Но даже трудно было представить, в каких невероятно жутких климатических условиях приходилось жить спецпереселенцам.

Палящее, как раскаленная сковорода, солнце нещадно жгло все вокруг: бескрайние степи, кое-где встречавшиеся кустарники, появляющуюся иногда из горячего песка живность. И людей, вынужденных находиться под огненным ядром целый световой день.

Магомет остановился на станции Сыр-Дарья, чтобы отсюда уже доехать до следующей станции, откуда до совхоза «Пахта-Арал», как говорили, рукой подать.

По узкоколейке медленно двигался старый паровоз, тащивший за собой одну единственную платформу. Кругом были нищета и разруха. Иногда виднелись кибитки, покрытые камышом, да верблюды и волы, на которых, повесив понуро головы, сидели измученные знанием люди.

Магомет вскочил на платформу, и только машинист собрался набрать скорость, как Боташев замахал ему рукой, обратив внимание на еле передвигавшего ноги старика.

В нем нельзя было не узнать жителя гор. Рядом с ним шла женщина, несшая тяжелый тюк. Согнувшись под грузом, она еще умудрялась одной рукой поддерживать старика.

Видно было, что они рассчитывали сесть на платформу. Но старик был слаб. Они не успевали.

— Подожди, — крикнул Магомет машинисту. — Видишь, идут старик и женщина! Возьми их!

— Хорошо, только помоги им подняться, — согласился машинист.

По тому, как был перетянут тюк кожаным ремнем и завязан, Магомет узнал в своих попутчиках карачаевцев. Так перевязывали и в его родном Хурзуке.

Расположившись на открытой платформе, старик пристально взгляделся в молодого офицера и спросил его:

— Къарачайлымыса? (Ты карачаевец?)

— Хо (да), — обрадовался Магомет.

Старик подробно расспросил его, чей он сын, откуда и куда едет. А затем задал вопрос о своих сыновьях: не встречали ли он их на дорогах войны. Увы, Магомет их не знал. Всю дорогу потом он молчал. И вспомнил Батчаева, того самого, что погиб от вражеского снаряда, переплывая Днестр. «Вот так, наверное, где-то скитается и его отец. Встречая каждого в военной форме, с надеждой заглядывая им в глаза, он пытается узнать хоть что-нибудь о сыне». Среди обожженной солнцем пустыни перед ним воочию предстал Батчаев и лодка, в которой он так хотел добраться на другой берег, чтобы увидеться с Магометом. В ушах стоял его голос: «Сейчас я к тебе доплыву. Поговорить надо. Хочу попрощаться»

С ж.-д. станции Сыр-Дарья до хлопкозавода знаменитого совхоза «Пахта-Арал» была проложена узкоколейная железная дорога. По ней маломощной дрезиной на платформах перевозились грузы и пассажиры в обоих направлениях. Центр усадьбы совхоза «Пахта-Арал» находился в районном центре Ильичевского района Южно-Казахтанской области. Здесь был базар.

Едва Магомет оказался там, его тут же окружила толпа. Еще бы: людей в военной форме здесь видели нечасто. Тем более карачаевца. Вдруг одна из женщин с криком: «Магомет!» бросилась к нему. Он еле узнал в маленькой, худенькой, с испуганным лицом и странным взглядом женщине род-

ную тетю Меках Салпагарову (сестру матери). Она беззвучно плакала и крепко обнимала племянника, не веря своим глазам, что это именно он.

Горько было смотреть Магомету на тетю и женщин, столпившихся вокруг него. «Счастливая мать, – вздыхали они. – Сын здоровым вернулся. Пусть Аллах не заберет у нее это счастье».

В совхоз «Пахта-Арал» он добрался на бричке. Оглядываясь по сторонам, Магомет все никак не мог понять, как можно жить на этой земле. Каким образом умудряются люди выращивать здесь хлопок, ухаживать за ним. На земле, месяцами не видевшей влаги. И он, проезжая мимо хлопковых полей, раскинувшихся на многие километры, невольно вспомнил родной Хурзук, Кисловодск. «Вот где действительно райский уголок – горы, покрытые вечнозелеными соснами и елями, холодные, прозрачные реки, бьющие из глубины земли нарзаны». Магомету стало грустно и печально, что судьба так сурово обошлась с ним и его народом.

Спустя годы Магомет доподлинно узнает, что именно на божественную красоту его родных мест, их сказочный природный мир позарился Берия и выселил карачаевцев, чтобы затем заселить эти благородные земли грузинами.

Ни мать, ни сестра, конечно, не ждали Магомета. Когда он, наконец, появился на пороге их приземистого саманного домика с покрякивающими окнами, первой его увидела сестра. Вскрикнув, она со слезами бросилась к брату. А у матери словно отнялись ноги. Силы покинули ее. И она не смогла встать навстречу сыну. Высвободившись из объятий сестры, Магомет подбежал к матери и нежно прижал ее к себе.

Как долго, как долго он мечтал об этой минуте! И вот этот день настал. Мать, не выпуская сына, ощущала его своими маленькими, натруженными, с черными прожилками руками. Магомет сразу догадался, что ее так тревожило.

– Я здоров. Не беспокойся! – шептал Магомет, еще крепче прижимая дорогого ему человека.

– Слава Аллаху! – почти простонала мать. А затем спросила:

– Ты насовсем?

– Нет, мама. Всего на 15 дней. Мне дали отпуск.

«Не отпускаю! – хотелось крикнуть бедной женщине, – не отпускаю! Если я враг народа, предатель, тогда зачем им нужен мой сын! Нет, не отдам его!»

Вслух же сказала другое, понимая, что может навредить сыну и сделать ему еще хуже:

— Ну что ж, сын мой, если надо, значит надо. Возвращайся.

Решив не огорчать родных, и в первую очередь мать, Магомет не рассказал, что его неожиданно вызвали в штаб, объявили о немедленном отбытии на восток. Проще говоря, сняли с фронта, не объяснив ничего.

Встреча была более чем скромной. На ужин сестра приготовила кукурузную кашу, а соседка поделилась айраном. Ах, если бы это произошло в родных местах! Обязательно был бы зарезан баран, которого заранее откармливали к такому случаю. У карачаевцев так и делали. До 1943 года в каждой семье, с нетерпением ожидая сыновей с фронта, специально держали именных баранов, которых так и называли: «баран Азрета», «баран Умара» и т. д. И в доме Абдурзака Боташева тоже готовились по всем обычаям к приезду единственного сына. На этот случай откармливали годовалого бычка. Но в тот черный вторник 2-го ноября 1943 года, когда в один миг опустели карачаевские аулы, вместе с нажитым за долгие годы имуществом в осиротевших домах горцев остались и эти животные, которым не суждено было стать курманлыком по счастливому поводу возвращения отважных сыновей с войны.

Но все это было ничто по сравнению с тем, что сейчас перед Магометом сидела мама. Много пережившая и увидевшая, испытывавшая немало мук.

До глубокой ночи он слушал печальный рассказ о трагической судьбе своего народа на чужбине.

Легли за полночь. Магомет долго не мог заснуть. Не спала и мать, он это чувствовал. Думая о ней и сестрах с какой-то закравшейся в душу тревогой, он не знал, как оставить их теперь в таком страшном положении. Ведь их никому защитить. Магомету не мог не броситься в глаза истощенный вид матери. Впавшие глаза сестры, ее худые, как палки, руки (как только в них еще держалась сила!).

Лежа в душной комнате, еще не успевшей остыть от дневного зноя, он вспомнил, что забыл спросить у матери, получают ли они деньги, которые он переводил им эти годы по своему офицерскому аттестату. Как потом выяснилось, ни одной копейки из его жалования родные ни в Кисловодске, куда он поначалу их отправлял, ни затем в Казахстане не получили. В военкомате, куда Магомет пришел выяснять причину, ему ничего вразумительного не ответили.

«Кто же их ворует, — вопрошал Магомет, — кому из чиновников оказались эти деньги нужнее, чем пухнувшим и

умирающим от голода женщинам и детям? Кто посмел так кощунственно, бесчеловечно поступить и оставить мать и сестру на долгое время без средств к существованию?!»

Из военкомата его направили в прокуратуру. Там обещали все выяснить и наказать виновных. Как же больно было узнать Магомету чуть позже (из письма сестры), что виновником нищенского, почти голодного житья-бытья его родных была женщина. Заведующая почтой, умудрявшаяся ставить в квитанциях закорючки-подписи и забирать деньги, предназначенные женам и матерям военнослужащих, сражавшихся на фронте. Ее осудили на десять лет лишения свободы в колонии общего режима. Но вряд ли это помогло тем, кто, не получив вовремя помощь по вине женщины-вора, оказался в безжалостных лапах смерти.

Люди, как правило, проверяются в трудные минуты жизни. И далеко не все выдерживают этот строгий экзамен. Так, увы, было всегда...

...В который раз Магомет пытался заставить себя сомкнуть глаза и не мог. Оказавшись в местах ссылки, воочию увидев условия, в которых жил его народ, он с еще большей настойчивостью терзал себя, изматывая до предела. Как это чудовищно – выселить сюда людей, привыкших жить совсем в других климатических условиях. Нарушить их традиционный уклад жизни. Не пощадить даже стариков и детей. Матерей, чьи сыновья отчаянно сражались с фашистами, не прекращали бороться и в концлагерях, мужественно, с подобающим достоинством принимали смерть, не склонив голову перед врагом.

История Великой Отечественной войны еще создавалась. Но в ней уже было немало страниц, вписанных отважными сыновьями карачаевского народа. Магомет тогда еще не знал, что Юсуф Хаиркизов дошел до Берлина и участвовал в разгроме логова фашизма. За мужество, смелость и верность присяге был представлен к званию Героя Советского Союза. Но не получил его, потому что был сыном репрессированного народа. Ажу Канама-тов водрузил Красное знамя на крыше четырехэтажного здания сражающегося Севастополя, за что тоже был представлен к высокому званию. И не получил его по той же причине. Одиннадцать вражеских самолетов сбил Джанибек Голаев. Ему, а также легендарному, ныне здравствующему, командиру диверсионной группы на Украине Дутербию Узденову и многим другим звание Героя Российской Федерации было присвоено спустя полвека. Девушки гор Зоя Куатова, Роза Хачирова, Шерифат Токова,

Качура Чотчаева и другие на разных фронтах Великой Отечественной каждый день, каждый час, не жалея жизни, приближали долгожданный день Победы. Защищая город на Неве, смертью храбрых погибли Азрет Семенов и Ибрагим Борлаков, а Рамазан Аджиев с боями дойдя до Берлина, возглавлял комендатуру поверженной цитадели фашизма. Пятнадцать тысяч сыновей и дочерей Карачая били ненавистного врага. Это о них сказал однажды маршал Советского Союза Георгий Жуков: «Я информирован о том, что карачаевцы воевали отменно!» Девять с половиной тысяч отдали жизнь за Родину. Воевал против лютого врага каждый пятый карачаевец. Из представителей незаконно репрессированного народа Абдул Тамбиев, Сапар Кубанов, Сюлемен Узденов, Юсуф Биджиев с Красными знаменами в руках прошагали на историческом Параде Победы.

По национальному признаку не были представлены к высокому званию 28 мужественных сынов Карачая. Хотя, как заметил в одной из наших бесед Магомет Абдурзакович, уже в 1942 году по данным одного из изданий Главного политического управления Красной Армии, процент награжденных за боевые заслуги к общему числу населения того или иного народа у карачаевцев был одним из самых высоких по стране.

Эти факты станут известны через десятилетия. И он, Магомет, сделает немало, чтобы заслуженные награды были возвращены, пусть и посмертно, их героям.

Утром его разбудили какие-то крики, доносившиеся за стенами дома. Магомет быстро вскочил. И, едва успев одеться, бросился за дверь. Прямо перед его носом молнией проскочил мальчик лет двенадцати, за ним с грозным видом казах, размазывавший камчой.

– Ты что делаешь, сволочь?! – Магомет схватил его за руку в тот момент, когда плеть, просвистев в воздухе, опускалась на голову бедного ребенка, успевшего прикрыть ее руками крест-накрест. – Не трогай его, Магомет, – умоляющим взглядом остановила мать. – Не трогай! Нам всем будет плохо. Это было уже не раз.

Мать заплакала, прикрыв почерневшей ладонью скорбное лицо. Казах, только что грозой стоявший перед ними, онемел, никак не ожидая какого-либо сопротивления. Мальчик, скорчившись, сидел на земле, не решаясь встать. Магомет не отступал.

– Так вот, если ты будешь бить, издеваться над нашими детьми, я достану тебя из-под земли, где бы ты ни был.

Запомни это! – металл в голосе Магомета привел, наконец, казаха в чувство.

– Якши, якши (хорошо, хорошо), – успел пролепетать он и тут же исчез.

Только после его ухода мальчик поднялся. И решил подойти к Магомету.

– Он постоянно бьет меня, заставляя работать, как взрослого, – пожаловался подросток. Просвечивающееся от постоянного недоедания тело мальчика, его не по-детски серьезное лицо и глаза, полные тоски и безысходности, повергли Магомета в ужас. «Вот, оказывается, как здесь относятся к нашим. На родине этот мальчик был другим. А тут – кожа да кости. Какой же из него работник! Каждый день для него на чужбине – боль, трагедия. Не так, разве, если утро начинается с побоев?..»

Пока они разговаривали, мать накрыла на стол. Сидя возле Магомета, подросток-карачаевец, почти не прожевывая, проглатывал скудную пищу. И все время с тревогой поглядывал на дверь.

– Не бойся, – поняв его опасения, погладил Магомет мальчика по голове. – Не бойся! Он не придет. Я же здесь.

Почувствовав в сидящем напротив земляке защиту, мальчик успокоился. Ему хотелось пообщаться с человеком в военной форме. Причем карачаевцем, приехавшем, как он думал, с фронта. Вот он, какой, офицер Красной Армии!

Когда мальчик ушел, Магомет вновь ощутил в душе пустоту и непереносимую боль.

Мать, а так же приходившие навестить его женщины и старики многое рассказали ему за эти дни. Услышанное шокировало его.

Нормой жизни в Пахта-Арале стали такие ужасные картины, повторявшиеся изо дня в день. Казахи на лошадях с камчой в руках, скача от одного дома к другому, спозаранку выгоняли всех на работу. Кто не успевал вовремя выбежать за порог, того настигали сначала свист в воздухе длинной камчи, а затем и жестокий, раздирающий кожу удар. Дикие стоны гибли людей до земли. Одни, пересилив боль, все же вставали, других, окровавленных и уже неспособных двигаться, заносили в дом. Среди жертв были и девушки, которых на родине не отпускали без братьев даже на той. Их талии когда-то стягивали камяры, великолепные серебряные пояса, окропленные золотом, драгоценными камнями, еще более подчеркивая величественность

и грациозность стана. Они, гордые горянки, жили у подножья родимых гор спокойно и уверенно, несуетливо помогая старшим сохранять домашний очаг и древние обычаи предков.

А теперь, одетые чуть ли не в лохмотья, с изможденными от не покидавшего их страха и непосильного труда лицами, задубевшими руками, сплошь покрытыми ссадинами, испуганно озираясь на грозно покрикивающего всадника, понуро брели, как под конвоем, к месту работы. Многие абсолютно голодные, а потому и неуверенные, что вечером вернутся домой живыми.

— Это еще ничего, сынок, — тяжело вздыхала мать, — бывают случаи, когда женщины рожают прямо на поле. Никого не щадят. И помочь им некому. На работу выгоняют всех, и больных, и здоровых. Не признают даже справки от врача.

Стиснув крепко зубы и сжав руки в кулаки, Магомет слушал мать и не верил, что люди одной страны могут так жестоко относиться к своим согражданам, варварски выселенным с родных мест. Для него уже стало очевидным, что его народ попросту уничтожается морально и физически.

Каждый день отпуска был тяжелей другого. Магомет метался, не зная, как помочь своим землякам, родным, близким. Сердце разрывали картины их невероятно изнурительной жизни, чему в дни отпуска сам стал свидетелем.

В один из выходных дней вместе с сестрой он пошел на базар. До этого Магомет никогда не бывал на известных всему миру восточных базарах, воспетых еще классиками таджико-персидской поэзии и в знаменитых «Тысяча и одна ночь».

Он удивился, увидев здесь хорошо одетых людей, с сытыми, беззаботными лицами, с которых почему-то не сходила улыбка. Они вальяжно расхаживали между рядами, заполненными всевозможными товарами. Диковиной стала для Магомета бойкая продажа простой воды. То там, то здесь вездесущие подростки зазывали покупателей: «Кому холодной воды? Кому родниковой прохладной воды?! Подходите!» Одной и той же кружкой они черпали чистую воду из ведра и продавали подходившим к ним людям.

Вдруг среди разноликой массы торговцев и покупателей Магомет увидел знакомых стариков-карачаевцев. Они были из Кисловодска. Тепло, по-братски поздоровавшись с ними, узнав, как полагают того обычаи, о здоровье, он предложил им морс — окрашенную в красный цвет холодную воду. Утолив мучавшую их жажду, старики, переминаясь с ноги на

ногу, словно извиняясь перед младшим, попросили Магомета купить им что-нибудь поесть. При этом пытались не смотреть ему в глаза, будто чувствуя, что поступают неправильно. Магомет сначала растерялся. Но тут же взял себя в руки.

— Конечно, о чем речь, пойдемте, аксакалы!

Он набрал им все, что позволяли его, не Бог весть какие деньги. Когда старики, поблагодарив, ушли, Магомет, с грустью, глядя им вслед, сторбленным и потерянным на этой чужой им земле, подумал: «Надо же, до чего их довели! Чтобы почтенный горец просил милостыню, откровенно признавался, что голоден — да когда это у нас там, в Карачае, было! Какие же муки им пришлось перенести и выдержать, чтобы вот так надломилась их гордость?!»

Всю дорогу домой он шел мрачный, не проронив ни слова.

— Не расстраивайся, — успокаивала его мать, когда Магомет рассказал ей о встрече со стариками-карачаевцами. — Сейчас, слава Аллаху, нам выдают спецпайки. Муку, крупы, иногда сахар, рыбу. Правда, многим после долгого голодания еда уже не помогает. То ли желудок не принимает пищу, то ли еще что, не знаю. Много умирает людей. Вот недавно вымерла целая семья из 11 человек. А сколько наших девушек и ребят надорвались на рытье канала. Эх, сынок, разве обо всем расскажешь. Столько горя кругом. Нелегко здесь. Немало наших беззащитных девушек были насильно отданы казахам в жены. Сразу все не припомнишь! Изнурительный, почти адский труд на табачных, хлопковых, свекловичных полях уже не одного из наших превратил в калеку и безнадежно больного...

Незаметно пролетели 15 дней отпуска. Невероятно грустных и печальных и одновременно радостных и светлых. Поэтому что рядом мама, сестры, соплеменники, с огромным мужеством переносящие выпавшие на их долю тяготы.

Прощаясь, мать, почти не спавшая накануне отъезда сына, усталым голосом напутствовала его:

— Пиши почаще, если будет возможность. Помни: твои письма придают нам силы. Береги себя, все делай обдуманно. Никогда не принимай скоропалительных решений. Не ущемляй себя, высылая нам деньги. Проживем как-нибудь. На все воля Всевышнего. Закончится война, не задерживайся. Торопись к нам, сын мой. Не забывай, ты у нас единственный мужчина, сестрам вместо отца. Ты мое сердце и душа. Аллах не забывай. Всегда обращай к нему, и когда утром

только проснешься, и перед боем. Он тебя сохранит для нас. Пусть Аллах будет везде и всегда твоим спутником...

И сегодня, когда минуло столько лет, и кажется стали затягиваться раны, убеленный сединой Магомет Абдурзакович Боташев вспоминает, какой непосильный груз увозил в своей душе, вынужденно оставляя женщин одних в совершенно чужом краю, где свирепствовали неприкрытая жестокость и ненависть. В записную книжку, как талисман, вложил фотографию матери и сестер, которую они не успели отослать ему на фронт.

Отъезд на этот раз из дома на чужой земле (как это звучит странно и страшно!) был куда труднее и невыносимее, чем в те ноябрьские дни 39-го года. Тогда его призвали служить. Хотя он уже догадывался, что война неизбежна, что будет очень трудно и, может быть, придется сложить голову за Родину. На то ведь он и мужчина, чтобы в трудный час встать на защиту матери, сестер, близких, народа, большой страны.

Все по-другому было в те далекие уже кажется годы и дни. А сегодня, Магомет твердо знал, что на фронт ему дорога заказана. Не будут свистеть пули над головой и взрываться рядом снаряды. И день победы наступит без него, без его непосредственного участия. И неизвестно еще, в каком качестве, статусе он встретит этот долгожданный час. Впереди его ждала только непредсказуемость. Как будто не он, а кто-то другой столько лет не выпускал оружия из рук. Не боялся идти на самые ответственные задания. Яростно сражался на поле брани, ни на секунду не сомневаясь, что Красная Армия непременно победит. Видел на войне столько горя и искалеченных – без рук и ног – молодых, почти беззусых ребят, кричавших даже в агонии «В атаку!».

Магомета никак не устраивало отслужить последний период войны, а быть может и дни, в резерве. Его раненное клеветой на весь народ сердце нещадно саднило. Он не мог поверить, что среди представителей его народа оказалось столько пособников врага, превратившего наши города, села и деревни в руины. Народ, для которого превыше всего всегда честь и собственное достоинство, не способен был на такую подлость. Уж это Магомет знал точно.

Именно эта вера двигала им в последующие годы, когда, вернувшись уже в родные места, он начал доискиваться до истины, правды. Неустанно рылся в архивах, скрупулезно копался в документах партии военного и послевоенного пе-

риодов, встречался помногу и подолгу с очевидцами страшных лет. Одержимый одной благородной идеей — снять позорное пятно с народа — Магомет Абдурзакович Боташев сделал невероятно много, чтобы карачаевцы, наконец, почувствовали себя равными среди равных, вновь обрели свое имя, возродились, что называется, из пепла.

На областной научно-теоретической конференции «Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945г.)», состоявшейся в 1977 году, Магомет Абдурзакович впервые сказал в своем докладе то, о чем долгие годы умалчивалось.

Я была участницей той памятной конференции. И до сих пор помню особую атмосферу, царившую в переполненном зале Дома политпросвещения (ныне здесь располагается республиканская студия телевидения).

Голос Магомета Абдурзаковича был спокойным и уверенным. Читая доклад, он время от времени специально акцентировал внимание присутствующих на почти сенсационных фактах, как бы лишний раз подчеркивая: «И еще кто-то смеет клеветать на народ, вырастивший таких славных сыновей и дочерей».

Напомню, это были совсем нелегкие для карачаевского народа годы. Даже и после возвращения, еще долгое время в отношении карачаевцев проводилась планомерно-методическая дискриминационная политика. Имена героев умалчивались, а период депортации как будто выпал не только из многовековой истории карачаевцев, но и всей огромной страны под названием Советский Союз.

Магомет Абдурзакович Боташев, занимая в тот период весьма высокий пост в органах власти Карачаево-Черкесии, однако не побоялся во всеуслышанье сказать правду. Правду, которая очищает человека, общество, помогает определить перспективу и уверенно двигаться дальше.

Поэтому я посчитала, на некоторое время прервав наше повествование, включить в этот раздел отдельные фрагменты доклада Магомета Абдурзаковича на этой конференции, которая, еще раз напомню, состоялась в 1977 году.

«С первых же дней войны трудящиеся городов, аулов и станиц Карачаево-Черкесии записывались добровольцами в действующую армию, выражали готовность не щадить сил для победы над врагом. В военкоматы области поступали многочисленные заявления о добровольном уходе на фронт не только от отдельных граждан, но и от семей и целых коллективов.

В первый же день учащиеся медицинских школ в Черкесске и Микоян-Шахаре подали коллективные заявления с просьбой отправить их на фронт. Вскоре после начала войны из области были направлены 344 добровольца в кавалерийский корпус Л. М. Доватора. 200 заявлений с просьбой об отправке на фронт поступило к концу первого дня войны в Кубинский РК ВКП(б).

В первый день войны, 22 июня 1941 года, в военкомат пришел красный партизан, участник гражданской войны, орденоси́нец Василий Семенович Соляной и положил на стол три заявления: от себя, сына и дочери. Вся семья просилась на фронт.

Когда несколько раз было отклонено заявление учителя Верхне-Тебердинской школы Рашида Халилова, среднего сына известного революционера Саида Халилова, об отправке его на фронт, он обратился с письмом к И. В. Сталину. Просьба была удовлетворена. Будучи воином добровольного кавалерийского корпуса Л. М. Доватора, он отважно сражался с врагом. Сложил свою голову на поле боя, защищая родную столицу – Москву. Командир взвода Рашид Халилов посмертно награжден орденом Красного Знамени...

Большое мужество и героизм проявили в годы Великой Отечественной войны такие воины, как Абдул Магажиков, Яхья Темиров, Петр Худолей. На груди каждого из них по 5 боевых орденов и по 7–8 медалей. Мухарби Шовгенов из а. Псыж награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Славы II и III степени, пятью медалями.

Девять боевых наград имеет капитан Солтан Локманович Биджиев, воевавший в эскадрилье под командованием ныне летчика-космонавта СССР генерала Г. Т. Берегового.

За мужество и отвагу в боях многими боевыми орденами награждены ныне пенсионеры, полковник Магомет Деккушев, подполковники Федор Карпинский, Магомет Акбаев, Давлет Псху, Ильяс Джазаев, выпускник Военно-воздушной академии имени Жуковского, инженер-майор Маджир Гаджаев, капитан Магомет Найманов и другие. На груди полковника Аскера Бадахова из аула Сары-Тюз 24 награды. Среди них и орден, учрежденный в честь великого русского полководца России, патриота своего Отечества Александра Васильевича Суворова.

Солтан Кеккезович Магометов, сын крестьянина из аула Хурзук, участник войны с белофиннами и Великой Отечественной войны, вырос от рядового бойца до крупного воен-

ного начальника. Генерал-полковник С. К. Магомедов ныне первый заместитель начальника Военной академии им. Фрунзе.

В боях за Советскую Родину, воодушевляя товарищей-фронтовиков своими подвигами, смертью храбрых на поле брани пали наши земляки – Герои Советского Союза, коммунисты парторг батальона Георгий Бутаев, командир кавалерийского полка Иван Лободин, командир взвода автоматчиков Дмитрий Панченко, легендарный командир партизанского отряда Осман Касаев, комсомолец разведчик Виктор Леонов.

Отважно громила гитлеровцев на Днепре и в логове врага – Берлине – танковая бригада под командованием полковника Харуна Умаровича Богатырева. Грудь этого «всадника в броне», как называли военные журналисты Х. У. Богатырева, украшали звезда Героя Советского Союза, два ордена Отечественной войны, ордена Александра Невского, Красной Звезды и другие награды.

Среди Героев Советского Союза имена отважных сынов Карачаево-Черкесии: Александра Борисовича Казаева, Сергея Абрамовича Белана, Мурата Асхадовича Карданова, Филиппа Трофимовича Омельянюка, Иосифа Иосифовича Лаара, Харуна Умаровича Богатырева, Георгия Даниловича Бутаева, Виктора Петровича Леонова, Дмитрия Ивановича Панченко, Ивана Петровича Меркулова, Андрея Андреевича Енжиевского, Ивана Ивановича Лободина, Османа Муссаевича Касаева, Дмитрия Александровича Старикова.

Три замечательных сына нашей области повторили бессмертный подвиг Александра Матросова. Это легендарный Иосиф Лаар – Герой Советского Союза, комсомолец из ногойского аула Икон-Халк Халмурза Кумуков и карачаевский парень из аула Нижняя Мара Хызыр Хачиров. Партийный билет, обгаренный кровью Х. Хачирова, хранится в музее Краснознаменного Северного флота.

Уничтожал гитлеровские и полицейские гарнизоны, фактически полностью контролировал обширные районы своего действия в Белоруссии партизанский полк Героя Советского союза Османа Касаева. К февралю 1944 года этот полк разгромил 27 вражеских гарнизонов, провел более 100 других крупных диверсий и операций, уничтожил до 4-х тысяч фашистов. Партизаны Османа Касаева в тылу врага взорвали 20 километров железнодорожных путей, уничтожили 118 вражеских машин, около 300 мотоциклов и велосипедов, 3 танка, сбили 6 самолетов, пустили под откос 34 гитлеровс-

ких железнодорожных эшелонов с вражескими солдатами и боевой техникой. Партизаны этого полка подняли в воздух 3 железнодорожных и 66 шоссежных мостов, взорвали 13 крупных складов и бензохранилищ. Трудящиеся Могилевщины свято чтут память об отважном сыне наших гор – герое Белоруссии Османе Муссаевиче Касаеве.

12 отважных сынов Карачаево-Черкесии командовали партизанскими отрядами в Белоруссии, десятки наших земляков руководили разведывательными и диверсионными группами партизан. В славную историю партизанского движения вписаны имена Аскера Бархозова, Юнуса Каракотова, Карабида Хамукова, Курман-Али Кипкеева, Хмары Дагужиева, Кичибатыра Хаиркизова и многих других бойцов и командиров.

Партизан Дугерби Узденов выполнял задания Центра в контакте с легендарным разведчиком Николаем Кузнецовым, с которым служил в одном партизанском соединении.

Подлинным интернационалистом-подпольщиком показал себя комсомолец из аула Каменномост, бывший помощник прокурора области Борис Казиев.

В начале войны он попал в плен. Много раз бежал из фашистских концлагерей. После шестого побега он связался с пражскими подпольщиками и вел активную борьбу с врагом на чехословацкой земле. В 1944 году в числе других подпольщиков Борис Казиев был застрелен гитлеровцами в Пражской тюрьме Панкрац.

С негодованием, как и все женщины нашей страны, восприняли вероломство гитлеровской Германии женщины нашей области. Мужественные патриотки в час грозной опасности трудились на колхозных полях, фабриках, заводах, шахтах, воевали с оружием в руках.

Одной из первых пришла в военкомат аула Хабез коммунистка Зурият Тлисова. «Хочу сражаться против фашистов, чтобы раздавить эту гадину. Прошу направить меня на фронт», – написала она в своем заявлении.

К концу июля 1941 года было подано около 400 таких заявлений. В одном из них уже немолодая женщина, мать воина, командира танка Азрета Айсандырова, Нурхан просила послать ее на фронт санитаркой. В другом заявлении просилась на передовую сестра пятерых братьев-фронтовиков Инна Пономарчук.

Около 800 женщин Карачаево-Черкесии сражались с фашистами на фронтах Великой Отечественной войны.

Многих советских бойцов спасли от смерти наши девушки – врачи, фельдшера, медицинские сестры: Вера Цаллагова, сестра Героя Советского Союза Георгия Бутаева Фоза Хаунежева, Нина Левченко, Варя Амирагова, Зоя Куатова, Софьят Чотчаева, Фатима Чичханчиева, Варя Бжунаева, Зухра Эркенова и многие другие.

Бесстрашно сражались 46 наших землячек в 744 зенитно-артиллерийском полку. Это скромные труженицы войны комсомолки Шерифа Токова, Мелек Глова, Шура Лемешева, Роза Кишмахова, Соня Махова, Зоя Аюбова, сестры Валя и Надя Нефедоровы и другие.

Восемью боевыми правительственными наградами была украшена грудь командира взвода 4-го гвардейского кавалерийского корпуса старшины Халимат Эбзеевой. Участвовала в защите Севастополя, Сталинграда, штурмовала Берлин командир танкового взвода капитан Полина Темирбулатова, ратные подвиги этой горянки были отмечены 4-мя боевыми орденами и 7-ю медалями.

Яркой страницей в летопись Великой Отечественной войны вошел подвиг дочери бедного крестьянина из станицы Кардоникской, бывшего секретаря Баталпашинского райкома комсомола, военного комиссара Анны Владимировны Никулиной, водрузившей в последний день войны Красное Знамя над имперской рейхсканцелярией. Берлинский подвиг Анны Никулиной ярко описан в книге «Воспоминания и размышления» маршала Г. К. Жукова.

Суровая судьба выпала на долю матерей Карачаево-Черкесии. Документы военных лет свидетельствуют о том, что матери воинов обладали огромной силой духа и беспримерным мужеством.

Нельзя без волнения читать письмо, опубликованное в газете «Красный Карачай» 17 июля 1941 года, шестидесятипятилетней Гитче Эбзеевой из Нижней Теберды: «Один мой сын уже в Красной Армии, остальные четверо идут сегодня добровольцами на фронт. Я стара и осталась одна. Но я рада, что все мои сыновья пригодились для защиты Отечества от фашистских варваров. Сама я, не покладая рук, буду работать в тылу».

20 миллионов советских людей погибли в годы Великой Отечественной войны. В их числе тысячи и тысячи сыновей и дочерей Карачаево-Черкесии.

В области невозможно найти семью, которой не коснулась бы безжалостное дыхание войны. Безмерна, тра-

гична судьба многих матерей, потерявших на войне своих детей.

Байдымат Ижаева и Муслимат Абдокова вырастили по пять сыновей. Они все ушли защищать страну. Ни один из них не вернулся домой. С чем можно сравнить горе этих и других матерей? Но жертвы эти были не напрасны. Это они остановили наступление фашистских захватчиков, изгнали их с нашей земли, разгромили логово фашизма, спасли мир от коричневой чумы фашизма...»

С неослабевающим вниманием переполненный зал Дома политпросвещения обкома слушал доклад Магомета Абдурзаковича Боташева. Многие очевидцы тех трагических лет мысленно возвращались сейчас в прошлое, чтобы отдать дань памяти и уважения тем, кто не вернулся с полей сражений, отстояв честь и независимость Родины.

Сидели, правда, и те, кто с нетерпением ждал, когда, наконец, Боташев назовет предателей, нелюдей, запятнавших своими подлыми поступками достоинство народов. Да, именно народов. У кого их не было – способных слизывать пыль с грязного сапога врага, ради спасения собственной шкуры или сиюминутной выгоды пойти на сделку с собственной совестью, опорочить свое имя и род самым гнусным образом – предательством Родины.

Магомет Абдурзакович называл их имена. Другое дело, что в те годы в многонациональной области чаще всего тема предательства в годы Великой Отечественной войны звучала только в отношении людей карачаевского народа. Огульное обвинение в измене, ставшей, по мнению некоторых оголтелых, зарвавшихся псевдополитиков и историков, причиной выселения карачаевцев в Среднюю Азию и Казахстан, довольно умело использовалось в усилении антикарачаевских настроений в обществе. Наветы и несправедливые оскорбления острой иглой вонзались в сердца лучших представителей этого народа. С диагнозом «инфаркт» ушли из жизни в те годы многие партийные, советские, хозяйственные руководители-карачаевцы, получившие удар на разного рода совещаниях, собраниях, пленумах, где, как бы вскользь, но с выверенной методичностью и наглостью затрагивалась проблема недоверия к народу и без того находившемуся в униженном положении.

Трудно назвать эту конференцию исторической. Она породила немало кривотолков, вызвала неоднозначную оценку в тогдашней автономной области и за ее пределами.

Спустя годы, работая над этой книгой, я обратилась с просьбой к Магомету Абдурзаковичу поделиться известными ему фактами и сведениями, связанными с подготовкой, проведением, а затем и изданием отдельной книгой материалов этой конференции.

«Я не знаю, кто инициатор проведения конференции на эту тему, но когда вопрос обсуждался на бюро обкома и мне предложили выступить с докладом, я согласился тут же (правда, не знаю, какие цели преследовали инициаторы, поручая мне сделать доклад). Я взялся выступить с докладом в связи с тем, что обстановка вокруг карачаевского народа складывалась, мягко говоря, неблагоприятная.

Все чаще на бытовом уровне произносилось: «не надо было возвращать карачаевцев назад», «зря их вернули», «следует их снова отправить в Азию». Такого рода высказывания не встречали отпора со стороны партийных или иных органов. Более того, делались попытки факт возвращения карачаевского народа на историческую родину истолковать как гуманный акт государства по отношению к этому народу. Это делалось вопреки решениям XX съезда, последующих документов самых высших инстанций о том, что депортация отдельных народов была незаконием, произволом, вопиющей несправедливостью.

О подвигах карачаевцев в период Великой Отечественной войны, в отличие от представителей других народов, очень редко говорилось в лекциях, писалось в газетах и т. д. А все разговоры о сотрудничестве с немцами, предательстве и т. д. почти всегда сопровождались карачаевскими фамилиями. Любые случаи пьяных или хулиганских драк с участием карачаевцев обязательно толковались как проявление национализма и всячески раздувались.

Каждый из нас, включая работавших на должностях в партийных, советских, правоохранительных органах, чувствовал, что нам до конца не доверяют или не полностью доверяют.

Я взялся делать доклад, имея намерение:

1. Нисколько не ущемляя ратный подвиг представителей других народов в Великой Отечественной войне, рассказать и о лепте, которую внесли карачаевцы в победу многонационального народа Советского Союза над фашистской Германией.

2. Приводя факты сотрудничества с фашистами, факты предательства отдельными карачаевцами, одновременно сказать и о том, что такого рода отщепенцы были и у других

народов области. В этом отношении карачаевцы не были исключением.

3. Сказать четко и ясно: надо прославлять достойных людей независимо от национальности. Преступления отдельных лиц той или иной национальности не могут быть основанием для обвинения того или иного народа. Преступник есть преступник.

Выпячивание национальности преступника наносит вред обществу, дружбе народов.

Мне казалось, что все это мне в той или иной степени удалось. Об этом говорила и реакция зала, и отзывы людей.

А теперь обратимся к двум весьма интересным документам, которые, полагаем, ответят на многие вопросы.

УВАЖАЕМЫЙ МАГОМЕТ АБДУРЗАКОВИЧ!

Мы обращаемся к Вам от имени группы ветеранов войны и труда с большой просьбой: скажите, пожалуйста, как в Ваш доклад, прочитанный в апреле 1977 года на научно-практической конференции, а потом изданный в 1982 году отдельной книгой, попали в корне ошибочные сведения о будто бы убийстве детей Армавирского детдома группой жителей аула Нижняя Теберда в августе 1942 года еще до прихода немцев, о якобы пленении большого числа отступающих советских бойцов и убийстве части из них в центре Учкулана за неделю до оккупации его территории фашистами. О 65 бандах и около 4-х тысячах бандитов, изменниках, дезертирах, вражеских пособниках, будто бы обезвреженных на территории КАО в 1943?

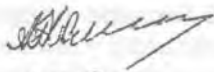
Ответы на эти вопросы имеют принципиальное политическое значение, так как до сих пор на этих «фактах» спекулируют сталинисты и все антиперестроечные силы. А. Попутько, руководители области В. И. Хубиев, В. Е. Лесниченко, А. Гончаренко ссылаются на Ваш доклад и утверждают, что другие авторы заимствовали эти факты из доклада М. А. Боташева.

Сейчас ясно, что эти «факты» состряпаны Берией и его сообщниками для выселения карачаевского народа...

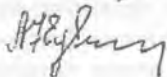
Ждем Вашего ответа.

Ветераны войны и труда
г. Карачаевска

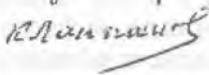
Урусов А. Г.

Кубанов А. М.

Лайпанов К.Т.

3 июля 1989г.

Товарищам Урусову А. Г.
Кубанову А. М.
Лайпанову К.Т.

Уважаемые товарищи!

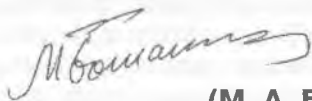
Ответы на поставленные Вами вопросы известны и т. Лайпанову К. Т., который помогал мне в подготовке доклада «Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны». Между тем, я отвечаю на ваши вопросы, поставленные мне в письменном виде.

Данные, о которых идет речь, содержались в справке, переданной мне как материал из соответствующих архивов. Отдельные факты, изложенные в этих материалах, были голословны, резко отличались от рассказов многих современников и участников событий 1942–1943 годов и вызывали, мягко говоря, серьезное сомнение в их достоверности. Это относится, в частности, к цифрам о количестве действовавших в Карачае банд, численности бандитов, о количестве дезертиров и т. д. Поэтому при обсуждении проекта доклада в обкоме КПСС (проект обсуждался неоднократно) я предложил сомнительные факты в доклад не включать и не оглашать на конференции. Однако со мной не согласились и я вынужден был огласить в 1977 году, в частности, те цифры, которые в интервью журналу «Агитатор» привел и Н. Ф. Бугай в 1989 г., не будучи убежденным в их правдивости. В целом же доклад получился неплохим и, как вы помните, был тогда воспринят всеми слушателями на конференции и трудящимися области одобрительно.

Года через четыре после конференции мне позвонили из обкома в Варшаву – я к тому времени работал в Польше – и сообщили, что принято решение издать материалы научно-теоретической конференции 1977 года отдельной книжкой и в связи с этим требуется мое согласие на публикацию моего доклада. Я такое согласие по телефону, как меня просили, не дал и обещал приехать в Черкесск. Вскоре, будучи в Москве по делам, я заехал на денек в Черкесск и после нового ознакомления с докладом письменно заявил,

что некоторые данные, приведенные в докладе, в частности, о численности банд, дезертиров и т. д. должны быть глубоко и тщательно проверены. Без этого условия на публикацию отдельных мест доклада (я эти места указывал) согласия я не давал. После этого по этому вопросу ко мне никто не обращался, а доклад вышел в свет в 1982 году без учета моего мнения-заявления.

Как товарищам по коммунистической партии, с которой я связал свою судьбу в 1942 г. под Харьковом и Сталинградом, могу сказать, что я глубоко сожалею о том, что «факты», состряпанные Берией и его сообщниками для обвинения и выселения из родных мест всего карачаевского народа, попали в доклад, оглашенный мной в 1977 году, и ныне используются, мягко говоря, недоброжелателями карачаевского народа для его очернения под разными соусами и попытки в какой-то степени оправдания сталинского произвола в отношении целых народов.

(М. А. БОТАШЕВ)

3.08.89 г.

...Можно только представить, сколько терпения и выдержки потребовалось тогда Магомету Абдурзаковичу Боташеву, возглавлявшему облисполком. Впрочем, этих качеств ему было не занимать. Они не раз проверялись в тяжелые дни жизни. И тогда, когда его сняли с фронта в 1944 году, когда он первый раз приехал в места ссылки к родным, и особенно в тот день 1948 года, когда его, участника двух войн, взяли на спецучёт, тем самым дав понять, что он тоже относится к числу предавших Родину.

Необъятна и всемогуща сила человеческого духа, не дающая сорваться в пропасть и исчезнуть! Оказаться в бездне людской ненависти и потонуть в ней – не для таких, как Магомет Абдурзакович – людей, знающих себе цену, как и времени, мудро расставляющему все по своим местам.

...День славной Победы советского народа Магомет встретил в городе Благовещенске на реке Белой, недалеко от столицы Башкирии – Уфы. Здесь с осени 1944 года он преподавал на краткосрочных курсах, куда был направлен из резерва штаба Южно-Уральского военного округа. Это были курсы по переподготовке проштрафившихся офицеров-танкистов, летчиков, артиллеристов. Боташев готовил артиллеристов.

Мир ликовал. Казалось, все живое на земле отзывалось на событие, ставшее возможным столь дорогой ценой. Еще громче запели птицы, еще ярче сияло солнце, еще звонче зажурчали ручьи и родники. Земля вздохнула. Все было именно так. Но смешанные чувства одолевали сердце бывшего офицера – Магомета Боташева. Он не был среди тех, кто сегодня торжествовал Победу в Берлине. В логово врага, особенно яростно сопротивлявшегося в последние дни, обуреваемые неутолимой жадью добить врага ворвались другие. В том числе и многие воины-карачаевцы, которых чудом миновала судьба Боташева и многих других представителей его народа. По счастливой случайности им удалось не только остаться в действующей армии, дойти до Берлина, но и до конца войны не узнать о трагедии родного народа, уже более полутора лет скитавшегося и постепенно исчезающего в далеких районах Казахстана и среднеазиатских республик.

Их сердца разрывались потом, когда победителями, с поблескивающими на военных кителях орденами и медалями они возвращались домой. В опустевшие аулы, разграбленные дома, к остывшим очагам своих предков...

Осенью 1945 года после окончания войны с Японией и разгрома Квантунской армии, курсы, на которых преподавал Магомет, были закрыты. И он снова был зачислен в резерв Южно-Уральского военного округа.

А в конце ноября – начале декабря этого же года Боташева демобилизовали.

Воинское требование ему могли выписать только в Среднюю Азию. А куда еще?! Там его ждали родные: мать, сестра. Неизвестной оставалась судьба трех сестер, разбросанных в бескрайних районах ссылки карачаевцев. Но Магомету так хотелось побывать, хоть немного, в родном Кисловодске. Увидеть город детства и юности, город, из которого призывался в армию в далеком 1939 году, возможно встретить кого-нибудь из друзей. Но как это сделать?

– Что, не знаешь как? – спросил один из сослуживцев, когда Магомет поделился с ним своей, почти нереальной мечтой. – Все очень просто, друг мой. Дай взятку. И тебе, поверь мне, выпишут требование туда, куда хочешь.

– Взятку!? – изумился Магомет такому неординарному, на его взгляд, решению вопроса. – Знаешь, я никогда не делал этого. И не знаю даже, как ее преподнести. Вдруг это оскорбит человека. Да еще наживу неприятности.

– Не робей и не думай о неприятностях, – проявляя добрые намерения, настаивал сослуживец. – По-другому не получится. У тебя за плечами немало – две войны прошел, шесть лет отдал армии. Таких, как ты, по пальцам пересчитать можно. И не заслужил! О чем ты говоришь! Вот что: положи деньги в конверт, зайди в кабинет, объясни ситуацию и, как бы между прочим, положи конверт на стол. Давай, смелее! В случае чего, всей ротой заступимся. Игра стоит свеч.

Магомет был против этого. В управления кадров округа он объяснил уже немолодому, казавшемуся строгим и неподступным офицеру в чине лейтенанта, свое непосредственное положение и желание на время побывать в Кисловодске.

– Я вас понимаю. Сделаю все, что смогу. Побывать на родине вы, конечно же, должны. Какой может быть разговор.

Не мешкая, лейтенант выписал Боташеву несколько бланков воинских требований. Один до Кисловодска, другой от Кисловодска до Баку, третий от Баку до Красноводска, четвертый от Красноводска до Фрунзе.

Направляясь к казарме собрать вещи, он услышал за спиной полные сочувствия слова: «Как несправедливо устроен мир: чтобы заехать домой, фронтовик должен просить, унижаться. А дома ведь его никто не ждет. Никто. Надо же, а?!»

Прощаясь с друзьями, Магомет виновато промолвил:

— Простите, на Кавказ не могу пригласить. По крайней мере, сейчас. Бог даст, свидимся в лучшие времена.

Так у Магомета закончилась армейская жизнь, длившаяся более шести лет.

На перроне кисловодского вокзала Магомета Боташева никто не встречал. Никто не ждал. Он никому не был здесь нужен. Растерянно озираясь по сторонам, он стоял на перроне, пока не схлынет народ. Стало жутко. Все вокруг было такое знакомое и дорогое. А ощущение полного одиночества в этом мире не покидало его. Напротив, оно росло в нем все больше и больше, вновь усиливая пламя незатухающего огня обиды и горечи.

Как во сне, Магомет шел по улицам родного города и не знал, где остановиться. В каком доме ему обрадуются, обогреют его израненную душу, скажут доброе, подбадривающее слово? Понимаешь ли ты, мой дорогой читатель, что значит приехать домой и не найти свою семью дома, ходить по родной земле, как в высохшей от зноя пустыне. Ощущать себя везде и всюду чужим, уже давно оторванным от этих заоблачных краев, где солнце и воздух творят настоящие чудеса.

Слова, слова... Они все равно не смогут оживить чувство страшной тоски, овладевшей человеком, лишенным Родины. Лишенным по чьему-то злему умыслу, варварски...

Магомет даже не заметил, как совсем неожиданно оказался у дома давнего друга-осетина Умара Абисалова. И тут же услышал радостный крик его матери:

— Магомет, сынок, ты ли это? С фронта?

— С войны, — ответил он уже в объятиях заметно поседевшей за прошедшие годы женщины.

Отпрянув от него, она выжидающе помолчала, а затем тихо спросила:

— А разве ты...

— Знаю. Знаю все. Просто не мог не заехать в Кисловодск. Отсюда ведь уезжал. Кто знал, что такое случится. Захотелось хоть на день заехать, повидать город. Вот вас увидел — и то на душе легче!

— И правильно сделал, сынок, — еле сдерживая слезы, женщина, открыв калитку, пропустила его во двор. — Заходи!

Всю дорогу от Оренбурга до Кисловодска Магомет готовил себя к встрече с родным городом. Не раз в пути ком застревал в горле, а слезы накатывались на глаза. Он дал себе слово держаться, не проявлять чувств, поселившейся в нем надолго боли, не вызывать, наконец, к себе жалости, чего, кстати, вообще не терпел. «Кто поймет мое горе, горе моего народа, — думал Магомет. — У каждого свое».

За накрытым столом в доме Абисаловых Магомет впервые услышал от очевидцев печальную историю выселения карачаевцев.

«Это было второго ноября. Утром город наводнили машины. Вначале мы не поняли, что происходит. Потом видим, везут карачаевцев. Не дай Господь, что было! Карачаевцы, по природе спокойные, беспрекословно выполняли приказы солдат. Красноармейцы с оружием в руках заходили в каждый дом и приказывали немедленно собираться. За пятнадцать-двадцать минут. Люди, еще сонные, не понимая, чего от них хотят, не имели даже права спросить, за что, куда их везут. Собирали пожитки в спешке. Что успели, то и забрали с собой. Дети, старики да женщины — только они и были в каждой семье. Никого не пожалели, всех отправили. А куда, мы тогда не знали и знать не могли — все держалось в тайне...»

— А ты знаешь, — обратился к Магомету прибежавший, услышав от его приезде, друг. — Не все карачаевцы уехали. Недалеко от нас живет одна семья, кстати, тоже Боташевы. Хочешь, сходим к ним?

— Конечно, — с готовностью отозвался Магомет.

«Странно, — думал по дороге Боташев, — как им удалось остаться здесь. И находиться до сих пор».

Придя в дом незнакомаго ему земляка-однофамильца, Магомет, уже второй раз за день, услышал рассказ о том черном дне и дальнейшей судьбе выселенного народа.

«Страшно вспомнить, как мы ехали. В товарных вагонах, в которых возили скот, нас было до семидесяти и более человек. Теснота несусветная. Чуть позже прибавились не проветриваемая вонь, одолевающий голод, начавшиеся болезни и мор. Он безжалостно косил людей. Не знаю, как даже выжили. Еле доехали до Средней Азии. Легче там не стало. Голод дожимал все сильнее. Дети таяли с каждым днем. Мать моих детей русская. Я попросил ее вернуться в Кисловодск и забрать их с собой. А я остался с родными. Вскоре они

умерли. И я решил совершить побег. Но далеко уехать не удалось. В Туркмении меня поймали. При задержании, благо документов при мне никаких не оказалось, я назвался татарин^{ом}. Это не спасло. Меня осудили и дали срок. К этому времени война закончилась и я попал под амнистию. Из заключения вышел с документами на татарина. Это и позволило вернуться в Кисловодск. Вот так и живу, если это можно назвать жизнью. На улицу не выхожу. На людях не показываюсь. Опасно — узнают, донесут и сразу посадят. Уже даже научился говорить шепотом», — закончил свою грустную историю Боташев.

Находясь в Кисловодске, Магомет, конечно, не мог не зайти в свой дом. Он стоял в переулке, носившем некогда имя великого русского баснописца Ивана Андреевича Крылова (сейчас это переулок Солнечный. Непонятно до сих пор, чем классик русской литературы не угодил местным властям).

Соседями Боташевых были армяне. Добрая, порядочная семья. «Мы очень дружили с ними, — вспоминает сегодня Магомет Абдурзакович, — особенно старик Егор и мой дядя Чубур. У Егора было пятеро сыновей. Горе не обошло их дом. Четверо сыновей сложили свои головы на войне. Не повезло и последнему, младшему. Он находился при родителях, работал, был во всем опорой старикам, сильно сдавшим после гибели сыновей. Однажды он не вернулся с работы. Поднялся шум. Бедные старики совсем потеряли голову. Потом им сообщили, что сын в тюрьме. Случилось неприятное. Проворовавшись, начальник подставил парня, ловко провернув свои делишки, свалив все на него. В результате он попал в тюрьму. Теперь старики жили одни в ожидании выхода из заключения единственного сына. О своем горе они упомянули как бы невзначай. Все больше пытались успокоить меня, вспоминая страшный день выселения карачаевцев».

Была и еще одна цель, ради которой Магомет стремился побывать в своем доме, где жили сейчас две армянские семьи. Накануне отъезда из Оренбурга он получил письмо от жены дяди Чубура, которая, узнав о намерении Магомета посетить Кисловодск, сообщила, что перед выселением спрятала под зольником печки дома серебро. И попросила его, если будет возможность, достать и привезти.

Вместе со стариком Егором Магомет, с трепетом и волнением переступив порог дома, хозяйкой которого когда-то была его мать, не мешкая, изложил новым владельцам свою просьбу.

Они, к их чести, охотно согласились и даже помогли выдолбить часть кирпичей из печи. Долго Магомет искал в зияющей дыре завернутый сверток. И наконец наткнулся на мягкий, но заметно тяжелый клубок. В нем действительно оказались серебряные монеты царской чеканки и советские полтинники периода 25–26 годов. В тридцатые годы это добро уже было не в ходу. Возможно, жена дяди Чубура, весьма дальновидно спрятав монеты, предполагала когда-нибудь сделать из них ювелирные изделия. Несколько монет из найденного в глубине печки клада Магомет с благодарностью раздал детям новых хозяев дома. Остальные увез с собой. Впоследствии это серебро здорово выручило его родных в ссылке. В случае крайней необходимости его меняли на продукты и вещи.

Домой в Среднюю Азию Магомет возвращался не один. С собой он забрал некоего беглого карачаевца по фамилии Чотчаев. С ним его познакомил тот самый Боташев, к которому они пришли с другом-осетином в первый день приезда в Кисловодск.

До войны Чотчаев работал в колхозе имени Буденного. Русский язык и грамоту знал плохо. Образования не имел. Во время войны находился в так называемой трудовой армии. Работал где-то на оборонном заводе. О выселении карачаевцев он знал и тем не менее вернулся в свой колхоз на Кавказ. Его приняли на свой страх и риск, поселили на пасеке. При демобилизации из трудовой армии Чотчаев — на что только не умудрялись бедные люди — попросил записать его в документах татаринном. Причем не крымским, а именно казанским. Последних не выселяли. Можно только представить себе, каким образом, не зная русского языка, мог объяснить Чотчаев свою просьбу человеку, заполнявшему его документы. Скорее всего грамотой не блистал и этот товарищ. Иначе бы в паспорте Чотчаева в графе национальность не появилась такая диковинная запись «казанец».

Когда в паспортном столе Кисловодска женщина-секретарь прочла эту запись, она попросила Чотчаева подождать до конца приема. Наедине она сказала ему: «Какой же ты «казанец»? Во-первых, такой национальности нет. А во-вторых, ты думаешь, мы не знаем, что половина карачаевцев — Чотчаевы, так что ли? Советую тебе подобру-поздорову, пока не поздно, уехать побыстрее отсюда. Иначе, сам знаешь, отправят в Сибирь».

Чотчаев, однако, не уехал и продолжал жить нелегально в Кисловодске, непонятно на что рассчитывая. В Сред-

нию Азию ехать ему не хотелось. Да и где его родные сейчас – не знал.

– Не рискуй, собирайся. Поедешь со мной, – предложил Магомет Чотчаеву после того, как тот подробно рассказал о себе.

По дороге в неизвестные ему края Чотчаев все время сомневался, терзаясь мыслью: ехать или вернуться? Даже поднимаясь по трапу парохода в Красноводске, он неожиданно остановился, выдавил из себя нечто похожее на стон и спросил Магомета: «Может не надо мне плыть? Я не знаю, где находятся мои родные».

Чотчаев зря расстраивался. Не доезжая до Сыр-Дарьи, они встретили карачаевцев, знавших, где жили его родные. Сойдя на следующей маленькой станции, Чотчаев, обнявшись на прощание с Магометом, двинулся дальше. Больше они никогда не встречались.

Невыносимо тяжело, медленно и монотонно текла жизнь в выжженных нещадно палящим солнцем местах ссылки репрессированных народов. Казалось, просвета уже не будет. А будущее представлялось весьма туманно.

На семейном совете Боташевы решили, что Магомету необходимо съездить в Тбилиси, где он начал учиться до войны в индустриальном институте, забрать документы и продолжить обучение уже здесь. Благо, его в то время еще не поставили на учет, и он имел возможность, не беря разрешения, свободно ездить по всей стране.

В Тбилиси его встретили радушно. Из набора 1939 года первым с фронта на студенческую скамью вернулся пока только Магомет Боташев. Но, к сожалению, ненадолго. Забрать документы. Попрощаться с преподавателями, еще раз пройтись по знакомым аудиториям. Вспомнить тех, с кем так счастливо и радостно начиналась его молодость в древнем городе на берегу Куры.

...Учеба в Ташкентском институте железнодорожного транспорта, где Магомет продолжил обучение, была сопряжена со многими трудностями. Еще бы! После стольких лет военной жизни нелегко было корпеть за учебниками, днями не выходить из библиотеки, наверстывая упущенное. Перебиваться с хлеба на воду. И постоянно, с тревогой думать о родных, живших далеко от столицы Узбекистана и отчаянно боровшихся каждый день за место под солнцем.

Но спасало другое. Он по-прежнему, в отличие от своих соплеменников, был свободным. Мог разъезжать, не полу-

чая на то специального разрешения. И это помогло ему воссоединить разбросанных по населенным пунктам Средней Азии и Казахстана родственников.

Он перевез мать, сестер, семью дяди Чубура из Пахта-Арала, осиротевших детей тети Меккях (которую он встретил на базаре в 1944 году, направляясь в отпуск к родным в Карловку Фрунзенской области).

Между тем, учеба в институте занимала важное место в жизни Магомета.

«Я с детства мечтал получить высшее техническое образование, стать инженером. В Ташкенте было несколько технических вузов. Поступление в транспортный институт объясняется отчасти тем, что здесь стипендия была несколько выше, чем в других. В институте я много занимался. Особенно первое время было нелегко, но усваивал науку довольно легко. На всем протяжении учебы как отлично успевающий студент получал повышенную стипендию. Профессорско-преподавательский состав, студенческий коллектив, особенно студенты — бывшие фронтовики (а их было много) относились ко мне хорошо. На протяжении нескольких лет я был единственным студентом — членом парткома института и руководил студенческими организациями. Когда я женился, мне даже дали отдельную комнату в профессорском доме.

Большинство экзаменов за каждый семестр я сдавал досрочно с тем, чтобы удлинить свои каникулы и помогать матери и сестрам по хозяйству».

Но наступил ноябрь 1948 года. Жизнь его круто изменилась. Уже студентом третьего курса, Магомета однажды неожиданно вызвали в НКВД. Он шел, предчувствуя что-то неладное.

До сих пор Магомет Абдурзакович хранит в памяти фамилию человека, который, несмотря ни на что, поступил с ним в то суровое время более чем благородно.

Когда он вошел в один из кабинетов этого грозного учреждения, из-за стола навстречу ему поднялся высокий, стройный, с седеющими, коротко стриженными волосами сотрудник. Протянул руку. Представился:

— Антошечкин.

Ответив, Магомет насторожился. Антошечкин открыл папку и вынул из нее какую-то официальную, с печатью и подписью бумагу.

— Познакомьтесь. И распишитесь.

Это был указ, касающийся участников войны-представителей репрессированных народов. В глазах Магомета потемнело.

Согласно этому документу все участники Великой Отечественной войны из числа выселенных народов должны были теперь стать на учет. И официально, разумеется, считаться отныне спецпереселенцами, чего до этого не было. Передвигаться по республике, выезжать из одного села в другое они могли теперь только с разрешения комендатуры. За нарушение указа — 20 лет каторги.

— Распишитесь, что ознакомлены с документом, — повторил Антошечкин.

Боташев пришел в ярость. Кровь хлынула ему в голову. Он долго убеждал Антошечкина в несправедливости этого чудовищного акта.

— Я понимаю, тебе больно и обидно, — мягко, без всякого нажима говорил Антошечкин. — Но ни ты, ни я, никто не может отменить это. Пойми ты, наконец. Ты же военный человек, все прекрасно понимаешь. Может быть когда-нибудь...

Магомет не мог открыто в этом кабинете страшного в те годы учреждения взорваться, сказать все, что думает. Эта опрометчивость могла ему стоить очень дорого.

Часы пробили полночь. Антошечкин, видя как трудно Боташеву решиться на этот судьбоносный для него шаг, проявляя снисхождение, махнул рукой:

— Ладно. Утро вечера мудренее. В общежитие тебе идти далеко. Оставайся в моем кабинете. И подумай хорошенько. Я тебе не желаю зла. Мы с тобой должны договориться, другого пути у нас нет.

Антошечкин ушел. Ночь Магомет провел без сна. Перед глазами стояли его сокурники. Почти все фронтовики. Дружные. Сплоченные, умеющие постоять друг за друга. Но здесь они бессильны. Их голос, узнай они, зачем его вызывали в НКВД, не будет услышан никем. Их протест останется гласом вопиющего в пустыне. Ничто не поможет: ни боевые награды, ни заслуги, ни ноющие, долго затягивающиеся, а потому приносящие муки раны. Ничто не могло спасти боевого офицера Магомета Боташева от страшного унижения — каждые пятнадцать дней приходиться отмечаться в комендатуру, как бы подтверждая, что он на месте, не сбежал, не исчез бесследно на просторах СССР. Приходить туда, где на него заведена специальная

карточка, которая будет следовать за ним, где бы ни был. Это было ничем иным, как унижением недоверием.

Сегодня эти карточки – свидетельство многолетнего заточения карачаевцев, – заполненные на сотни, тысячи спецпереселенцев, можно увидеть в архиве отделения реабилитации Министерства внутренних дел Карачаево-Черкесии. Это один из главных документов, дающих право бывшим ссыльным на компенсацию ущерба, понесенного вследствие депортации и геноцида, а также предоставления соответствующих льгот, оговоренных в специальных Указах Президента и постановлениях правительства Российской Федерации.

Это действительно уникальный документ, свидетельствующий о той открытой дискриминационной политике, проводившейся сталинско-бериевским руководством в отношении целых народов бывшего СССР. Напротив слова «выселен» в карточке спецпереселенца чернилами выводилось – «по национальному признаку».

Одна из таких карточек была заполнена на имя матери Магомета Абдурзаковича – Кемсии Айтековны. Ее, как и многие другие весьма интересные и вместе с тем леденящие душу документы о том черном периоде истории карачаевцев, привез на родину человек, поистине достойный всенародной благодарности, член Союза художников России Муса Халитович Абайханов, известный представитель творческой интеллигенции Карачаево-Черкесии. Вот уже несколько десятилетий он ежегодно посещает места ссылки карачаевцев, собирая скрупулезно свидетельства и факты, чтобы воссоздать подлинную картину истории народа, выжившего и выстоявшего в невероятно адских условиях.

На смену мукам и кошмару ночи шёл очередной день. В коридоре НКВД заскрипел пол. Послышались шаги. На пороге стоял Антошечкин. Похоже он тоже не спал – усталое, бледное лицо. Тяжелая походка с неуверенными движениями рук. Подойдя к столу, стараясь не глядеть на Магомета, он сразу спросил:

– Ну что, Боташев, подумал?

– А что тут думать! – встрепенулся от тяжелых дум Магомет, – Думай не думай, а ничего не изменишь. Вы правы. Где расписаться?

Боташев почти машинально поставил свою подпись и покинул кабинет.

Будь на месте Антошечкина другой, черствый, педантично исполняющий приказы начальства, с Магометом не церемони-

лись бы. Это факт. Проявить сочувствие, хотя бы элементарное понимание внутреннего состояния фронтовика-карачаевца, да и любого другого представителя репрессированных народов в те годы было явлением почти исключительно редким.

Антошечкин поступил иначе. Понимая бессмысленность протеста против пресловутого указа о постановке фронтовиков на учет, он постарался убедить Магомета, что бороться с ветряными мельницами — только себе вредить. Время и терпение должны стать спутниками в этом своего рода заточении. Наконец, надо просто мудро жить, поступая сообразно складывающейся обстановке. Ах, если бы это было так легко!..

К счастью, Антошечкин был не один, кто не боялся поддержать, своевременно оградить Магомета от возможных неприятностей, и без того хватавших с лихвой.

В 1949 году в СССР широко отмечали 70-летие со дня рождения «отца всех народов» И. В. Сталина. Повсеместно проходили мероприятия, посвященные этой дате. На одном из них в Ташкентском институте железнодорожного транспорта, где учился в то время Боташев, выступая перед преподавателями и студентами, докладчик утверждал, что спас страну от порабощения великий Сталин.

Заведующий кафедрой военных сообщений, полковник-фронтовик, кавалер многих боевых орденов, командовавший в годы войны саперными частями Пономаренко кинул весьма опрометчиво реплику: «Страну защищал сам народ под руководством партии во главе со Сталиным». Пономаренко был человеком на редкость смелым, по-отцовски относился к студентам, проявлял о них неустанную заботу, резко отстаивал интересы студентов-фронтовиков.

«Многие из сидящих в зале реплику Пономаренко считали правильной и не придали значения тому, что произошло. Между тем для самого преподавателя его реплика обернулась большой бедой. Завели на него персональное дело. Сначала обсуждали его поступок на парткоме института с моим участием. Решили вынести ему выговор и это решение парткома утвердить на общем собрании коммунистов института. На собрании Пономаренко аргументированно отстаивал свое мнение, что победу над фашистской Германией ценою огромных потерь одержал многонациональный советский народ. Студенты-фронтовики горячо и активно его поддержали. На перерыве партком собрался вновь (на это заседание меня уже не пригласили) и вынес новое решение: исключить его из

партии. Ему инкриминировали: умаление роли Сталина в победе, противопоставление народа его вождю, студентов – руководству института и т. д. Это решение было оглашено на собрании. Студенты-коммунисты провалили принятие такого решения. По уставу КПСС на этом нужно было поставить точку. Не тут-то было. Райком партии исключил Пономаренко из партии, Ташкентский горком отобрал партийный билет. А через короткое время его арестовали и осудили на 10 лет. Вот так пострадал ни за что заслуженный человек.

После всего этого ЦК Компартии Узбекистана принял специальное постановление: «О притуплении политической бдительности в партийной организации Ташкентского института инженеров ж.-д. транспорта». Тут началось разбирательство: кто выступал в защиту Пономаренко, с кем он дружил, кому, чем помогал. У кого бывал в гостях, кого приглашал в гости. Кто эти люди вообще и т. д. Оказалось, что он имел дело в основном со студенческим активом, в котором состояли фронтовики. Выяснили, что Дашевский, председатель профкома, в 1941 г. полтора месяца был на оккупированной территории, кроме этого у него нет аттестата об окончании средней школы, а есть только диплом учителя – окончил учительский институт, у Цыпушкиной – секретаря комсомольской организации – до войны отец три года сидел в тюрьме за растрату, у Гофмана – члена комитета – оказались родственники за границей и т. д. Не смогли придаться только к студенту – Герою Советского Союза Михайловскому, которого часто приглашал к себе домой Пономаренко. Все остальные получили строгие партийные взыскания. Пономаренко освободили только в 1953 году, после смерти Сталина. Вернули все боевые награды и восстановили в должности заведующего кафедрой. И конечно же, первым, кто искренне поддержал полковника Пономаренко, был Магомет Боташев. Всем было известно, что они дружили, часто бывали друг у друга в гостях. Благо квартира Пономаренко – над комнатой Боташевых.

Магомета незамедлительно вызвали куда следует и подробно расспрашивали о содержании их бесед.

Боташев и не пытался скрывать своего мнения о Пономаренко. Это порядочный, справедливый, хороший человек. Настоящий патриот своей Родины, бесстрашно сражавшийся с фашистами в годы войны. Да, он приходил к нему, Магомету. Первым поздравил с рождением сына Мурата. От души радовался его счастью. Подарил даже по этому случаю се-

ребряную ложечку. Ну и что?! А разговоры, да мало ли о чем могли говорить между собой фронтовики!

И все же темные тучи нависли над головой Магомета. Его легко можно было отправить вслед за Пономаренко, присокупив сюда и его непосредственное отношение к репрессированному народу. Во всяком случае к этому все и шло. Судя прежде всего по тому, с каким накалом проходило одно из заседаний партийного бюро института.

И кто знает, чем бы оно закончилось, не заступись за Магомета имевшая в институте довольно солидный авторитет профессор Шульгина. Достаточно аргументированно, весомо выступив на бюро, убедив его членов в безосновательности претензий к Боташеву, проявляющему всегда отличные знания. Шульгина, умная, тактичная, предельно объективная, обаятельная русская женщина-ученый положила тем самым конец его преследованиям, а по сути спасла Магомета от готовящейся над ним расправы.

Магомет Абдурзакович Боташев был один из немногих на своем курсе, получивший после окончания Ташкентского института железнодорожного транспорта диплом с отличием.

Ему было всего 28 лет. Всего... А за плечами уже столько невероятно много пережитого. Две войны, шесть лет службы Отечеству. Депортация родного народа. Нескончаемые преследования, подозрения Бог знает в чем! Обязательное, два раза в месяц, посещение комендатуры для постоянной перерегистрации. Невозможность свободно дышать, думать, навещать родных и близких. А что будет дальше? Неужели это навсегда – оставаться закованным в невидимые цепи и чего-то ждать?!

Всю потом долгую, насыщенную событиями жизнь на родине, в Карачаево-Черкесии, Магомета Абдурзаковича будут неотступно преследовать эпизоды этого нелегкого периода. Время, представлявшееся в его сознании в образе пропасти, которую ты должен, собрав силы и мужество, перепрыгнуть или, потеряв уверенность в себе и возможность выжить, сорваться в нее и навсегда исчезнуть.

Магомета миновала эта участь. Он просто не мог не выстоять. Не имел права. Потому что знал – сдаться легче всего, бороться куда труднее. Идти, спотыкаться, падать и снова вставать, чтобы зажечь солнце во тьме, – удел только выносливых, не теряющих никогда оптимизма людей.

Как знать, возможно встречи с добрыми, отзывчивыми, не очерстневшими сердцами людьми помогали Магомету

поддерживать огонь надежды на неминуемое торжество справедливости и возвращение домой, на Кавказ, где его ждали осиротевшие могилы отцов и дедов.

Жизнь — сплошная череда темных и светлых полос. Последних в жизни героя повести было не так много. И потому почти каждая — памятная, незабываемая. А вот встреча с красивой, умной, скромной, с первой минуты подкупающей своей природной застенчивостью девушкой — Тамарой Дудовой, совершенно по-иному изменила жизнь Магомета Боташева.

Суровое, несладкое для их народа время не помешало родившемуся счастью. Обретя друг друга на далекой чужбине-мачехе, они пронесли свои светлые чувства, супружескую верность и преданность через всю долгую жизнь.

Тамара, его добрая, ласковая, любящая жена, друг, спутник, заботливая мать его детей, а теперь и нежная бабушка, всегда была и остается рядом. В минуты радостей и огорчений, в часы долгих раздумий перед принятием важнейших государственных решений. Она помогла ему нести тяжелую, ответственную ношу на посту председателя Карачаево-Черкесского облисполкома. Спокойная, сдержанная, как подобает горянке, Тамара, руководствуясь мудрой женской логикой, умело строила семейный очаг, в котором царили уют, тепло, добрые отношения и атмосфера глубокого уважения друг к другу.

Проникнутый вечным чувством благодарности и привязанности к женщине, разделившей с ним нелегкую судьбу, Магомет даже спустя много десятилетий совместной жизни и сейчас не безразличен к тому, что о нем думает Тамара.

Несмотря на огромную занятость, он всегда старался быть внимательным, отзывчивым отцом и заботливым супругом. Любящим и любимым. Постоянство, верность и преданность Магомет впитал с молоком матери. И сохранил эти очень важные человеческие качества на всю жизнь. Они помогали ему в создании крепкой, дружной семьи, его надежного тыла, основой которого до сих пор остается поразительно, как и в молодости, скромная и никогда не унывающая Тамара, супруга и спутница одного из славных сыновей не только своего народа, но и всей России.

При распределении, после окончания Ташкентского института инженеров железнодорожного транспорта, Магомет, уже будучи женатым человеком и отцом, попросил направить его на

работу во Фрунзе в управление Туркестано-Сибирской железной дороги.

Ждать пришлось долго. Почти месяц. В Ташкенте стояла обычная для здешних мест жара. Вопрос с получением разрешения на проезд затягивался. Тамара с маленьким сыном на руках, ждавшая со дня на день отъезда, потихоньку собирала вещи в дорогу. Не на шутку заволновались и преподаватели института, сразу предположив о возникших у Магомета материальных затруднениях. И предложили свою помощь...

«Пользуясь известным уважением в институте, имея диплом с отличием, я надеялся, что моя просьба при распределении выпускников института будет принята во внимание. Так и случилось: моя просьба направить меня на Туркестано-Сибирскую ж. д. была удовлетворена. Я мог остаться и в институте. После защиты дипломной работы на тему: «Проект крупной узловой сортировочной ж.-д. станции и организация ее работы» декан эксплуатационного факультета Аксенов предлагал работу в институте. Однако меня в то время вопросы карьеры – научной или производственной – мало интересовали. Я хотел быть поближе к матери и сестрам, чтобы помочь им. После получения направления мне пришлось долго ждать разрешения на въезд в г. Алма-Ату, где находилось управление Турксиба. В МВД Узбекистана объяснили мне долгую задержку тем, что они не имеют права спецпереселенцу давать разрешение в другую республику и что разрешения из одной республики в другую даются лишь с согласия Москвы.

Дали нам с Тамарой, наконец, разрешение в г. Алма-Ату, не забыв при этом упомянуть, что с нами наш сын Мурат. В управлении без проволочек, по моей просьбе, направили меня во Фрунзенское отделение этой дороги. Снова пришлось просить в МВД Казахстана разрешение на выезд в г. Фрунзе. Пришлось опять ждать. В Алма-Ате мы встречали наших земляков. В частности, там познакомился с художником и скульптором Хамзатом Крымшамхаловым (он автор скульптуры «Горянка» в Карачаевске, памятника воинам-малокарачаевцам).

Магомет с семьей приехал на станцию Пишпек (грузовая станция г. Фрунзе), где находилось управление Фрунзенского отделения Турксиба.

Поначалу Боташеву откровенно повезло. Главным инженером здесь работал его бывший преподаватель по Ташкент-

скому институту некий Байбеков, уйгур по национальности. Узнав своего студента, он тотчас вызвал начальника отдела кадров и распорядился оформить Магомета на должность начальника отдела грузоперевозок. Однако кадровичка предложила сначала стать на учет в комендатуре. В комендатуре никак не могли взять в толк, каким образом представителю репрессированного карачаевского народа удалось поступить да еще с отличием окончить такой важный транспортный вуз. Команда поступила незамедлительно – на должность, связанную с организацией движения поездов, не допускать. Для дипломированного, окончившего с отличием специалиста не нашлось в итоге другой должности, как рядовым инженером по механизации работ по всему отделению железной дороги – от станции Луговая до станции Рыбачья на берегу озера Иссык-Куль.

Впервые Боташеву было отказано в соответствующей его подготовке и уровню должности именно по национальному признаку. А точнее, по причине принадлежности к репрессированному, а значит почти не имеющему никаких прав народу.

Вскоре непосредственный начальник Боташева, потомственный железнодорожник Жориков, приехавший во Фрунзе из Санкт-Петербурга еще до революции, серьезно заболел и ушел на пенсию. На свое место он, не раздумывая, рекомендовал Магомета. Как грамотного, подготовленного, умеющего принимать правильные решения, специалиста.

Жизнь незаметно входило в нормальное спокойное русло. Случавшиеся на работе неприятности, в основном на почве постепенно сходящего на нет недоверия, как по мановению волшебной палочки, исчезали, едва Магомет оказывался в кругу семьи. Тамара и маленький, начавший уже лепетать сынишка вносили столько света и радости в его душу, что все остальное сразу отходило на второй, а то и на десятый план. Магомет был безгранично горд, качая на руках малыша, и счастлив, что рядом есть она – женщина его судьбы, смиренно и терпеливо сносившая все невзгоды, выпавшие на их долю.

«Я втянулся в работу. За период с 1953 по 1956 год было внедрено много нового по всем станциям отделения. Механизация погрузочно-разгрузочных работ по отделению выросла с 40 до 80%, была разработана и внедрена новая организация работ на основной станции отделения – Пишпек, резко сократился простой грузовых вагонов. Работа спори-

лась. Коллектив относился ко мне с уважением. В 1958 году меня из Карачаево-Черкесии во главе бригады посылали в Азию для организации переселения карачаевских семей эшелонами на родину. Тогда я заходил на свою прежнюю работу. Никогда я не забуду с каким радушием и радостью меня встречали инженерно-технические работники и рабочие. Как только узнали, что я приехал, побросали краны, экскаваторы, погрузчики, электрокары и собрались в клубе. Они были рады встрече со мной, а я с ними».

Магомет не только много работал, стараясь как можно лучше обеспечить семью, но и находил время активно сотрудничать с редакцией газеты «Гудок». На ее страницах часто публиковались материалы Боташева по улучшению работы всей сети железной дороги СССР. Многие из них находили живой отклик и понимание в Министерстве путей сообщения и управлениях железных дорог.

Сотрудничая с газетой, Магомет заочно познакомился со своим земляком-коллегой начальником вагонного депо в Джамбуле Бостановым, который закончил вуз еще до войны. А после 20-го съезда КПСС работал начальником вагонной службы Турксиба в Алма-Ате. Они долго переписывались, но так и не смогли встретиться. Хотя от Фрунзе до Джамбула ехать совсем недолго. Увы, получить в спецкомендатуре разрешение даже на короткий отъезд было куда сложнее, чем, кажется, обратиться за аналогичной просьбой в далекую Москву.

До исторического XX съезда КПСС и принесшего затем карачаевскому народу долгожданную свободу 1957 года было еще далеко.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

5 марта 1953 года умер Иосиф Виссарионович Сталин. Вождь всех народов. Диктатор. Тиран. Выигравший страшную войну. Погубивший тысячи своих сограждан в тюрьмах и лагерях. Подозрительный и хитрый. Десятилетиями державший огромную страну в страхе и ужасе. С его именем на устах гибли на войне солдаты. Его имя проклинали народы, депортированные, без вины виноватые, в необжитые, Богом забытые окраины СССР.

Несколько дней страна находилась в трауре и... ожидании. Люди, не скрывая слез, плакали. Напряжение было непередаваемое. Впереди – туманная неизвестность, позади – кошмар, замешанный на неисчислимом людском горе и страданиях.

В Джамбуле, где мы тогда жили, чередой проходили партийные собрания коммунистов-спецпереселенцев, участников Великой Отечественной войны. О чем шла на них речь, я не знаю. Но расходились все, как ни странно, в приподнятом настроении. Было уже очевидно: смерть Сталина – замаячившая впереди надежда на долгожданную свободу. Наступал период оттепели в отношении высланных на чужбину народов.

Первыми ее почувствовали фронтовики, а затем коммунисты. Их снимали с учета и давали право беспрепятственно передвигаться по стране. Только им. Остальным пришлось ждать еще целых три года. До исторического, а для депортированных народов эпохального в их судьбе XX съезда КПСС.

Громом среди ясного неба стал на съезде доклад Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущева, в котором впервые было заявлено о культе личности Сталина и его последствиях. Беспрецедентный акт выселения народов признан незаконным и противоправным. Был сделан первый, но очень важный шаг на пути к полному освобождению, а затем и возвращению спецпереселенцев на родину.

...Снявшись с учета, фронтовики и члены партии не могли в полной мере воспользоваться предоставленной им свободой. Как уехать, когда рядом родные, близкие пока еще в

оковах жесточайшего режима?! Не может же сын оставить на чужбине престарелого отца, дочь, измученную тяжким трудом мать. А старики, тосковавшие по Кавказу, только и ждали, мечтали хоть на миг вернуться домой. Напиться воды из Кубани, прикоснуться губами к молчаливым скалам, зачерпнуть руками прозрачную воду из родника и омыть ею лицо. Увидеть могилы отцов и дедов.

«Вот тогда можно и умереть», — с тяжелым вздохом говорили они. И глаза их наполнялись бездонной печалью. Большинство из них сомневались, что когда-нибудь этот час придет.

Эти слова я часто слышала от папы. Мудрого, много повидавшего и пережившего на своем веку. До сих пор перед глазами стоит одна и та же картина из далекого детства.

Папа сидит на кровати и мастерит из куска дерева ковши, ложки столовые, десертные. И все непременно с различными фигурками на кончике ручек. Мы, мал мала меньше, окружив его плотным кольцом, замороженно следим за его движениями и слушаем. Между делом в тихие, теплые вечера папа рассказывает нам о Кавказе. О нашем родном ауле Сары-Тюз, Учкуланском ущелье, Махарских нарзаных источниках. Особенно подробно об Индиш Аякъ и Къара-Сырте, где некогда были земли его отца Гыкгы Семенова. Хорошо, зажиточно жили тогда наши предки. Имели свою мельницу, десятки улей с сотнями пчелиных семей, коров, овец. Голос папы начинал дрожать. По щекам медленно стекали скупые мужские слезы. Красивое благородное лицо становилось вдруг мрачным и серым. Для меня было странным видеть плачущего папу. Он всегда казался мне сильным, могучим, способным многое выдержать и перенести. Могла ли я тогда, совсем несмышленная девочка, понять, как невыносимо тяжело ему переносить тоску по родной земле?! Постепенно привыкать к мысли, что дороги назад, быть может, уже не будет. А горы Кавказа с сияющими белоснежными вершинами останутся лишь в памяти.

Шел 1946 год. Три года мы уже жили в Казахстане. До возвращения домой было ой как много — больше десяти лет. Но нам почему-то казалось, что это произойдет значительно раньше... возможно завтра. Как знать? Наверное чувствовал это и папа. Однажды он сказал нам: «Вот увидите: рано или поздно все живые вернутся на Кавказ. Непременно. Жаль только не будут среди них ваши братья Зетдин и Камиль. Они героически погибли. А где похоронены — никто не знает. Придет время — разберутся и с теми, кто выслал нас сюда. Скажут: произошла

ошибка. А подумают ли, чего она стоила? Мы ни в чем не виноваты. Но запомните одно – я умру, а вы обязательно дождитесь свободы! И тогда ни одного дня не оставайтесь здесь! Сразу уезжайте на Кавказ! Чего бы вам это не стоило. Не задерживайтесь! Там ваши корни, там должен гореть ваш очаг...»

Папа на Кавказ не вернулся. Он умер через год. Могила его на одном из кладбищ спецпереселенцев, где нашли свой последний приют сотни тысяч безвинных жертв сталинско-бериевского геноцида.

«Мы выполним его завещание», – крепко завязав черный платок, сказала сразу осунувшаяся мама. И слово она свое сдержала.

В июле 1956 года вышел, наконец, Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений по спецпереселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев, членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны». Мама и старший брат Магомет сразу стали собираться домой. В считанные дни распродали по дешевке нажитое добро. И вскоре мы всей семьей выехали на родину. Так поступали многие. Дождаться организованного выезда из мест ссылки за счет государства не было уже сил и терпения.

Мы торопились покинуть места, где испытали столько горя. Где нас никто никогда не ждал. Где мы оставили навсегда лежать в холодной могиле нашего доброго папу, не дожившего до светлого дня возвращения. Мы спешили, чтобы выполнить его завещание – обязательно вернуться на родину. И мы вернулись, но, к сожалению, без него... А у семьи Магомета Боташева ситуация отличалась тем, что в Хурзуке ждала их могила Абдурзака. Осиротевшая, заброшенная, забытая.

Появлению долгожданного Указа «О снятии ограничений по спецпереселению...» предшествовало активное движение всего карачаевского народа за скорейшее возвращение домой. Оно началось сразу после XIX съезда КПСС, где, как уже отмечалось выше, была дана принципиальная оценка варварской акции переселения народов.

В знаменитом докладе Никиты Сергеевича Хрущева, который, кстати, был обнародован спустя многие годы, в частности говорилось:

«...Товарищи! Обратимся к некоторым фактам. Советский Союз по праву считается образцом многонационального государства, ибо у нас на деле обеспечены равноправие и дружба всех народов, населяющих нашу великую державу. Тем

более вопиющими являются действия, инициатором которых был Сталин, которые представляют собой попрание основных ленинских принципов национальной политики Советского государства.

Речь идет о массовом выселении со своих родных мест целых народов, в том числе коммунистов и комсомольцев, без каких бы то ни было исключений. Причем такого рода выселение никак не диктовалось военными соображениями.

Так в конце 1943 года, когда на фронтах Великой Отечественной войны определился прочный перелом в ходе войны в пользу Советского Союза, принято было и осуществлено решение о выселении с занимаемой территории всех карачаевцев. В тот же период, в конце декабря 1943 года, точно такая же участь постигла все население Калмыцкой автономной республики...

В марте 1944 года выселены были со своих родных мест все чеченцы и ингуши, а Чечено-Ингушская автономная республика ликвидирована. В апреле 1944 года с территории Кабардино-Балкарской республики выселены были в отдаленные места все балкарцы, а сама республика переименована в Кабардинскую автономную республику. Украинцы избежали этой участи потому, что их слишком много и не куда было выслать. А то он бы и их выслал. (Смех и оживление в зале).

В сознании не только марксиста-ленинца, но и всякого здравомыслящего человека не укладывается такое положение — как можно возлагать ответственность за враждебные действия отдельных лиц или групп на целые народы, включая женщин, детей, стариков, коммунистов и комсомольцев, и подвергать их массовым репрессиям, лишениям и страданиям». (см.: «О культе личности и его последствиях». Доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева на XX съезде ЦК КПСС 25 февраля 1956 года // Известия ЦК КПСС, 1989. № 3. — Стр. 151–152).

Оставалось за малым — реабилитировать выселенные народы, восстановить их государственность, вернуть в места исконного проживания. В этой связи повсеместно были созданы инициативные группы, в одну из которых вошел и Магомет Абдурзакович Боташев. Они ездили по населенным пунктам компактного проживания карачаевцев. Проводили собрания, доступно рассказывали о решениях XX съезда КПСС. Магомет Абдурзакович до сих пор помнит выражения лиц стариков, женщин, быстро повзрослевших на чужбине юношей и девушек. Одни пока не хотели верить, что

произошло чудо. Другие, сразу вспомнив умерших от голода и болезней родных, плакали. Третьи не переставали вслух благодарить Хрущева, прося у Аллаха ему здоровья. При этом все, с надеждой заглядывая в глаза, задавали один и тот же вопрос: «Когда можно уже уезжать домой? Как и каким образом это будет организовано?»

Члены инициативных групп ответить на эти животрепещущие вопросы пока не могли. И тогда появилось письмо на имя Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева. Среди подписавших его был и Магомет Абдурзакович Боташев.

Полагаю, приводимый текст этого письма с небольшими сокращениями позволит читателю ощутить, какую большую надежду и веру в торжество справедливости, политику правды нового руководства партии и правительства питали люди, находясь в постоянном напряжении дни и ночи.

«Мы коммунисты, как знающие карачаевский язык и сами карачаевцы, были командированы ЦК КП Киргизии для проведения массовой политической работы по материалам XX съезда Коммунистической партии Советского Союза среди спецпереселенцев-карачаевцев на их родном языке.

Нами, с 22 по 30 апреля, а некоторыми и по 5-е мая 1956 года были проведены доклады и беседы на собраниях колхозников-карачаевцев, поселенных в районах Фрунзенской области. На этих собраниях присутствовали парторги и председатели колхозов, также секретари некоторых райкомов партии.

После докладов и бесед, наряду с вопросами, связанными с решениями XX съезда КПСС, задавалось много вопросов, касающихся факта ликвидации Карачаевской автономной области и выселения карачаевцев в Среднюю Азию, а также восстановления автономной области на прежней территории и связанного с этим возвращения карачаевцев на Северный Кавказ.

Колхозники в своих выступлениях говорили, что за 12–13 лет существования в местах поселения они впервые присутствуют на собраниях, которые ведутся на их родном языке. И что это наполняет их сердца величайшей радостью, вселяя надежды на лучшее будущее в их национальной судьбе.

Колхозники говорили, что в результате Великой Октябрьской социалистической революции трудящиеся-карачаевцы наравне со всеми большими и малыми народами России получили равноправие, возможность развивать свою экономическую и культурную жизнь, участвовать на равных правах со всеми другими народами в политической жизни советского

государства; довоенный период для карачаевского народа был периодом полного и яркого расцвета этого маленького народа во всех областях его жизни; ранее угнетенный, обреченный на вымирание малочисленный народ, почти поголовно безграмотный, сумел за какие-нибудь 15–20 лет существования Советской власти стать народом сплошной грамотности.

Но колхозники говорили о том, что война принесла нашему народу неизмеримые бедствия, много горя и несчастья. В результате беззакония и произвола нас оторвали от родных мест, нанесли неслыханное национальное оскорбление, обвинив весь народ без исключения, начиная от малых детей и кончая глубокими стариками, мужчин и женщин, в измене Родине. «Изменниками» оказались даже члены партии и воины Советской Армии, проливавшие свою кровь, защищая свободу и независимость советского народа и государства. Здесь, в Средней Азии, оказавшись в положении «изменника», мы испытывали почти не прикрытые издевательства, вплоть до физических избиений. Фактически мы не пользовались никакими правами. Нам открыто заявляли: «У вас только одно единственное право – работать». За переход границы сельсовета или района осуждали к 20 годам каторжных работ.

Мы были лишены элементарных норм человеческого существования, не имели возможности поженить молодых людей, живших в разных селах, хоронить умершего в соседнем селе родственника...

Голод и болезни были нашими спутниками в первые три-четыре года существования в Средней Азии. Болезни, особенно туберкулез, связанные с тяжелыми последствиями, климатическими условиями Средней Азии, не оставляют нас и поныне.

Но самым нестерпимым остается унижение нашего национального достоинства: «изменник» и «бандит» стали нашими кличками. До настоящего времени ни формально, ни фактически не снят надзор органов МВД над нами: нас также, как и раньше, числят на спецучете МВД, а там, где существует парторганизация, на наших паспортах ставится штамп с надписью «Разрешается проживать только в пределах того или иного населенного пункта». Нас по-прежнему вызывают в спецкомендатуру МВД расписываться в особых карточках, специально заведенных на каждого из нас. И поныне мы без ведома органов МВД не имеем права выезжать или переезжать куда-нибудь в другие места.

Где бы мы не проводили собрания, всегда и всюду колхозники-карачаевцы настоятельно просили нас всех довести до сведения Президиума ЦК КПСС и Советского правительства то, что Среднюю Азию они рассматривают как место их насильственного поселения, с которым связано незабываемое народное горе и национальная трагедия, и что загладить это можно только возвращением карачаевцев в родные места на Северный Кавказ, а также восстановлением конституционных прав, которыми карачаевцы, как и другие народы СССР, пользовались в результате Великой Октябрьской социалистической революции.

Мы, все командированные коммунисты, воочию убедились в страстном единодушном стремлении народа возвратиться обратно в родные места. Мы, члены КПСС, полностью разделяем чувства и чаяния трудящихся карачаевцев, своих земляков в их желании вернуться на родину и восстановить Карачаевскую автономную область, восстановить, развивать хозяйство, социалистическую культуру, родной язык, литературу и т. д. ...

...Заканчивая наше письмо, мы еще раз повторяем, что только восстановление Карачаевской автономной области на прежней территории в составе Российской Федерации может служить правильным ленинским решением национального вопроса, на что мы надеемся. Это даст возможность окончательно решить весь комплекс вопросов, касающихся национальной жизни нашего народа.

Одновременно с этим высылаем наши отчеты о поездке в командировку по массовой разъяснительной работе по материалам XX съезда КПСС среди колхозников-карачаевцев». (см.: Карачаевцы. Выселение и возвращение. – Черкесск, 1993 г. – Стр. 104– 109).

А вот один из конкретных отчетов, составленных в то время, – документ, в котором было больше вопросов, нежели ответов. Это отчет по итогам командировок М. А. Боташева в места компактного проживания карачаевского народа в Киргизии. Я решила дать в книге этот документ без сокращения, дабы читатели, особенно из числа молодого поколения, смогли в полной мере прочувствовать и понять состояние людей, которые, пройдя через ад страданий, дождались, наконец, справедливости.

СЕКРЕТАРЮ ЦК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИРГИЗИИ

тов. КАРАКЕЕВУ
копия: — ПРЕЗИДИУМУ ЦК КПСС
гор. Москва

Поручение ЦК КП Киргизии по разъяснению решений 20 съезда КПСС среди трудящихся-карачаевцев Кагановичского района Фрунзенской области мною выполнено в соответствии с полученным мною инструктажем. Разъяснение решений 20 съезда КПСС производилось в виде докладов и бесед на карачаевском языке. Выше указанная мною работа произведена в колхозе им. Молотова, в Киргизской селекционной станции по сахарной свекле, которые были намечены с секретарем райкома партии. Организацией докладов занимались представитель райкома партии и секретари партийных организаций. На собраниях присутствовали более 400 человек. Много стариков, молодежи, женщин. Доклады были прослушаны с исключительным вниманием, колхозники и рабочие приняли активное участие в обсуждении решений съезда. Выступили на собраниях 26 человек. Из выступлений товарищей, в первую очередь, надо подчеркнуть огромную благодарность, выражаемую Коммунистической партии за неустанную заботу и конкретные меры, принимаемые партией и правительством для повышения материального и культурного уровня рабочих, колхозников и всех трудящихся Советского Союза. Выступающие от имени трудящихся-карачаевцев выражали большую благодарность ЦК КП Киргизии за представленную впервые за 13 лет возможность прослушать решения родной Коммунистической партии на родном языке. На собраниях выражалась полная уверенность в том, что директивы 20 съезда КПСС по 6-ому пятилетнему плану, в частности по сельскому хозяйству, будут безусловно выполнены, ибо это директивы партии, которая на деле доказывает, что вся ее деятельность направлена на улучшение жизни советских

людей, на смягчение международной напряженности, за мир во всем мире, коренные интересы трудящихся. Народ поддерживает партию и приложит все усилия для досрочного выполнения плана 6-ой пятилетки. В частности, труженики-карачаевцы – свекловоды, доярки, чабаны, механизаторы – сделают все от них зависящее, чтобы претворить в жизнь директивы партии.

Считаю необходимым доложить и о том, что на собраниях было уделено выступающими, при поддержке всех присутствующих, большое внимание прошлому и дальнейшей судьбе карачаевцев как национальности. Я это должен сделать и потому, что меня все, кто присутствовал на докладах: старики и молодежь, колхозники и рабочие, убедительно просили довести до сведения ЦК КП Киргизии и ЦК КПСС интересующие их вопросы. Много выступлений было посвящено тем жестоким решениям и тяжким испытаниям, которые пришлось перенести женщинам, детям, старикам в период после выселения в Среднюю Азию. Приводилось бесконечное множество примеров: как женщины продавали отдельных своих детей за пуд кукурузы, чтобы спасти других от голода, как вымирали целые семьи, как некий Татарчук в колхозе им. Молотова поджег сноп курая на спине у вдовы, которая несла курай с поля для растопки и остался безнаказанным, как попустительствовали коменданты всяким оскорблениям и издевательствам неосознательных элементов, публично называя всех карачаевцев бандитами и изменниками и т. д. Все эти факты может установить и законно оформить любая уполномоченная комиссия.

Товарищи задали и огромное множество вопросов, часть из которых я должен довести по их просьбе до ЦК КП Киргизии и ЦК КПСС:

1. Мы знаем, что съезд КПСС установил, что мы неправильно высланы из родных мест и что последствия культы личности надо исправить. Будем ли мы возвращены на Кавказ и когда?

2. Если мы неправильно высланы, почему до сих пор нас держат на учете и мы расписываемся?

3. Почему у снимаемых с учета коменданты берут подписку о том, чтобы они не возвращались на прежние места жительства?

4. Будет ли образована Карачаевская автономная область?

5. Будет ли оказывать государство нам помощь, если будет принято решение о возвращении, учитывая, что мы невинно пострадали материально и морально?

6. Почему нет материалов 20 съезда КПСС на карачаевском языке?

7. Почему нет бесед, лекций, последних известий по радио на карачаевском языке? Большинство наших людей оторваны от того, что делается в стране. Наши люди отстали на 13 лет. Возродились старые пережитки, как калым и т. д.

8. Будут ли расследованы случаи издевательств над нами отдельных официальных лиц (в частности комендантов) и будут ли они наказаны?

9. Будут ли привлекаться к ответственности лица, продолжающие оскорблять наше человеческое достоинство гражданина СССР и провоцирующие нашу молодежь к дракам?

10. Будут ли призваны в Армию те карачаевцы, которых в свое время не призывали для выполнения обязанностей каждого гражданина СССР?

11. Почему карачаевцев не выдвигают на руководящую хозяйственную советскую и партийную работу? В Чаткульском с/совете один депутат карачаевец, один член правления к-за им. Молотова, ни одного члена ревизионной комиссии, а карачаевское население составляет 40-45%.

12. Будут ли приняты какие-то меры для привлечения нашей молодежи (особенно женской молодежи) к учебе?

13. Имеем ли мы право писать письма в ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР с просьбой о нашем возвращении и образовании автономии?

14. Сколько шерсти, мяса, кукурузы производила Карачаевская автономная область, сколько производит эта территория сейчас и сколько бы мы производили там сейчас, имея исторические решения партии по сельскому хозяйству? Люди, приезжающие из наших мест, говорят, что альпийские луга и пастбища почти пустуют, земли, на которых мы снимали прекрасные урожаи кукурузы и картофеля, превратились в залежные.

15. После 20 съезда КПСС мы ждем исправления допущенной в результате культа личности несправедливости. При решении вопроса будет ли заслушано мнение карачаевцев? На все эти вопросы, естественно, я не мог ответить и по их просьбе довожу до Вашего сведения.

От себя, как от члена КПСС, должен сказать, что все карачаевцы, с кем мне пришлось встретиться на собрании и в беседах, верили и бесконечно верят Коммунистической партии Советского Союза. Карачаевцы твердо помнят, что от вымирания их маленький трудовой народ спасла Великая Октябрьская социалистическая революция. Зная о том, что их выселение из родных мест и последующие их лишения являются одним из тяжких последствий культа личности, они верят и ждут справедливого решения их дальнейшей судьбы. Партия сказала свое слово по этому вопросу. Люди ждут законодательного акта – образования своей национальной автономии в родных местах в семье равноправных больших и малых народов Советского Союза.

Слушая трудящихся-карачаевцев, беседуя с партийными и хозяйственными руководителями, нельзя не выразить уверенность в том, что они не пожалеют своих сил и опыта для успешного выполнения директив партии. Образование национальной автономии будет сильнейшим стимулом для подъема трудового энтузиазма, проявления творчества и инициативы.

**Боташев Магомет Абдурзакович, чл. КПСС с 1942 г.,
адрес: гор. Фрунзе. ст. Пишпек, КНП-6**

* * *

Вслед за этими и другими письмами активисты движения за возвращение народа на родину, среди которых были фронтовики, коммунисты, Герои Социалистического Труда, стали настойчиво добиваться встречи непосредственно с руководителями партии и правительства.

В Москву выезжает первая делегация, в которую входили Магомет Акбаев, Ракай Алиев, Басханук Караев, Сеит-Умар Токаев, Аскер Эбзеев.

Второго июня 1956 года их приняла комиссия из девяти человек, которая была утверждена Секретариатом Центрального Комитета партии. На этой встрече присутствовали заведующий административным отделом ЦК КПСС, заведующий отделом агитации и пропаганды, представитель КГБ, прокуратуры, министерства юстиции, Верховного Совета СССР, министерства внутренних дел.

Члены первой делегации, все участники Великой Отечественной войны, пережившие вместе со своим народом в ме-

стах поселения все тяготы и лишения, могли многое повести столь представительной комиссии. Но времени для встречи отводилось немного, а потому надо было сказать главное, самое существенное. И прежде всего о необходимости возвращения карачаевцев на родину, в свои дома, свои аулы, возвращения им имущества и восстановления Карачаевской автономной области. Представители карачаевского народа не только постарались подробно изложить многие волновавшие их вопросы, но и передать настроение, уверенность народа, что он будет понят в высших инстанциях страны.

Беседа в Кремле шла в течение двух с половиной часов. Атмосфера была вполне доброжелательной. Уезжали члены первой делегации в приподнятом настроении. За исключением одного момента, несколько насторожившего посланцев карачаевского народа. Узнав в разговоре с Сеит-Умаром Токаевым цель их приезда в Москву, Сулов, недобро сверкнув стеклами очков, сухо и категорически отрезал: «Не занимайтесь иллюзией». Годы не изменили главного идеолога партии. Он был все таким же непробиваемым человеконенавистником из «доблестной» когорты закоренелых сталинистов.

Вернувшись в Среднюю Азию, делегаты подробно рассказали о прошедших встречах. А буквально через месяц в столицу выехала вторая делегация, более представительная и по составу, и по количеству.

Сегодняшнее и грядущие поколения должны, обязаны знать имена людей, которые, полные решимости отстоять светлое имя народа, упорно и настойчиво обивали пороги высоких кремлевских кабинетов, стремясь приблизить радостный день прикосновения к родной земле. Среди них, конечно, и герой нашей повести Магомет Абдурзакович Боташев. Проводя на местах большую разъяснительную работу, он вселял в своих земляков уверенность, что ситуация неминуемо изменится к лучшему. И совсем скоро, судя по результатам поездки первой делегации, будут приняты соответствующие решения.

Состав второй делегации, как уже было отмечено, был весьма солидный. В него входили Герой Социалистического Труда из станции Мерке Казахской ССР Нузула Хочаевна Курджиева, колхозник восьмидесяти восьми лет из Киргизии Ибрагим Джашарбекович Чагаров, участник Великой Отечественной войны, живший в то время в Москве Маджир Ибрагимович Гаджаев, бывший партизан из ст. Луговой Казахской ССР Юсуф Мамурович Байрамуков, участник войны

из Казахстана Таубий Хамзатович Курджиев, бывший секретарь Малокарачаевского райкома партии Мурат Хамзатович Джаммаев, из Фрунзе Умар Хамзатович Урусов, участник войны из Казахстана Ибрагим Узденович Байрамуков.

Много позже в книге «Карачаевцы. Выселение и возвращение. 1943–1957 гг.» члены этой делегации поделились своими воспоминаниями о состоявшихся в Москве встречах, которые, как покажет время, стали поворотными и знаменательными в судьбе многострадального карачаевского народа.

«4 июля 1956 года в 12 часов 25 минут мы вошли в просторный кабинет тов. Хрущева. Он встал из-за стола и пошел нам навстречу. Никита Сергеевич Хрущев поздоровался со всеми по-восточному, протягивая обе руки. После исключительно теплого рукопожатия предложил сесть, указывая на два ряда стульев, расположенных по обеим сторонам длинного стола, приставленного к письменному столу. При этом он сказал, еще раз указывая на стулья: «Можно сесть и здесь и там». Мы расселись непринужденно. Все заметили – некоторая робость, охватившая нас еще в передней, отошла быстро. Мы не успели поблагодарить Никиту Сергеевича за прием, не успели просто слова сказать, как незаметно, совсем просто завязалась оживленная беседа.

Никита Сергеевич начал: «Я читал ваше письмо». Мы увидели, наше письмо действительно лежало перед ним на столе.

Далее Никита Сергеевич говорил, что он понимает наше желание, но вопрос довольно сложный. Люди (он имел в виду Сталина и Берия) наделали дел, а теперь приходится распутывать. Берия был на Кавказском фронте и доложил Сталину, что некоторые кавказские национальности будто бы изменили родине, а Сталин взял да и выселил.

Здесь Никита Сергеевич довольно подробно и откровенно рассказывал о той болезненной подозрительности Сталина, которой он страдал в последнее время, а этим состоянием, отметил он, воспользовались Берия и ему подобные. Все это неправильно, весь народ не может быть виновным, ибо это противоречило бы нашей идее. В любой нации бывают неустойчивые элементы, но это не значит, что виноват весь народ.

– Как я говорил на XX съезде КПСС, – продолжал Никита Сергеевич, – он Украину тоже выселил бы, но 40 миллионов населения некуда было выселить.

Далее товарищ Хрущев говорил: «Если все являются врагами, то кто врага нашего победил? Чтобы все были врагами, этого, конечно, не могло быть. Конечно, выселе-

ние честных людей особого труда не составляло – собрать в телячьи вагоны и отправить неизвестно куда. А за такие выселения честных людей некоторые получили ордена».

Никита Сергеевич рассказал, как принудительно уволили из армии полковника – немца по национальности, несмотря на то, что он, Хрущев, был против этого увольнения.

Никита Сергеевич рассказал дальше, что он был в Казахстане и там его окружили чеченцы. Один из них рассказал, что он женился на девушке, которая живет на расстоянии пяти километров, но, чтобы съездить к теще в гости, ему нужно проехать за разрешением 1000 километров.

Тов. Хрущев сказал, что они неплохие люди, хотя про них говорят, что они занимаются поножовщиной. Они труженики, работают механизаторами в МТС и колхозах.

Здесь Никита Сергеевич перешел непосредственно к нашей просьбе. Он еще раз повторил, что вопрос сложный. На территории, откуда выселены карачаевцы, живут люди, которые не виноваты в том, что их переселили. Это, с одной стороны, а с другой – власти на местах расселения карачаевцев не очень-то хотят их отпускать. Вопрос надо изучить, и он изучается. Что касается политической реабилитации, то они, бесспорно, сделают скоро. «Правда, – говорит Никита Сергеевич, – здесь тоже нужно посмотреть, может быть лучше сразу принять одно решение по вопросу реабилитации вашего народа и по вопросу возвращения вас на родину».

Здесь во время беседы в кабинет входит Первый секретарь ЦК КП Украины тов. Кириченко. Никита Сергеевич представляет нас ему как представителей карачаевского народа. Мы встали. Н. С. Хрущев: «Садитесь».

Тов. Кириченко садится в конце стола около Байрамукова и спрашивает его: «Сколько всего карачаевского населения?» На ответ – 68 000 тов. Кириченко замечает: «Это половину маленького города не составляет. Можно уместить». (Имеется в виду на бывшей территории Карачая).

Здесь телефонный звонок. Никита Сергеевич: «Я беседую с карачаевцами».

Тов. Гаджаев: «Вам оставили действительно тяжелое наследие. Мы и наш народ это прекрасно понимаем. Поэтому мы, чтобы облегчить решение нашего вопроса, не просим немедленно объявить автономию, мы не просим расходов из госбюджета, средств на перевозку населения обратно на родину. Мы

не просим также немедленно выселить ныне живущих там сванов. Заселенность даже Клухорского района составляет 10 процентов, а остальная часть нашей территории пустует. Мы все поместимся там, на бывшей нашей территории. Мы ни с кем не будем ссориться, уживемся. Неужели честные коммунисты-грузины или русские будут против нашего возвращения, неужели не поймут нашей трагедии, трагедии нашего народа?»

Тов. Хрущев ответил, что у Берии был план расширения Грузии за счет Северного Кавказа.

Тов. Гаджаев: «Обращает на себя тот факт, что из Северного Кавказа выселены те народы, которые граничили с Грузией, например, карачаевцы, балкарцы, чеченцы, ингуши».

Тов. Гаджаев дальше говорит, что карачаевцы настолько бесправны в настоящее время, что попытки собраться по три-четыре человека вместе и обсудить свое положение рассматриваются как контрреволюционные акты.

Никита Сергеевич поправляет: «Как антисоветские».

Далее тов. Гаджаев говорит: «Что касается местных властей, то мы хотели бы предупредить вас, что они будут за то, чтобы не отпускать нас на родину, так как карачаевцы понравились им как хорошие животноводы. Но если настоящее положение народа останется без изменения, то через пятьдесят лет нашей нации не будет, она растворится, исчезнет».

Никита Сергеевич: «Ассимилируется. Это правда, такая опасность существует для вашей нации».

Тов. Гаджаев говорит: «Мы испытываем тревогу по этому поводу».

Тов. Хрущев: «Может быть, не все хотят уехать из Азии?»

Тов. Гаджаев: «Есть такие, но это те, которые боятся предстать перед народом за свое нехорошее прошлое. Это выродки нашего народа. Все честные люди хотят вернуться домой... Никита Сергеевич, если Вы теперь, после нашего посещения, примете решение оставить карачаевцев в Азии, то наш народ с нами разделается...»

При последней фразе тов. Гаджаева Кириченко улыбается.

Тов. Гаджаев продолжает: «Никита Сергеевич! В нашем народе говорят, что ни один царь из рода Романовых так не поступал с нами, как это сделал Сталин».

Никита Сергеевич говорит, что это правда, вся трагедия в том, что царя Николая Второго народ не поддержал бы, если бы он назвал ваш народ изменником, а Сталина народ верил. Сталина народ поддерживал. В этом истинная трагедия!

Джамаев Мурат: «Мы были в Карачае. За исключением Клухорского района, все пусто. Ныне живущие там сваны и русские приветствуют наше возвращение... мы с ними жили и будем жить дружно, в мире. В горных аулах никто не живет. А дома большей частью развалены, улицы заросли бурьяном. В Средней Азии, как бы вопрос не был разрешен, наше имя остается как имя предателей, изменников, поэтому наш народ обязательно нужно вернуть на родину. Несмотря на решения XX съезда КПСС, местные органы смотрят на нас по-прежнему. Наш народ не ставит вопрос о немедленном объявлении автономии и никаких затрат из госбюджета не требует.

Тов. Хрущев: «Сколько населения Карачая?»

Тов. Джамаев: «Около 70 тысяч.»

Тов. Курджиев: «Наш народ, Никита Сергеевич, после 12-летней ссылки хочет домой. Старики хотят, чтобы их кости легли там, где похоронены их отцы, деды и прадеды. Дорогой Никита Сергеевич! Наш народ хочет одного от Вас – вернуть ему все гражданские права, которыми пользуются все остальные граждане Советского Союза».

Далее Никита Сергеевич знакомится с представителями и спрашивает, кто где работает.

Тов. Хрущев спрашивает Нузулу Курджиеву, где она работает. Курджиева отвечает: «В интернате воспитателем по труду»

Тов. Хрущев: «Дети карачаевские?»

Тов. Курджиева: «Нет, большинство детей казахи, карачаевских детей мало».

Далее тов. Хрущев спрашивает, где работает тов. Джамаев. – Строитель во Фрунзе, – отвечает он.

Никита Сергеевич спрашивает тов. Курджиева, где он работает.

Тот отвечает: «Преподавателем военно-физической подготовки в средней школе».

Далее Никита Сергеевич спрашивает, где работает Байрамуков.

– Сеяльщик-механизатор, работаю в колхозе.

Обращаясь к Ибрагиму Чагарову, Хрущев спросил: «Он еще работает?». И тут же замечает сам: «Да он старик». Мы все в один голос отвечаем: «Он еще работает в колхозе».

Далее Никита Сергеевич обращается к Гаджаеву и задает тот же вопрос, на что Гаджаев отвечает, что он инженер-авиакон-

структор, военный инженер уволен из армии в 1949 году, как тот полковник, про которого только что рассказал сам Никита Сергеевич. При этом Никита Сергеевич замечает: «Вот видите, карачаевский народ выдвинул из своей среды таких людей!»

Тов. Хрущев тот же вопрос задает Байрамукову. Байрамуков отвечает: «До выселения был прокурором. В настоящее время – директор общепита».

Никита Сергеевич в шутку замечает: «Вот он, прокурор – виновник ваших бедствий».

Хрущев задает тот же вопрос Умару Урусову, тот отвечает, что работает председателем райкома в целинном колхозе в Казахстане.

Тов. Хрущев: «Какой урожай?»

Тов. Урусов: «Урожай хороший, Никита Сергеевич, хлеб будет».

Тов. Гаджаев: «Никита Сергеевич! Сумели мы объяснить просьбу нашего народа?»

Тов. Хрущев: «Да, я вас понял, все вы объяснили достаточно, но я один не решаю. Мы сделаем все для того, чтобы найти правильное решение».

Беседа на этом закончилась. Никита Сергеевич встает из-за письменного стола, выходит на середину кабинета и тепло прощается со всеми. Тов. Курджиев и тов. Байрамуков просят разрешения оставить ему свои письма от имени народа. Никита Сергеевич принимает письма.

Беседа продолжалась 55 минут. Надолго останется в нашей памяти та непринужденность обстановки, в которой она прошла...»

Н. Х. Курджиева, И. Д. Чагаров, М. И. Гаджаев, Т. Х. Курджиев, М. И. Джаммаев, Ю. М. Байрамуков, У. Х. Урусов, И. У. Байрамуков. (См.: Карачаевцы. Выселение и возвращение. 1943 – 1957. – Черкесск, 1993. – С. 120–126).

16 июля 1956 года, то есть через 12 дней после встречи второй делегации карачаевского народа с Никитой Сергеевичем Хрущевым, был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений по спецпереселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев, членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны».

Это весьма интересный исторический документ, который необходимо хотя бы бегло прокомментировать, что мы сделаем чуть ниже.

Сам же указ содержал в себе следующее:

«Учитывая, что существующие ограничения в правовом положении находящихся на спецпоселении чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны с Северного Кавказа, в дальнейшем не вызываются необходимостью, Президиум Верховного Совета СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Снять с учета спецпоселений и освободить из-под административного надзора органов Министерства внутренних дел СССР чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных на спецпоселения в период Великой Отечественной войны.

2. Установить, что снятие ограничений по спецпоселению с лиц, перечисленных в статье первой настоящего Указа, не влечет за собой возвращение имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда были выселены.

Председатель Президиума

Верховного Совета СССР К. Ворошилов

Секретарь Президиума

Верховного Совета СССР Н. Пегов

Москва, Кремль, 16 июля 1956 года».

Разумеется, появление этого документа стало событием в жизни карачаевского, чеченского и ингушского народов. Был снят многолетний, унижающий достоинство людей запрет на свободу выбора места жительства. Вроде бы как предпринят шаг к восстановлению всех прав народов, подвергшихся страшным репрессиям.

Но с другой стороны, о чем гласит второй пункт Указа, предоставляемая свобода этим народам носила явно выраженный декларативный характер. Если не сказать больше. Какая же может быть свобода, если народы, прочными корнями связанные с землей отцов, не представляющие для себя и своих детей жизни вне родных мест, где веками зажигали огонь их предки, не могли, вернее, не имели право вернуться в покинутые аулы, откуда были насильно и жестоко выселены 14 лет назад.

И Бог с ним, с конфискованным в период депортации имуществом. Было бы здоровье и силы. Постепенно все можно восстановить и вновь нормально зажить. Кто этого тогда не понимал. Но не вернуться на родину означало только одно –

постепенное и окончательное исчезновение народа с этнической карты страны и мира. Лишь на отчей земле было возможным залечить раны, спокойно вздохнуть, оглядеться, осмыслить и переосмыслить все произошедшее. Обрести снова силы, вдохновение и уверенность в преодолении встающих преград и трудностей. Другого варианта просто не может быть. Как для горного орла крылья, так для человека и Родина, без которой он ничто. Лишившись крыльев, орел погибает. Потеряв навсегда родину, человек, как вырванное сильным шквальным ветром дерево, лишается своих корней.

Надо все-таки полагать, что в Москве понимали очевидную условность этого Указа. И, соответственно, непременное усиление, активизацию инициативных групп за предоставление народу право вернуться в места исторического проживания.

Во всяком случае, уже через полгода, 9 января 1957 года, выходит второй Указ Верховного Совета СССР «О преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область»:

«В целях создания необходимых условий для национального развития карачаевского народа Президиум Верховного Совета СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Признать необходимым восстановить национальную автономию карачаевского народа.

2. Рекомендовать Президиуму Верховного Совета РСФСР рассмотреть вопрос о преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область в составе Ставропольского края РСФСР, установив границы и административно-территориальное устройство автономной области.

3. Считать утратившими силу Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 октября 1943 года «О ликвидации Карачаевской автономной области и административном устройстве ее территории» и статью 2 Указа от 16 июля 1956 года в части запрещения карачаевцам возвращаться на прежнее местожительство.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР К. Ворошилов

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР А. Горкин
Москва, Кремль, 9 января 1957 года».

Как видим, во втором Указе была отменена та часть первого указа, исключавшая право карачаевцев возвращаться в места, откуда они были выселены из своих домов.

Однако до полной реабилитации народа, подвергшегося геноциду и депортации, было еще далеко. Только в 1991 году, спустя почти 35 лет, были подписаны известные Указы Президента России Б. Н. Ельцина и постановления правительства о социально-экономической реабилитации репрессированных народов, в том числе и карачаевского. Государство признало чудовищный акт геноцида и принесло народам, ставшим жертвами неслыханного доселе произвола, свои извинения.

...Но вернемся снова назад, в 1957 год. Весной этого же года первые эшелоны с возвращающимися из мест ссылки карачаевцами пересекли границу Карачаево-Черкесии. И вопреки последнему Указу многие карачаевские семьи в свои родные аулы так и не попали.

Вполне законным и естественным было желание каждого вернувшегося на историческую родину изгнанника поселиться там, откуда его насильственно оторвали от земли предков в «черный» вторник 2 ноября 1943 года – Учкулан, Хурзук, Карт-Джурт, Дуут, Джазлык, Красный Карачай, Джаганас. Печально, но факт: после выселения карачаевцев в аулы Дуут, Джазлык, Красный Карачай жизнь так и не вернулась. На месте некогда цветущих, многолюдных аулов – одни развалины. Такая же участь могла постигнуть и аул Эки-суу-арасы (ныне село Ильичевское Зеленчукского района). В год возвращения карачаевцев долго дебатировался вопрос: разрешить или нет поселиться им здесь. К счастью, разум возобладал. Куда сложнее оказалось тем, кто был выселен из Кисловодска, бывшего районного центра Малого Карачая. Нескольким стам семей карачаевцев – коренным кисловодчанам – поселиться в городе категорически не разрешили.

Непонятно по каким соображениям определенную часть вернувшихся стали заселять в почти пустующий, необжитый, с суровым климатом Прикубанский район. В те годы его трудно было спутать с Казахстаном. В течение не одной сотни лет земли здесь не распахивались. И долго считались бросовыми. Даже кочевники старались обходить эти места стороной. Поселений никаких. Правда, в тридцатые годы, еще до войны, считавшиеся пригодными участки земли обрабатывались вахтенным способом. Причем земля рас-

пределялась между другими районами, учитывая сложность и трудоемкость работы в этой непростой зоне.

После возвращения и заселения Прикубанского района карачаевцами эти земли приобрели, наконец, настоящих хозяев. На карте области появились новые населенные пункты. В этом районе впервые началось выращивание сахарной свеклы, урожай которой доходил до 350 центнеров с гектара.

За сравнительно короткое время Прикубанский район превратился в одну из житниц Карачаево-Черкесии. С каждым годом росло количество совхозов-передовиков, о которых шла слава далеко за пределами области.

Многие механизаторы, животноводы, полеводы, специалисты сельского хозяйства были высоко оценены государством за свой тяжелый, самоотверженный труд, превративший некогда заброшенный и казавшийся бесперспективным район в процветающий регион Карачаево-Черкесии.

К сожалению, долгожителей, чем всегда гордился карачаевский народ, здесь проживает сегодня немного. Сказались многие факторы. И тяжелые годы депортации, изнурительный, порой адский труд по освоению Прикубанского района, болезни, ставшие следствием этих и многих других обстоятельств. Но я абсолютно уверена: все, кто в те далекие годы пришли на эти земли, чтобы оживить и превратить их в оазис, достойны песен, повестей, поэм. Каждый. Ведь они сделали все, что могли, и даже больше...

...Знакомясь, перелистывая материалы тех далеких лет, поражаясь неумной энергии многих представителей карачаевского народа, добивавшихся на разных уровнях восстановления справедливости и возвращения народа на родину, я подумала вот о чем. Как ни странно, заслуженной благодарности и признания за свой, поистине настоящий подвиг они так и не получили. Они, столько сил, энергии и здоровья отдавшие во имя святой, благородной идеи – реабилитации родного народа. Припоминается в одно время серьезно обсуждался вопрос о необходимости переименования одной из улиц аулов и сел компактного проживания карачаевцев в улицу имени Никиты Сергеевича Хрущева. Он, несомненно, заслужил эту высокую честь. Трудно представить, какая участь могла ожидать народ, окажись в те годы на месте Хрущева другой руководитель государства. Допустим, такой, как, например, Суслов – человек без сердца, души и сострадания к горю отдельно взятого народа, человека.

А разве не заслуживает величественного памятника скромная горянка Герой Социалистического Труда Нузула Курджиева. Ведь это ее Золотая звезда помогла второй делегации карачаевского народа открыть дверь приемной Никиты Сергеевича Хрущева и добиться встречи с ним в Кремле.

3 мая, объявленное Днем возрождения карачаевского народа, каждый из нас, переживших мрачные годы депортации, и представители нового поколения обязаны, обращаясь мысленно к ним, славным сынам и дочерям народа, разорвавшим цепи многолетнего гнета и унижения, сказать простые слова: «Спасибо вам за честное служение народу. Ваш подвиг не будет забыт. Ваши имена навсегда останутся в памяти потомков, как яркие звезды, которые никогда не гаснут!»

Мы, наконец, должны научиться при жизни воздавать человеку почести, которых он достоин. Не бояться признаться ему, что без него этот жестокий мир был бы еще хуже.

Как обидно, что этого не услышали вовремя члены второй делегации, из которых в живых остался только Умар Урусов. Время быстротечно. Оно не жалеет никого. И только память нетленна, если она бережно передается из поколения в поколение, как незатухающий факел самой жизни...

Среди достойных из достойных представителей моего народа и герой этой повести Магомет Абдурзакович Боташев. В составе двух делегаций, решавших в Москве жизненно важные для народа вопросы, его, как вы заметили, не было. Но он незримо всегда присутствовал рядом. С нетерпением ждал новостей. Непременно только хороших. Постоянно встречался с простыми людьми, объяснял им положение, готовил их морально к возвращению домой. Уверял, что трудностей впереди немало. Но надо выдержать.

Незадолго до отъезда на родину из Центрального Комитета партии в Киргизию, где жил Магомет Абдурзакович с семьей, пришло распоряжение о необходимости направить в Москву на курсы в Высшую партийную школу при ЦК КПСС семь коммунистов из числа представителей высланных народов. Восстанавливаемым автономиям страны нужны были подготовленные, грамотные кадры, хорошо знающие менталитет, образ жизни народов, их традиции и обычаи. Боташев был первым в списке предложенных кандидатур для обучения в Москве.

Вместе с ним на шестимесечных курсах при Высшей партийной школе ЦК КПСС проходили переподготовку пер-

вые секретари РК КПСС КЧАО В. Д. Узденов, Х. М. Борлаков, заместитель начальника УВД М. Д. Салпагаров и другие.

...И вот Магомет снова в столице. На память пришел сразу 1944 год. Когда он впервые, транзитом направляясь в Южно-Уральский военный округ, увидел златоглавую. Тяжелое было то время. Глаза ничего не видели вокруг, сердце разрывалось и нещадно саднило. Душевный надлом, неотступно следовавшие за ним тревожные мысли, боль и обида заслоняли все. Москва осталась в его памяти невзрачной и какой-то непонятно серой. Без единой цветной краски, улыбки, ободряющего взгляда.

Прошло 13 лет. Долгих, мучительных, трагических, сопряженных с безвозвратными потерями и неоправдавшимися надеждами 13 томительных лет.

На этот раз Москва была совсем другой. Без следов войны и застывшего страха на лицах людей перед неизвестностью. Буднично-рабочей и одновременно празднично-торжественной. Гостеприимной и привлекательной. Шумно-многоязыкой и величественной. Чистые, опрятные улицы, площади, скверы, заполненные потоками людей, появляющиеся местами из подземелья поезда метро – все это создавало ощущение приподнятости, прочной стабильности и непрерывности жизни москвичей, уверенности, что так и должно быть не просто в очень большом городе, а в столице огромной страны.

Магомет сразу окунулся в эту необычную атмосферу, разительно отличавшуюся от той, тягостной, беспросветной, сопровождавшей его в Средней Азии. Не упускает любую возможность побывать на выставках, в музеях, театрах. Благо билет достать нетрудно. На каждую премьеру их приносили прямо в школу. Бери – не хочу! Наибольшее предпочтение отдавал Большому театру, концертному залу имени Чайковского, богатому своими эстетическими традициями Малому театру. Ему посчастливилось видеть и слышать великих мастеров отечественной и зарубежной сцены, не раз за время его учебы посещавших с гастрольями Москву.

Но на первом плане, разумеется, была учеба. Она занимала почти все время. День был расписан по часам и минутам. Впрочем, ему было не привыкать. Жизнь научила многому. О том периоде Магомет Абдурзакович вспоминает сегодня тепло и даже с какой-то слегка проскальзывающей в голосе грустинкой.

«В столице нас учили азам управленческой науки. Каждая лекция была для нас открытием чего-то нового, ранее

нам не известного. Не пропускали ни одну. Часами просиживали в библиотеках. К семинарским занятиям готовились особенно тщательно. Хотелось побольше узнать, запомнить – ведь все пригодится. Во время моей учебы в Москве проходил знаменитый пленум ЦК КПСС, на котором была дана строгая, принципиальная оценка деятельности антипартийной группы Маленкова, Молотова, Булганина и Шепилова. Помню, к нам тогда приезжал даже будущий Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. И почти три часа выступал перед нами, рассказывая подробно, почему и как стала возможной деятельность этой группы. Какие цели она преследовала, что лежало в основе ее идеологии.

Регулярно я получал информацию о том, как шел процесс возвращения моего народа в родные места. Об этом говорилось по радио, печаталось в газетах, в том числе и центральных. Знал, сколько молодежи из Карачаево-Черкесии поступило на учебу в высшие и средние специальные заведения страны. Не мог не радоваться и гордился, что в процентном отношении карачаевцев было значительно больше, чем других.

А с какими прекрасными, богатыми душой людьми свела меня судьба в Москве. Мы жили в общежитии в одной комнате с ингушом Казы-Магометом Ведзижиевым. Человеком высококультурным и образованным. До выселения он занимал солидный пост в республиканской прокуратуре. Как старший по возрасту Казы-Магомет постоянно опекал меня. Было даже как-то неловко. Однажды, будто успокаивая меня, Ведзижиев сказал: «Весь мир удивляется, как у нас, на Кавказе, относятся и почитают старших. А ты задумывался – почему? Все просто. Старшие искренне относятся к младшим. Предостерегают их от возможных ошибок, не позволяют при них себе вольности. И заботятся о молодежи особо. Не поедят, но дети должны быть сыты. Не нами эти святы законы писаны. А как я могу иначе – вот и забочусь о тебе как старший». Крепко я подружился и еще с одним ингушом – Хаматхановым. Он работал долгое время председателем горисполкома в Назрани...»

Летом 1957 года Магомет Абдурзакович Боташев, закончив курсы в Москве, прибыл в Ставропольский крайком партии. И сразу же был утвержден в должности второго секретаря Карачаевского районного комитета партии. С этого времени и начинается его многолетняя, хлопотная, с бессонными ночами, без праздников и выходных трудовая деятельность на родной земле.

В 1958 году М. А. Боташев утвержден в должности председателя областной плановой комиссии. В этом же году его командировуют в Казахстан и Среднюю Азию. Вот что об этой поездке вспоминает Магомет Абдурзакович.

«Для организации переселения из Средней Азии и Казахстана карачаевцев было решено направить туда бригаду из семи человек.

Руководителем бригады был назначен я. Члены бригады были направлены в Южный Казахстан (Чимкент), Джамбульскую область, Таласскую область Киргизии, Фрунзенскую область (гг Кант, Фрунзе). При готовности карачаевцев к выезду я давал в управление Туркистано-Сибирскую железную дорогу (Алма-Ата) заявку на предоставление на ту или иную станцию столько-то вагонов для людей, скота и т.д. В день погрузки и отправления эшелонов я старался быть там, где это происходило.

В один из таких дней со станции г. Джамбул должен был отправиться на Кавказ эшелон с возвращающимися на родину карачаевцами из Джамбульской и Таласской областей. Когда я туда приехал, на площадке ст. Джамбул уже шла погрузка в вагоны карачаевских семей. Кроме отъезжающих было огромное количество провожающих: казахов, киргизов, русских, немцев. Присутствовал там и первый секретарь Джамбульского обкома партии КП Казахстана Имамов.

Он пришел проводить и сказать слова благодарности этому трудолюбивому народу, который сделал так много для развития экономики республики.

Проводы были исключительно теплыми. Я помню, с каким почетом провожали врача Солтан-Хамита Тамбиева. Как его благодарили за труд. В каждом выступлении было столько искренности, столько любви и сожаления, что расстаются.

Всем отъезжающим делали какие-то подарки. А некоторым дарили лошадей. В этот день меня известили о том, что первый секретарь Южно-Казахстанского обкома партии Юсупов распорядился: пока весенне-полевые работы не будут окончены, ни одному карачаевцу с места работы расчет не давать. Это было лестно, что карачаевцев так высоко ценят, но нас это не устраивало.

Мы старались как можно раньше перевезти людей на родину с тем, чтобы они могли своевременно посадить огороды, и обустроить свое жилье до холодов.

Я по телефону связался с Юсуповым и старался убедить его отменить свое распоряжение, но ничего не добился. Он заявил: «Среди карачаевцев много очень хороших трактористов и механизаторов, их отъезд сорвет весенне-полевые работы. Этого допустить нельзя. Мы для них сделаем все, оставьте их до завершения весенне-полевых работ».

Мы так и не договорились. Я вынужден был выехать в Алма-Ату. По совету секретаря Джамбульского обкома я попросился на прием ко второму секретарю ЦК КП Казахстана Керибжанову. Он сразу принял. Очень тепло встретил меня. Внимательно, не перебивая, выслушал мою просьбу. Тут же позвонил Юсупову в Чимкент и потребовал, чтобы непременно рассчитали карачаевцев, помогли им транспортом и всем, что потребуется. «Проводите по-человечески. Они это заслужили», – сказал он твердо. Повесил трубку и повернулся ко мне. Мы долго беседовали. Он лестно отзывался о карачаевцах. Особо отмечал их трудолюбие и миролюбие. Многих назвал пофамильно. Просил передать привет и наилучшие пожелания Патии Шидаковой, Нузуле Курджиевой. Просил поблагодарить от его имени за все, что они сделали на земле Казахстана.

Когда я попрощался и уже уходил, он повторил просьбу: «Героям Социалистического Труда Нузуле Курджиевой и Патии Шидаковой привет и низкий поклон». Что я с удовольствием выполнил при возвращении. Я до сих пор не забываю, как он участливо расспрашивал о том, как обустраиваются карачаевцы на родине, как к ним относятся живущие там народы. Мне запомнились его слова: «С одной стороны жалко, что уезжают карачаевцы – неутомимые труженики и хорошие люди. С другой стороны рад за них. Дождались справедливости, возвращаются на историческую родину. Это такое счастье. Мы же видели, как страдали, особенно старики. Истосковались».

Сколько пришлось пережить и выдержать ему, Боташеву, интеллигентному, скромному, без всяких претензий и амбиций, с невероятной ответственностью относившемуся к своей работе.

Как и весь народ, он наивно полагал, что все уже позади. Депортация, 14-летняя ссылка, голод, холод, переполненные умершими родными и близкими кладбища среднеазиатских республик, жесточайший гнет тамошних чинуш... да разве все припомнишь, отчего так рано поседели матери, поредели семьи, появились преждевременно глубокие

морщинки на лицах девушек, многие из которых так и остались без своей судьбы... Но никто не знал, что на родине, куда они так стремились и рвались, карачаевцам придется еще долгие годы отстаивать свое право свободно жить, творить, говорить и писать правду на родном языке, развивать культуру, искусство и литературу.

Здесь, на обретенной ими вновь родине, постепенно, с опережающими темпами началась планомерно проводимая самая настоящая идеологическая травля. Откуда это шло? Порой грубо игнорировались элементарные нормы морали и нравственности.

Многие факты прошлого или вообще умалчивались, или преподносились тенденциозно, превратно, только с одной целью — создать негативный образ народа, с таким трудом и жертвами переживший черный период своей многовековой истории.

Покажется странным, но это факт. Даже на слово «выселение» долгое время было наложено табу. Как будто это было и прошло совсем бесследно. В этой связи вспоминается такой случай работы. Буквально до последних лет я не могла, не имела права готовить передачи на родном языке о том, что пришлось пережить моему народу вдали от родных гор в 40–50-е годы. Это было строжайше запрещено. И вот как-то мы записали песню Альберта Узденова «Турнала». На заседании худсовета ее приняли. И она пополнила нашу фонотеку. Я ушла в отпуск, а когда вернулась, в первый же день меня пригласил к себе председатель нашего радиокомитета Д. Ю. Аджиев и спросил: «Медиха Хызыровна, говорят, вы записали и приняли на худсовете песню о выселении карачаевцев. Это верно?» Я ответила: «Вас неправильно информировали. Это лирическая песня талантливого поэта-песенника Альберта Узденова, в которой нет ни одного слова о выселении. Если есть такая необходимость, вам сделают перевод. И вы убедитесь сами».

Цензура следовала по пятам. Любой намек на прошлое, попытка сохранить память о пережитом воспринимались почти как антисоветский проступок. Для народов Карачаево-Черкесии долгое время подлинная история выселения карачаевцев была покрыта мраком. Власть предпочитавшим было весьма выгодно держать народы в неведении того, что конкретно произошло в 1943 году, какие жертвы понесли карачаевцы на чужбине, как стало возможным возвращение их обратно на землю предков.

Политика недоверия, подозрительности болью отзывалась в сердцах людей, испивших свою чашу горя. Умелая лакировка действительности никак не способствовала укреплению дружбы и братства между народами, которые жили и помогали друг другу переносить трудности на протяжении не одного столетия.

Но народы гораздо умнее и мудрее тех, кто ради наживы, портфеля, должности мог продать душу самому дьяволу. А таких, к сожалению, тогда было немало. Как, впрочем, и сегодня.

Приступая к своим обязанностям в должности второго секретаря Карачаевского райкома партии Магомет Абдурзакович Боташев однозначно решил для себя быть максимально открытым для всех, не давать поводов для криво толков, принципиально относиться прежде всего к собственной персоне и объективно оценивать им сделанное.

Вступая в полемику с оппонентами, пытавшимися как бы между слов очернить его народ, Магомет Абдурзакович умел сполна проявить способность аргументированно и веско доказать неправомерность самой постановки вопроса, его надуманность, а заодно и убедить в преступности гнусной идеи столкнуть народы, прочертить между ними черную грань недоверия друг к другу.

Поборник дружбы и братства Магомет Абдурзакович, пройдя огромный путь государственной службы, убежден в одном – плохих народов не бывает. Есть люди без лица и национальности, для которых весь смысл жизни – сеять зло и ненависть. Они, как пиявки на теле общества, пьющие здоровую кровь, стремятся погубить в людях, человечестве лучшее.

Следуя своему главному принципу – не навредить! – Магомет Абдурзакович, обретая опыт и навыки, постепенно завоевывал авторитет у людей. В нем все отчетливее стали проявляться задатки настоящего лидера. Люди увидели в нем человека, способного повести за собой. И остаться, пройдя тернистый путь к звездам человеческого счастья, чистым и безупречным. И тогда, и сегодня это удастся далеко не каждому, кому доверены высокая власть и судьбы целых народов.

НЕЛЕГКИЕ БУДНИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

В бытность Магомета Абдурзаковича Боташева председателем Карачаево-Черкесского облисполкома я работала сначала редактором, а затем и главным редактором областного комитета по телевидению и радиовещанию. А мой супруг А. Шаманов – заместителем председателя облисполкома. И разумеется, я находилась в гуще всех событий и тех разительных перемен, происходивших в области в те годы. Благо вспоминать многое не приходится: в архиве А. Шаманова и моем личном, журналистском, сохранилось немало интересных материалов и документов тех лет.

Припоминается 1975 год. На одном из совещаний Магомет Абдурзакович, говоря о подъеме экономики, особо подчеркнул то положительное, что не только уже имело место, но и свидетельствовало о начале поступательного движения области вперед.

Активное внедрение механизации и автоматизации позволило многим промышленным предприятиям Карачаево-Черкесии серьезно заявить о себе на всесоюзном уровне. По тем временам это было совсем непросто. Достаточно сказать, что на химическом заводе были комплексно механизированы и автоматизированы восемь цехов и участков. Интенсивно велась эта же важная работа на заводе низковольтной аппаратуры.

Использование научной организации труда – чему уделялось немало внимания – дало возможность поднять выпуск промышленной продукции в 1,9 раза.

Сельское хозяйство переводилось на промышленную основу. Областной Совет депутатов трудящихся под руководством М. А. Боташева разработал мероприятия по строительству крупных животноводческих комплексов. За пятилетку планировалось ввести в эксплуатацию 16 таких комплексов, причем с полной механизацией всех производственных процессов.

Создавалось это не на пустом месте. В области уже работал ряд сельхозпредприятий, где на промышленной основе производились продукты животноводства. Магомет Абдурзакович часто посещал их, чтобы, внимательно знакомясь с налаженным процессом, выявлять новые резервы и определять реальную перспективу.

В передачах радио, на страницах газет широко пропагандировался опыт животноводческих комплексов колхозов имени Ленина Зеленчукского, «Путь Ильича» Хабезского районов, совхозов «Холоднородниковский» Прикубанского района, «Икон-Халкский» Адыге-Хабльского, «Красногорский» УстьДжегутинского, «Карачаевский» Карачаевского районов и других.

Не стоит забывать, что именно в годы работы Магомета Абдурзаковича Боташева на посту председателя облисполкома многие работники сельского хозяйства и промышленности за достижения высоких показателей в труде были удостоены высокого звания Героя Социалистического Труда. Среди них доярка совхоза «Учкекенский» Зухра Байрамкулова, председатель колхоза «Путь Ильича» Абубекир Аргунов, чабан совхоза «Холоднородниковский» Магомет Черкесов, скотник совхоза имени Османа Касаева Добай Узденов и другие.

Осмысливая тот период, я могу с полной уверенностью сказать, что это было время, пожалуй, самое знаменательное во всей истории народов Карачаево-Черкесии 20 века. Патриотизм, о котором сегодня почти не упоминается, свое яркое выражение находил в самоотверженном труде людей, украшавших своими деяниями родную землю.

Воскрешаю в своей памяти праздник животноводов на Бийчесыне, куда была приглашена. В тот солнечный летний день казалось пели сами горы: столько музыки, веселья царило вокруг. Особая атмосфера торжественности. Нарядно одетые люди, чьим неимоверно тяжелым трудом добывается высоко в горах молоко и другие продукты.

И вдруг все зашумели. К комплексу фермы №1 совхоза «Учкекенский» подъехали правительственные машины. И к животноводам направился сам Магомет Абдурзакович. Вмиг его окружили доярки и скотники. Завязался оживленный, заинтересованный разговор. По всему чувствовалось, что председатель облисполкома здесь человек свой. Его знают, уважают, прислушиваются к его мнению, советам, пожеланиям. Прорваться к нему сквозь толпу невозможно, такое тесное кольцо людей образовалось вокруг него. Он просто пожимал

каждому руку, благодарил за нелегкий труд. Подробно интересовался у заведующей фермы, кавалера многих государственных наград, в том числе и ордена Ленина, Хауа Кубановой условиями труда и особенно отдыха животноводов.

Рядом с председателем облисполкома стояла скромная Зухра Байрамкулова, гордость области, Герой Социалистического Труда. Обращаясь к ней, Магомет Абдурзакович спросил ее, как успевает она обслуживать сразу две группы коров. А ведь это немало – почти 40–45 коров. Она не успела ничего ответить. Это за нее сделали другие, переполненные гордостью, что работают рядом с такой удивительной женщиной. Ответ получился несколько юморной, мол, Зухра ночью включается в розетку и заряжается на целый день. А Хауа Кубанова, уже вполне серьезно, сказала, что успех подруги в ее отношении к животным. Да, именно так. Зухра умеет находить к каждой буренке свой путь. И обязательно нужна ласка. Ведь корова чувствует ее не меньше, чем человек. Старательная, добросовестная, аккуратная во всем Зухра великолепно знает свое дело. Вот и весь секрет.

Магомет внимательно слушал доярку, вникал в их проблемы и тут же обдумывал, как их решить побыстрее. И одновременно радовался тому трудовому подъему, в условиях которого работали люди на Бийчесыне. Но больше всего они просили председателя облисполкома, чтобы к их возвращению с летних пастбищ были заготовлены в достаточном количестве корма, а помещения ферм отремонтированы. Да так, чтобы не было сквозняков в зимнюю пору. Для животных, особенно в период расплода, сквозняки также губительны, как и для человека.

Действительно, тогда большое внимание уделялось подготовке колхозов и совхозов к работе в зимних условиях. Знаю это не понаслышке. Мы, журналисты, часто в летнее время ездили по хозяйствам, чтобы рассказать, как идет ремонт помещений, заготовка сочных и грубых кормов. Критические материалы сразу же направлялись в райкомы партии и райисполкомы для принятия мер. И в отличие от сегодняшних дней, действенные меры принимались, а редакции газет и радио получали официальные ответы от руководителей районов на наши выступления.

Возможно, кому-то это покажется мелочью. И напрасно. Пресса, журналисты не только вскрывали недостатки, но и содействовали улучшению положения дел на местах. И нам, надо это честно признать, удавалось это, чему мы радовались не меньше, чем руководители хозяйств или районов.

...Откровенно говоря, Магомет Абдурзакович не очень любит вспоминать то время. Потому что больно ему, сжимается нехорошо его сердце, много пережившее и перевидавшее, от того, что произошло за последнее десятилетие. Он, столько вложивший в развитие экономики, сельского хозяйства родной Карачаево-Черкесии, отказывается понимать тех руководителей, которые довели свои хозяйства до ручки. Животноводство – традиционное занятие горцев – практически перестало существовать. Все разворовано и растаскано. Горные выпаса летом пусты. Некогда добротные животноводческие помещения среди заснеженных горных вершин заброшены. На альпийских лугах уже давно не пасутся тучные стада коров и овец. А ведь было время, когда даже не хватало пастбищ. Обиднее всего, что после возвращения карачаевцев на родину в 1957 году именно животноводческая отрасль получила в области самое большое развитие. Мы не скрывали и с гордостью заявляли, что у нас есть чему учиться. Опыт наших лучших животноводов распространялся далеко за пределами Карачаево-Черкесии и Ставропольского края, куда раньше входила область.

Все это было. И в одночасье не стало. Магомет Абдурзакович справедливо полагает, что этот факт надо рассматривать не иначе как преступление перед поколением, которое в невероятно трудных условиях подняло животноводство и поставило его на высокий уровень развития. Это преступление перед нынешним поколением, которое обрекли на массовую безработицу и, что самое страшное, открыли ему путь в мир преступности, криминала, беспредельного хаоса.

Тем не менее, Магомет живет надеждой. Появилась она с приходом к власти нового руководителя, первого Президента Карачаево-Черкесии, генерала армии Владимира Магомедовича Семенова. Говоря о нем, Магомет Абдурзакович замечает: «Он деятельный и авторитетный. Уже видно, как он старается оживить сельское хозяйство. Только бы ему не мешали. А, наоборот, всемерно поддерживали, помогали проводить в жизнь его идеи. Ему досталось очень тяжелое наследство. Не позабудишь. Понимать это должны все. Иначе из ямы не выберемся...»

Но вернемся в семидесятые-восемидесятые годы. Это время было отмечено вводом в эксплуатацию новых объектов промышленного и сельскохозяйственного назначения. Как-то была я в командировке в урочище Джалпакла, доярки и скотники с восхищением показывали мне только что построенный молоко-

провод. То же самое я увидела и в урочище Жако, куда ездила вместе с известным черкесским журналистом и писателем Мухадином Ахметовым. Животноводы принимали нас радушно и охотно рассказывали о своей работе, жизни. Частыми гостями у них были работники здравоохранения, культуры, торговли. И где мы не бывали, люди по-особому произносили имя Магомета Абдурзаковича Боташева. Пожалуй, не было таких мест, в том числе и высокогорных пастбищ, где бы он не побывал. Фамилия Боташева была у всех на слуху. Не каждый руководитель был удостоен такой чести. А разве это не честь, когда тебя знают не только по фамилии, но и в лицо. Когда о тебе, облаченном высокой властью, с неприкрытым уважением говорят простые люди. Когда твое имя ассоциируется с добрым, светлым и чистым.

Перед моими глазами до сих пор картина, несказанно удивившая меня. Собранное в горах молоко по молокопроводу стекает в объемный резервуар, установленный в районе совхоза «Красногорский». Оттуда оно поступает уже непосредственно на переработку. Тогда, помню, подумала: «Вот уж действительно сказка стала былью: текут молочные реки на наших альпийских лугах». Не смущаясь такой высокопарности, мы писали об этом в своих очерках, корреспонденциях, зарисовках.

А какие сыры, масло производили на маслозаводах урочищ Бийчесын, Тохтамишле, Покун-Сырт, Буруш-сырт: «Кардоникский», «Урупский», «Первомайский». Эти продукты имели совсем необычайный вкус. На всесоюзных выставках они занимали призовые места. А наши сыроделы часто участвовали и на международных выставках. И весьма успешно.

При Магомете Абдурзаковиче Боташеве был построен Эркен-Шахарский сахарный завод – самый крупный на Северном Кавказе. Это было большим событием в жизни области. Ввод в эксплуатацию крупного промышленного объекта позволил вовлечь в сельскохозяйственное производство тысячи и тысячи людей. Значительно расширились посевы сахарной свеклы. Открывались новые рабочие места. На карте области появился еще один завод – дрожжевой.

Одним словом, делалось все возможное и невозможное, чтобы население области улучшало свое материальное положение, а каждый человек в полной мере мог проявить заложенный в нем потенциал.

В этом, надо откровенно сказать, огромная заслуга председателя облисполкома М. А. Боташева. Человек, что называ-

ется, из народа, кровными нитями связанный с родной землей, он мечтал видеть своих земляков счастливыми, уверенными за будущее своих детей. Он чувствовал огромную ответственность за всю многонациональную область и каждого его жителя – будь то старик, женщина или младенец. Он был настоящим главой большой дружной семьи. Для Магомета Абдурзаковича нет и никогда не существовало чужой беды, чужой радости в его родном доме – Карачаево-Черкесии. Общность судьбы, истории, земли, прошлого, настоящего и будущего – вот что определяло линию его поведения, его отношения к своему делу, людям, всему тому, что должно и обязано было сделать жизнь еще краше и счастливее...

На том совещании, о котором я упоминала чуть выше, было заявлено, что за последнее десятилетие на приобретение сельскохозяйственной техники и строительство объектов этой важнейшей отрасли затрачено 143,8 миллиона рублей. Даже по тем относительно благополучным в финансовом отношении временам это была ошеломляющая цифра.

Рассказывая о различных периодах своей напряженной многолетней председательской деятельности, Магомет был спокоен. Понятно: все в прошлом, все ушло. Но разве могут забыться детали встреч с бывшими руководителями Совета Министров СССР, РСФСР, края, министерств, ведомств. Иногда – и это было заметно – воспоминания о том нелегком, но счастливом в его жизни времени вызывали в его душе гамму тяжелых чувств. Не все ведь всегда было гладко. И хотел бы забыть эти моменты, да невозможно. Так уж устроена человеческая память. Но горечи в словах Магомета Абдурзаковича не было. Не позволяли сильный характер, давняя привычка заглушать в себе боль, не показывая ее окружающим. А еще спасал чай, поданный заботливой Тамарой Тугановой, и сигареты. Я успела заметить, как только он ворошил в памяти что-то тяжелое, сразу же в руках загоралась очередная сигарета или в ход шел давно остывший чай. Наверное, помогает, так я подумала. А сама уже перенеслась в зал драматического театра, где в конце мая 2001 года народы республики торжественно отмечали 80-летие Магомета Абдурзаковича Боташева.

За последние годы в Карачаево-Черкесии подобных по силе эмоционального накала, значимости и всеобщности мероприятий не проводилось. Это подчеркивали все. Поздравить Магомета Абдурзаковича приехали в тот день представители всех народов

республики. В большом зрительном зале драматического театра свободных мест не было. Многие стояли. На лицах собравшихся добрая улыбка. Прибыли гости из Москвы, Ставрополя и других городов России. В основном те, кто долгие годы работал с Магомедом, знал его.

Вел юбилейное заседание Президент Карачаево-Черкесии Владимир Семенов.

Запомнились его слова: «Я белой завистью завидую тем, кто работал с ним в те нелегкие годы, кто мог учиться у него и набираться опыта, перенимать стиль и умение общаться с людьми».

Не ускользнуло, с каким уважением и любовью говорил Президент о М. А. Боташеве. И невольно по-хорошему позавидовала безупречной организации чествования М. А. Боташева. Он этого заслуживает. У нас таких, увы, не так много!

А юбиляр скромно сидел за столом президиума и что-то постоянно писал. Я вдруг подумала, что ему сейчас немного неловко, что собралось так много людей и так много добрых слов звучит в его адрес. Но ведь все заслуженно. Ничего надуманного. Все как есть.

Сидевшие в зале с большим вниманием слушали обстоятельный доклад председателя правительства республики Алика Хусиновича Карданова. Он подробно рассказал о том, как работал и что конкретно сделал этот мудрый, светлый своими помыслами человек, занимавший некогда должность, на которой сегодня он – Алик Карданов.

Состоявшийся вечер чествования Магомета Абдурзаковича еще раз доказал, что совсем немногие бывшие руководители Карачаево-Черкесии пользовались и пользуются таким непререкаемым авторитетом, как Магомед Абдурзакович.

К тому же не припомню, чтобы когда-нибудь так торжественно чествовали кого-нибудь из них. И в том, что этот вечер состоялся, несомненная заслуга Президента В. Семенова, правительства. Сказать человеку доброе при жизни, оказать ему заслуженные почести – новая примета времени. Примета высоконравственного общества, общества глубокого уважения к людям, сделавшим в свое время все, что они могли, и даже больше. Но мои мысли перебивает голос Алика Хусиновича Карданова. С высокой трибуны он рассказывает огромной аудитории:

«Сегодня в нашей республике большой и радостный праздник. Мы чествуем достойного сына Карачаево-Черкесии, вид-

ного государственного и общественного деятеля Магомета Абдурзаковича Боташева, человека, который внес большой вклад в экономическое, социальное, духовное развитие республики и России, укрепление дружбы между народами, консолидацию и оздоровление общества.

Уважаемый Магомет Абдурзакович! Вы прошли большой, насыщенный важными событиями путь. Это яркий пример подлинного интернационализма и беззаветного служения Родине. Во всех уголках Карачаево-Черкесии Вас хорошо знают, любят и уважают, учатся у Вас гражданственности, активной жизненной позиции, человеческой добропорядочности.

Мне хотелось бы вместе с участниками сегодняшнего торжества вспомнить хотя бы несколько этапов Вашего жизненного пути».

Алик Хусинович коротко рассказал присутствующим о некоторых этапах биографии виновника торжества, а затем подробно остановился на периоде, связанном с участием Магомета Абдурзаковича в Великой Отечественной войне.

«Магомет Абдурзакович участвовал в прорыве знаменитой линии Маннергейма на Карельском перешейке, в обороне Сталинграда, в битве на Орловско-Курской дуге, в форсировании Днепра, в освобождении Белгорода, Харькова, Кривого Рога, а также в боях на Сандомирском плацдарме в Польше. В жестоких боях с фашистами Магомет был ранен, но как патриот и гордый сын Кавказа он никогда не прятался за спины товарищей, всегда был там, где труднее. Из всех испытаний, выпавших на его долю, Магомет вышел, не запятнав чести и достоинства своего народа, стал офицером Красной Армии, настоящим, преданным защитником Родины.

В 1942 году Магомет Абдурзакович получил первую боевую награду – медаль «За оборону Сталинграда», затем медаль «За отвагу», а в 1944-м – орден Красной Звезды. Среди боевых наград есть и медаль имени Георгия Константиновича Жукова. В том же 1944 году молодой коммунист Боташев был избран парторгом в своем 43-м гвардейском полку.

...Война для молодого солдата закончилась раньше срока. В конце войны, неожиданно, Магомет Абдурзакович был снят с передовой и направлен в резерв Южно-Уральского военного округа, где стал преподавателем курсов переподготовки офицеров. Узнав о трагедии, постигшей карачаевский народ, Магомет после войны отправился в Среднюю Азию искать родных. Там вместе с ними он находился до 1957 года. С

отличием закончил Ташкентский железнодорожный институт, после чего трудился в системе МПС Киргизии.

И вот наступило счастливое время возвращения на родину. Новой, яркой страницей в судьбу Магомета Боташева вошел 1957 год, потому что в этом году после окончания курсов в Высшей партшколе Магомет Абдурзакович был избран вторым секретарем Карачаевского райкома партии. Затем через год был назначен председателем плановой комиссии облисполкома и следующие 30 лет всецело посвятил делу государственного, хозяйственного и социального строительства нашей Карачаево-Черкесии.

В 60–80 годы в автономной области шло строительство крупных промышленных объектов. Город Черкесск все больше обретал черты индустриального центра. Молодого руководителя Магомета Боташева направили на учебу в Москву в Высшую партийную школу при ЦК КПСС. По возвращении он становится заведующим промышленно-транспортным отделом обкома КПСС. На этом ответственном участке Магомет Абдурзакович обрел новое дыхание, как руководитель областного уровня, не только как высококвалифицированный специалист, но и сформировавшийся партийный руководитель, идейный лидер, человек с образом мышления государственника. Имя Боташева вскоре стало широко известно в области и в Ставропольском крае. Партийные руководители ценили его хозяйскую хватку, ответственность за порученное дело, умение работать с людьми. Признанного лидера часто выдвигали на высокие выборные должности.

В январе 1965 года Магомет Абдурзакович был избран секретарем Карачаево-Черкесского обкома КПСС и курировал вопросы развития промышленности, строительства и транспорта. Через год он был избран председателем исполкома Карачаево-Черкесского областного Совета народных депутатов трудящихся. На этом посту Боташев немало сил отдал делу служения народу и внес значительный вклад в становление и развитие народно-хозяйственного комплекса автономной области. Магомет Абдурзакович стоял у истоков трудовых побед и достижений народов Карачаево-Черкесии, это были годы восьмой и девятой пятилеток. Именно в это время велось интенсивное строительство промышленных предприятий, жилых домов, школ, больниц, клубов, туристических комплексов, развивались ускоренными темпами транспорт, сельское хозяйство и другие отрасли. За эти годы в корне изменились города, райцентры, села Карачаево-Черкесии.

Трудящиеся включались в социалистическое соревнование и перевыполняли плановые задания. В эти годы в области были построены или реконструированы такие гиганты, как Урупский горно-обогатительный комбинат, цементный завод, сахарный завод, заводы холодильного машиностроения, резино-технических изделий, низковольтной аппаратуры, два завода железобетонных изделий, восемь агрегатов Кубанских ГЭС, ряд цехов Черкесского химического объединения, около двух тысяч километров электрических линий, здание музыкального училища в Черкесске, общеобразовательные школы, другие социально важные объекты.

Эффективность общественного производства, как известно, во многом зависит от четкой работы транспортного комплекса. Понимая это, председатель исполкома много внимания уделял дальнейшему развитию железнодорожного и автомобильного транспорта в Карачаево-Черкесской автономной области. По стальной магистрали в область завозили необходимые для хозяйства нефтепродукты, лес, сельхозмашины, промышленное оборудование, а вывозили продукцию химической, легкой, пищевой и других отраслей промышленности.

По личной инициативе М. А. Боташева выполнены крупные проекты по реконструкции автомобильных дорог, в том числе дороги Кисловодск-Карачаевск-Зеленчук-Преградная-Куджиново, которая пересекала республику с востока на запад, построены сотни километров горных дорог. Проведены большие работы по укреплению берегов в населенных пунктах республики, строительству мостов, обводнению многих тысяч гектаров горных пастбищ, по коренному улучшению сенокосов.

Тогда же были проведены большие гидромелиоративные работы, созданы современные оросительные системы, построены водохранилища, электростанции.

Развитие экономики области сопровождалось техническим прогрессом, ростом производительности труда, улучшением социальных показателей.

И все-таки главным богатством Карачаево-Черкесии были и остаются люди, которые своими руками укрепляли экономику, развивали науку, культуру и образование. Более 500 жителей Карачаево-Черкесии были награждены в те годы высокими правительственными наградами.

В период работы Магомета Абдурзаковича в должности председателя исполкома областного Совета народных депутатов Героями Социалистического Труда стали Абубекир Да-

дымович Аргунов, Георгий Федорович Борматов, Николай Михайлович Братков, Леонид Федорович Базарный, Добай Хаджимуратович Узденов, Зухра Абдурахмановна Байрамкулова, Магомет Курманбиевич Черкесов, Захар Сосланбекович Цахилов. Результатом согласованной работы всех народов, проживающих в Карачаево-Черкесии, а также в связи с 50-летием СССР стало награждение автономной области высокой государственной наградой – орденом Дружбы народов.

К 50-летию Октябрьской революции в Карачаево-Черкесии было введено в строй 21 промышленное предприятие, 76 новых цехов. Удельный вес промышленной продукции в общем объеме валовой продукции достиг 72%. Высокими темпами развивалось сельскохозяйственное производство. По насыщенности средствами механизации, энерговооруженности труда в колхозах и совхозах область достигла уровня передовых регионов страны.

Высоких государственных наград за достижения в развитии народнохозяйственного комплекса области были удостоены и Вы, Магомет Абдурзакович. Указом Президиума Верховного Совета СССР Вы были награждены тремя орденами Трудового Красного Знамени. За многолетнюю активную работу в партийных и советских органах и в связи с 50-летием со дня рождения Вам были вручены орден «Знак Почета» и медаль за «За доблестный труд».

Вас, Магомет Абдурзакович, высоко ценили не только в области и Ставропольском крае, но и в СССР. С 1966 по 1979 годы Вы избирались членом краевого комитета партии и краевого Совета народных депутатов. Три созыва подряд Вы были депутатом Верховного Совета РСФСР и делегатом трех съездов КПСС.

В 1979 году Магомет Абдурзакович получил назначение на дипломатическую работу и до выхода на заслуженный отдых работал заместителем торгового представителя СССР в Польше.

Отмечая сегодня славный юбилей Магомета Абдурзаковича, вспоминая пройденный им жизненный путь, мы в очередной раз убеждаемся в том, что опыт старших поколений и в наши дни может быть полезным для разрешения назревших проблем, для поиска путей укрепления и согласия в сфере межэтнических отношений.

Родившись почти в одно время с образованием первой автономии народов Карачаево-Черкесии, пройдя все этапы

становления многонационального административно-территориального образования, творя и созидая, Вы, Магомет Абдурзакович, всегда были запевалой славных дел. В Вас всегда гармонично сочетались высокая ответственность перед обществом, подлинная гражданственность и интернациональная сущность. Документы прошлых лет повествуют о том, как под Вашим руководством народы Карачаево-Черкесии, преодолевая все невзгоды, утверждали лучшие идеалы нашего общества.

Не будет преувеличением сказать, что вся Ваша деятельность на всех участках государственного управления является ярким примером для многих поколений и золотыми буквами вписана в летопись истории Карачаево-Черкесии.

Глубокая порядочность, высокая гражданственность, интеллигентность, заботливое отношение и внимание к людям сделали Вас личностью незабываемой, востребованной на долгие годы».

К этому необходимо добавить, что за долгие годы работы Магомета Абдурзаковича Боташева председателем облисполкома за счет ассигнований и средств колхозов и совхозов построено более 60 типовых школьных зданий, 22 клуба, Дома культуры, 10 кинотеатров на 8802 посадочных места, драматический театр, музыкальное училище, музыкальные школы во всех районных центрах и городах, филиал Ставропольского политехнического института, семь средних специальных учебных заведений. Перечень объектов социальной инфраструктуры можно продолжить и дальше.

Огромное значение уделялось воспитательной работе Советов. Одно из доказательств тому — специальная программа «Советы и жизнь», выходившая в эфир областного радио на всех пяти основных языках народов Карачаево-Черкесии. В них журналисты радио регулярно рассказывали о деятельности исполнительных органов власти на местах по борьбе с пьянством и алкоголизмом, детской преступностью, внедрению в быт новых обычаев и обрядов, формированию в обществе нетерпимого отношения ко всему, что тормозит движение вперед.

Одним из приоритетных направлений работы Советов было воспитание молодого подрастающего поколения на боевых и трудовых традициях советского народа. Для решения этой необходимой и весьма сложной задачи использовались самые различные формы и методы. К сожалению, мно-

гие из них забыты. А пора бы уже вспомнить. Недаром ведь говорят: новое – это хорошо забытое старое.

Облисполком, горрайисполкомы внесли свою заметную лепту в создание многонационального рабочего класса области. С добрыми традициями взаимоуважения и подлинного интернационализма.

Общеизвестно, что занятость в сельском хозяйстве всегда носила и будет носить сезонный характер. В этой связи Советы немало сделали по открытию в сельской местности предприятий пищевой и легкой промышленности, надомных цехов, предприятий народных промыслов.

Эти и многие другие проблемы постоянно оставались в поле зрения председателя облисполкома Магомета Абдурзаковича Боташева. Некоторые из них давались непросто. Связано это было и с отсутствием необходимых финансовых средств, и со спецификой региона, наличием кадрового потенциала и т. д. Кстати, о кадрах. До сих пор Магомет Абдурзакович с теплотой вспоминает многих руководителей, чья компетентность, профессионализм, эрудированность, интеллигентность, высокая ответственность за порученный участок работы помогали претворять в жизнь благородные идеи председателя облисполкома.

Мало кто, например, знает, сколько нервов, сил и здоровья положил Боташев, чтобы на железнодорожной ветке Невинномысск–Черкесск сменить паровозы на тепловозы. Но раз он сказал однажды, что сделает, выполнит свое обещание.

Правда, до сих пор не может успокоиться неумемное сердце Магомета Абдурзаковича, что не успел довести он до конца одно очень важное дело. Находясь у руля власти, Магомет Абдурзакович начал работу по прокладке железной дороги до Карачаевска. Предполагалось, что по окончании ее строительства между Черкесским и Карачаевском будет курсировать электричка. В Москве поддержали эту идею. В ее реализации был задействован ряд министерств. И вот, когда проект уже фактически был готов и до начала строительства оставалось совсем ничего, Боташева переводят на дипломатическую службу в Польшу.

Как и следует догадываться, о прокладке железнодорожной линии до Карачаевска вскоре забыли. И как показало время – навсегда.

Уже будучи в Польше, в беседе с одним из министров МПС Магомет Абдурзакович узнал, что по этому вопросу в правительство Советского Союза никто из руковод-

ства Карачаево-Черкесской автономной области больше не обращался.

А между тем история предполагавшегося строительства железной дороги от Черкесска до Карачаевска изобилует весьма интересными фактами. И, пожалуй, мало кто знает эту историю так подлинно, как Магомет Абдурзакович Боташев. «Этот участок дороги был спроектирован до Великой Отечественной войны. И даже началось ее строительство. Железная дорога дошла только до Усть-Джегуты. Был построен железнодорожный мост через Кубань в районе аула Кубин. А затем началось строительство второго моста через Кубань в районе хутора Важный. Строительство земляного полотна было завершено до аула Сары-Тюз. Полной реализации этого проекта помешала война. Примечательно отметить, что возглавлял возведение этого железнодорожного полотна отец будущего министра путей сообщения СССР – Конарев. Будучи председателем облисполкома я постоянно думал о необходимости продолжения строительства железной дороги до Карачаевска.

Этот небольшой участок дороги в 40–45 км имел бы громадное значение для развития экономики и культуры (да, да культуры!) Карачаево-Черкесии. Кардинально разрешая транспортную проблему между двумя городами, железная дорога вплотную подошла бы к туристическим центрам. А пуск по этой дороге электричек снял бы вопрос: кто и где работает? Кто и где живет? (как это имеет место на Кавминводах). Интеграция горных районов области со степными, г. Карачаевска с Черкесском в экономическом и культурном плане была бы обеспечена. Была бы создана предпосылка для освоения богатых недр Карачаево-Черкесии.

В 1977–1978 годах под нажимом общественности, экологов были закрыты огромные щебеночные карьеры на горе Змейка (около Минеральных вод). Крупнейшие производители и потребители щебенки – министерство путей сообщения и министерство промышленности строительных материалов оказались в трудном положении.

В это время я предложил МПС (первому замминистра Конареву) в качестве сырья разведанные запасы андезитов в районе г. Карачаевска выше Каменноста и по Маринскому ущелью (андезиты – это вулканическая порода, не уступающая по прочности гранитам). Разрабатывать это месторождение можно было только при усло-

вии если будет подведена железная дорога. Короче говоря, при помощи МПС удалось получить согласие на участие в строительстве дороги еще двух союзных министерств (Минстройматериалы и Минцветмет). Достигнуто было соглашение: МПС выступает в качестве генерального заказчика и генерального подрядчика, а два других министерства участвуют в финансировании стройки. В 1979 году предполагалось подготовить проект на участке от ст. Усть-Джегута до Карачаевска. На этой стадии я оставил работу в облисполкоме. Конарев, уже не заместитель, а министр путей сообщения СССР, будучи в Польше меня упрекал, что я поднял вопрос о строительстве дороги до Карачаевска, а сам «скрылся» в Польше».

...Несмотря на занимаемый высокий пост, Магомет всегда со всеми был предельно корректен и прост. Это отмечали все без исключения, кто хотя бы раз встречался и общался с ним. Он обладал редчайшим качеством, которое не утрачено, к счастью, и поныне располагать к себе с первого взгляда, с первого слова, с первого рукопожатия.

Встречаясь с ним по работе, я никогда не чувствовала какого-то дискомфорта, напряжения. Его подлинно демократический стиль руководства притягивал к нему, делал каждую нашу беседу событием. Перед тем, как приступить непосредственно к теме разговора, Магомет обязательно спрашивался о здоровье моей мамы, детей. Непременно поинтересуется, над чем я сейчас работаю, что пишу. Для него не существовало мелочей. Все было главным, первостепенным, важным.

Как-то, за несколько дней до нового года, я позвонила Магомету с просьбой выступить в праздничной программе. И немного рассказать с какими успехами завершила Карачаево-Черкесия уходящий год.

Откровенно говоря, я была почти уверена, что он вежливо откажет мне. И вот почему. Накануне на традиционной в редакции летучке я сообщила своему руководству, что хочу пригласить для участия в новогоднем выпуске председателя облисполкома М. А. Боташева. Мне сделали замечание, что, мол, не совсем этично будет звучать поздравление председателя облисполкома только на карачаевском языке. «А на русском языке пусть это сделает В. С. Мураховский (тогда первый секретарь обкома – М. Ш.)», – заметила я, отстаивая

свою позицию. «Ну что ж, пусть будет так, если уговорите Магомета Абдурзаковича», – наконец согласилось руководство радиокомитета, приняв мои аргументы.

Набирая номер телефона Магомета Абдурзаковича, я была готова к любому исходу. Будет что будет, а там посмотрим!.. Но Магомет Абдурзакович, вопреки ожиданиям, дал сразу согласие выступить. Лишь попросил: «Можно я сам позвоню, как только выберу время». К его чести, долго ждать себя он не заставил. Уже на следующий день секретарь председателя облисполкома соединила меня со своим шефом, и я услышала:

– Мединахан, здравствуй! (так он меня называл). Можно я сейчас приеду?

Я оторопела, но успела сразу ответить:

– Конечно же! Я вас жду.

– Тогда сейчас выезжаю, – и он положил трубку.

Замечу: в те годы не каждый высокопоставленный чиновник снисходил до того, чтобы самому приехать на радио и дать интервью. В основном журналисты с тяжеловесным (не то, что сейчас) магнитофоном приходили на встречу в большие и маленькие кабинеты Дома Советов. Причем очень часто подолгу простаивая в приемных в ожидании.

Так вот, готовясь к встрече с Магометом Абдурзаковичем Боташевым, я спустилась на первый этаж Дома радио, где находились и сейчас находятся студии звукозаписи. Необходимо было заранее найти оператора звукозаписи и предупредить его. Нашла Сашу Лемер. С ним всегда было приятно работать. Большой мастер своего дела, он добросовестно выполнял порученное ему дело. Да простит меня мой благодарный читатель, но не могу сегодня не вспомнить наш тогда сплоченный, очень дружный коллектив. Мы жили в те годы действительно как одна большая семья – и творческие, и технические работники. Вещали на пяти языках. Телевидения и в помине еще не было. Все праздники, голубые огоньки, юбилеи готовили вместе – журналисты разных отделов, работники бухгалтерии, техотдела, артисты нашего большого хора радиокомитета, даже вахтеры. Да что там – какие прекрасные времена были! Уходить домой с работы не спешили. А ведь у каждого семья, дети, заботы и хлопоты.

А какие преданные своему нелегкому делу, настоящие корифеи работали в те далекие годы на радио. Многие до сих пор помнят бархатный, ласкающий слух голос диктора рус-

ского отдела Лидии Ивановны Александровой, большого мастера с безупречно поставленной дикцией, заслуженного работника культуры КЧР Любови Ибрагимовны Болуровой-Черкесовой, заслуженного работника культуры России Веры Топчиевой (их голоса звучат и сегодня). Нашим Левитаном вполне обосновано называли мы Хасина Сагидовича Братова. Много лестных откликов слышали в свой адрес Амин Узденов, Люца Кумукова, Дина Бижуква (Гагиева). Наши дикторы были всегда лицом радио. По их умению, таланту донести до слушателей суть маленькой информации, корреспонденции, очерка судили о работе журналистов в целом.

Очень многое зависело и от мастерства оператора звукозаписи. Чистота записанного голоса или песни – это не только высокое качество пленки, великолепное техническое состояние аппаратуры, но и душа, вложенная человеком, сидящим за пультом. Саша Лемер, к которому я обратилась с просьбой подготовиться к записи нашей беседы с Магомедом Абдурзаковичем, был не единственным высококвалифицированным специалистом. Любый журналист, долго проработавший на радио, мог отличить пленки с записями, над которыми трудились Алик Капов, Ахмат Гагуев, Муаед Харатоков. У каждого из них был свой неповторимый стиль, свое, если так можно выразиться, клеймо. По нему мы судили, кто стоял у пульта в момент записи той или иной передачи. Без хорошего оператора, будь журналист семи пядей во лбу, отличной, трогающей душу простого слушателя радиопередачи не получится. Уж поверьте мне, человеку, почти 40 лет посвятившему себя труду журналиста радио.

Я благодарна всем, с кем имела счастье трудиться в коллективе радио Карачаево-Черкесии на протяжении многих десятилетий. Ежедневно спешить на любимую работу, встречаться с коллегами, каждый из которых в отдельности являлся богатой личностью, беспрдельно влюбленной в свое дело, разве это не счастье?

И поэтому я прекрасно понимаю Магомета Абдурзаковича, когда он всякий раз с восторгом вспоминает своих соратников, коллег, людей, с кем сводила его судьба на разных этапах жизни. Кто-то из древних однажды заметил, что добрые воспоминания о прекрасном времени и щедрых душой людях продлевают жизнь, вносят в нее много ярких красок.

Я вовсе не случайно прервала нить своего повествования. Как только я сообщила коллегам о том, что с минуты на минуту придет Магомед Абдурзакович, меня сразу ок-

ружили сотрудники радио. Наперебой они делились своими впечатлениями об этом человеке, при этом, не сговариваясь, выделили его главные качества — неподдельную простоту, коммуникабельность, отсутствие каких бы то ни было амбиций, умение быть своим в любой среде, слушать и слышать своего собеседника, пытаться понять и, если возможно, помочь обратившемуся к нему человеку.

А еще его предельно вежливое отношение к людям, независимо от занимаемой должности, места работы, специальности. Мои коллеги не скрывали своего желания увидеть накануне нового года Магомета Абдурзаковича, сказать ему добрые слова поздравлений и услышать от него ободряющие слова надежды, что наступающий год будет непременно лучше во всех отношениях.

...Мы не успели заметить, как к воротам радиокомитета подъехала легковая машина с правительственными номерами. А через минуту в вестибюле послышался шум. Сотрудники радио пошли навстречу вошедшему Магомету Абдурзаковичу как к родному, близкому им человеку. Чего греха таить, зачастую, встречаясь с людьми, облаченными высокой властью, мы слегка пытаемся изобразить на лице нечто подобное улыбке, оставаясь при этом абсолютно равнодушными и к его появлению и самой представившейся возможности встречи с ним. Здесь же было все наоборот. Магомет Абдурзакович сам спешил протянуть каждому руку, одаривая своей неповторимой улыбкой, от которой веяло теплом и спокойствием. При этом он произносил массу добрых слов в связи с предстоящим всенародно любимым праздником. Казалось, этой запомнившейся тогда встрече в вестибюле радиокомитета не будет конца. Люди подходили и подходили. И даже не знавшие еще Боташева молодые сотрудники, подхваченные общей волной глубокого, непоказного уважения к председателю облисполкома, приятно удивленные его методом общения, не могли стоять в стороне. И быть всего лишь сторонними наблюдателями происходящего.

Но времени, к сожалению, было мало. Дав еще возможность Магомету Абдурзаковичу ответно поздравить сотрудников радио с новым годом, я пригласила его пройти в малую студию. Запись из нее была более качественной, соответственно, и голос звучал значительно чище.

Магомет тщательно готовился к предстоящему выступлению. Я это знала и потому не удивилась, когда сев у мик-

рофона, он аккуратно разложил небольшие листки бумаги. Мельком взглянув на них, я заметила: они были исписаны латинскими буквами. На какой-то миг почудилось, что у меня возникли проблемы со зрением. Но нет, все так и было. Придя в себя, я тихо спросила:

– Магомет Абдурзакович, текст вы написали?

Он, оторвавшись от бумаг и, казалось, не успев еще заметить моего нескрываемого на лице удивления, пояснил:

– Понимаете, Мединахан, я иногда пользуюсь латинским алфавитом. Мне кажется, он больше соответствует грамматическому и фонетическому строю нашего, карачаевского, языка. Мне так легче писать.

«Надо же, – подумала я тогда, – какие широкие познания у него в области языка. Кто скажет, что он не филолог по образованию!»

Но тут загорелась лампочка и Саша Лемер через окно студии кивнул мне головой, мол, начинай, запись идет.

Я представила невидимым слушателям Магомета Абдурзаковича и дала ему слово. Он подробно рассказал о том, как завершила область уходящий год. А гордиться было чем. Но главный же акцент в своем выступлении Магомет Абдурзакович сделал на людях, благодаря труду которых стали возможны достигнутые успехи. Найдя самые искренние, теплые, добрые слова, Магомет Абдурзакович благодарил животноводов, полеводов, рабочих заводов и фабрик, лучших представителей интеллигенции за самоотверженный труд. Многих, наиболее отличившихся, выделил особо, называя их имена и фамилии. При этом совсем не заглядывая в заранее приготовленные шпаргалки. Общее же поздравление труженикам области, женщинам-матерям, молодежи прозвучало из его уст убедительно искренне и радушно.

Запись закончена. В коридоре студии моего гостя уже поджидал председатель радиокомитета Д. Ю. Аджиев. В годы дипломатической службы Боташева в Польше Аджиев часто добрым словом вспоминал его, однажды как-то заметив: «Магомета Абдурзаковича невозможно сравнивать с кем-либо вообще. Он был солидным руководителем. Идя к нему на прием по проблемам радио, всегда знал, что он решит любой вопрос. Магомету Абдурзаковичу надо отдать должное – он очень любил свой народ. Но это вовсе не означает, что к представителям других народов он относился иначе. Ровное, самое

главное, объективное, справедливое отношение ко всем – вот, что отличает его от других руководителей. Особенно это проявлялось в решениях кадровых вопросов».

Аджиев на правах хозяина пригласил Магомета Абдурзаковича в свой кабинет. Но тот извинился, сославшись на отсутствие времени. И, попрощавшись, уехал. Оставив о себе, в очередной раз, неизгладимое впечатление.

И еще долго мы стояли на пороге Дома радио. И я слышала, как журналисты, не умеющие и не желающие (такова их профессия) скрывать своих мыслей, произносили, вкладывая в каждое слово особый смысл: «какой он скромный», «какой обаятельный», «а какая умница», «ничего не скажешь, хороший человек», «улыбка на его лице, как лучи солнца», «таких больше нет...».

Многие руководители завидовали Магомету Абдурзаковичу только уже лишь потому, как отзывались о нем вездесущие, способные сказать, невзирая на табели о рангах, правду и не испугаться последствий журналисты. А их оценка, справедливости ради надо отметить, нет-нет да что-то и значит. Так было и так будет...

За время наших встреч Магомет Абдурзакович не раз подчеркивал, что достигнутые в те годы успехи стали возможны благодаря титаническому труду многих руководителей, настоящих подвижников, великолепно владевших техникой управления крупными предприятиями.

В его памяти они остались как личности сильные, целеустремленные, прекрасно знавшие свое дело, умеющие преодолевать любые преграды во имя благополучия людей. Я невольно обратила внимание, как озарилось лицо Магомета, как только он начинал говорить о своих соратниках, многих из которых уже, увы, нет в живых...

«С Захаром Цахиловым я познакомился, когда меня перевели в Черкесск из Карачаевска, где я работал вторым секретарем райкома партии. Здесь меня ждала другая должность – председателя областной плановой комиссии. Первым секретарем обкома партии тогда был Антонов, вторым Токаев. Я долго не соглашался переезжать в Черкесск. У нас было очень много еще нереализованных планов. В то время мы активно занимались переселением и обустройством карачаевцев, возвратившихся из Средней Азии. Но Токаев был непреклонен. Отвел меня к Антонову, а тот сказал: «Ты коммунист и должен быть там, куда тебя посылает партия». Что

было делать, пришлось повиноваться. Партийная дисциплина была превыше всего.

Захар Сосланбекович являлся тогда председателем маленькой артели «Химпром», где производили в основном краску. Находилась она в очень невзрачных помещениях, расположенных у моста через реку Кубань, за которым сразу начинается аул Псыж.

При Хрущеве были ликвидированы министерства и созданы так называемые совнархозы. Первым председателем ставропольского совнархоза, куда входила тогда Карачаево-Черкесия, был Булганин, его заместителем Барабаш, ставший впоследствии министром мясо-молочной промышленности России. Надо сказать, что организация совнархозов дала ощутимый толчок к развитию регионов. В нашей области, кроме завода «Молот» (ныне завод холодильного машиностроения), производившего сельскохозяйственные машины, детали к ним, крупных предприятий вообще не было. Значительно позже завод «Молот» был перепрофилирован на производство холодильного оборудования.

У Цахилова уже тогда были большие планы, что и как делать. Мы по мере сил и возможности поддерживали его как могли. Ему была отведена территория в северной части города, где и поныне находится Черкесское химическое производственное объединение, носящее его имя. В моей памяти он остался человеком, который день и ночь, субботу и воскресенье думал только о развитии своего производства. Он не останавливался на достигнутом. Постоянно шел вперед. Непрерывно искал. Другой бы, достигнув определенного уровня производства, мог успокоиться и работать. Он этого делать не мог. У Захара Сосланбековича сильно было развито чувство нового, постоянного совершенствования производства.

Кроме того, у него были очень хорошие связи с научно-исследовательскими институтами, входящими в систему химической промышленности. В частности, с Ярославским институтом лаков и красок.

Однажды мы с Цахиловым были у министра химической промышленности СССР. Захар Сосланбекович привез проект организации очередного нового производства. Министр в принципе поддержал идею, однако для окончательного решения вопроса потребовал заключение по этому вопросу Ярославского НИИ. Договорились: через день Цахилов представит это заключение. Но в тот же день, поздно вечером (часов в 11), мне позвонила дежурная по этажу гостиницы

«Метрополь» и сообщила, что Цахилов приболел. Я тут же собрался и пришел к нему (я жил в гостинице «Москва», рядом). Застал у Цахилова врача скорой помощи, который настойчиво предлагал положить его в больницу. Цахилов отказывался, ссылаясь на то, что ему стало лучше и что у него бывают такие случаи. Врач ушел. В час ночи я вернулся к себе. А рано утром позвонил Цахилову, чтобы узнать о его самочувствии. Телефон молчал. Я подумал, что ему стало снова плохо и его забрали в больницу. Звоню дежурной, а она сообщает, что Цахилов уехал. Несмотря на состояние здоровья он поехал в Ярославский НИИ, взял необходимое заключение и в назначенный день доставил его своему министерству. Вопрос был решен положительно.

Новые разработки ученых он непременно старался внедрить у себя на предприятии. Он не боялся трудностей и встававших перед ним преград. В итоге к концу семидесятых годов он являлся руководителем если не самого крупного, то одного из крупнейших предприятий Советского Союза. У населения области, и страны лаки и краски черкесских химиков пользовались огромной популярностью. Жизнь шла вперед, менялись технологии, и он стремился не отставать. Его мечтой было заменить дефицитные растительные масла искусственными.

Он очень долго и упорно работал над вопросом замены касторового масла, используемого в определенных видах красок, которые предназначались для покрытия подводных частей кораблей.

Как-то, уже после празднования 50-летия образования СССР, к нам в область приехал заместитель председателя Совета Министров СССР Алексея Николаевича Косыгина Вениамин Эммануилович Дымшиц. Это был опытный и уважаемый хозяйственник, который при Хрущеве возглавлял Совет народного хозяйства страны, а затем стал председателем Главснаба СССР. В эту поездку он посетил ряд предприятий области, в том числе, конечно, и химический завод. Цахилов охотно показывал ему цеха, делился планами. Когда он упомянул, что собирается наладить производство заменителя касторового масла, Дымшиц приостановился и сказал ему: «Если вы этого добьетесь, сделаете очень большое дело для страны». Касторовое масло было большим дефицитом на мировом рынке, его закупали по очень высоким ценам. В той поездке Дымшица сопровождал первый секретарь крайкома партии Михаил Сергеевич Горбачев. Вениамин Эммануилович при всех

сказал ему: «Если Цахилов добьется поставленной цели, он заслуживает самой высокой награды».

Цахилов обещание свое выполнил. Ровно через год заменитель касторового масла появился.

Подходила к концу очередная – девятая по счету – пятилетка. Наиболее отличившихся ждали награды. Они распределялись сначала в Москве. Существовала так называемая квота: на такой-то край или область – столько-то званий Героя Социалистического Труда, столько-то орденов Ленина и т. д. А уже непосредственно на местах под эти награды подбирались кандидатуры. Разумеется, всегда по этому поводу возникали жаркие споры: кому и какую конкретно награду давать? На этот раз, помнится, на нашу область выделили одну звезду Героя Социалистического Труда и несколько орденов Ленина.

На заседании бюро обкома партии звезду решили дать экскаваторщику Браткову. Я не выдержал и вмешался: «Вы помните, что Дымшиц обещал отметить соответствующей высокой наградой Цахилова, если он найдет и пустит в производство заменитель касторового масла. Как видим – Захар Сосланбекович заслужил. Мне, правда, возразили, мол, решение уже принято. И не подлежит пересмотру. Я не отступал и, глядя в глаза первому секретарю обкома партии Федору Бурмистрову, настаивал на своем: «Вы же тогда были. И Горбачев тоже. Сами слышали, какое значение придавал Дымшиц поиску заменителя. Позвоните Горбачеву. Пусть добьется для Цахилова отдельно дополнительной звезды».

Бурмистров был человеком весьма осторожным. Его трудно было иногда попросить подписать даже простое, почти ничего не значащее письмо в Москву. А уж если приходил, не дай Бог, отрицательный ответ, он обязательно выговаривал мне: «Вот видишь, что получилось! А ты настаивал». Я ему при этом всегда отвечал: «Если бы у нас все получалось с первого раза, уверяю вас, мы бы давно построили коммунизм».

На том бюро обкома партии мое предложение поддержал секретарь областного комитета партии, курировавший промышленность и транспорт, Николай Львович Сухобоченков. После долгих колебаний Бурмистров все-таки позвонил Горбачеву и высказал ему нашу просьбу. Нам, к счастью, не отказали. И вскоре Захар Сосланбекович был представлен к высокому званию Героя Социалистического Труда.

Цахилов очень не любил, когда о продукции химзавода отзывались плохо. Он не давал для этого никакого повода, постоянно совершенствуя производство и расширяя ассортимент выпускаемой продукции. Будучи настоящим патриотом Карачаево-Черкесии, он всегда стремился, чтобы о продукции химиков из Черкесска знали как можно больше в стране и отзывались о ней только с уважением. Он был большим хозяйственником в полном смысле этого слова. Проявлял особую заботу о людях, стремился строить для них побольше жилья. Когда основное предприятие перевели в северную часть города, добился безупречного обеспечения транспортом. Организовал базу отдыха для своих рабочих и служащих. Причем ездили на побережье Черного моря и Теберду люди не только во время отпуска или летних месяцев, но и просто на выходные. Построил медсанчасть. Всегда принимал активное участие в реконструкции и улучшении городской инфраструктуры. В период реконструкции проспекта Ленина необходимо было снести два двухэтажных восьмиквартирных дома. Один дом принадлежал городу, другой – заводу. Цахилов законно требовал сноса этих домов только в том случае, если исполком предоставит жильцам новые квартиры. Ему возражали, ссылаясь на то, что в Черкесске и без того не хватает жилья. А что же с людьми, не оставлять же их на улице? Тогда Захар Сосланбекович махнул рукой и переселил всех жильцов сносимых домов в только что построенный химзаводом многоэтажный жилой дом.

Вместе с тем, Цахилов был неимоверно требователен к людям. Меньше всего жалоб на проявленную несправедливость поступало в партийные и советские органы именно с его предприятия. Это было явлением вполне закономерным. Сегодня одним из самых красивых зданий республиканского центра бесспорно является Дворец культуры «Химик». Он построен только за счет доходов завода. И в этом прежде всего огромная заслуга Захара Сосланбековича Цахилова.

Ануар Чепеевич Урусбиев потомок знаменитого «хозяина» Баксанского ущелья князя Мырзакула Урусбиева. В 1935 году он мальчиком вместе с остатками семьи был выслан в Голодную степь Узбекистана. Пытливый, энергичный, целеустремленный юноша перед войной ухитрился окончить финансово-экономический институт в г. Самарканде. С началом Великой Отечественной войны был мобилизован в армию. Принимал участие в тяжелейших боях первого периода войны в составе лыжного батальона. После тяжелого ранения

был признан негодным для несения службы в армии и демобилизован, в последние годы войны и после ее окончания работал в хлопкосовхозе «Баяут-1» в той же Голодной степи бухгалтером, управляющим отделением, заместителем директора и много лет директором. Совхоз «Баяут-1» под руководством Урусбиева стал одним из лучших хлопководческих хозяйств республики, а сам он – известным человеком в Узбекистане. Ануар Чепеевич был в дружбе с бывшим первым секретарем ЦК Компартии Узбекистана и бывшим министром хлопководства СССР Усманом Юсуповым, который после оставления высоких должностей руководил соседним совхозом «Баяут-4» и оставался одним из самых уважаемых людей в Узбекистане. Хорошо знал А. Урусбиева, часто с ним встречался и советовался преемник Юсупова на посту первого руководителя республики Мухитдинов.

После возвращения на родину в Карачаево-Черкесию А. Урусбиев работал директором ряда совхозов, в том числе такого крупного хозяйства, как «Октябрьский», «Горный» и «Эльтаркач», зам. начальника областного управления сельского хозяйства. Где бы ни работал Ануар Чепеевич, он оставлял заметный созидательный след. Все, кто встречался с ним по работе, в жизни, отмечают его глубокие профессиональные знания, острое чувство нового, передового, настойчивость в достижении цели. Он был порядочнейшим человеком. Культура обращения с людьми, в высшей степени воспитанность, присущие ему, он впитал в себя из лучших горских традиций и европейской культуры.

Ануар Урусбиев был награжден многими высокими государственными наградами за плодотворный труд в Узбекистане и Карачаево-Черкесии.

Говоря об А. Ч. Урусбиеве, хочется отметить следующее:

1. Из числа потомков горцев, высланных в 1935 году в период «ликвидации кулачества как класса», многие стали крупными руководителями, известными людьми. Это А. Байрамкулов – председатель Карачаевского горисполкома, А. Урусбиев, Магомет и Махмуд Токовы, Х.-М. Байрамкулов – директора совхозов. Иные стали учеными, композиторами, а многие врачами, учителями, инженерами.

2. У баяутцев удивительно сильно чувство солидарности, дружбы, готовности помочь друг другу. Эти качества передаются из поколения в поколение. В прошлом году на берегу Кубани собрались карачаевцы, черкесы, абазины, но-

гайцы. Все собравшиеся не без гордости называли себя баяутцами. Мне рассказывали, какая чудесная атмосфера человеческой дружбы и взаимного уважения царила на этой встрече.

Поистине – «нет худа без добра». Жестокая репрессия сплотила людей, сдружила их. Они выжили, сохранили лучшие человеческие качества.

...Бывший председатель колхоза «Путь Ильича» Хабезского района Абубекир Дадымович Аргунов в годы войны был тяжело ранен. После излечения его признали негодным к службе и демобилизовали. Вернувшись домой, он был избран председателем родного колхоза и проработал в этой должности всю оставшуюся жизнь. В 1966 году стал Героем Социалистического Труда. Интересно отметить, что в Карачаево-Черкесии было всего лишь два председателя колхоза, носивших это высокое звание: Аргунов и Володин из станицы Исправной. Позже Володин работал секретарем крайкома партии, а оттуда был переведен на работу в Ростовский обком КПСС. А Аргунов так и остался в своем хозяйстве, которое на протяжении нескольких десятилетий было лучшим и по земледелию, и животноводству.

Абубекир Дадымович не получил образования. Но от природы имел уникальный талант организатора. Как и Цахилов, он постоянно внедрял что-то новое, более совершенное. Был даже период, когда он серьезно увлекся разведением индюшек. Надо честно сказать, что именно с Аргунова начались работы по качественному улучшению горных пастбищ. Случилось это после того, как он побывал на семинаре в Черновицкой области Украины (Северные Карпаты), где специалисты со всей страны обсуждали этот актуальный вопрос.

Семинар проводила Союзсельхозтехника СССР. Его поразили результаты работы по коренному улучшению сенокосов и пастбищ. Густой, высокий травостой на улучшенных участках. Он заразил меня. Я твердо решил заняться этой проблемой, ясно представляя себе эффективность этой работы для развития животноводства в горной части Карачаево-Черкесии.

В это время Сельхозтехникой в России руководил Н. В. Босенко, бывший председатель Ставропольского крайисполкома. Я встретился с ним и получил его согласие поставить этот вопрос перед Правительством РФ. Была получена поддержка со стороны Ежовского (Союзсельхозтехни-

ка), Флорентьева (минсельхоз России), Корнева (Министерство мелиорации и водного хозяйства РСФСР). После всего этого я собственноручно написал проект Постановления Правительства России: «О мерах по коренному улучшению горных лугов и пастбищ в Карачаево-Черкесии», которое было принято Правительством. Постановление предусматривало, в частности, выделение средств на выполнение работ по коренному улучшению горных естественных угодий области на пять лет с разбивкой по годам, а также проведение всероссийского семинара по этому вопросу. Суть коренного улучшения лугов и пастбищ: очистка естественных угодий от кустарников, кочек, рыхление почвы, посев семян наиболее полезных трав, внесение удобрений.

Выполнение этих работ в сочетании со строительством горных дорог дало прекрасные результаты. Многие площади естественных угодий в Хабезском, Усть-Джегутинском, Малокарачаевском и др. районах буквально преобразились. Успешно был проведен всероссийский семинар. Другие регионы, в частности Кабардино-Балкария, переняли наш опыт.

Одновременно интенсивными темпами шло строительство горных дорог. Больно сегодня слышать, что с таким трудом создававшаяся система обводнения заброшена. Трубы, лежавшие на поверхности, по которым подавали летом воду, растащены. Дороги разбиты и не ремонтировались уже многие годы. Маслосырзаводы разорены. Одним словом, медленно, но методично рушится то, чему не одна сотня людей, в том числе и мы с Абубекиром Дадымовичем, посвятили годы своей жизни.

Трудно сегодня поверить, но Первомайский маслосырзавод за одни только сутки принимал на переработку до 100 тонн молока. Именно в Карачаево-Черкесии впервые в бывшем Советском Союзе были построены и введены в эксплуатацию молокопроводы. Из урочища Верхнее Жако молоко поступало по трубам в Красногорку, а оттуда оно доставлялось в Карачаевск. Это была огромная экономия средств и людских ресурсов.

Что касается Аргунова, то к нему с глубоким уважением относились не только в колхозе «Путь Ильича», но и во всей области. Его слово было очень авторитетным, к нему прислушивались, с ним советовались, внимали его голосу...

В Хабезском районе его уважительно называли и стар и млад одним словом «Пата». Только и можно было услышать: «Пата сказал то, Пата посоветовал, так решил Пата» и т. д. В последние годы жизни Абубекир Дадымович болел. И мне было

приятно услышать, когда на торжествах по случаю 60-летия первого Президента КЧР Владимира Магомедовича Семенова, куда я был приглашен, сын Аргунова Олег рассказал, что Семенов посетил больного аксакала. Тот был тронут таким вниманием и сказал сыну: «Семенов – настоящий человек!»

Мне пришлось вместе с другими провожать в последний путь нашего Пату. Проститься с этим легендарным человеком приехало в Кош-Хабль много народу. В том числе и Президент республики. Кстати, Владимир Магомедович первым поднял вопрос о необходимости увековечения памяти Аргунова.

Вспоминается и еще один замечательный человек – председатель колхоза в станице Кардонинской Травнев. Здесь родился его отец, дед и он сам, потомственный казак. Очень любил землю. Сельское хозяйство. Выводил новую мясо-шерстную породу овец на базе карачаевской овцы и мериносов. Эта порода отличается от обычных тем, что более приспособлена к нашим условиям. Травнев гордился, что на всех проводившихся выставках – вплоть до ВДНХ – участвовали овцеводы его хозяйства. В колхозе работали люди разных национальностей, одним словом, полный интернационал. Когда встал вопрос о разукрупнении колхоза, жители села Кызыл-Октябрь решили отделиться. При чем Травнев сам внес предложения в пользу нового хозяйства. И рекомендовал председателем колхоза своего бывшего заместителя-карачаевца, а впоследствии не оставил новое хозяйство без своего пристального внимания и поддержки. Своим отношением – добрым, человеческим, – он подкупал карачаевцев, чем снискал среди них заслуженный авторитет и уважение. Травнев умер в то время, когда я находился на дипломатической работе в Польше в начале 80-х годов. Память о нем, добрая, светлая, навсегда осталась в сердцах и душах русского и карачаевского народов».

Таковыми же теплыми, полными признания и уважения словами Магомет Абдурзакович отзывается и о других бывших руководителях, с кем ему посчастливилось, да именно так, посчастливилось поднимать и развивать народное хозяйство Карачаево-Черкесии. Среди них Ануар Чеплеевич Урусбиев, Магомет и Махмуд Токовы, Назбий Тамбиев, Башир Магомедович Кагиев, Салис Борлаков, Аубакир Конов и многие другие.

На упомянутом юбилейном вечере высокую оценку внесенному Магометом Абдурзаковичем вкладу дали бывшие ру-

ководители Ставропольского края и области Всеволод Серафимович Мураховский, главный редактор республиканской газеты «Абазашта» Рашид Хужев, председатель республиканского совета ветеранов войны, труда и правоохранительных органов Анатолий Балов, доктор филологических наук, профессор Хизир Хапсироков, бывший секретарь Ставропольского крайисполкома Юсуф Кочкаров, заведующий отделом образования администрации Малокарачаевского района Адамей Хапаев, глава администрации Хабезского района Фатима Макаова, народный поэт Карачаево-Черкесии Азамат Суюнчев и другие.

Много лет проработавший в партийных, советских органах Ставропольского края, Калмыкии, Карачаево-Черкесии Николай Тимофеевич Поротов на юбилейном торжественном собрании, обращаясь к своему товарищу М. А. Боташеву, говорил: «Зная тебя не один десяток лет, мы с гордостью можем сказать, что видели в тебе постоянное трудолюбие и деловитость, скромность и доступную простоту, уважительное отношение к людям независимо от их национальной принадлежности. Ты, не кичась своими должностными положениями, а они были достаточно высокими (секретарь горкома, обкома КПСС и долгие годы председатель исполкома Карачаево-Черкесского областного Совета народных депутатов), всегда был верен необходимости и обязанности делать полезное для людей многонациональной Карачаево-Черкесии.

Примечательно еще и то, что Магомет Абдурзакович, реально ощутивший горечь своего народа в период его депортации, духовно не был сломлен, не изменил своих взглядов, сохранил самообладание и остался верен нашей многонациональной Родине, ее общенациональной идее, заключавшей в себе лучшее, что выработано, прижилось за тысячелетнюю историю: дом, семья, честность, справедливость, трудолюбие, способность защищать все это. Причем все это шло от сердца, души, любви к России».

А затем выступил сам юбиляр – один из известнейших людей Карачаево-Черкесии Магомет Абдурзакович Боташев. Каждое его слово проникало глубоко в сердца присутствующих и рождало добрые, светлые чувства: «Огромное сердечное спасибо всем тем, кто организовал эту встречу, кто устроил для меня и моих близких такой большой праздник.

Я выражаю искреннюю благодарность Президенту республики В. М. Семенову, Народному собранию и Правительству

Карачаево-Черкесии и, конечно, вам всем, кто нашел время и желание встретиться со мной. Большое спасибо всем, кто поздравил меня, кто сказал теплые слова в мой адрес.

Вместе с тем все почести, которые здесь воздаются, целиком принять на себя я не могу. Не примите сказанное, пожалуйста, за ложную скромность. Я говорю совершенно искренне. Я отношу эти знаки уважения и почести моему поколению, в первую очередь участникам Великой Отечественной войны: фронтовикам и труженикам тыла. Это они совместно с послевоенными поколениями за короткое время преобразили нашу маленькую родину – Карачаево-Черкессию. Действительно, после воссоздания Карачаево-Черкесской автономной области и возвращения карачаевского народа на землю предков все отрасли народного хозяйства и культура быстро развивались. В кратчайший срок была завершена электрификация области. Каждый год вводились в эксплуатацию новые современные промышленные предприятия, реконструировались старые, на новый уровень поднялось сельское хозяйство, строились новые дороги, оросительные и обводнительные системы. Объекты коммунального хозяйства, жилые дома, школы, больницы, объекты культуры. На карте области появились города Усть-Джегута и Теберда, новые поселки городского типа – Медногорск, Ударный, Буково, Московский, Домбай. Принял облик современного города наш административный, культурный, промышленный центр – город Черкесск. Похорошели все райцентры, села и станицы.

Конечно, все это свершилось при активной, всесторонней помощи и нашего родного Ставропольского края, правительства Российской Федерации, союзных министерств.

Но, как известно, помощь может дать положительный результат при условии, когда получающий помощь сам упорно трудится. Все достижения того периода явились результатом дружной, сплоченной, настойчивой работы трудовых коллективов, ИТР, специалистов сельского хозяйства, педагогов, врачей, творческой интеллигенции. Успехи во многом зависели от плодотворной работы областных, городских, районных советских и партийных органов. Разумеется, и в те годы наблюдались крупные недостатки, ошибки в работе государственных органов, предприятий, учреждений. Но повсюду чувствовалось стремление, старание выполнить работу лучше и вовремя. Работа протекала в атмосфере доброжелательности, взаимной помощи, я бы сказал, воодушев-

ленности, которая, может быть, была вызвана и фактом возвращения на родину значительной части населения области.

Все мы гордились своими успехами, не скрывали свою горячую любовь к родному краю, не стеснялись говорить, что мы из Карачаево-Черкесии.

В те годы выросли, стали известны и за пределами Карачаево-Черкесии замечательные мастера своего дела, которые были отмечены самыми высокими государственными наградами. Такие, как доярка Зухра Байрамкулова, Иван Базарный. Огромный вклад в развитие народного хозяйства внесли талантливые руководители промышленных и сельскохозяйственных предприятий, строительных организаций: Цахилов, Рыбаков, Нукзаров, Эркенов, Аргунов (легендарный Пата), Травнев, Урусбиев, Малхозов, Катчиев, Борлаков, Винничек, Сытник, Бормотов, Салпагаров, Крол и многие другие. Я с большим удовольствием вспоминаю слаженную работу с такими замечательными людьми, патриотами Карачаево-Черкесии, сделавшими очень много для ее развития, как Лыжин, Карданов, Токаев, Мураховский, Сухобоченков, Деккушев, Коробейников, Поротов. Я благодарен за совместную дружную работу со мной в облисполкоме в разные годы Акбашеву, Шаманову, Татаршаю, Абитовой, Онежко, Асланукову, Кочкарову, Стронцеву, Дятчину, председателям горрайисполкомов Маслову, Мазукабзову, Найманову, Богатыреву, Астахову, Токову, Чуву, Кубекову, Джатдоеву, Бедреву, руководителям отраслей Сорокиной, Бизикову, Семенову, Хуранову, Эльканову, секретарям горрайкомов партии Тернову, Никитину, Еремину, Узденову, Кубанову и другим.

Я вспоминаю плодотворное сотрудничество с Барановым, его заместителями Салпагаровым и Дауровым, прокурорами Бутурлиным, Снегиревым.

Мне доставляли радость теплые встречи с представителями творческой интеллигенции, известными писателями Охтовым, Байрамуковой, братьями Хубиевыми, Капаевым, Чикатуевым, Суюнчевым, актерами Тохчуковым, Клычевым, композитором Дауровым и другими.

Я питаю искреннее уважение к журналистам Шамановой, Баучиеву, Шурдумову, Костину, Хужеvu, Филипенко, Михайлову и другим.

Мне часто вспоминаются встречи с учеными Алиевым, Чеменевым, Хабичевым, Хапсироковым, Джанибековой, Караевой, Бекизовой...

Хочу особо сказать о руководителях Ставропольского края, у которых я многому научился, которые помогали Карачаево-Черкесии. Это председатели крайисполкома Попов, Н. О. Босенко, И. Т. Таранов, заместители Г. Г. Старшиков, Н. Т. Дорохин.

Я благодарен и глубоко уважаю Л. Н. Ефремова, Н. И. Жезлова, В. А. Казначеева, Э. Б. Нордмана и других.

Некоторые из упомянутых мною лиц здесь присутствуют. Им и их близким я искренне желаю здоровья и всего наилучшего.

К большому сожалению, многих уже нет в живых. Пусть родная земля будет им пухом, а их потомки будут их достойны.

Заканчивая свое выступление, я хочу сказать присутствующим и всем жителям республики – этого прекрасного маленького уголка большой России, как поется в песне, следующее: Бог нас не обидел. Мы имеем плодородную землю, богатые недра, реки и леса, редкие по красоте ледниковые горы, прекрасный здоровый климат. Самое главное – трудолюбивый, достаточно образованный многонациональный народ, много высокопрофессиональных специалистов.

Далекая и новейшая история наша говорит о том, что все народы Карачаево-Черкесии могут жить на этой земле достойно, в достатке, в дружбе и согласии. Каких-либо объективных причин для межнациональных трений не было и нет. В последние годы сказано и напечатано много несправедливых, не продуманных слов. Нанесен заметный ущерб коренным интересам всех народов республики, их вековой дружбе. Надо всеми способами восстанавливать и укреплять чувство взаимного уважения людей вообще и лиц различных национальностей в частности. Решению этой задачи будет способствовать в первую очередь совместная, дружная, созидательная работа на благо народов республики, на благо России.

Все возникшие проблемы надо решать цивилизованно, на основе закона.

Я глубоко убежден, что у Карачаево-Черкесии прекрасное будущее. Если каждый на своем месте будет стараться честно и добросовестно работать, соблюдать закон, жители республики будут жить несколько не хуже любого региона России.

Никто не знает, сколько ему предстоит жить. Я бы хотел еще пожить в цветущей, очень любимой мною Карачаево-Черкесии, среди ее прекрасного многонационального народа».

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

На протяжении своей долгой общественно-политической и государственной деятельности Магомету Абдурзаковичу Боташеву приходилось встречаться, общаться и беседовать, решая вопросы жизни родной Карачаево-Черкесии, со многими сильными мира сего эпохи 60–70-х годов прошлого века.

Все они были разными по взглядам, мировидению, характеру, наконец, отношению к своим непосредственным обязанностям на высоком государственном посту.

Среди них, как считает Магомет Абдурзакович, впрочем, это отмечают и другие представители политического бомонда периода правления Л. И. Брежнева, самой респектабельной и наиболее яркой фигурой являлся Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин.

Наделенный огромным интеллектом, умеющий масштабно мыслить, настоящий государственный, А. Н. Косыгин по уровню авторитета не только в высших эшелонах власти, но и на местах, в регионах не имел, пожалуй, себе равных.

Об этом в те годы не особо распространялись, памятуя о все возрастающем культе личности Брежнева. В условиях укрепления системы авторитаризма, безграничной власти одного человека выражать особые знаки уважения Косыгину было весьма опрометчиво. Прежде всего с точки зрения устойчивости положения самого премьер-министра великой державы.

«Тем не менее в кулуарах, — вспоминает Магомет Абдурзакович, — когда речь заходила о настоятельной необходимости кардинальных перемен, очевидность которых была налицо, сразу упоминалось имя Алексея Николаевича Косыгина. На него откровенно возлагались большие надежды на серьезный поворот в социально-экономической жизни страны».

Возникал удивительный парадокс. В СССР не было безработицы, крупные и мелкие заводы и фабрики безостановочно выпускали свою продукцию. На полях выращивали высокие (сегодня в это даже не верится) урожаи пшеницы, сахарной свеклы, картофеля; одной из мощных и наиболее развитой являлась животноводческая отрасль сельского хозяйства. По-

думать только, горная Карачаево-Черкесия славилась тогда 3-тысячницами! Так говорили о доярках, надаивавших от каждой коровы по 3 и более тысячи литров молока. Таких было немало. Люди трудоспособного возраста занимались каждый своим делом. Статистические цифры упорно убеждали страну и весь мир в ежегодном неуклонном росте благосостояния советских людей. Страна действительно жила в непрерывном трудовом ритме. Мы настойчиво осваивали космическое пространство. Создавали уникальные технологии, духовная жизнь обогащалась прекрасными произведениями музыки, литературы, кинематографии, живописи, архитектуры.

И в то же время народы великой страны жили нелегко. Дефицит всего и вся, длинные многочасовые очереди в магазинах порой даже за продуктами первой необходимости. На приобретение элементарной мебели уходили годы. Многие уже тогда задавали один и тот же вопрос: «Почему так происходит?»

Алексей Николаевич Косыгин, мало, в отличие от других, мелькавший на экранах, практически не дававший развернутых интервью, прекрасно понимал, что страна, победившая фашизм и спасшая Европу от этой чумы, постепенно катится вниз. Нетрудно было догадаться, что нас, выражаясь современным языком, ждал дефолт. Сильный крен в сторону наращивания военно-промышленного комплекса, неоправданная, порой огромных размеров, помощь странам социализма и только вставшим на этот путь привели к еще большему усугублению положения населения страны.

Алексей Николаевич, талантливый экономист и хозяйственник, не раз предпринимал отчаянные попытки изменить ситуацию. Шансы и время еще были. Но даже он, дальновидный политик-прагматик, не мог представить себе, – грустно замечает Магомед Абдурзакович, – какой размах примут разрушения, начавшиеся с середины 80-х годов, когда в СССР был взят курс на ускорение социально-экономического развития и полномасштабные демократические преобразования.

Перестройка круто изменила размеренный образ жизни страны победившего социализма. Стоявшие у власти чиновники, почувствовав вседозволенность, грубо пренебрегая интересами простых людей, моментально сориентировавшись в возникшем хаосе, попытались, и весьма успешно, обеспечить себе и своим потомкам безбедное существование. В самые короткие сроки в руках определенной кучки людей ока-

залась огромная собственность государства, было приватизировано (или, как говорят в народе, прихватизировано) то, что долгими десятилетиями создавалось не одним поколением советских людей. В один миг миллионы людей попали в категорию малоимущих, а по сути оказались у черты бедности. Безработица, о которой мы не имели никакого представления и считали ее спутником буржуазного общества, захлестнула страну. Остановились сотни, тысячи заводов и фабрик, на улице оказались высококвалифицированные специалисты, опытные рабочие, лучшие умы. С распадом в 1991 году Советского Союза прервались некогда крепкие экономические связи со всеми союзными республиками. Да и внутриэкономические претерпели значительные изменения. Люди постепенно теряли веру во власть и возможность изменения жизни к лучшему. А начавшиеся межнациональные конфликты, ставшие следствием непродуманной политики власти предержащих, привели к огромной миграции населения. И хотя сегодня, спустя десятилетие, этот процесс несколько приостановлен, граждане России по-прежнему толпятся у посольств многих стран в надежде уехать за пределы родины и обеспечить себе и своим детям нормальную жизнь.

Тысячи наших сограждан, по воле судьбы покинувших страну, скитаются сегодня в странах Европы, Азии и Америки. Большинство из них, занятых тяжелым, как правило, малооплачиваемым трудом, так и не нашли себя на чужбине. Печальнее всего, что там, за «бугром», они превращаются в товар, который можно купить, продать, перепродать.

Центральная пресса изобилует шокирующими материалами о притонах и публичных домах Парижа, Амстердама, Нью-Йорка, Лос-Анджелеса, Афин, Стамбула и других городов мира, где немало девушек из России. Потерявшие уверенность в завтрашнем дне, они превратились в заложниц сложившихся обстоятельств и вынуждены заниматься постыдным делом, оскорбляющим их честь и достоинство. К счастью, многие, найдя в себе силы, любыми путями возвращаются домой, пусть в голодную и нищую Россию, другим, к сожалению, уготована иная участь – никогда уже не подняться с колен позора и доживать свой век далеко от родных берегов. Только не спешите осуждать и презирать их! Не они виноваты, что так случилось. Не они виноваты, что не нашли приложения своим рукам и уму на земле предков, вскормившей, воспитавшей их.

Не они, наши красивые, нежные, добрые, умеющие сострадать и все понимать девушки повинны в случившемся. А те, кто взяв на себя огромную ответственность в сложный период истории России, неумело распорядились властью, проигнорировали интересы и чаяния людей, в угоду личным амбициям пошли на сделку с собственной совестью, напрочь забыв, что есть Высший суд, от которого никому не уйти.

Классик восточной поэзии, философ и эстет великий Хафиз однажды заметил: «Чтобы рассеять мглу над миром, стань путеводной звездой и сожги себя дотла».

Стремящихся рассеять собой мглу сегодня в России немало. Они, уверен Магомет Абдурзакович Боташев, не переведутся. На них будет держаться наша по-прежнему великая страна. На таких, каким остался в памяти Магомета Абдурзаковича Алексей Николаевич Косыгин. Личность, которая еще не раз будет приковывать к себе внимание ученых-историков, политиков, мемуаристов.

«Как-то раз мне позвонили из Ставрополя и сообщили, что Алексей Николаевич Косыгин, отдыхающий в Кисловодске, направляется вместе с тогдашним первым секретарем Ставропольского крайкома партии Л. И. Ефремовым в Домбай, где планирует отдохнуть несколько дней на даче «Чинара».

Мы не просто хорошо относились к Председателю правительства СССР, мы безгранично уважали этого неординарного, удивительно простого, лишенного всякого высокомерия человека, к которому слово «чиновник», особенно в современном его смысле, не имело никакого отношения.

Именно поэтому, разрабатывая план встречи и программу пребывания Алексея Николаевича в Карачаево-Черкесии, мы учитывали все до мелочей. Прежде всего хотелось – нет, не угодить! – оказать высокому гостю, да еще такому, знаки глубокого внимания и уважения. Создать ему максимальные условия для отдыха, показать, как мы рады ему и готовы сделать все возможное, чтобы он запомнил эти прекрасные места и дни, проведенные в Карачаево-Черкесии.

В Домбае перво-наперво решили организовать ему экскурсию на канатную дорогу, первая очередь которой уже функционировала. У нижней станции Косыгин долго беседовал с одним из специалистов, подробно расспрашивая его о технических данных сооружения, длины дороги, скорости движения, пропускной способности и, особенно, о безопасности пассажиров. На все вопросы он получил исчерпывающие ответы.

Но в какой-то момент я заметил, что Алексей Николаевич практически перестал слушать. Время от времени он бросал взгляды в ту сторону, где совсем недалеко от нижней станции расположились женщины с вязанными из шерсти изделиями. Вокруг них толпились туристы, прицениваясь к шапочкам, свитерам, носкам, плотными рядами лежавшими на бумаге, предварительно постеленной на землю.

Стоявший рядом со мной бывший первый секретарь Карачаево-Черкесского обкома партии Федор Бурмистров, проследив за движением глаз Косыгина, почти шепотом попросил меня подойти к женщинам и предложить им разойтись. Я отказался, мотивируя тем, что Алексей Николаевич уже давно заметил женщин и практически не сводил с них глаз. Косыгин не спеша направился в сторону торгующих. Алексея Николаевича и сопровождающих его лиц узнали. Подойдя к горянкам, он поздоровался и, внимательно рассматривая их товар, поинтересовался, сколько же пряжи уходит, например, на один свитер. Выгодно ли заниматься этим промыслом, где они берут шерсть, краску? Наперебой предлагая Косыгину в качестве подарка что-нибудь из своих изделий, женщины охотно отвечали на вопросы, удивляясь необыкновенной простоте общения Косыгина, его умению быть непосредственным и скромным.

Эта встреча, с учетом особенностей того времени, имела, надо прямо сказать, принципиальное значение. И вот почему.

Попрощавшись с женщинами, предварительно выразив свое восхищение их мастерством, сообразительностью, трудолюбием, Алексей Николаевич, едва мы отошли, обернулся в мою сторону и вполне серьезно спросил: «И тебе не стыдно?! Зарабатывая на жизнь, пытаюсь свести концы с концами, они вынуждены в пасмурную погоду мокнуть под дождем, а в жаркие дни страдать от зноя. Неужели нельзя создать им минимальные удобства? Хотя бы сделать навес. Поставить несколько рядов столов. Не трудно ведь, а? Если нет денег, найдем. Не проблема».

Вскоре по моей просьбе в Домбае вырос небольшой крытый торговый центр по продаже шерстяных изделий.

Между тем, как я уже заметил, это было совсем непростое время. В стране разворачивалась кампания по борьбе с так называемыми нетрудовыми доходами. В Карачаево-Черкесии под прицел партийных, общественных, правоохранительных органов попали главным образом люди, занимавшие-

ся производством и реализацией шерстяных изделий. Никто не хотел понимать, что это традиционный промысел карачаевцев, не имеющий никакого отношения к нетрудовым доходам. Писавшие разгромные, зачастую претенциозные статьи журналисты даже не предполагали (а возможно и не пытались это узнать), какой поистине тяжелый труд вкладывали женщины, чтобы заработать на жизнь, обеспечить население области и страны теплыми, относительно недорогими вещами. В то же время сами обличители не брезговали в холодную пору носить вязаные свитера, спасаясь от пронизывающих ветров и морозов.

В материалах прессы, на всевозможных собраниях и пленумах все чаще стали звучать слова «тунеядцы», «потребители» и т. д. А незначительная прибыль, получаемая в результате изнурительной работы, квалифицировалась не иначе, как нетрудовые доходы. В обществе продолжалась целенаправленная работа по созданию негативного образа карачаевского народа.

Встреча Алексея Николаевича Косыгина в Домбае с женщинами, торговавшими шерстяными изделиями, его теплый, доверительный разговор с ними, проявленное к ним внимание в значительной степени повлияли на изменение бытовавшего мнения о чуть ли не криминальном характере их промысла. Это позволило мне уверенно защищать интересы этой группы населения.

Рассказывая о своих встречах и беседах с Алексеем Николаевичем Косыгиным, Магомет Абдурзакович преобразается. Видно, что воспоминания об этой уникальной личности приносят ему массу добрых, светлых чувств. В каждом слове Магомета Абдурзаковича сквозит неприкрытое почтение и глубокое уважение к Косыгину, восторг перед его талантом быть доступным, неприхотливым, умеющим вслушаться в голос народа и делать правильные выводы.

«Оставаясь сыном своего времени, эпохи, Алексей Николаевич был на редкость прекрасным прагматиком и аналитиком, провидцем, синтезировавшим в себе уникальную способность реально оценивать сложившуюся обстановку и прогнозировать будущее. Прислушайся к нему руководство страны вовремя, мы избежали бы многих потрясений, печальным последствием которых стали развал Союза, межнациональные конфликты, экономический хаос, падение жизненного уровня людей и авторитета некогда могущественной державы на международной арене».

В свете всего произошедшего за последнее десятилетие образ Алексея Николаевича Косыгина начинает приобретать в воспоминаниях знавших его людей еще более конкретные очертания, лишний раз доказывая, какого глобального масштаба руководителем-патриотом он был в свое время. А еще то, что России нужны именно такие – настоящие подвижники, беспокойные сердцем и душой государственники, люди высокой морали и нравственности, для которых беззаветное служение Родине – раз и навсегда выбранный образ жизни.

Каждая встреча с Косыгиным оставляла у Магомета Абдурзаковича неизгладимое впечатление. Каждая зарубцева-лась в памяти, как резьба на камне. О каждой он может говорить часами, и его глаза при этом излучают такой силы свет, что, кажется, вполне хватит рассеять тьму сегодняшней тяжелой жизни и вселить в потерявших надежду людей веру в прекрасное грядущее.

«Алексей Николаевич Косыгин питал особые чувства к Домбаю. Да и вообще к горам. При любой возможности он выбирался из шумной, загазованной Москвы, чтобы хоть немного подышать горным воздухом, насладиться красотами наших диких мест, получить заряд бодрости.

Однажды в очередной раз Алексей Николаевич приехал на краткосрочный отдых в Домбай. Стояла снежная зима. Туристический сезон был в самом разгаре. Поселок, как всегда, был переполнен любителями горнолыжного спорта.

Вместе с Косыгиным находился начальник управления КГБ по Ставропольскому краю Э. Б. Нордман. Этот человек всегда вызывал во мне искреннее уважение. Настоящий чекист «с холодным сердцем и чистыми руками», бывший белорусский партизан обладал широкими знаниями и высокой внутренней культурой. Позже из Ставрополя его перевели в Ташкент на должность председателя Комитета госбезопасности Узбекистана, а в период моей работы в Польше он выполнял ответственную миссию в составе Группы советских войск в Германской Демократической Республике. Сейчас, насколько я информирован, он проживает в Москве. Беседы с этим умным, глубоко порядочным профессионалом, человеком слова и дела были всегда интересными и полезными.

Так вот, на второй или третий день пребывания Косыгина в Домбае Нордман набрал мой телефон и сообщил, что Алексей Николаевич собирается осмотреть Зеленчукскую

астрофизическую обсерваторию Академии наук СССР. А по дороге хотел бы встретиться с руководством Карачаево-Черкесии у музея-памятника защитникам перевалов Северного Кавказа возле поселка Орджоникидзевский.

В назначенный час мы большой делегацией встретили Алексея Николаевича и сопровождавших его лиц. И я был снова приятно удивлен манерой поведения Косыгина, его искренности, открытости ко всему и вся.

Мы зашли в здание музея-памятника. Алексей Николаевич был здесь впервые. В отличие от других высокопоставленных гостей, заезжавших сюда по дороге в Теберду или Домбай, Косыгин подолгу стоял у каждого стенда, внимательно рассматривая экспонаты. Напряженное лицо премьера выдавало волнение и нахлынувшие грустные воспоминания. Война прошла и через его жизнь, оставив немало незаживших ран.

Директором музея в те годы работал участник Великой Отечественной войны, бывший отважный партизан Харун Глоов. Подойдя ко мне, он высказал пожелание обратиться к Алексею Николаевичу с просьбой сделать запись в книге почетных посетителей. Косыгин охотно согласился. Сел за стол, надел очки, достал из внутреннего кармана пиджака ручку, перелистал журнал и, недолго раздумывая, внес запись, под которой и подписался.

«Я специально останавливаюсь на некоторых деталях, — заметил Магомет Абдурзакович после небольшой паузы в нашем разговоре, — чтобы лишний раз подчеркнуть незаурядность Алексея Николаевича. Непохожесть его на многих государственных деятелей, забывавших иногда — чего уж греха таить! — что все мы ходим под одним небом и по одной земле. Очень часто, чему был свидетелем не раз, руководители рангом значительно ниже, посещая музей-памятник защитникам перевалов Кавказа, удосуживались поставить в книге почетных гостей лишь свою подпись под уже внесенной записью, сделанной их помощниками. Косыгин, напротив, не мог позволить себе столь небрежного отношения прежде всего к памяти погибших, титаническому труду сотрудников музея, по крупицам собиравших свидетельства героического подвига советских солдат.

Выйдя из здания музея, Алексей Николаевич без всякого пафоса сказал нам: «Мне очень понравилось. Хорошо сделали. Это очень важно — сохранять и укреплять в молодом подрастающем поколении память о тех, кто отдал жизнь за Родину. В стране делается многое, чтобы эта страшная вой-

на как напоминание о недопустимости повторения подобного жила в сердцах людей обелисками, мемориалами, книгами – летописями мужественной борьбы поколения, не дрогнувшего перед коварным врагом».

В Архыз, куда направлялся Косыгин, руководство Карачаево-Черкесии его не сопровождало. А произошло вот что. Когда, осмотрев залы музея, мы вышли к машинам, полагая, что должны вместе с гостями ехать в обсерваторию, Алексей Николаевич неожиданно обернулся и, протягивая нам руку, сказал:

– Спасибо вам большое за встречу! Дальше я поеду один. Мы немного опешили: как так?

– Да, да, – подтвердил, убеждая нас в услышанном, Косыгин, – сопровождать меня вовсе не обязательно. Я в отпуске, могу ехать куда хочу. А вы, извините, на работе. Полагаю, дел у вас невпроворот. Еще раз спасибо, что уделили внимание! До свидания!

В Архыз он уехал без нас в сопровождении уже упомянутого начальника управления КГБ по Ставропольскому краю Э. Д. Нордмана.

Значительно позже Нордман, а также работники обсерватории, директор турбазы «Архыз» Каитов рассказали мне много интересного об этой поездке Алексея Николаевича.

...У въезда в Архыз высокого гостя уже ждали. Едва коротеж автомашин подъехал к окраине поселка, навстречу Косыгину вышел Каитов. Алексей Николаевич, полной грудью вдохнув чистый воздух, с нескрываемым восторгом смотрел на представшую перед ним красоту гор. Легкий ветерок из ущелья доносил еле уловимый запах хвойных деревьев.

– Рай и только, – обращаясь к Каитову, улыбнулся Косыгин. – Ну как тут не жить, а?!

Направляясь на турбазу, Алексей Николаевич изъявил желание посетить один из домов, расположившихся по обе стороны трассы. Где бы он ни был, куда бы ни забрасывала его судьба, Косыгин взял себе за правило обязательно встречаться с простыми тружениками. В непосредственном общении с ними он получал самую объективную информацию, которая не всегда находила место в средствах массовой информации, аналитических записках, поступавших из мест в Москву. В личных беседах с людьми премьер-министр узнавал многое о том, как живет народ, что тревожит и волнует его, насколько доверяет он власти. Для него это было немаловажно.

Они остановились у дома, где жила семья егеря заповедника. Как только Косыгин и его сопровождающие вошли во двор, встретившая их хозяйка ахнула, не поверив, кто переступил порог ее дома. С радушием приняв гостей, она продолжала на ходу приводить все в порядок.

Поскольку главы семьи не было дома, хозяйка, перейдя на карачаевский язык, попросила Каитова тут же зарезать барана. А разделать его и приготовить подходящие случаю блюда – пара пустяков. Заметив некоторое смущение женщины, Косыгин тактично поинтересовался, не помешали ли они ей, внезапно нагрянув в гости. Хозяйка замахала руками, мол, что вы! Тут же Каитов объяснил Косыгину, что по обычаю гор хозяйка хочет зарезать барана и сделать в честь такого гостя курманлык.

Алексей Николаевич подозвал не на шутку растерявшуюся женщину, усадил рядом и сказал, что делать этого не стоит. Времени у него мало. Выразил благодарность за проявленное внимание и свое восхищение прекрасными традициями горского гостеприимства. А заехал он просто поговорить, узнать и увидеть, как живут здесь люди. Подробно поинтересовался у хозяйки, сколько у нее детей, где кто учится, работает, каков их семейный бюджет. Хватает ли им на жизнь. Узнав, что в этом доме свое небольшое подсобное хозяйство, куры, коровы, овцы, Алексей Николаевич одобрительно кивнул головой и заметил, что, к сожалению, в последнее время количество домашних животных у населения страны в целом уменьшилось. А это, в свою очередь, не способствует повышению благосостояния людей, поскольку общественное животноводство не может в полной мере покрыть запросы населения.

На турбазу «Архыз» гости приехали как раз к обеду. В приготовленном специально для Алексея Николаевича номере уже был накрыт стол. Повара постарались на славу. Но Косыгин, верный своим правилам, внес и тут коррективы. И попросил организовать обед в общей столовой и непременно отведать те блюда, которые предлагают здесь туристам.

Зайдя в зал столовой, премьер сразу оказался в кругу узнавших его отдыхающих. Началась, как обычно, оживленная беседа. Косыгин расспрашивал их, кто и откуда приехал полюбоваться красотами заповедного уголка Северного Кавказа, как им здесь отдыхается, как обслуживают, есть ли какие проблемы.

Туристы, почувствовав возникшую теплую атмосферу доверительного разговора, перебивая и дополняя друг дру-

га, делились своими впечатлениями об Архызе, удивительном радушии, оказанном им сотрудниками турбазы «Архыз». Высказывали пожелание приехать сюда снова и снова.

...Самые добрые воспоминания оставил о себе Алексей Николаевич у ученых и технического персонала специальной астрофизической обсерватории Академии наук СССР. Интеллигентный, умеющий слушать и глубоко вникать в суть поставленной проблемы, Косыгин не выпускал из поля своего внимания ни одну, на первый взгляд кажущуюся незначительной деталь. Все для него было главным, основополагающим.

На прощание коллектив астрофизической обсерватории попросил Алексея Николаевича оставить на память свой автограф на одной из гладких досок, которыми обшита внутренняя сторона одного из залов обсерватории. Эта добрая традиция сохраняется здесь и поныне.

Через несколько лет, находясь по делам в Карачаево-Черкесии, министр энергетики и электрификации СССР Петр Степанович Непорожний первым делом посетил астрофизическую обсерваторию. Этот самый уникальный в мире объект возводил трест «Ставропольгидрострой», входивший в систему руководимого им министерства. Петр Степанович знал, что Алексей Николаевич Косыгин был здесь. Встречался с руководством и учеными обсерватории. И конечно не мог не поинтересоваться у них мнением Косыгина, его впечатлениями об увиденном.

Петр Степанович Непорожний очень высоко ценил и отзывался о Косыгине. В личных беседах со мной он не раз подчеркивал его незаурядные способности, феноменальную память, широкий кругозор, умение четко организовать работу Совета Министров, жесткую справедливость и требовательность. Работая министром энергетики и электрификации СССР с 1962 года, Непорожний близко соприкасался с Алексеем Николаевичем многие годы.

Он не раз подчеркивал, что именно в бытность Косыгина Председателем правительства СССР в стране были возведены крупнейшие гидро- и тепловые станции, протянуты многокилометровые линии электропередач. Практически завершена полная электрификация всех регионов СССР, в том числе и Карачаево-Черкесии. Более того, в нашей республике были электрифицированы даже высокогорные летние пастбища. Снабжение электричеством осуществлялось бесперебойно, а его стоимость составляла копейки.

Сегодня, когда веерные отключения электричества стали нормой жизни, а киловатт/час оценивается в полтинник и выше, достижения вчерашнего дня представляются значительно весомее, чем это казалось раньше».

Прошлое живет в Магомете Абдурзаковиче беспокойными буднями, безудержным стремлением постоянно улучшать благосостояние людей, открывать новое и смело добиваться поставленной цели.

Сам будучи человеком высокой культуры, всесторонне образованным, обладающим всеми качествами руководителя большого масштаба, Магомет Абдурзакович, рассказывая о встречах с Косыгиным – одной из ярчайших политических фигур прошлого, – как бы еще раз подчеркивает огромную значимость роли отдельной личности в истории. Отрицать это, что, кстати, пытаются сделать некоторые политологи – все равно, что писать вилами по воде.

В нашем разговоре Боташев даже не пытался дать развернутую характеристику этому крупнейшему государственному деятелю. А всего лишь штрихами обозначал некоторые черты, врезавшиеся в память, но вполне достойные стать серьезным дополнением к воссозданию коллективного портрета Алексея Николаевича Косыгина.

«Я абсолютно сегодня уверен, что никто ни до, ни после Косыгина не сделал столько для экономики, социальной и культурной сферы страны. Так же как и не сомневаюсь, что если бы были претворены в жизнь предлагавшиеся им модели реформирования, изложенные Алексеем Николаевичем в докладе на пленуме ЦК КПСС в 1965 году «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усиления экономического стимулирования промышленного производства, страна с огромными природными и людскими ресурсами могла реально избежать тяжелейших потрясений, развала экономики, невиданного в мирное время обнищания большинства населения страны.

Это был человек совершенно иной формации, не живший, как некоторые, по принципу: «После меня хоть потоп». Доказательство тому предлагавшиеся реформы.

Суть предлагаемой Алексеем Николаевичем реформы заключалась в следующем. Как известно, управление экономикой страны было строжайшим образом централизовано. Госплан осуществлял, можно сказать, тотальное планирование всего и вся. Руководители предприятий по существу

М. А. Боташев среди руководителей области

Зам. Председателя Совета Министров СССР Дымищ, 1-й секретарь Ставропольского крайисполкома М. С. Горбачев и председатель облисполкома М. А. Боташев

*Третий всесоюзный съезд колхозников.
Выделены кружочками: в первом ряду слева направо:
М. Боташев, Герой Социалистического Труда А. Аргунов,
Ф. Бурмистров, М. Горбачев.
Москва, Кремль, 25–27 ноября 1969 г.*

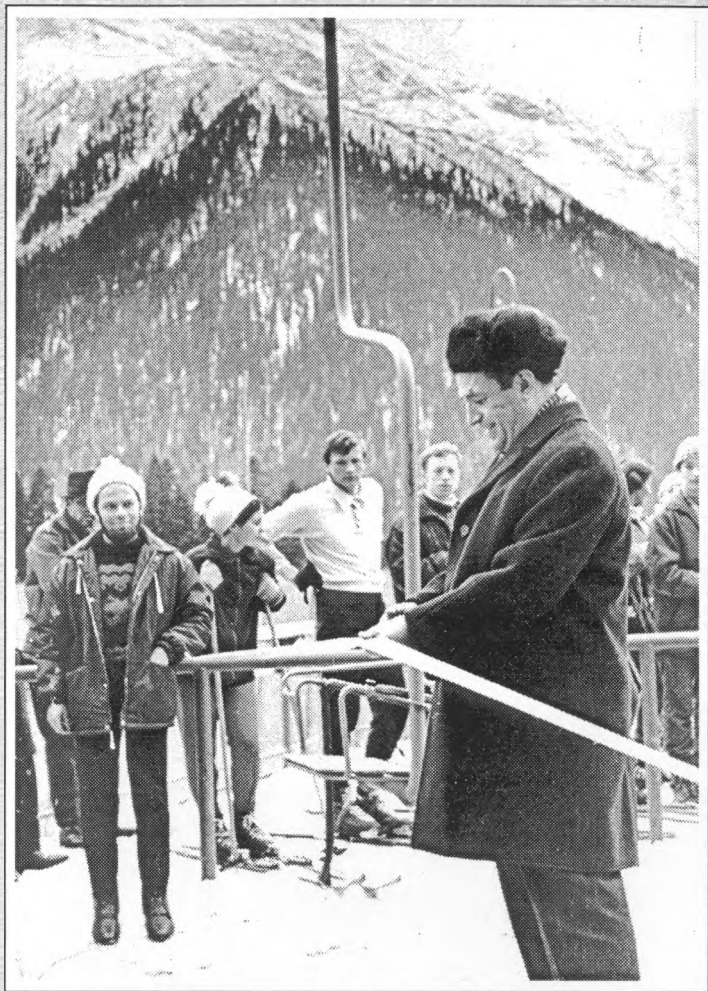
Соратники М. Боташева

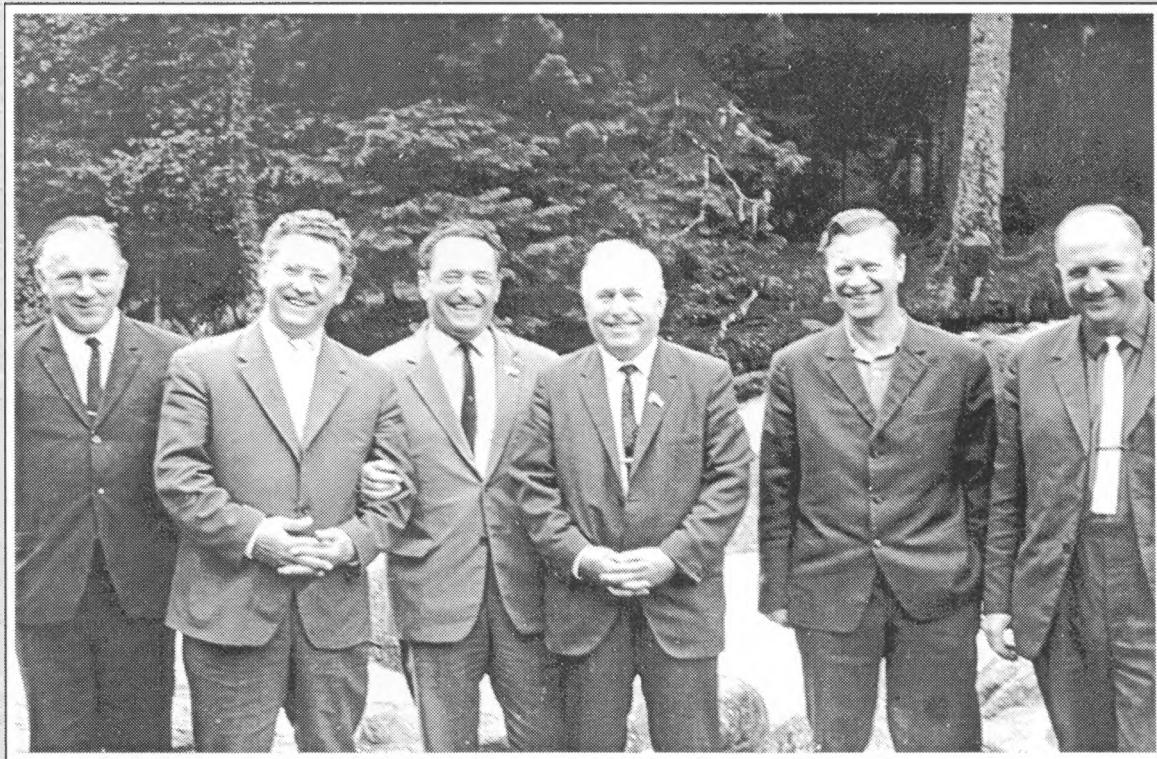
Комиссия по промышленности Верховного Совета РСФСР восьмого созыва. Москва, март 1975 г.

*В президиуме: слева направо 1-й секретарь Карачаево-Черкесского обкома КПСС Н. М. Лыжин,
председатель облисполкома М. А. Боташев,
на трибуне зам. начальника ОВД Карачаево-Черкесии М. Д. Салпагаров*

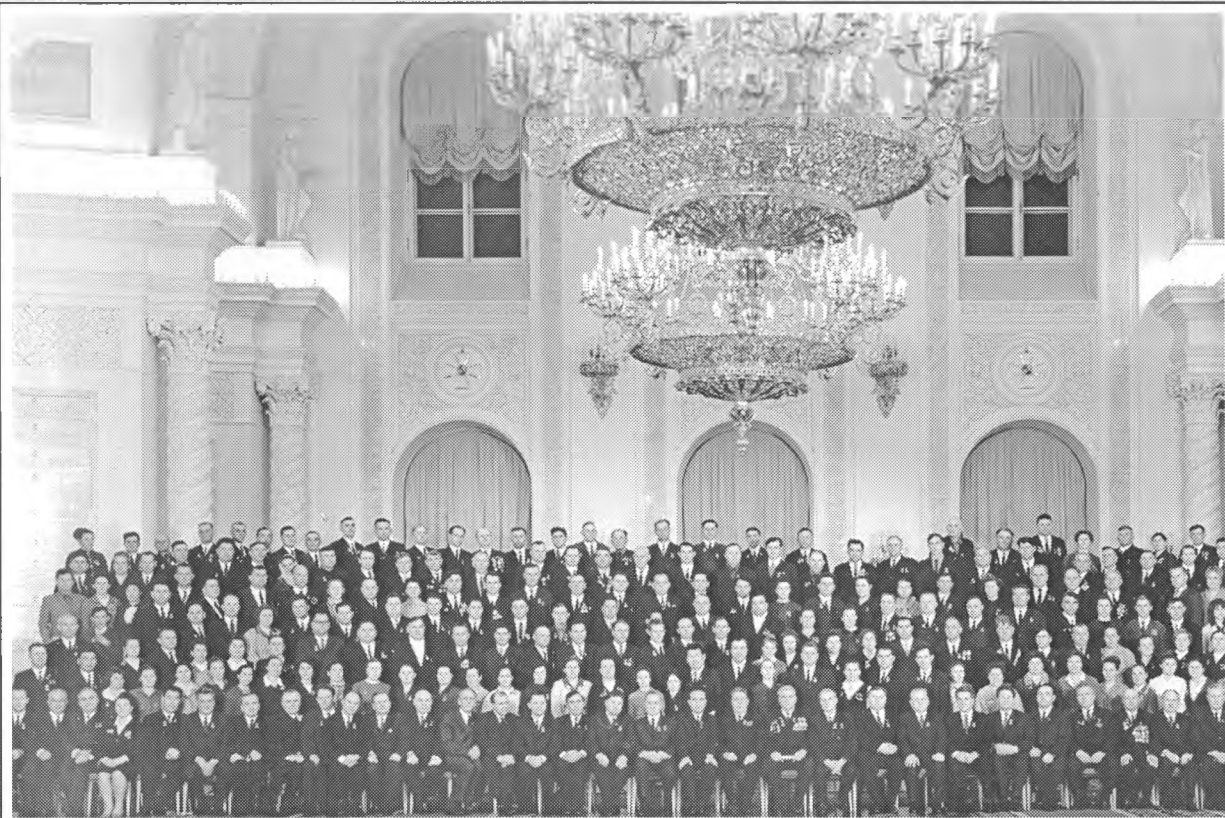
1968 год, открытие первой канатной дороги в Домбае

*Период завершения строительства Урупского горнообогатительного комбината.
В центре министр цветной металлургии П. Ломако и М. И. Боташев*

Первый секретарь крайкома КПСС Мураховский В. С., председатель крайисполкома Таранов И. Т. и Боташев М. А. на Всероссийском семинаре по улучшению горных сенокосов и пастбищ в Хабезском районе

Москва. Кремль

*г. Черкесск, 9 мая 1968 г.
Руководители области перед маршем к Вечному огню*

Москва, Кремль. Сессия Верховного Совета РСФСР

На цементном заводе в Усть-Джегуте

Москва, Кремль.

*Муху, 9 мая 1965 г.
Земляки с генералом С. К. Магометовым*

Возложение венков к братской могиле музея-памятника защитникам перевалов Северного Кавказа

Урочище Бийчесын, справа налево И. Таранов, У. Темиров, М. Боташев, В. Мураховский

*М. А. Боташев на сессии Верховного Совета РСФСР в Кремле.
В военной форме летчик-космонавт А. Николаев. 1972 год*

1973 год. Неожиданная встреча. М. Боташев и его однокурсник по институту Рустам Валеев (5-й слева) в Тебердинском ущелье среди солистов ансамбля

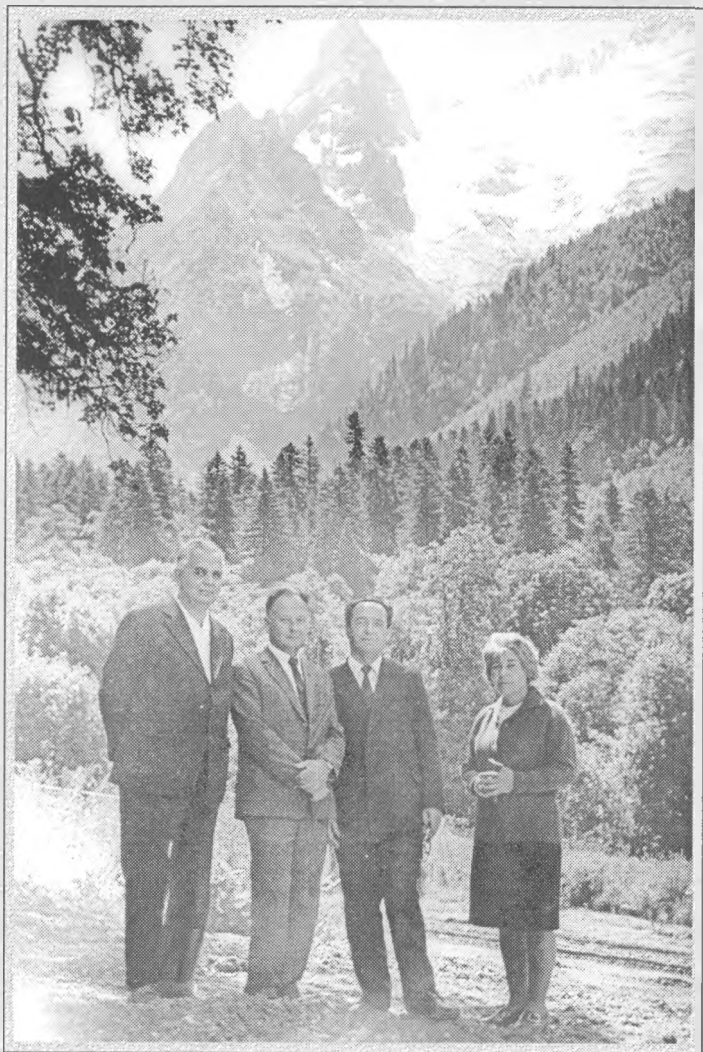
Черкесск, 1975 г. М. А. Боташев на субботнике

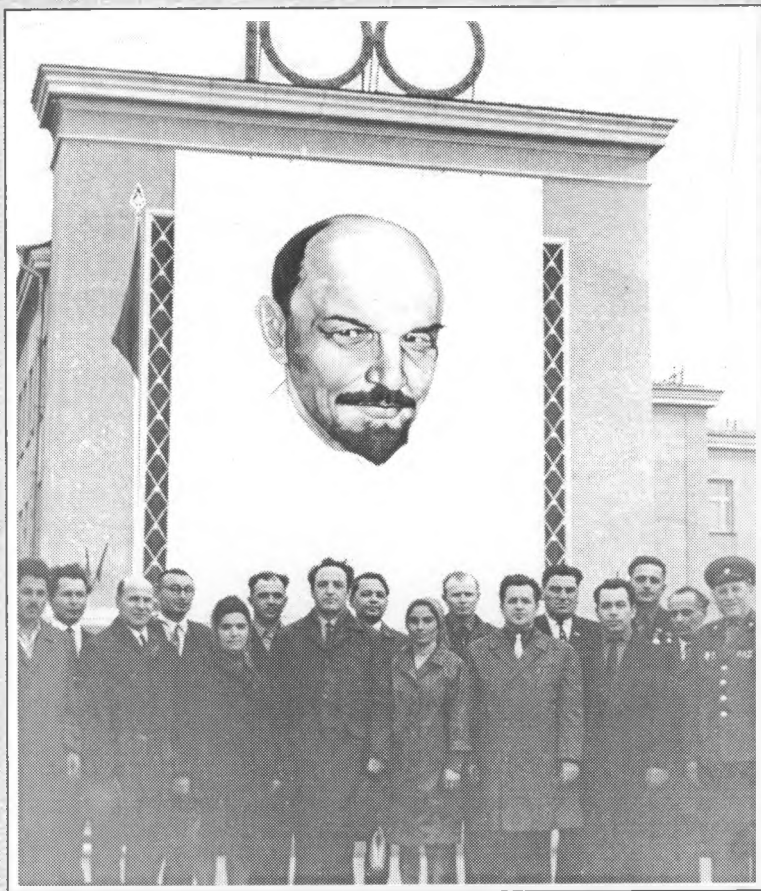
*Черкесск. М. А. Боташев открывает
международный конкурс стригалей*

Пятигорск, 1975 год. М. А. Боташев на телестудии

*Министр просвещения СССР Прокофьев М. А.,
министр просвещения РСФСР Даников А. И.,
председатель облисполкома Боташев М. А.
Июль 1974 года*

Черкесск. У Дома Советов

Ташкент. 20 лет после окончания ТашиИТ. Встреча однокурсников

Двадцать лет спустя Магомет в г. Ташкенте. В институте, который он окончил. С бывшими однокурсниками. 1972 год, 7 мая. Третий справа – А. Кизнер, близкий друг М. Боташева

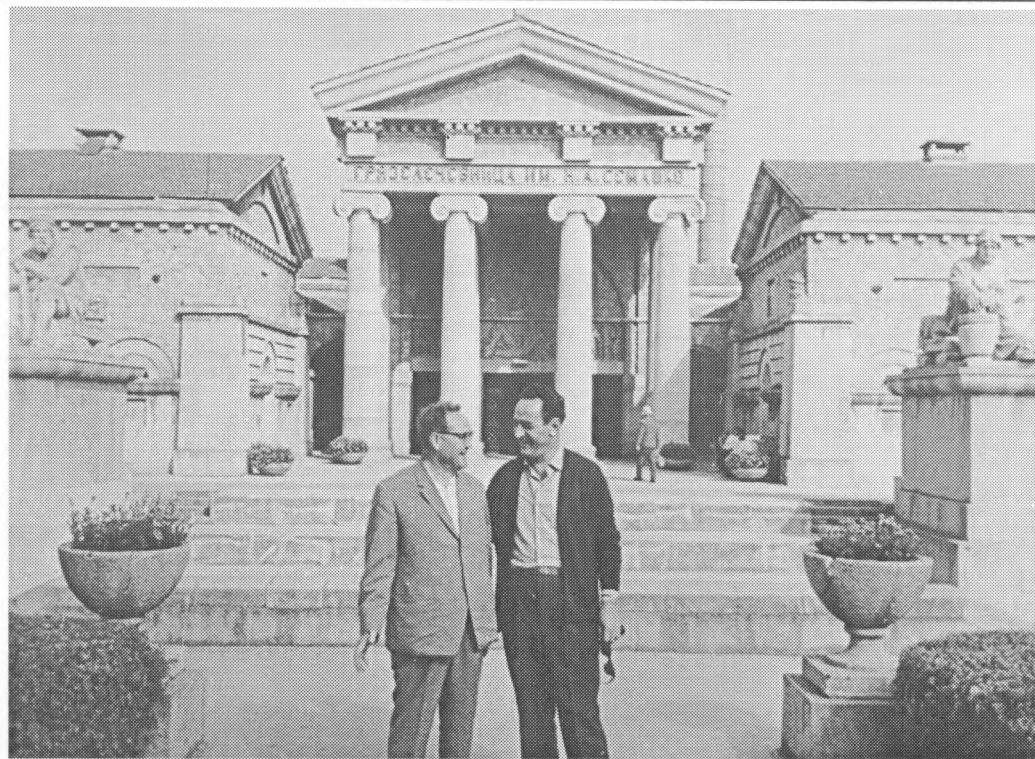

Ташкент, 1972 г. М. А. Боташев беседует со своим бывшим преподавателем в институте

В национальной школе-интернате

Магомет с министром строительства Якубовским на отдыхе в Ессентуках

*Всероссийское совещание председателей исполкомов сельских
и поселковых Советов депутатов трудящихся.
Москва, Кремль, 24–26 ноября 1970 г.
В центре сидят Босенко, Боташев*

*Третий всесоюзный съезд колхозников.
Москва, Кремль, 25-27 ноября 1969 года*

*11-я сессия Верховного Совета РСФСР 9-го созыва.
Москва, Кремль, декабрь 1979 года.
Комиссия по промышленности.*

были бесправны, они не могли самостоятельно решать ни один мало-мальски крупный вопрос. Они были техническими исполнителями воли всемогущего Госплана. Без разрешения плановых органов не могло быть речи о таких вещах, как: о снятии или сокращении производства изделий, не имеющих спроса и накапливающихся огромными массами на заводских складах готовой продукции, о закрытии убыточных производств, об организации новых высокорентабельных цехов и т. д., о самостоятельном установлении выгодных для предприятия производственных связей, о дополнительном (помимо установленных сверху) материальном поощрении отличившихся работников. И многое другое.

Предложенная А. Н. Косыгиным хозяйственная реформа предусматривала:

- расширение самостоятельности предприятий в планировании объемов и видов производимой продукции исходя из реальных возможностей, потребности, рентабельности (предполагалось планирование снизу),

- рассматривать прибыль и рентабельность как важнейший показатель эффективности производства, имея ввиду, что прибыль – основной источник фондов самого предприятия и важнейший источник доходов государственного бюджета,

- реформа предусматривала создание на каждом предприятии, переведенном на новую систему, систему за счет отчислений от прибыли фонда развития, фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства, фонда материального поощрения отличившихся работников,

- увеличение прибыли предприятия достигается путем повышения эффективности производства, снижения себестоимости продукции, роста производительности труда, а не за счет необоснованного роста цен,

- образование предприятием, объединением путем отчисления средств из прибыли собственных фондов: развития производства, социально-культурных мероприятий и жилищного строительства, материального поощрения.

В 1970 году предприятия, переведенные на новую систему, отчислили в свои фонды девять миллиардов рублей, из них четыре миллиарда в фонд материального поощрения. За счет этого фонда предприятия начали платить по итогам года так называемую тринадцатую зарплату.

Выше я говорил о том, что предприятия без согласия Госплана не могли решать крупные вопросы. Были лишены такого

права даже союзные министерства. Порою и им приходилось придумывать пути для обхода Госплана. В этом отношении характерна история создания в КЧР ряда заводов электронной промышленности. Первоначально министерство как бы организовало производство в помещениях, предоставленных местными властями, без затрат государственных капитальных вложений. Так, в Учкекене для будущего завода «Микрокомпанент» нами было предоставлено недостроенное здание гаража сельхозмашин, для Карачаевского конденсаторного завода – здание бывшей областной типографии, для завода «Каскад» в городе Черкесске – здание птицефабрики колхоза «Родина» и т. д.

Первый заместитель министра электронной промышленности К. И. Михайлов нам говорил: «Вы дайте мне пуговицу, я к ней пришью пальто». Так и получилось. В результате совместной работы мы получили современные заводы в Учкекене, Черкесске, Карачаевске, Хабезе, Зеленчуке.

На пленуме ЦК КПСС косыгинская концепция реформирования получила всеобщее одобрение и поддержку. И... осталась нереализованной. Скорее всего по одной причине – инициатива исходила не от Политбюро ЦК КПСС, а являлась по сути уникальным результатом титанических усилий и поисков аппарата Совета Министров, и в первую очередь его председателя – Алексея Николаевича Косыгина.

Косыгин достойно прошел свой нелегкий путь, не запятнав себя ни в чем. А ведь он работал на ответственных государственных постах при многих руководителях страны – Сталине, Хрущеве, Брежневе.

Кстати, о последнем. Герой бесчисленного количества анекдотов (Алексей Николаевич этой «честь» ни при жизни, ни после смерти удостоен не был, что также является показателем безупречного авторитета), знаменитый орденоносец, писатель, был далеко не таким простым и добродушным, каким он хотел казаться всему миру. Из заслуживающих доверия источников мне доподлинно известно, как, мягко говоря, некрасиво обошелся Брежнев с А. Н. Косыгиным.

Навестив тяжело больного, недавно ушедшего в отставку Алексея Николаевича, Генеральный секретарь ЦК КПСС как бы между прочим спросил его, скоро ли он освободит занимаемую им государственную дачу для нового премьер-министра. Кто-кто, а Косыгин не заслуживал ни этих обжигающих душу слов, ни такого равнодушного отношения к себе, уже находясь на пенсии и практически сойдя с поли-

тической арены. Ничто не бралось в счет – ни его заслуги, ни тот неоценимый вклад в экономику, который не могли не признать даже за рубежом. Его даже не похоронили, как других, у кремлевской стены. Больно было за скромного, невероятно порядочного, трудолюбивого и беспрдельно любившего свою страну Алексея Николаевича Косыгина...»

Последние слова Магомет Абдурзакович произносит с такой горечью и обидой, как будто речь идет о самом для него близком, родном человеке.

«Жизнь Алексея Николаевича в полной мере может не только служить примером для нынешних и грядущих поколений, но и достойна пера талантливого, честного, не ангажированного писателя. О нем надо рассказывать с чистыми помыслами, объективно, проникнувшись добрыми чувствами к человеку, оставившему свой заметный след на земле, в памяти и истории народов своей страны», – говорит Боташев.

И еще об одном эпизоде в жизни Магомета Абдурзаковича, связанном с Алексеем Николаевичем Косыгиным.

Однажды за завтраком Азрет Шаманов сказал: «Сегодня в область приезжает Алексей Николаевич Косыгин с Президентом Финляндии Урхо Кекконеном.

Возясь у плиты, я подумала: «Надо же, какие большие люди к нам едут. У нас им понравится...»

Ход моих мыслей прервали слова-рассуждения Азрета о Магомете. В них сквозила теплота и глубокое уважение к председателю облисполкома, к мудрому руководителю и человеку: «Знаешь, я, пожалуй, редко встречал таких корректных людей, как Магомет Абдурзакович. Удивительно сдержанный. Порой так складывается ситуация, что взрыв с его стороны неминуем. Ан нет! Он моментально концентрирует свои мысли, силы. Выдает только подергивание фронтового шрама на лице. Сдержанность его зачастую бывает фантастической. Ни криком, ни грубым словом, сказанным в ярости, никогда не обидит человека. Мне как заместителю работать с ним – одно удовольствие!»

...Алексей Николаевич Косыгин не скрывал своей привязанности к Карачаево-Черкесии, ее красотам. При каждой встрече с Магометом Абдурзаковичем в Москве он живо интересовался событиями в области, успехами, проблемами.

И вот теперь Магомету Абдурзаковичу предстояло встретиться на должном уровне не только А. Н. Косыгина, но и Президента Финляндии Урхо Кекконена.

«В это время А. Н. Косыгин отдыхал в Железноводске. Кекконен из Хельсинки прилетел прямо в Минводы. Косыгин пригласил Кекконена совершить пеший переход через Главный Кавказский хребет по Клухорскому перевалу. По просьбе Косыгина для путешественников был устроен палаточный лагерь у впадения в реку Гоначхир его левого притока Бууелген (не доезжая Северного приюта). Это был период подготовки Хельсинкской встречи глав европейских стран и США, на которой были подписаны знаменитые Хельсинкские соглашения, сыгравшие заметную роль в смягчении напряженности между Западом и Востоком. Кстати, благодаря усилиям А. Н. Косыгина Президент Финляндии У. Кекконен выступил инициатором и организатором этой исторической встречи...

По рекомендации врачей, перед пешим переходом через хребет необходимо было в лагере прожить несколько дней. В лагерь прибыли к вечеру. После ужина Алексей Николаевич долго сидел с нами у костра. Эта непринужденная беседа навсегда останется в памяти. Он подробно расспрашивал нас о положении в Карачаево-Черкесии, о народах, населяющих область, о промышленности, положении дел в сельском хозяйстве, о сырьевых ресурсах, успехах и недостатках. Рассказывая о промышленности, я упомянул об Урупском ГОКе. Тут же Алексей Николаевич засыпал вопросами, какие полезные ископаемые, кроме меди, содержит руда, что удастся извлечь и т. д.

А когда получил исчерпывающие ответы, то спросил, какие полезные ископаемые остаются неизвлеченными и надежно ли хранятся хвосты обогатительной фабрики с пока неизвлеченными ценными элементами?

Алексей Николаевич так же глубоко интересовался другими вопросами, возникавшими в ходе беседы. Он стремился уяснить себе все детали обсуждаемой темы. После этого сам рассказывал, где и как решается тот или иной вопрос в нашей стране и за рубежом. С большой гордостью рассказал о своем посещении известного всему миру Норильского комбината. Между прочим, я впервые узнал от Алексея Николаевича о том, что по прогнозу советских ученых в Канаде, на ширине Норильска, открыли крупное никелевое месторождение.

Манера ведения беседы, поддержание разговора Алексея Николаевича произвели на меня неизгладимое впечатление.

Потом я старался использовать его стиль в своей работе, в общении с людьми.

...На второй день пребывания гостей в Домбае перед обедом Алексей Николаевич и Кекконен стояли у бурно текущей Бууелген и о чем-то беседовали. Я подошел к ним, чтобы пригласить к столу. Алексей Николаевич указал на фляги, которые стояли в ледниковой воде, и поинтересовался: «Вот мы с президентом смотрим на эти фляги и гадаем – что в них?»

Я ответил: «Наверняка в них айран. В холодной ледниковой воде он не начнет бродить. Сохранит свои первозданные вкусовые качества».

И тут же Кекконен спросил: «А что такое айран?» – «О, это богатырский напиток, – с чувством особой гордости произнес я. – А, впрочем за обедом сами оцените».

Кекконену действительно айран очень понравился и после обеда он попросил описать технологию его приготовления. Я заметил нашему гостю, что технология весьма проста, однако для приготовления настоящего айрана необходима специальная закваска из самого же айрана: «Мы это все вам организуем».

Стоявший рядом Алексей Николаевич пошутил: «Магомет Абдурзакович, ты даром не отдавай новую для финнов технологию. Пусть они отчисляют тебе деньги от каждой пинты производимого айрана. Капиталисты ведь богатые. А тебе валюта не будет лишней».

Таким образом в далекую Финляндию попал рецепт древнего карачаевского кисломолочного напитка. В благодарность Урхо Кекконен вскоре прислал мне серебряные запонки, к которым были прикреплены золотые пластинки в виде зубрин горного хребта с указанием названия и даты перехода одного из перевалов Кавказского хребта.

...Вместе с Алексеем Николаевичем приехал и его племянник.

Вечером, когда у костра нас угощали шашлыком, племянник премьер-министра, обратившись к Косыгину, спросил, понравился ли ему шашлык? Алексей Николаевич утвердительно кивнул головой. И тут его племянник заметил как бы между прочим, что это мясо карачаевской барашки, и что эту породу овец уже давно разводят под Парижем, а в ресторанах Франции шашлыки из мяса карачаевской барашки являются исключительно деликатесным блюдом. И с горечью в голосе добавил, что в СССР этой породы скоро уже не будет.

Алексей Николаевич удивленно поднял брови и спросил: «Что значит не будет?»

Племянник пояснил: «Разводить эту породу овец оказывается невыгодно».

Когда он отошел от нашего костра и мы с Косыгиным остались одни, он спросил: «Не понимаю, если в Париже смогли оценить эту породу овец и занимаются ее разведением, то почему у нас вдруг стало это невыгодным?». Я ответил, что карачаевские овцы дают не так много мяса. К тому же и шерсть у них грубая. При этом не берется в счет, что настоящие горские бурки валяют преимущественно из шерсти именно этой породы овец. А мясо по своим вкусовым качествам не имеет аналога в мире. К сожалению, заготовительные цены и на шерсть, и на мясо неоправданно низки. Это обстоятельство и не дает возможности увеличивать поголовье карачаевской породы овец. Как я и предполагал, ночной разговор у костра с Алексеем Николаевичем Косыгиным не остался бесследным. Вскоре закупочные цены на мясо карачаевской овцы и ее шерсть были подняты. В свою очередь эти меры значительно сказались на увеличении поголовья овец и рентабельности хозяйств, занимавшихся их выращиванием. Только один пример. В 1990 году в специализированном хозяйстве совхозе «Хасаут» было более 20 тысяч голов этой уникальной породы овец.

...Между отдыхом среди заснеженных кавказских исполинов Кекконен и Косыгин время от времени уединялись, продолжая вести серьезные переговоры по проблемам укрепления государственных и экономических связей между двумя странами-соседями, не упуская при этом вопросы международной обстановки в мире».

Наблюдательный Магомет Абдурзакович не мог не заметить, с каким теплом и глубоким уважением два государственных лидера относились друг к другу. Они, по всей видимости, поддерживали добрые человеческие отношения и хорошо понимали друг друга. Иначе бы, полагает Боташев, не позволяли бы себе подшучивать в его присутствии друг над другом. Гости не уставали любоваться первозданной красотой Домбая.

И повсюду их сопровождал Магомет Абдурзакович, занимая гостей интересными фактами из истории области, народов, здесь проживающих, поэтически передавал бытующие легенды о возникновении гор, отдельных вершин, хо-

лодно поблескивающих вдаль снежными шапками и неумолимо манящих к себе.

Визит больших гостей подходил к концу. По законам гор впереди их ждал почетный подарок – кавказские бурки и барашковые шапки-кубанки. Председатель облисполкома очень хотел, чтобы У. Кекконен и А. Косыгин ощутили на собственном примере известное на весь мир кавказское гостеприимство, доброту, внимание гордых жителей гор, сердца которых открыты всем, кто приходит к ним с миром, желанием поделить радость, протянуть руку дружбы.

«В ходе этой памятной встречи, – рассказывал мне потом находившийся с ними в Домбае заместитель председателя облисполкома Азрет Шахым-Гериевич Шаманов, – я еще раз убедился, с каким глубоким уважением относится А. Н. Косыгин к М. А. Боташеву, ценит его как достойного руководителя области. И сколь высок авторитет нашего председателя облисполкома в Москве, в центре. А это очень много значит».

НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ СУДЬБЫ

Ни один человек, будь он даже провидцем и гением, не знает, что его может ждать завтра. Воистину: пути Господни неисповедимы.

Но когда однажды Магомета Абдурзаковича неожиданно вызвали в Ставропольский крайком партии, он не сомневался – разговор предстоит трудный и с далеко идущими последствиями. Вызвал первый секретарь крайкома В. С. Мураховский.

Едва войдя в кабинет, Магомет Абдурзакович почувствовал сразу напряжение в его голосе и некоторую скованность. Мураховский хорошо относился к Боташеву, ценил его организаторские способности, умение сплотить вокруг себя умных, инициативных, хорошо разбирающихся в своем деле людей.

– Магомет Абдурзакович, – начал он без всякого, обычного в таких случаях, вступления. – На посту председателя облисполкома вы проработали уже 14 лет. Несомненно, для родной Карачаево-Черкесии сделали больше, чем даже могли. Откровенно скажу: работать с вами было одно удовольствие.

«Почему было» – вдруг больно кольнуло в сознании Боташева. – Что, собственно, случилось? Отчего Мураховский использует прошедшее время. Выходит, я их уже не устраиваю?»

Ему вдруг показалось, что на какой-то миг слух стал подводить его. Мураховский тем временем продолжал сыпать комплиментами. И тут Магомет, успев выйти из оцепенения, услышал:

– Одним словом, Магомет Абдурзакович, мы решили предложить вам работу за границей.

Окончательно придя в себя, Боташев пристально посмотрел на сидящего напротив него первого секретаря крайкома. А тот, словно не заметив замешательства председателя Карачаево-Черкесского облисполкома, продолжал:

– В Польше создается торговое представительство. В Москве и у нас, руководства края, есть мнение направить вас туда в должности первого заместителя председателя этого ведомства.

Наступила пауза. Конечно, предложение заманчивое. В те времена особо и не интересовались мнением при назначении на какой-либо высокий пост. А он то думал, когда вчера позвонили из Ставрополя и сообщили, что приглашает первый, что разговор пойдет о проблемах Карачаево-Черкесии. А их, как всегда, было немало. Однако как бы там ни было, вопрос уже решен. Спорить и доказывать что-либо бесполезно. И тут же пронеслись в голове мрачные мысли: «Кого-то я не устраиваю, кому-то я мешаю, кто-то просто хочет красиво от меня избавиться. Кто?»

Впрочем, что собственно случилось! О готовности оставить свой пост я заявил еще при Горбачеве, когда на одном из заседаний бюро крайкома КПСС резкой необоснованной критике подверглась работа Карачаево-Черкесского облисполкома и его председателя.

Члены бюро прямо таки негодовали, что у нас люди стремятся жить лучше: строят добротные дома, повсеместно занимаются производством шерстяных изделий, разводят скот. Кое-кто это воспринимает как первые проявления возрождения кулачества. И в этом обвиняли в первую очередь облисполком.

«Работа ждет вас очень ответственная. Представлять страну за рубежом доверяют не каждому, поверьте мне. Вас уже ждут в Москве», – попытался поставить точку в разговоре Мураховский.

– Боюсь, что моя супруга откажется покинуть родные места и отправиться со мной в Польшу, – высказал сомнение Магомет.

– Понимаю, не легко, – тяжело вздохнул В. С. Мураховский – но она, насколько я знаю, женщина мудрая. Не сомневаюсь, она хорошо все обдумает и примет единственное правильное решение, – твердым, не терпящим возражения голосом, сказал Мураховский.

В просторном кабинете стало душно. Магомет понял, что разговор окончен и принятое решение, как говорится, обжалованию не подлежит. Ему захотелось как можно быстрее выйти отсюда на свежий воздух и никого не видеть, ничего не слышать.

Однако неожиданностью для Магомета стала не столько отставка, сколько сделанное предложение выехать на работу за границу и заниматься почти неизвестными ему вопросами организации внешней торговли.

С тяжелым сердцем он возвращался домой. Сидя в машине вновь и вновь прокручивал в голове состоявшийся разговор «Неужели все? Думал ли, что сегодня я в последний раз поеду в Ставрополь в качестве председателя облисполкома. А ведь сколько было задумок, сколько планов так и останется нереализованными. Трудно поверить, что завтра уже будут другие заботы. Вдали от родины, где, если даже и трудно, помогают стены дома, скалы, горы, долины, встающие перед глазами лица земляков». Все окружающее его казалось теперь таким незначительным, серым и мрачным. Он не мог поверить, что через день-другой оборвутся невидимые нити с землей отцов, что там, в незнакомой ему Польше, придется жить и работать, возможно, не один год. А что здесь? ...Здесь останутся родные, друзья, коллеги, простые люди, приходившие к нему за помощью и всегда знавшие, что он, Магомет, не откажет ни в чем. Но больше всего его тревожила другая мысль: как рассказать обо всем случившемся Тамаре, жене, другу, столько лет делившей с ним все тяготы нелегкой председательской жизни.

Он не сомневался, новость для нее будет более чем неприятной.

Но для себя Магомет изначально решил: если Тамара не согласится, в Польшу он не поедет. Хотя ясно представлял себе, что такой поворот может обернуться для него массой неприятностей.

Когда, наконец, машина подъехала к дому, Магомет вышел и усталой походкой пошел к калитке. Он не торопился. Он еще не нашел тех слов, которые скажет Тамаре. Он еще не знает, как будет смотреть ей в глаза. Он еще не может представить, как отреагирует она на столь неожиданный поворот в его, а значит и в ее судьбе.

— Магомет, — услышал он голос жены и словно очнулся, — по шагам поняла, что ты поднимаешься по ступенькам. Выросшая перед ним на пороге Тамара как всегда мягко улыбнулась и не скрывала своей радости по поводу его возвращения.

— Да, вот приехал, — Магомет, сняв пальто, передал его в руки Тамары. — Что-то я сегодня устал. А Мурат дома?

— Дома, дома. Мы тебя уже ждем не дождемся.

Магомету стало легко и как-то уютно на душе. Вот она, настоящая радость в жизни. Ты уезжаешь, но знаешь, что тебя ждут. За тебя волнуются. О тебе тревожатся.

– Вы у меня молодцы, – неожиданно вырвалось у него. – А ты особенно. Всю жизнь то провожаешь, то встречаешь. Уж что-что, а ждать ты научилась, не правда ли?

И тут Магомет, возможно впервые за этот день улыбнулся:

– А еще завидуют женам руководителей. Знали бы они, что им стоит нести на себе это бремя.

– Ты что, Магомет? – уже хозяйничая на кухне и накрывая на стол засмеялась Тамара. – Я не успела тебя еще покормить, а ты уже похвалу раздаешь.

– Ничего, я знаю, что говорю, – умывшись с дороги, Магомет сидел в ожидании ужина. – Вы мой крепкий тыл: нигде мне так хорошо не бывает, как дома. Не могу представить, чтобы я делал без вас!..

– Постой, Магомет, – Тамара отошла от плиты и внимательно посмотрела на мужа. – Вижу, тебе сегодня плохо.

Магомет опустил глаза и замолчал.

– Не расстраивайся, я все знаю. Все.

Магомет не поверил услышанному.

– Да, я знаю, что предложил тебе Мураховский.

– Откуда тебе известно? – с любопытством Магомет посмотрел на раскрасневшуюся Тамару.

– Недавно Мураховский сам позвонил мне. И все рассказал.

– Надо же, успел...

Словно не слыша мужа, Тамара, ставя на стол тарелки, пыталась как могла успокоить его,

– Знаешь, решать, конечно, тебе. А мне лично идея эта очень понравилась.

– Вот как, – удивился Магомет. – А мне почему-то казалось...

Тамара видела, как начинал оттаивать Магомет от сковавших его мрачных мыслей и решила броситься, что называется, в наступление.

– Напрасно ты сомневался, что я не пойму тебя, не последую за тобой. Если нужно будет, поеду и на край земли. Ты не напрашивался, тебе предложили. Считаю, что это ответственное задание страны, партии. Какой может быть разговор.

– М-да! А я то думал, как скажу тебе, как буду объяснять ситуацию. И даже Мураховскому высказал свои сомнения насчет возможности твоего выезда за границу.

Магомет все не мог поверить, что Тамара оказалась осведомленной не меньше, чем он.

— Вот и хорошо, — пододвигая наполненные тарелки к мужу, сказала Тамара. — Я нисколько не сомневалась, что ты не станешь унижаться, просить оставить на прежней работе. Ничего, Польша, так Польша. Одного я тебя все равно не отпущу. Поедем вместе. Значит, так суждено нам.

— Но, — вдруг спохватился Магомет, — а как же дети?

Зухра ведь только-только закончила институт. Рамазан еще учится, а Мурат? Как они без нас, и мы без них? Тревога и беспокойство за детей не на шутку охватили его. Впору бы и растеряться. Но он услышал уверенный и даже твердый голос жены.

— Ничего, все уладим, не расстраивайся!

И еще долго, после ужина, сидя перед телевизором, чета Боташевых говорила и размышляла о том, что и как надо сделать. Впереди их ждал долгий путь. Незвестная страна. Незнакомые люди. Работа, о которой Магомет пока не имел никакого представления. Но трагедии из всего этого они не делали. Не суетились, понимая, что от судьбы не уйти.

Итак, решение было принято. Отступать уже некуда. Магомета пригласили в Москву на месячную стажировку в министерство внешней торговли. На встрече с министром Н. С. Патоличевым Боташев признался, что никогда не занимался торговлей.

— Это поправимо, — успокоил его Патоличев. — Вы не поверите, но я тоже когда-то был в вашем положении. — И рассказал Магомету историю своего назначения министром внешней торговли СССР.

— А было так, — Патоличев усадил Магомета на рядом стоявший резной стул за большой, внушительного вида стол.

— Я работал заместителем министра иностранных дел СССР. Когда я сопровождал Никиту Сергеевича Хрущева в Варшаву, он для меня сказал неожиданно: «А вы знаете, мы хотим перевести вас на работу во Внешторг».

— Куда? — не поверил своим ушам. — Но я никогда не работал в этой сфере. Да и потом...

Хрущев, прищурив свои глаза, загадочно улыбнулся и, не дав мне закончить, подытожил: «Министром. Вот так!» Сперва принял его слова за шутку. И потому решил с юмором ответить: «Ну, если министром, то кто же против?!»

Разговор перешел на другую тему. Визит в Польшу удачно прошел и завершился. Я вернулся в Москву. И вдруг, уже через несколько дней, выходит Указ о назначении меня министром внешней торговли СССР. Вот вам и шутка!

Так что вы, Магомет Абдурзакович, не первый и, думаю, не последний, кто по тем или иным обстоятельствам оказался в нашем министерстве. Ничего, свыкнетесь.

Беседа с министром затянулась. А прощаясь, он сказал: «Хочу пожелать вам только удачи и успехов! Возникнут вопросы — звоните и заходите».

В течение месячной стажировки у Магомета Боташева не было минуты свободного времени. Дни в минвнешторге были заполнены знакомством с документами и нормативными актами, изучением вопросов внешней торговли, в частности, с Польшей, беседами, специальными занятиями.

«Готовясь к ответственной работе за границей, я досконально изучил структуру товарооборота между странами. Много и подолгу беседовал с теми, кто работал в Польше и с Польшей. Читал много литературы о перипетиях русско-польских и советско-польских отношений, истории этой страны. Неоценимую помощь в этом мне оказала книга «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» под общей редакцией вице-председателя императорского русского географического общества П. П. Семенова. Четвертый том этого издания с подзаголовком «Царство Польское» вышел в свет в 1896 году. Этот капитальный труд, написанный в виде очерков, содержит подробнейшие сведения об истории, этнографии, экономике, законодательстве и управлении, литературе, музыке и искусстве польского народа. Кстати, эту уникальную книгу, узнав о моей предстоящей работе в Польше, подарил Магомет Туганович Дудов, брат Тамары. Среди близких и друзей его знали как Юра. Он был на редкость не только интересным и умным собеседником, но и человеком высокой чести, достоинства. Чуткий, готовый в любую минуту прийти на помощь любому нуждающемуся в ней. Несмотря на то, что Магомет Туганович был врачом по специальности, он серьезно интересовался и хорошо знал историю, литературу, искусство родного народа. Скрупулезно занимался сбором богатого фольклора. К сожалению, он рано ушел из жизни».

В то же время в МИД проходил стажировку бывший первый заместитель председателя Совета Министров РСФСР

В. И. Воротников, с которым Магомета Абдурзаковича связывали долгие годы знакомства. Воспоминания о нем Боташева полны искренности и теплоты.

«В период стажировки я с ним встречался часто в здании МИДа СССР на Смоленской площади (тогда МИД и МВТ находились в одном высотном здании).

Виталий Иванович был назначен послом СССР на Кубе и готовился к отъезду на остров Свободы.

Это был умнейший, широко эрудированный, высококультурный человек с огромным опытом государственной и партийной работы. В разное время Виталий Иванович Воротников возглавлял Куйбышевский облисполком, Воронежскую областную организацию КПСС, являлся первым заместителем председателя Совета Министров России. В период работы Воротникова на последней должности я встречался с ним довольно часто. И всегда получал у него поддержку и понимание в решении экономических вопросов Карачаево-Черкесии. Именно при непосредственной поддержке В. И. Воротникова были подготовлены и приняты постановления правительства по улучшению лугов и пастбищ и берегоукрепительных работ, что для Карачаево-Черкесии во все времена имело первостепенное значение.

Виталий Иванович пользовался огромным авторитетом у руководителей республик, краев и областей России. Поэтому освобождение Воротникова от занимаемой должности первого заместителя председателя правительства России и назначение его послом на Кубу было расценено руководителями регионов не иначе, как «почетной ссылкой». При этом никто не сомневался, что это дело рук члена брежневского политбюро, председателя Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцева. Не имея в России столь большой популярности, как у Воротникова, Соломенцев не мог смириться с тем, что его заместитель в силу своей высокой компетентности и умения работать с регионами прослыл умным, образованным и порядочным руководителем высокого уровня. Казалось, на карьере этого замечательного человека навсегда был поставлен крест. Но, как говорится, правда и справедливость, словно луч света, упорно пробиваются сквозь мрак туннеля. Возвратившись из Кубы, В. И. Воротников становится сначала первым секретарем Краснодарского крайкома КПСС, а с 1973 года возглавил правительство Российской Федерации. Сегодня Виталий Иванович – председатель Совета Ветеранов России.

И вот настал день отъезда в Польшу. Волнующим был тот момент. На вокзал пришли их провожать многие бывшие сослуживцы, друзья, товарищи. Последние рукопожатия, добрые слова напутствия. Поезд трогается. На перроне остаются милые сердцу люди. Магомет и Тамара, как и всегда, переворачивали новую страницу своей жизни.

...В который раз, ведя неторопливую беседу с Магометом Абдурзаковичем, удивляюсь его феноменальной памяти. Надо же, сколько лет прошло, а он по-прежнему многие события и встречи может восстановить по малозначащим деталям, фактам, на ходу брошенной фразой... Вот уж действительно поколение стойких и одержимых!

О своей работе в Польше он может вспоминать часами. Слушая его, я вновь и вновь ощущаю огромное чувство гордости, что мой земляк достойно представлял карачаевский и все народы Карачаево-Черкесии в братской, как мы тогда говорили, социалистической Польше.

«В Варшаве нас встретил сам посол Советского Союза Аристов вместе с сотрудниками торгового представительства. Встреча была настолько теплой и сердечной, что мы сразу почувствовали себя как дома. Ведь рядом наши, советские люди. Их открытые лица, улыбки, идущие из сердца слова успокоили нас. Особенно Тамару.

Тем не менее времени на раскачку, знакомство, узнавание не было. Уже на второй день начались нелегкие рабочие будни».

Еще в Москве Магомету четко объяснили, чем он должен заниматься как первый заместитель руководителя советского торгпредства. Поставлены были и соответствующие задачи.

«Все транспортные министерства нашей страны – путей сообщения, автомобильного транспорта, морфлот и аэропорт – имели в Польше свои представительства с небольшими штатами. Поскольку через территорию ПНР из нашей страны в Западную Европу проходили мощные нефтепроводы, газовые магистрали, в Варшаве находились работники всесоюзных объединений МВТ – «Нефтеэкспорт» и «Газоэкспорт».

Первоначально мне было поручено курировать эти подразделения, обеспечивать их согласованную работу, а также бесперебойное движение экспортных и импортных товаров. Работа эта мне была знакома, ведь я по своей основной специальности инженер путей сообщения. Поэтому легко

нашел общий язык как с нашими транспортными министерствами, так и с польскими. Добрые отношения и взаимопонимание сложились у меня с министром польских государственных железных дорог, польскими портовиками, автомобилями, руководством польского министерства внешней торговли, экспортно-импортных организаций страны. Деловые связи были налажены также с руководством металлургических комбинатов в Кракове, Катовицах, Варшаве, Ченстокове, предприятий по добыче природной серы в Тарнобжежском воеводстве, угольной шахты в Катовицах, машиностроительного завода в Варшаве...

У меня незаметно сложились хорошие, по-настоящему деловые отношения как со своими работниками, так и с поляками.

Как только вопросы транспортировки внешнеторговых грузов были налажены, я стал заниматься и торговыми операциями. Надо было добиться, чтобы ритмично и в установленные сроки в СССР из Польши доставлялись коксующий уголь, сера, инструментальная сталь, а обратно – железорудное сырье, лес, прокат черных металлов, нефть и нефтепродукты, природный газ. Кроме того, мне было поручено курировать строительство нового здания торгпредства СССР, советских технических центров – «Автоэкспорт», «Трактороэкспорт», многоквартирного жилого дома для сотрудников торгпредства. Приятно вспомнить, что в 1982 году новое здание торгпредства СССР по улице Бельведерской было признано лучшим зданием года в Варшаве».

Это были не совсем простые задачи, если еще учесть, что товарооборот по линии министерства внешней торговли исчислялся миллиардами рублей. В те далекие уже годы Советский Союз многое делал по оказанию помощи соседней стране в загрузке производственных мощностей польской промышленности, снабжению внутреннего рынка сырьем и товарами широкого потребления.

Кроме того, советская сторона взяла на себя обязательство по дополнительной поставке в Польшу значительного количества оборудования и материалов для предприятий химической, легкой, металлургической, деревообрабатывающей промышленности и так далее.

Надо отметить, что поставка в Польшу топлива, сырья и продовольственных товаров осуществлялась своевременно и ритмично.

И в этом, конечно же, была большая заслуга торгового представительства. На регулярно проводившихся аппаратных совещаниях Магомет Боташев не только докладывал о выполнении взятых обязательств, но честно и открыто говорил о недостатках, мешающих реализации межгосударственных договоров в области торговли.

С яркой силой в Польше раскрылись дипломатические способности Магомета Абдурзаковича, проявившиеся еще в годы работы на ответственных должностях дома, в Советском Союзе. Он, как никто другой, умел найти подход к любому собеседнику, партнеру, решая самые сложные вопросы. А их было немало. Но никогда он не позволял себе разговаривать на повышенных тонах, подчеркивать значимость своей должности, страны, которую он представляет. Умея создать особую атмосферу доброжелательности, взаимопонимания, терпимости, Боташев незаметно для собеседника решал главную задачу, стоящую перед ним в данном случае. И добивался своей цели.

Непростая ситуация сложилась в первом полугодии 1982 года, когда польская сторона поставила в СССР только 40% товаров от общего количества в рамках достигнутых договорных обязательств. Анализируя сложившееся положение, Магомет Абдурзакович на одном из совещаний говорил: «Мы вправе рассчитывать, что наши польские друзья сделают от них все зависящее, чтобы выполнить свои обязательства перед советской стороной. И своевременно поставят в СССР товары и оборудование, необходимые для народного хозяйства нашей страны. Не скрою: этот груз ждут предприятия СССР и советские люди».

Заявлено это было твердо, но без нажима.

И надо сказать, Боташев методично добивался, чтобы наши партнеры не нарушали в дальнейшем график поставок в СССР, в частности, угля и серы. Кстати, только за один 1982 год Польская республика поставила в нашу страну свыше 800 тысяч тонн серы, чего раньше никогда не наблюдалось.

Во многом достижению поставленных задач способствовали выработанный Боташевым особый стиль работы и отношение к самой постановке проблемы.

«Переговоры, — делится своим богатым опытом Магомет Абдурзакович, — являются основным методом решения любых вопросов между странами. Я всегда уважительно относился к своим партнерам на переговорах, терпеливо слушал их аргументы, при этом помня, что поляки — народ

гордый, чутко оберегающий честь и достоинство своей страны и своей личности.

Я не раз убеждался в правоте данной русским историком Костомаровым характеристики этому народу. Он, в частности, отмечал, что среди поляков много талантливых людей, что они великие патриоты и вместе с тем нетерпеливы и вспыльчивы. Эта характеристика, данная в конце 19 века, не претерпела никаких изменений и в конце 20 века. К сожалению, некоторые работники советского посольства и торгпредства не учитывали это в своей работе. Вели себя в Польше не как в суверенной стране, а как в одной из союзных республик СССР. Стремились навязать свой опыт, причем делали это весьма назидательным тоном. Подобным образом наносился определенный вред не только торгово-экономическим, но и политическим отношениям между двумя странами. Об этом я не однократно говорил на различных совещаниях и собраниях».

Магомет Абдурзакович не только вел переговоры, создавался, вел деловую переписку, но и непосредственно бывал на предприятиях-производителях. Встречался с их руководителями, подробно интересовался положением предприятий, предлагал свои варианты решения проблем, связанных напрямую с безупречным обеспечением всех пунктов торгового соглашения.

Особенно активизировалась работа с польскими коллегами после известного Майского (1982 г.) пленума ЦК КПСС, на котором была рассмотрена и принята Продовольственная программа СССР. Наша страна находилась тогда в весьма непростой ситуации. Ставилась задача максимально обеспечить население огромной страны в достаточном количестве продуктами питания.

Не последнее место в этой связи отводилось вопросам укрепления экономического сотрудничества с зарубежными странами, прежде всего социалистической ориентации.

12 августа 1982 года в Варшаве, в торговом представительстве ПНР состоялась большая встреча руководителей торгпредства СССР с представителями техцентра В/О «Тракторэкспорт», других польских фирм, специализирующихся на выпуске сельскохозяйственной техники.

Инициатором проведения этой встречи был Магомет Абдурзакович Боташев, исполнявший тогда обязанности председателя торгового представительства СССР в ПНР. С со-

ветской стороны на встрече присутствовало еще одиннадцать человек: Г. А. Мельников – заместитель торгового представителя, И. Н. Кузнецов – атташе посольства СССР в ПНР по вопросам сельского хозяйства, Р. М. Полис – заместитель министра машиностроения для животноводства и корموпроизводства СССР и другие. С польской стороны присутствовали представители министерства металлургии и машиностроения ПНР, министерства внешней торговли.

Магомет Абдурзакович подробно рассказал, что в СССР повсеместно проходят партийные собрания, на которых заинтересованно обсуждаются материалы прошедшего пленума ЦК КПСС, и вырабатываются меры по реализации принятых на пленуме решений. Впервые Центральный Комитет самое пристальное внимание уделил важному вопросу – как накормить страну, страну, богатую своими природными и климатическими ресурсами, людским потенциалом.

Подводя итоги состоявшейся в торгпредстве встречи, длившейся не один час, Боташев поставил перед польскими коллегами несколько важнейших задач, решение которых во многом могло бы обеспечить успешное выполнение продовольственной программы.

Обозначив главные ориентиры сотрудничества, Магомет Абдурзакович выразил уверенность, что польская сторона на условиях взаимовыгоды внесет значительный вклад в осуществление задач по поставкам в СССР машин, оборудования, запчастей для продовольственного комплекса СССР.

Это была вовсе не рутинная работа, а напряженная, часто не оставлявшая ни минуты отдыха и покоя. Дни были расписаны по минутам. Необходимо было успеть все. Магомет Абдурзакович прекрасно понимал, что от инициативы, предприимчивости, постоянного поиска партнеров зависело оснащение промышленности СССР современным оборудованием и обеспечение населения страны продуктами и товарами первой необходимости.

Сначала Магомета Абдурзаковича направляли на работу в Польшу сроком на 3 года. Но в торговом представительстве он проработал значительно больше – 8 лет. Причем в основном наш земляк исполнял обязанности председателя торгового представительства, то есть первого лица этого солидного ведомства внешторга СССР.

С добрыми чувствами вспоминает сегодня Магомет Абдурзакович одного из последних торговых представителей, с кем ему довелось работать – это Георгий Лебяжьев.

«Это был деятельный, опытный, активный, настоящий патриот Родины. До Польши он работал на Кубе, затем начальником «Станкоимпорта». В Польше находился недолго. Вскоре его вызвали в Москву. А через несколько дней министр внешней торговли СССР подписал распоряжение о возложении на меня обязанностей торгпреда. Я многому научился у Лебяжьего. К сожалению, после его отъезда в Москву, я с ним никогда больше не встречался».

За 8 лет работы за границей у Магомета Абдурзаковича было немало интересных, запоминающихся встреч с известными, если не сказать великими, людьми. Одна из них – встреча с легендарным летчиком-космонавтом, Героем Советского Союза Георгием Береговым.

«В те годы Береговой возглавлял общество советско-польской дружбы. Однажды меня пригласили на одно из заседаний. А затем, как это тогда было принято, состоялся банкет. За столом я оказался рядом с Береговым. Нас разделял поляк, сидевший между нами. В разгаре застолья я, уловив момент, обратился к Береговому: «У нас с вами есть общий знакомый». «Да?! – заинтересованно посмотрел на меня Береговой. – И кто же?» – «Солтан Биджиев». – «Солтанчик!», восхищение и радость озарили лицо прославленного летчика-космонавта.

Весьма деликатно Береговой попросил поляка пересесть. Мы оказались рядом. И почти весь оставшийся вечер говорили о Солтане Биджиеве. Береговой с такой теплотой отзывался о нем, словно речь шла о самом для него дорогом и близком человеке. Когда ему предоставили слово, он поднялся и сказал: «Предлагаю тост за моего фронтового друга Солтана Биджиева. За отважного летчика, верного друга и настоящего патриота Родины!» За столом зааплодировали, хотя никто, кроме меня и Берегового, не знал человека, о котором шла речь. Но на сидевших в зале, вероятно, огромное впечатление произвело то, как произнес Береговой тост, тональность его голоса, в котором слились воедино и восхищение, и глубокое уважение, и радость, и гордость за друга, отважного сына гордого Карачая Солтана Биджиева. Береговой много потом рассказывал об их совместном с Солтаном боевом пути, как вместе громили фашистов, о невероятном бесстрашии и мужестве Солтана Биджиева».

Береговой и Боташев никогда до этого не встречались. Но были наслышаны друг о друге. К тому же здесь, в Польше, Береговому стало известно, что торгпредство СССР

называют не иначе, как «хозяйство Боташева». Это факт не мог не вызвать у него уважения к Магомету Абдурзаковичу.

Практически невозможно на нескольких страницах рассказать о восьмилетнем периоде пребывания Магомета Абдурзаковича в Польше, как и в рамках одной книги – о 80-летнем пути человека, чья жизнь вызывает уважение и добрую зависть.

...Прошли годы. Магомет Абдурзакович вернулся на родину, оставив в Польше о себе добрую память. У него была великолепная возможность остаться в Москве. Благо предлагали хорошую работу, квартиру. Он отказался. Родные места тянули его. Он возвращается в Карачаево-Черкесию, где ждали его сестры, родные и близкие, где, наконец, его корни, без которых нормальный человек полноценно жить не может.

И в очередной раз я подумала: «Боташев действительно личность уникальная. Другой на его месте не преминул бы воспользоваться возможностью устроить жизнь по-другому, серьезно подумал бы, а стоит ли ехать в глубинку, если можно устроиться куда лучше. Но ведь не сделал он этого. И не сделал бы никогда. Его нравственные принципы, как кони, которых на переправе не меняют».

Верный сын своего народа, своей земли Магомет Боташев вернулся на землю отцов, чтобы находиться здесь, среди своих земляков, делить с ними радость и беды, вместе преодолевать трудности.

Именно поэтому, наверное, в период предвыборной кампании 1999 года Магомет Абдурзакович одним из первых поддержал идею возвращения на родину генерала армии Владимира Семенова. В сложное выборное время Магомет Абдурзакович стал доверенным лицом генерала, был с ним рядом в самое трудное послевыборное время. И сегодня самым активным образом помогает первому Президенту Карачаево-Черкесии решать трудные вопросы налаживания жизни, являясь председателем Совета старейшин народов республики.

Магомет Абдурзакович нисколько не сомневается, что Владимир Магомедович Семенов с честью выполнит возложенные на него обязанности и обеспечит нормальное развитие родной республики.

«Только благодаря его мудрости, терпению наша республика сумела избежать неприятного варианта послевыборных событий. Это наши народы пока еще не до конца осознали. Но со временем поймут и воздадут должное наше-

му Президенту Семенову. Ему досталась нищая республика, народы которой потеряли веру во власть.

В такой сложной ситуации, в очень опасной обстановке Владимир Семенов сделал и делает очень многое, чтобы вернуть народам былую дружбу, мир, согласие и межнациональную стабильность. Эта благородная задача посильна ему, человеку с огромным опытом руководителя, прославленному российскому полководцу, сыну своей земли. И мы сегодня видим уже воочию плоды его усилий по возрождению республики, поднятию ее авторитета на Северном Кавказе и в России в целом», – говорит Магомет Абдурзакович, сам немало сделавший для расцвета Карачаево-Черкесии, которую по праву считает самым благодатным уголком страны и мира.

ЕГО ЗНАЛИ И ЗНАЮТ ТАКИМ

Сегодня мы живем в трудное время. И часто можно услышать такую фразу: «Мир словно перевернулся». Возможно и так. Продолжается девальвация главных человеческих ценностей. Порядочность и честность постепенно становятся понятиями прошлого. Деньги, возможность быстро обогатиться затмевают все. В цене другое – умение приспособиться во что бы то ни стало, занять теплое место в жизни, чтобы завидовали другие. А зачем? Этот вопрос задают себе сегодня не все.

А ведь еще наши предки говорили: «У кого много денег, у того много шайтанов». Ну, как не согласиться с ними? Они были правы. А разве не так? Уважение, авторитет на богатстве, чванстве, пренебрежении к страданиям другого человека завоевать невозможно.

Да, мир стал другим. А вместе с ним и люди. Понятие «новый» – русский, карачаевец, черкес, абазин, ногаец, осетин и т. д. в полном ходу. Они, эти новоявленные, как бы стали хозяевами жизни, а иногда и судеб людей. Но, увы, у этой жизни есть еще и обратная сторона, темная и трагическая. На наших улицах люди убивают друг друга. Уходят преждевременно из жизни предприниматели, бизнесмены, руководители предприятий, депутаты... Жестоко расправляются с теми, кто успел уже заявить о себе в той или иной сфере. Люди, самые разумные существа на земле, забыли, что такое добро, сострадание, взаимопонимание – святые понятия, без которых человек обретает совершенно иной облик.

И какое счастье, что в этой кутерьме наступившей пока без названия эпохи есть люди, рядом с которыми всегда тепло и уютно, которые не променяли совесть на нечто дьявольское, не дающее спокойно спать и смотреть окружающим в лицо. Да, совершенно верно, речь идет о Магомете Абдурзаковиче Боташеве. А о ком же еще?! Он действительно счастливый человек. Ведь, имея в свое время возможность

обогатиться, он не сделал этого. И думать даже не мог, оставаясь верным своим принципам, своей генеральной линии жизни, определенной отцом и матерью, вековыми мудрыми традициями родного народа.

Светлой завистью ему завидуют те, кто работал вместе с ним, знает его на протяжении многих десятилетий, кто хоть раз встречался и общался с этим удивительным человеком. Завидуют ему, что и сегодня он востребован обществом, многонациональным народом республики, что его слово многое значит в решении тех проблем, которые стоят перед республикой (в настоящее время Магомет Абдурзакович является председателем межнационального Совета старейшин Карачаево-Черкесии). Вклад Магомета Абдурзаковича во все, чем он занимался и чему отдана жизнь, высоко оценен нынешним руководством республики и Президентом России Владимиром Путиным, лично вручившим нашему земляку в мае 2001 года в Кремле орден Дружбы – почетную и значимую награду России.

А теперь давайте послушаем, тех, кто хорошо знает Магомета Абдурзаковича Боташева, чтобы еще раз убедиться, какой масштабной личностью он является.

Вот что пишет о М. А. Боташеве Х. И. Таранов, работавший в годы, когда Карачаево-Черкесия входила в состав Ставрополя, председателем крайисполкома.

«Более двадцати лет я знаю этого замечательного человека: он длительное время работал председателем облплана Карачаево-Черкесского облисполкома. А затем, в семидесятых и восьмидесятых годах, на протяжении четырнадцати лет председателем этого же исполкома... Он был на фронте все годы Великой Отечественной войны, затем окончил один из технических вузов, трудился по специальности, прошел все ступени низовой работы и продвинулся до крупного государственного руководителя. Нередко, задумываясь над его судьбой, я приходил к выводу, что это было вовсе неслучайно.

Незаурядный, аналитический ум, широта мышления, неторопливость и глубина в работе, огромная выдержка, простота и скромность отличали этого человека – Магомета Абдурзаковича Боташева.

Меня всегда поражала разносторонность его познаний – будь то в области экономической или технической, истории, философии, литературы, права, межнациональных отношений. Всеми этими категориями он мог свободно оперировать, всегда

оставаться достойным оппонентом даже самых квалифицированных специалистов.

За период четырнадцатилетней работы председателем облисполкома, он, пожалуй, сделал для области, входившей тогда в состав Ставропольского края, ее экономического и социального развития больше, чем кто-либо. С его именем связано развитие промышленного потенциала, создание межнациональных коллективов, застройка и благоустройство населенных пунктов, окультуривание горных пастбищ. Он никогда не суетился, не разменивался по мелочам, не «скользил по поверхности», не увлекался текучкой. Во всех его делах чувствовалась обстоятельность, глубокий продуманный подход.

Его поездки в Москву не были кратковременными. С центральными ведомствами, правительством страны и республики он работал месяцами, неоднократно возвращался к проблемам — до тех пор, пока какой-то крупный принципиальный вопрос не был решен. Когда ему говорили: «Сколько же можно еще заниматься этой проблемой?», он неизменно спокойно отвечал: «Сколько надо. От повторенья молитва не портится».

В период осложнившихся польско-советских отношений он был направлен торговым советником в Польшу. И здесь, как рассказывают очевидцы, работавшие с ним рядом, проявил незаурядные способности, умение и мудрость, дипломатический такт в налаживании отношений с этой страной».

Вспоминая о М. А. Боташеве, видный партийный и государственный деятель страны Леонид Николаевич Ефремов, работавший еще до М. С. Горбачева первым секретарем Ставропольского крайкома, в своей недавно изданной книге «Мы родом из Октября» говоря о многих достойных людях, с кем ему довелось работать и быть близко знакомым, пишет: «Их можно отнести к тем людям, которые не только делались временем, но и сами делали это время своей работой на него, не щадя себя».

Не принижая достоинства каждого из них в этом плане, скажу несколько добрых слов лишь о Магомете Абдурзаковиче Боташеве, карачаевце, которому в мае 2001 года исполнилось 80 лет со дня рождения. Он через годы и десятилетия пронес верность своей советской Родине, людскому братству и товариществу, выражая незаурядную патриотическую личность, неразрывное сочетание патриотизма и интернационализма, чем способствовал укреплению единства и дружбы народов многонациональной Карачаево-Черкесии.

И все, кто знает Магомета Абдурзаковича и работал с ним, свидетельствуют о том, что он, поднимаясь на новую ступень лестницы жизни, возлагал на себя новый груз ответственности за полезное дело, которому и служил беззаветно. Он страдал в себе гражданина с душой патриота и воспитал в себе человека, умеющего отвечать за все, и поэтому способного преодолевать личные невзгоды, а они у него были.

Магомет Абдурзакович, будучи одним из первых руководителей Карачаево-Черкесии, а так же много лет депутатом Верховного Совета РСФСР, внес весомый вклад в развитие автономной области. При его активном участии были построены новые предприятия нефтехимической и химической промышленности, машиностроения и металлообработки, по добыче медных руд на Урупском месторождении, а так же предприятия электронно-технической и пищевой промышленности. При нем активно развивалась стройиндустрия, базы отдыха и туризма в районе Архыза, Теберды и Домбая, строились дороги, мосты, хорошели города и села. С учетом специфики развивалось и сельское хозяйство.

Разумеется, все это вместе взятое позволило ему заслужить исключительно доброе отношение народов многонациональной Карачаево-Черкесии и не случайно он стал почетным гражданином города Черкесска.

В своих воспоминаниях о М. А. Боташеве генерал Э. Б. Нордман, длительное время возглавлявший КГБ Ставропольского края и Узбекской ССР, человек весьма хорошо разбирающийся в людях, писал: «Я уважаю Боташева Магомета Абдурзаковича в первую очередь как солдата, прошедшего через горнило Великой Отечественной войны. Он верный товарищ, не способный предать друзей. Скромный и честный человек, большой внутренней культуры.

Я знаю его около сорока лет. Как председатель облисполкома он много сделал для Карачаево-Черкесии. Не для красного словца говорю – «много», а на самом деле много сделал. Старался как можно больше добиться от республиканского и краевого бюджета.

Его кое-кто пытался обвинить в национализме. Зачастую, как мне тогда казалось, эти люди пытались найти недостатки у него, боясь или ревнуя к растущей его популярности и авторитету у населения и области края. Да, он болел за малую Родину, но был истинным интернационалистом. Ровно и уважительно относился и к русским, и к черкесам, и к аба-

зинам, осетинам, ногойцам. Он прежде всего уважал человека, а потом уже его паспорт и должность. И не удивительно, люди ему отвечали тем же.

Отличительной чертой его характера, стиля работы была обязательность: слово не расходилось с делом. Одним словом — человек гор, горец, человек чести.

По долгу службы мне приходилось сопровождать высших руководителей страны в период их нахождения на курортах Кавказских Минеральных Вод и Карачаево-Черкесии и часто приходилось слышать, как они по-доброму, с теплотой относились к М. А. Боташеву.

За человеческие качества Боташева глубоко уважали А. Косыгин, Ю. Андропов, К. Мазуров, П. Машеров, Д. Кунаев и другие люди, с которыми он общался.

В период работы М. А. Боташева в Польше я тоже работал за границей и знаю, что и там он пользовался уважением польского руководства, много сделал для укрепления советско-польских отношений».

«Магомет Боташев — это эпоха!» — можно было услышать в дни торжественного празднования общественностью республики 80-летия бывшего председателя исполкома Карачаево-Черкесской автономной области.

Выступая на юбилейном мероприятии в драматическом театре, бывший первый секретарь обкома КПСС Всеволод Серафимович Мураховский, в частности, сказал: «Жизнь каждого человека оценивается тем, какой след он оставил после себя. Так вот, в тот период, когда Магомет Абдурзакович был председателем облисполкома Карачаево-Черкесии, вырос и окреп завод резино-технических изделий, цементный завод, радиозавод, Урупский горно-обогатительный комбинат. На карте области появились Ударный, Буково, Медногорский, Московский и т. д. У него была хорошая команда грамотных, целеустремленных специалистов. Создал ее Магомет Абдурзакович. Он мог разбираться в людях, умел их спланировать».

О внимательном, чутком отношении к заботам и нуждам простых людей, об удивительной человечности Магомета Абдурзаковича говорил в своем выступлении главный редактор республиканской газеты «Абазашта» Рашид Мазанович Хужев: «За большими делами он никогда не забывал человека. 25-летним парнем попал я в Москву в совпартшколу, где и свела меня судьба с Магометом Абдурзаковичем. И не было дня,

чтобы он не поинтересовался, как там у меня дома. Казалось бы, кто я был такой, чтобы он, уже умудренный жизнью человек, недавно встретившийся на моем пути, беспокоился не только обо мне, но и о моих домочадцах. Однажды на заданный мне вопрос о доме я ответил: «Да вот мать пишет, что зима на носу, а сена нет». Обронил я эту фразу так, как бы мимоходом, и сразу об этом забыл. Но каково же было мое удивление, когда, получив из дома очередную весточку, мать с радостью сообщила, что ей привезли сено. Несомненно, это была работа Магомета Абдурзаковича. Он позвонил партийным работникам и попросил помочь вдове. Те, в свою очередь, поручили председателю колхоза. В итоге, старая женщина встретила зиму с сеном».

Десятки лет хранит в своем сердце Рашид Хужев чувство огромной благодарности к человеку, который понял состояние души заботливого сына и солдатской вдовы. Понял и постарался помочь решить ее проблему.

Семьи профессора Хизира Хаджибекировича Хапсировова и Магомета Абдурзаковича Боташева не одно десятилетие жили по соседству. Дружили. Поддерживали друг друга. Когда Хизир поехал в Польшу, он не смог не навестить своего давнего друга Магомета Боташева. Вот как ныне известный профессор, доктор филологических наук вспоминает об этом:

«Я приехал в Польшу и сразу же позвонил в торгпредство, которое возглавлял Магомет Абдурзакович. Произнес только одно слово «Здравствуйте!», и надо же Магомет Абдурзакович сразу узнал меня. Потом я услышал, что наш земляк так поставил дело, что торгпредство называли, и вполне справедливо, – «хозяйством Боташева».

Особым уважением пользовался Магомет Абдурзакович у творческой интеллигенции. Случай неординарный. Мало кто из бывших руководителей республики так трепетно и заботливо относился к работникам искусства. «Человеком высочайшей культуры» называли Боташева актеры республиканских театров. Эти слова были знаком особого уважения к чиновнику большого ранга, понимавшему значимость искусства в деле воспитания подрастающего поколения, возрождения лучшего в духовной жизни народов. Заслуженный деятель искусств РСФСР и Абхазской АССР, не одно десятилетие возглавлявший карачаевский драматический театр Борис Хусейнович Тохчуков много и охотно рассказывал о

своих встречах с Магометом Абдурзаковичем Боташевым, неизменно подчеркивая незаурядность его личности и ее влияния на происходившие в те годы процессы:

«До 1965 года с Магометом Абдурзаковичем я знаком лично не был. Слышал только, что в обкоме партии работает секретарем очень грамотный и высокопорядочный человек. Впервые я увидел его на одном из наших спектаклей, где я, как молодой актер, был занят в одной из ролей. Он часто посещал театр. Это не могло не броситься в глаза. И я стал искать возможность поближе познакомиться с ним, чтобы как-то втянуть его в процесс зарождения и становления профессионального национального театра. Театр наш делал только первые шаги. Время было нелегкое. Проблем не счесть.

И вот в один из зимних дней, будучи стажером Московского театра имени Моссовета, я решил посетить Высшую партийную школу при ЦК КПСС, где в то время учился Магомет Абдурзакович. Первая наша встреча была недолгой: он спешил на занятия. Но, прощаясь, дал мне свой телефон и наказал почаще звонить ему и непременно приходить в гости.

Через некоторое время мы встретились снова. После дружеских рукопожатий он предложил погулять по площади перед зданием ВПШ. Гуляли мы около трех часов на морозном воздухе и даже не заметили, как наступил поздний вечер. Говорили о многих проблемах общественной, политической, экономической жизни области. Особенно порадовало меня, что мой собеседник хорошо знает литературу и искусство. И здесь, в Москве, он часто посещает спектакли, находится в курсе всех театральных премьер.

Запомнились такие слова Магомета Абдурзаковича: «Если взять жизнь в целом, особенно малочисленных народов, то о них в основном знают по тому, насколько высока культура этих народов, по их выдающимся писателям и работникам искусства. Когда речь заходит о Дагестане, нам сразу приходит на память имя Расула Гамзатова, идет речь о Чечено-Ингушетии – мы представляем Махмуда Эсамбаева, когда мы слышим о Кабардино-Балкарии, то в первую очередь речь заходит о Кайсыне Кулиеве. Так везде и всегда. Иначе и быть не может. Ведь культура в широком ее понимании одна из главных характеристик народа, как такового. Без своей самобытной культуры ни один народ не может считаться полноценным этносом. Без культуры народ – не народ, а просто население. У нас в области, к сожалению, на

это обращают очень мало внимания. Нас больше занимают вопросы, сколько представителей того или иного народа представлены в партийных и советских органах, сколько у кого руководителей, а не то, сколько выходит прекрасных книг и что сделать для того, чтобы мы имели такие театры, как наши соседи».

На мое замечание, что от него, Магомета Абдурзаковича, многое будет зависеть в судьбе культуры и театра в области, он заметил, что сделает все от него зависящее, когда вернется к себе домой...

Я вернулся в Черкесск и стал работать режиссером-постановщиком в русском драматическом театре. А вскоре после окончания учебы в область вернулся и Магомет Абдурзакович. Его утвердили секретарем обкома партии, курирующим промышленность. Но первым делом он, верный своему слову, посетил театр, где мы встретились и вновь долго говорили о будущем нашего многонационального искусства. Я с грустью рассказал ему, что в мое и его отсутствие прекратили существование, по решению облисполкома, только что зарождавшиеся труппы театра — карачаевская и черкесская. Они успели поставить всего несколько спектаклей. Молодые актеры, выпускники карачаево-черкесской студии Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии влились в русскую труппу. На этом первая попытка создать национальный театр Карачаево-Черкесии завершилась. И весьма безуспешно.

Магомет Абдурзакович, выслушав внимательно, ободрил меня и других молодых актеров, обещав сделать все возможное, чтобы вопрос о создании национального театра поставить на повестку дня. Он посоветовал мне поднять этот вопрос на одном из пленумов или конференций обкома ВЛКСМ. В то время я являлся членом областного комитета комсомола. При помощи тогдашнего первого секретаря обкома ВЛКСМ Юсуфа Кочкарова я подготовился и выступил на очередном пленуме, где присутствовали и ответственные работники обкома партии. Моя речь длилась 20 минут. На следующий день меня пригласили в обком партии и предложили изложить свое видение национального театра, что я и сделал.

Весьма сложным вопросом создания национального театра были актерские кадры. Подготовка их могла осуществляться

только в ведущих театральных вузах страны. Положение усугубилось еще и тем, что выпуск ленинградской студии состоялся в 1962 году. Очередной набор мог состояться не раньше, чем через десять лет. Таковы были правила. Обращение областных органов в министерство культуры РСФСР не дало результата. И тогда, в начале 1967 года, за дело взялись Магомет Абдурзакович, уже в ранге председателя облисполкома, депутата Верховного Совета РСФСР, и его заместитель Азрет Шаманов. Их целеустремленность и настойчивость не знали, казалось, предела. Хотя проблемы возникали за проблемами. Московские и ленинградские театральные вузы не могли в силу ряда причин предоставить места, было принято решение о направлении наших молодых дарований в один из лучших театральных вузов страны – Тбилисский театральный институт имени Шота Руставели.

Благодаря неумолимой энергии и глубокому вниманию к будущему нашего искусства со стороны Магомета Боташева и Азрета Шаманова в 1972 году из выпускников Тбилисского театрального института были созданы решением министерства культуры РСФСР карачаевская и черкесская труппы областного драматического театра, которые и заложили основу для создания самостоятельных, ныне действующих профессиональных театров этих народов.

Не менее сложной долгое время оставалась и проблема строительства здания театра. Старое (ныне республиканская филармония) уже не могло вмещать все три труппы. И опять за дело взялся Магомет Абдурзакович. При его непосредственном участии было принято решение о строительстве в областном центре нового, отвечающего современным требованиям здания. Хотя решался этот вопрос непросто. В 70-х годах наша страна в очередной раз была втянута в новый виток военного противостояния. Советскому народу вновь пришлось затягивать потуже пояса. Все средства, разумеется, были брошены на оснащение и переоснащение армии. О развитии культуры, особенно в регионах, не могло быть и речи. Казалось, идея строительства нового здания драматического театра в Черкесске останется неосуществимой. Но несмотря ни на что руководству области и главным образом прежде всего Магомету Абдурзаковичу ценой невероятных усилий удалось в госплане СССР пробить этот вопрос, и решение о строительстве драмтеатра получило свое положительное разрешение. Немало сделал М. Боташев и в деле обеспечения акте-

ров жилплощадь. Нельзя было допустить, чтобы подготовленные кадры только по причине отсутствия жилья уезжали за пределы Карачаево-Черкесии, где, кстати, зачастую создавали им самые привлекательные условия.

Магомет Абдурзакович не пропускал ни одной премьеры. В этой связи примечателен такой факт. Как правило, перед спектаклем кто-то из работников театра относил ему и другим руководителям пригласительные билеты. Он охотно и с благодарностью принимал. Но, придя в театр, он тут же пытался расплатиться за билет или билеты (если с ним была его супруга Тамара Тугановна и другие родственники). На наше отчаянное возмущение он отвечал: «Председатель облисполкома получает не самую низкую зарплату, чтобы ходить в театр бесплатно». До спектакля или после он живо интересовался, чем живет коллектив, в чем нуждается. Магомет Абдурзакович, надо это особо отметить, умел, как никто другой, слушать и слышать. В ходе беседы он никогда не перебивал своего собеседника, лишь иногда уточнял цифры, факты, некоторые моменты. В то же время часто приходилось общаться со многими другими руководителями разного ранга, которые с самого начала разговора давали понять, что говорить будут здесь только они, а мнение напротив сидящего их мало интересует. Магомет Абдурзакович был всегда нацелен на помощь, на решение тех проблем, которые волновали и тревожили людей, независимо от их профессии, национальности, взглядов и убеждений. Этим он и притягивал.

Не могу не сказать о том, что председатель облисполкома был инициатором и вдохновителем ряда интересных постановок. Так именно по его инициативе была оказана большая финансовая поддержка в постановке спектакля по пьесе Х. Карданова «Ленинградский эшелон». С этой постановкой мы впервые в октябре 1972 года побывали на гастролях в Ленинграде, где театр из Карачаево-Черкесии ждал огромный успех, о чем писала и местная пресса.

Все, что делал Магомет Абдурзакович для театра, было не только исполнением его служебных обязанностей, это, как я сейчас думаю, исходило из его внутренней потребности делать и творить только добро, это было проявлением его высокого интеллекта и большой культуры.

Актеры театра души не чаяли в Магомете Абдурзаковиче. Его приход для нас всегда был праздником. После каждого его посещения отдельным работникам театра оказыва-

А. Н. Косыгин в Архызе

А. Н. Косыгин в Архызе

А. Н. Косыгин и У. Кекконен за обедом на поляне Бу ёлген

А. Н. Косыгин в Архызе

*1977 год. У музея-памятника защитникам перевалов Кавказа, поселок Орджоникидзевский.
На переднем плане слева направо: Ф. Бурмистров, А. Косыгин и М. Боташев*

*Черкесск. Перед отъездом М. А. Боташева в Польшу. С членами облисполкома
и председателями горрайисполкомов. Март 1979 года.*

Архыз, 1978 г. Боташев М. А., Карданов М. К.

На память Магомету от Н. Н. Добронравова, А. Н. Пахмутовой и С. Т. Гребенникова

*Профессор Хаси́рохов Х. в гостях у Боташе́ва М.
в г. Кисловодске, 1990 г.*

*1980 год. Черкесск. Группа театра после премьеры спектакля
«Комендант Берлина»*

1972 г., 11 мая, г. Ставрополь. В центре М. Суслов

М. А. Боташев с четой Горбачевых на отдыхе

*Председатель облисполкома Боташев М. А., его заместитель
Шаманов А. Ш. и директор совхоза Кагиев Б. принимают генерала Магометова С. К.
с его кабардинскими родственниками на горе Бермамыт (2700 м над уровнем моря)*

*Подмосковье. М. А. Боташев среди земляков, призванных
на действительную службу из Карачаево-Черкесии*

*Президиум юбилейного торжественного собрания, посвященного 80-летию со дня рождения М. А. Боташева.
Черкесск, 31 мая 2001 года*

День открытия памятника генералу Магомедову С. К. у школы его имени

лась материальная помощь. Он запросто мог сфотографироваться с актерами, а после спектакля считал для себя обязанностью прийти за кулисы и поздравить актеров с успехом. По мнению людей, долго проработавших в театре, период с 1965 по 1979 год – время нахождения Магомета Абдурзаковича на посту председателя облисполкома, можно считать золотым веком в развитии не только театрального искусства Карачаево-Черкесии, но и всей нашей многонациональной культуры.

Я не вправе оценивать работу тех, кто работал вместе с Магометом Абдурзаковичем в облисполкоме. Но об одном из них должен сказать особо. Речь идет о его заместителе Азрет-Али Шахим-Гериевиче Шаманове. Это был человек высочайшей культуры. Он прекрасно разбирался в искусстве, литературе, духовности наших народов. Его по праву считали и считают главным проводником, а зачастую и основным зачинателем всего, что решал в высоких московских инстанциях М. Боташев. В этом ряду стоят имена бывших руководителей областного управления культуры Анатолия Шахимовича Балова, Юсуфа Сеитовича Кочкарова, Залимхана Азаматовича Магомедова.

...Как-то вечером я шел из театра домой и в аллее центрального сквера увидел одиноко прогуливающегося Магомета Абдурзаковича. Мы тепло поздоровались, и после нескольких формальных фраз он предложил пройтись по вечернему Черкесску, предварительно, как всегда, поинтересовавшись, есть ли у меня на это время. Как я мог отказаться от такой возможности в очередной раз пообщаться с этой уникальной личностью, даже если бы меня поджимало время. В тот вечер мы много вспоминали о прошлом, затрагивали проблемы развития культуры, обменивались мнениями. И вдруг он с какой-то грустинкой заметил: «Завершать строительство театра уже будут без меня». Я оторопел. Хотя уже слышал разговоры о переходе Магомета Абдурзаковича на другую работу. И, воспользовавшись случаем, напрямик спросил его: «Это правда, что вы уходите с работы? С чем это связано?» И тут же не преминул изложить свою версию. После большой паузы Магомет Абдурзакович сказал: «Знаешь, дорогой Борис, я вывел одну закономерность. Как только руководитель достигает 10-летнего срока пребывания на одном посту, он тут же начинает вызывать в верхах какое-то непонятное беспокойство. Отсюда начина-

ются необоснованные придирки, недовольства и т. д. А я уже 14 лет председательствую. На днях мне предложили должность заместителя руководителя торгпредства в Польше. Я дал согласие. Вот такие дела».

Откровенно говоря, я расстроился: при Боташеве наш театр был, как говорится, у Христа за пазухой. С его отъездом нас ждала неизвестность. Он прервал мои мысли: «Конечно, много было планов на будущее. Завершение строительства нового здания театра, создание национальных театров и многое другое. Но все это уже будет без меня».

Я несколько не приукрашиваю, но в тот памятный грустный вечер ко мне пришло осознание того, что золотой, самый прекрасный век нашей культуры завершился. Как показало время, я несколько не ошибся в своих прогнозах.

Уверен, наши потомки будут вспоминать имя Магомета Абдурзаковича Боташева, стоящего в одном ряду с Умаром Алиевым, Курманом Курджиевым и другими выдающимися сынами не только карачаевского, но и всех народов многонациональной Карачаево-Черкесии».

Моя соседка по лестничной площадке, врач республиканского родильного дома Тамара Магомедовна Кмузова, узнав, что я пишу книгу о Магомете Абдурзаковиче Боташеве, приятно обрадовалась и как бы между прочим заметила: «А вы знаете, Медиха Хызыровна, я ведь однажды была в кабинете Магомета Абдурзаковича. Правда, это было очень давно. Я училась тогда в областной школе-интернате. Как-то нас, отличников, собрали в Доме Советов. А затем завели в кабинет к Боташеву. Какой был повод – уже не помню. Сколько лет прошло. Но никогда не забуду, как нас встретил этот приятной наружности человек. Он умел разговаривать с детьми, как со взрослыми. У меня до сих пор хранится его подарок. Красивая упаковка деревянных пуговиц ручной работы. Сейчас уже таких не найдешь. Усадив нас за стол, Магомет Абдурзакович рассказывал нам о перспективе, которая нас ждет, если мы будем хорошо учиться, очень подробно расспрашивал, как нам живется в школе, хорошо ли кормят, не обижают ли, чем занимаемся в свободное время. Он произвел на меня такое сильное впечатление, что потом и в школе, и дома я взалхлеб рассказывала об этой встрече, боясь что-то пропустить, не вспомнить».

Сейчас очень много говорят и пишут о бывших руководителях нашей тогда области. Чего уж греха таить – и хорошего, и плохого. Всем только Всевышний – судья. Но вот что удивительно, о Магомете Абдурзаковиче мнение у всех одно – это был руководитель совершенно иной формации, человек дела, слова, не умеющий лгать и безосновательно обещать. Он был понятен и близок прежде всего простым людям, хорошо знал, как нелегко порой им достается рубль, и делал все возможное, чтобы облегчить их жизнь. Образ этого человека всегда встает передо мной, когда я встречаюсь с кем-нибудь из начальства. Больно сознавать, что время таких прекрасных людей ушло. А я все равно не могу забыть, и не уходит из памяти тот день, когда я переступила порог кабинета Магомета Абдурзаковича. Вот он, улыбаясь, вышел нам, ученикам, навстречу. С каждым поздоровался за руку, одарил теплым словом и маленьким подарком, высказал много пожеланий. А на прощание он вдруг спросил меня, кем я хочу стать, какую профессию выберу. Я была на редкость бойкой девочкой, а, может быть, сама атмосфера приема председателя правительства подействовала, но я, не мешкая, ответила: «Буду только врачом!» Прошли годы, я закончила школу, затем медицинский институт. Стала врачом. Встретила на своем пути немало добрых, отзывчивых, глубоко порядочных людей. Один из них, несомненно, Магомет Абдурзакович Боташев.

И правильно вы решили, Медиха Хызыровна, написать книгу о нем. О таких, как Магомет Абдурзакович, должны знать грядущие поколения. С таких, как он, нужно брать пример во всем, чтобы жизнь продолжалась и становилась лучше и лучше».

А вот что говорит о Боташеве Нюр-Магомет Лайпанов: «С марта 1990 года я был избран председателем Краснокурганского сельского Совета. Именно в это время Магомет Абдурзакович переехал в село из Кисловодска, где прожил 1988–89 годы после возвращения из Польши. В этом же году я впервые лично с ним познакомился. И могу с полной ответственностью и благодарностью сегодня констатировать: судьба подарила мне личную дружбу с одним из великих карачаевцев. Если скажу, что он многому меня научил, этого явно недостаточно. Само его присутствие в нашем селе, его ежедневная скромная жизнь в селе (как сказал один мой

товарищ: «Живет как один из нас...») для имеющего глаза и уши это целая школа мудрости, достойной жизни! Могу с уверенностью сказать, если в XX веке было десять великих карачаевцев, то один из них – Магомет Абдурзакович! В один из весенних дней в здание Совета пришел немолодой, но статно сложенный красивый человек в карачаевской белоснежной валяной папахе, постучался в дверь... Я поднялся навстречу. «Салам алейкум, алан! – сказал он, – сестры мои сказали, чей ты сын, зашел познакомиться, узнать о проблемах села», – продолжил он. Так состоялось наше знакомство. Первое впечатление мое о нем, как необычайно скромном, приветливом, доброжелательном человеке, с годами только крепло. Для него никогда не бывает простых вопросов, скрупулезному анализу подвергается все, о чем он в конкретный период говорит или размышляет. Внешне спокойный и уравновешенный человек, которому пришлось в этой жизни работать, знать, дружить со многими сильными мира сего, да и самому быть из их числа, удастся быть необыкновенно простым и доступным человеком, одновременно переживать за состояние дел в селе, совхозе, республике, стране в целом. Его отличают такие черты, как обязательность и основательность во всем. Часами беседуя с ним, я никогда не слышал от него легковесных суждений.

Обладая тонким чувством юмора, он вскользь задевает подмеченные им в собеседниках юмористические черты. Да так, что подмеченное им только возвышает вспоминаемого им человека. Он живет в ладу с совестью.

Его уважали, гордились им, но и боялись как-то подставить. Например, похороны его матери. Старики Боташевы и другие уважаемые старейшины, чтобы как-то обезопасить его, решили джаназы-намаз (заупокойную службу) совершить в доме, а не на кладбище, пока не приехали гости из Черкесска. Каково же было их удивление, когда Магомет Абдурзакович отругал их, сказав: «Все делайте, как положено религией и обычаями народа! (Динде, миллетде къалай этиле эсе, алай этигиз!»), – сказал он. Все так и сделали.

Как-то вспоминая об этом, Магомет Абдурзакович сказал: «До сих пор жалею, что отругал стариков тогда, они, бедные, пытались меня как-то уберечь, а я не понял их...»

Я привожу эти факты моих односельчан, чтобы показать истоки уважения народа к нему. Именно такие примеры из

жизни Магомета Абдурзаковича характеризуют его как человека и гражданина. И он сам в людях ценит некрикливое и достойное поведение».

Известный карачаевский ученый-этнограф, кандидат исторических наук Ибрагим Шаманов никогда не работал в партийных и советских органах. Его уделом была и остается на протяжении всей сознательной жизни наука, точнее, этнография. Но с Магометом Абдурзаковичем он не раз встречался. И сполна испытал на себе его доброе внимание и деятельную поддержку.

Ученым-историкам тех времен работалось нелегко. Они первыми прокладывали тернистый путь к воссозданию подлинной картины прошлого своих народов. Нарботанное ими в виде фундаментальных монографий порой трудно получало право быть опубликованным отдельной книгой или солидной статьей в сборнике. Только чуткое внимание, бережное отношение к ученым могло обеспечить поступательное развитие зарождавшейся науки Карачаево-Черкесии.

Магомет Абдурзакович понимал это и делал все от него зависящее, чтобы работы наших ученых, получавших высокую квалификацию в ведущих академических институтах страны, не залеживались годами.

«Помнится, всех, — делится своими воспоминаниями Ибрагим Шаманов, — и стар, и млад подкупала его аура вежливости, интеллекта, простоты и общительности, отсутствие честолюбия и чванства высокопоставленного лица.

Никогда не забуду его, Магомета Абдурзаковича, вежливый, доверительный прием по вопросу трудоустройства после окончания целевой аспирантуры, а затем и по квартирному вопросу после семилетнего мыканья по общежитиям. Наконец, решение злополучного вопроса об издании коллективного труда «Карачаевцы».

Мышиная возня вокруг издания этой книги продолжалась целых 4 года. При этом сразу было предельно четко заявлено: выход монографии в свет будет осуществлен только после обнародования материалов научно-практической конференции «Народы Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны». Считали, что материалы этой конференции должны лечь в ее основу. Все это время уже подготовленная и набранная к печати рукопись книги пролежала, покрытая толстым слоем пыли, в Карачаево-Черкесской типографии.

Более того, в третьей и последней по счету корректуре рукописи была сделана попытка обвинить меня как руководителя авторского коллектива во всех смертных грехах, не согласившегося со многими внесенными выводами и дополнениями, а затем и просто рассыпать свинцовый набор будущей книги.

И тогда я решил обратиться за помощью в родной институт этнографии АН СССР. Взяв с собой третью версию книги «Карачаевцы», я инкогнито вылетел в Москву. В тот же день мне, к счастью, удалось встретиться с директором института, членом ЦК КПСС, академиком Ю. В. Бромлеем и его заместителем Л. В. Терентьевой. После состоявшегося разговора они срочно связались с Ленинградским отделением ИЭ АН СССР, где тогда работал редактор книги, известный кавказовед Л. И. Лавров. Его попросили бросить все дела и срочно выехать в Черкесск. В НИИ, где в очередной раз попытались устроить политическую возню вокруг карачаевцев. Прощаясь, Ю. В. Бромлей сказал мне: «Вопрос о депортации карачаевского, как и других репрессированных народов, следует упоминать вскользь, корректно, без каких-либо политических комментариев на местах, ибо этот позорный акт – компетенция ЦК КПСС». Кстати, эти слова академик Ю. В. Бромлей повторил и чуть позже, во время нашей совместной с Л. И. Лавровым беседы в кулуарах научной конференции этнографов в Ереване.

Окрыленный поддержкой со стороны моих учителей – маститых советских ученых, я вернулся домой. Через несколько дней, направляясь на работу, встретил у Дома Советов секретаря ОК КПСС по идеологии С. Х. Семенова. И сообщил ему о своей поездке в Москву и предстоящем посещении области академиком Л. И. Лавровым. К чести С. Х. Семенова, он весьма радостно встретил эту новость, а через пару дней мы сидели в его кабинете на обсуждении отредактированной 4 года назад рукописи книги «Карачаевцы». Затем нашу группу во главе с приехавшим в Черкесск академиком Л. И. Лавровым принял первый секретарь ОК КПСС В. С. Мураховский. Правда, меня на прием к нему не взяли, вернее, огородили от возможных неприятностей.

Встреча с В. С. Мураховским состоялась у меня значительно позже, уже после выхода в свет историко-этнографического очерка «Карачаевцы». Мураховский показался мне человеком корректным, внимательным собеседником, но с заметной хитринкой. Он представился историком, попытался сделать

экскурс в недавнее прошлое страны, вспомнил вдруг дворянское происхождение В. И. Ленина. Наша встреча с Боташевым была теплой и непринужденной. Сперва он выразил пожелание побеседовать с Леонидом Ивановичем Лавровым один на один. А мне была назначена аудиенция на следующий день. Едва поздоровавшись, Магомет Абдурзакович поблагодарил меня за поддержку отношений с таким порядочным человеком, каким предстал перед ним академик Л. И. Лавров. Затем, перейдя на карачаевский язык, он сказал буквально следующее (почему-то память сохранила эти слова): «Кюрешигиз» (т. е. старайтесь, работайте). И пояснил: «Теперь вам, молодым, придется усердно бороться за истину, торжество справедливости. Продолжайте свои изыскания, помогайте народу. Откровенно завидую вам – вы имеете возможность работать и общаться с такими великими людьми, как ленинградские ученые. Мне в свое время, к сожалению, не дали возможность работать в полную силу, помогать своему народу...»

Сборник «Карачаевцы» был опубликован, когда Магомет Абдурзакович уже работал в Польше. А жаль, он мог бы много добрых дел сделать на благо Карачаево-Черкесии.

Пройдя жестокий путь репрессий, несправедливости, выпавший на долю карачаево-балкарского этноса, Магомет Абдурзакович Боташев не потерял своих главных качеств, за которые его уважали и ценили простые люди – искреннюю преданность своему народу, чистоту помыслов, чувство дружбы и братства, доброе, внимательное отношение к людям».

Азамат Суюнчев,
народный поэт Карачаево-Черкесии

МАГОМЕТУ БОТАШЕВУ

*Ты испытал безумья эры:
Кровавых дней войны в дыму,
Шагал в шинели под шрапнелью
В огне за Родину свою.*

*Тот юный горец был примером
Отваги, мужества в боях,
В златых погонах офицера
Сражалась молодость твоя.*

Ты ждал наград, как победитель,
И почестей за ратный труд,
Но вождь – кремлевский повелитель –
Предрек иной тебе маршрут.

А там, под азиатским небом,
Народ безвинный твой в песках
Нес геноцида тяжкий жребий,
И ты нес груз тот на плечах.

И эта боль была страшнее,
Чем рана фронтовых полей.
Само насилья одолели
Ценой отцов и матерей.

...Вернулись мы в родные горы,
Но не забыт тернистый путь.
Здесь возродились наши корни –
В краю отцов сады цветут.

Орел, Ташкент, Москва, Варшава
В пути твоём дарили свет,
Защитник, труженик ты славный,
Хранишь любовь к ним много лет.

Ты испытал невзгоды века
И чаши горестей испил,
Но гордое званье человека
Ни разу ты не уронил.

Седлал ли скакуна в походы,
Иль в залах властных заседал,
Ты был всегда слугой народа
И связь с народом не терял.

Твои труды в родных долинах,
Немало их в большой стране.
Ты – сын народа, им любимый,
Не это ль счастье на земле!

ВЫСОКАЯ НАГРАДА - ИЗ РУК ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ

Задолго до знаменательной даты в жизни Магомета Абдурзаковича Боташева – 80-летия со дня рождения, Президент Карачаево-Черкесии, генерал армии Владимир Магометович Семенов обратился к Президенту России с ходатайством о награждении нашего земляка орденом Дружбы.

Почему именно этим орденом? Наверное, понятно. На протяжении всей своей жизни, где бы ни работал Магомет Абдурзакович, чем бы он не занимался, он всегда и во всем оставался на позициях интернационализма, способствовал укреплению дружбы и братства между людьми разных национальностей. Прекрасно понимая, что только в единстве народов – сила государства, страны в целом, Магомет Абдурзакович терпеливо и мудро возводил мосты взаимопонимания – самые крепкие и надежные мосты мира и стабильности.

Ходатайство Президента КЧР было удовлетворено. Другого решения, впрочем, не могло и быть.

И вот наступил знаменательный день 8 мая 2001 года. Накануне очередной даты Великой Победы Магомета Абдурзаковича пригласили в Москву, где в сердце России – Кремле Президент страны Владимир Владимирович Путин вручил ветерану Великой Отечественной войны, государственному деятелю, славному сыну Карачаево-Черкесии Магомету Абдурзаковичу Боташеву орден Дружбы – один из самых значковых символов в иерархии государственных наград России.

Президент России собственноручно прикрепил к лацкану пиджака М. А. Боташева почетный орден страны, после чего Магомет Абдурзакович обратился к Владимиру Владимировичу с такими словами:

«Уважаемый Владимир Владимирович!»

Прежде всего хотел бы поблагодарить Вас за высокую оценку моего труда. Мы, ветераны, жизнь и судьбу наших внуков и потомков связываем с Вашей деятельностью. Мы

верим Вам, горячо желаем Вам успеха во всех Ваших начинаниях. По мере наших сил мы поддерживаем и будем поддерживать Вас.

Второе. Я много прожил. Буквально три дня назад мне исполнилось 80. Много лет работал в Карачаево-Черкесии, в том числе и председателем облисполкома. Хорошо, не понаслышке, знаю потенциал и возможности этого маленького красивого уголка большой России, как в нашей песне поется. Они огромны. Для того, чтобы их эффективно использовать на благо страны, необходим первоначальный толчок. Я Вас прошу, Владимир Владимирович, если это возможно, поручите Правительству поддержать местные инициативы в этом вопросе.

Последнее. Не могу не выполнить настоятельную просьбу своей супруги Тамары Тугановны, Вашей горячей сторонницы, передать Вам ее искренний салам – привет – и доброе пожелание с праздником Победы».

В свою очередь, Владимир Владимирович выразил глубокую благодарность супруге юбиляра Тамаре Тугановне за теплые слова в его адрес и передал ей наилучшие пожелания здоровья и счастья. И одновременно высказал свое восхищение ею, в ее лице всеми женщинами старшего поколения, на чьи плечи выпали вместе с их мужьями, родными и близкими нелегкие военные и послевоенные испытания.

Исполненный глубокой благодарности за высокую награду и внимание Магомет Абдурзакович обратился к Президенту России В. В. Путину и повторил приглашение Президента Карачаево-Черкесии В. М. Семенова посетить нашу республику. На что В. В. Путин трижды произнес: «Приеду, приеду, приеду».

НАДЕЖНЫЙ ТЫЛ - НАДЕЖНАЯ ОПОРА

Эта глава о семье героя моей повести. О женщине, простой горянке, которая сполна разделила со своим мужем его совсем нелегкую жизнь. Об их взаимоотношениях, детях, для которых отец и мать всегда и во всем были примером для подражания.

...Судьба супруги Магомета Абдурзаковича Тамары Тугановны похожа на судьбу тысяч сверстниц ее поколения. В семье Дудовых она была младшей. С детства выросшая в атмосфере почтительного уважения к старшим, традициям горского гостеприимства, окруженная теплом и лаской старших, Тамара, спустя годы, сумела и в своей собственной семье создать уют и добрый микроклимат, воспитать в детях лучшие человеческие качества.

А между тем в жизни Тамары не все было гладко и спокойно. Очень рано умерла мать, не успев порадоваться счастьем младшей дочери. Ее заменили старшие сестры Роза и Лиза. Единственный брат Магомет как мог опекал сестер, не давал их в обиду. Днем и ночью трудился отец, стараясь не дать почувствовать осиротевшим детям нужду. В доме по-прежнему, как и при матери, царили уют и достаток.

Тамара, еще не успев осмыслить жизнь, очень чувствовала отсутствие матери. Только ей она могла поведать свои сокровенные тайны, спросить у нее совета, поделиться нахлынувшими мыслями. Мама очень хотела видеть свою младшую дочь врачом.

В 1943 году семью Дудовых, как и все карачаевские дома, не обошла беда. В годы депортации они жили в селе Луговое Джамбульской области.

...Шел 1948 год. Один из самых тяжелых и, пожалуй, трагических в жизни спецпереселенцев. Именно в этом году вышел указ об ужесточении режима проживания депортированных. На учет были взяты даже офицеры – участники Великой Отечественной войны – из числа спецпереселенцев.

Тамаре повезло: она была слишком юной, чтобы в полной мере осознать, какому невиданному унижению и оскорблению подвергался ее народ, как и многие другие, разделившие с карачаевцами горькую участь в Средней Азии и Казахстане.

Она закончивала 10 класс. Училась хорошо, легко сдавала экзамены. А потому все больше волновала ее другая мысль куда пойти учиться? Проблема эта была очень непростая.

Во-первых, ей, карачаевке, комендатура просто могла не дать разрешения для выезда на учебу. Во-вторых, не было уверенности, что в выбранном ею институте примут документы, особенно на гуманитарный факультет. В это трудно сегодня поверить, но это факт. О медицинском институте вообще не могло быть и речи.

Неизвестно, как сложилась бы судьба Тамары, если бы не один весенний, пожалуй, самый счастливый день в ее жизни. Именно в тот день Тамара впервые встретила с Магометом.

Вот, как, спустя десятилетия, рассказывает об этом сама Тамара.

«В тот день я шла после занятий домой. По дороге мне встретила невестка моей тети Рабига. Мне показалось странным, как она внимательно рассматривала меня, что-то щелкала, высказывая свою радость. Даже поправила мои волосы, разлетающиеся по ветру. А под конец недолгого разговора высказала просьбу тети немедленно зайти к ней провести. Я охотно согласилась, мне нравилось навещать ее.

Зайдя в комнату тети, увидела незнакомых мне мужчин. Тетя представила гостей. Одним из них был приехавший из Ташкента Магомет Боташев, другой – Ошту Боташев. Они встали, приветствуя меня. И тотчас я почувствовала себя нехорошо. Кровь подступила к лицу, руки и ноги ощутили холод. Ответив на приветствия, я, не глядя в сторону гостей, решила было выйти. Но тетя остановила меня и усадила рядом.

Тетя сообщила, как бы между прочим, что Магомет приехал навестить свою сестру Зурум, жившую на одной с моими бабушкой и дедушкой улице. В это время зашли соседи – юноши и девушки. И неожиданно завязался совсем непринужденный разговор. Больше всех говорил Магомет. Рассказывал интересные случаи. Его эрудированность, начитанность поражали всех. Лишь иногда мы пытались осторожно, чтобы, как говорится, не вляпаться, высказать свои мысли. Про-

щаяся с нами, он задержал в своей ладони мою руку. Почему-то сказал: «А ты добрая». И что-то еще. Уже и не помню. Краска вновь залила мое лицо. А невестка тети незаметно подавала ему какие-то знаки. Тепло обняв тетю и пожелав ей здоровья, Магомет уехал...»

Тамара Тугановна улыбается. Видно, воспоминание о том периоде ее жизни, пожалуй, самые яркие и счастливые. Еще бы! Она и сегодня не скрывает, что Магомет понравился ей сразу. Такое бывает не у каждого. Не забыла она, как учащенно билось ее сердце, когда мельком глядела на высокого, статного, красивого молодого человека, умевшего разительной беседой увлечь окружающих его людей. Не забыла, как дома думала о нем, когда он уехал, сказав ей только одно: «А ты добрая!»

«Ну, а что дальше, – думала Тамара. – Он в Ташкенте. Учится в институте. Да и девушек там полно. Кто я для него?»

И на какое-то время постаралась забыть о нем.

К тому же настало время вступительных экзаменов. Нужно было принимать решение.

И вдруг Тамара получает письмо. Незнакомый почерк. Но она внутренним, особым чутьем поняла: от него. Не помня себя, Тамара распечатала конверт и первая же строчка обожгла ее лицо. Она читала и не верила, что все слова обращены только к ней. Мимо проходили люди, щебетали птицы. Что же с ней происходит?! Ноги, как ватные, не хотели слушаться, руки почти уже не могли держать легкую, как пушинку, бумагу, исписанную красивым, ровным почерком. Каждая его строчка – звенела капелью в ушах, навевала необычной красоты и звучания музыку. Это было первое письмо от суженого. Магомет просил ответить на него по возможности сразу. Сразу... Но тогда было принято отвечать только на третье письмо, при этом никак не высказывать своих чувств. Тамара, вопреки, ответила на первое.

Так завязалась их переписка. Родные Тамары лелеяли тайную мысль, чтобы Магомет Боташев вошел в их дом зятем, о другом женихе для нее они не мечтали.

...А летом Дудовы принимали сватов из рода Боташевых. Конечно, дома, на Кавказе, все было бы по-другому. Здесь же, на чужбине, да еще в условиях строжайшего режима передвижения необходимо было считаться с обстоятельствами. Обе стороны договорились о сроках свадьбы, с тем и расстались.

В августе Магомет, с трудом получив разрешение для друзей, приезжает из Киргизии в Казахстан, в далекое село Луговое, чтобы торжественно забрать Тамару из родительского дома.

А через несколько дней в селе Карловка Беловодского района Киргизии в доме Абдурзака Боташева, на чужбине, Магомет и Тамара обрели свое счастье. Скромной, но на славу получилась свадьба молодых. Радости матери и сестер Магомета, казалось, не было предела. Звуки гармоники слышны были по всему селу.

Женщины, пришедшие поздравить новобрачных, мельком утирали слезы.

А как иначе: свадьба на чужой земле, в неволе. Они еще острее ощущали свое унижительное положение, свою безысходность, отсутствие всякой надежды на лучшее.

Но, как бы там ни было, жизнь продолжалась.

...На второй день после свадьбы мать Магомета пригласила молодую невестку к себе. Нежно прижала к груди и сказала: «В этот дом ты вошла желанной. И тебя здесь никто не обидит. А мне ты будешь дочерью». При этом много повидавшая на своем веку женщина думала: «А смогу ли я, действительно, заменить ей мать? Она такая молодая, ребенок еще...»

Тамара Тугановна и сегодня помнит свои впечатления о первых днях пребывания в доме Боташевых.

«Говорят, невестка со свекровью не сразу находят общий язык. У кого как. Мне повезло. Мама Магомета мне понравилась сразу. Скромная, приятная, с добрыми чертами лица. Окружающие называли ее по-разному: Кемисхан, Кемсия, Дыжу. Сестры Гезамхан, Сапрахан, Зурумхан были уже замужем. Айшат оставалась еще в родительском доме. Все четверо не просто по-доброму восприняли мое появление в их доме, но и сделали все возможное, чтобы процесс моего вхождения в новую семью прошел незаметно и безболезненно. К счастью для меня, так это и случилось.

Кроме того, я не могла не заметить сразу, с какой любовью и нежностью относится Магомет к матери и сестрам. Понятно — для них он был единственным сыном и братом. И я тогда подумала, вряд ли он будет по-иному относиться и ко мне, его супруге, к собственной семье. Я не ошиблась. С первых же дней совместной жизни в нашем доме был мир и покой».

Пролетел август. Магомет стал собираться на учебу в Ташкент. Молодым не хотелось расставаться. Но, что поделать,

условия строжайшего режима стали серьезной преградой для получения пропуска Тамаре. Выезжать из Карловки ей было запрещено. Остаться в новой семье без Магомета – перспектива не из лучших. На сердце молодой супруги тяжело. Однако чувств и переживаний не показывала ни свекрови, ни золовкам. Лишь Магомету могла она рассказать, как нехорошо у нее на душе. Не сделала и этого – зачем его лишний раз расстраивать.

В день отъезда Магомета все больше молчала. Была постоянно чем-то занята, чтобы вконец не впасть в уныние. Возле свекрови, как всегда, держалась бодро, совсем не показывая своего настроения.

Мать Магомета Кемисхан была умной и мудрой женщиной. Она прекрасно понимала, что творится сейчас в душе невестки. Подозвав Тамару к себе, усадив рядом и нежно приобняв ее, сказала почти неслышно: «Келин, не переживай. Магомет обязательно добьется разрешения и увезет тебя к себе. Подожди еще немножко. Не грусти – мы рядом. Все будет хорошо, вот увидишь!

– Что, вы, мама, не говорите, пожалуйста, так. Мне хорошо с вами. – И замолчала. Грусть снова заполнила ее сердце.

А потом пошла череда длинных дней и нескончаемых ночей. Тамара, как и положено снохе, вставала в доме первой, ложилась поздно. Все спорилось в ее быстрых руках. Правда, свекровь пыталась все делать сама. Да и дочери не давала покоя. А вот невестку, напротив, оберегала.

«Успеешь еще наработаться, на твой век хватит, – говорила она, когда Тамара пыталась взяться за какую-нибудь тяжелую, непосильную работу. – Иди, келин, лучше подмети пол. Или приготовь ужин. А здесь мы уже сами». И часто Тамара видела, как уже немолодая женщина, мать ее мужа, мудрая из мудрейших, делала то, что не всегда было под силу даже мужчинам. И никогда не жаловалась, не стонала, не проклинала судьбу.

Вскоре Магомет добился разрешения на выезд Тамары в Ташкент. И она уехала из Карловки.

«К моему приезду Магомету дали комнату в жилом доме института, где он учился. В то время это было почти невозможно – студенту да еще с женой жить вместе с профессорско-преподавательским составом. Потом я узнала, что этой чести Магомет был удостоен за отличную учебу и активное участие в общественной жизни.

Нам несказанно повезло – свою самостоятельную жизнь мы начинали среди образованных, интеллигентных людей. Ученый мир особый. Несмотря на мой юный возраст, жены именитых профессоров очень тепло и по-доброму относились ко мне. Давали советы. Учили, как вести хозяйство. Одним словом, я многое у них узнала. Мы с Магометом были счастливы. Сказать, что жили в достатке, – значит слухавить. Кто поверит. Да еще в те годы. По-всякому бывало. Но у нас всегда были разумные потребности. Нам хватало того, что у нас было...»

Здесь в Ташкенте родился первенец, по-новому озаривший счастье Магомета и Тамары. Мальчику дали имя Мурат. Заботы о ребенке поглотили их обоих. Уже с первых дней рождения сына Тамара поняла, как повезло ей с мужем, настоящим семьянином. Ей было бы очень тяжело, не поддерживай ее Магомет. Ежедневно, придя из института, он забирал набиравшего изо дня в день вес малыша и уходил с ним гулять, при этом не забывая сказать жене: «Отдыхай».

Зухра и Рамазан родились уже во Фрунзе. Став матерью троих детей, Тамаре, казалось, уже было не до учебы. Но она решила по-другому: получить образование во что бы то ни стало. Да и Магомет настаивал, помня о своем обещании помочь ей стать дипломированным специалистом.

В 1955 году Тамара поступает на химико-биологический факультет Киргизского университета.

Вот представьте себе: трое маленьких детей, самому младшему всего годик, заботы о муже, доме и еще учеба в университете. Могла выдержать это хрупкая, совсем недюжинных сил женщина? Конечно, могла, если рядом такой мужчина, друг, верный спутник, как Магомет Боташев.

Тамара Тугановна не скрывает, если бы Магомет не поддерживал ее, ни за что бы не закончила университет...

...В Черкесском медицинском училище она, проработала 17 лет. Это был, пожалуй, один из самых насыщенных периодов ее педагогической деятельности.

«Не скрою, мне очень нравилась педагогическая работа. Ведь я не только преподавала биологию и химию, но и занималась воспитательской работой. У меня были и медсестринские группы и фельдшерские. Группы получились неплохие. В них учились юноши и девушки разных национальностей. Часто вспоминаю мальчиков – Умара Чукова, Бори-

са Кохова, Юру Яковенко, Александра Яценко и др. Всех-всех помню и люблю. Ребят мы готовили для армии. Фельдшера там всегда были нужны. Потом, когда они уходили в армию, писали мне, делились своими успехами, совета спрашивали...

Нет, что там говорить, атмосфера была в те годы особенная. В училище на работу я словно летела. Задержаться на один час дома — что вы! А какие были у нас замечательные руководители — Николай Афанасьевич Хохлачев, Лариса Харитоновна Сидакова!»

Тамара Тугановна постоянно работала над усовершенствованием методов обучения и воспитания. Каждый ее урок был для студентов открытием. Уроки химии и биологии она умела превращать в некое действо, вовлекая в процесс даже тех, кто был весьма далек от этих предметов. Хотя знать их основы для будущих медиков просто необходимо.

Как-то раз на педсовете училища встал вопрос об отчислении за неуспеваемость и пропуски одного из студентов. Классный руководитель и ряд других преподавателей однозначно заявили, что другого выхода просто нет. Началось голосование. Все были «за». Тамара Тугановна воздержалась. Внутреннее чувство опытного учителя и просто матери подсказывало, что делать этого не стоит. Любого студента можно и нужно увлечь учебой, стоит только этого захотеть. Тамара Тугановна пользовалась в училище огромным авторитетом и уважением. Не считаться с ней не могли. Тогда классный руководитель студента, о котором шла на педсовете речь, встала и сказала, обращаясь к директору: «Если Тамара Тугановна против, тогда пусть и забирает его в свою группу. А мы посмотрим». Ничего не ответила Боташева, а только вспомнила слова Магомета Абдурзаковича. Не спешите выбрасывать на улицу провинившихся учеников. Разберитесь в причинах их поведения, отношения к учебе. Не увеличивайте ряды юных преступников. Улица ничему хорошему не учит. Мы все в ответе за будущее...»

Тамара Тугановна взяла юношу в свою группу, одну из лучших по успеваемости в училище. Хотя понимала, что, может быть, поступает опрометчиво. Собрав свой класс, она честно рассказала ребятам, почему решила поступить именно так. И попросила уделить новичку внимание и оказывать поддержку. Конечно, риск был. И немалый. Оставалась опасность, что уровень успеваемости может упасть, а дисциплина снизится. Та-

мара Тугановна незаметно вовлекла своих студентов в непростой процесс перевоспитания взятого ею под свою ответственность юноши. На одном из классных часов Тамара Тугановна вызвала его к учительскому столу и дала ему высказаться, объяснить причины, повлекшие за собой проведение педсовета и решение об его исключении. В итоге, юноша честно признал свои ошибки и пообещал не подводить группу, не пропускать занятия, лишь бы от него не отворачивались. Не стесняясь, попросил помощи и поддержки. Причем говорил он не Тамаре Тугановне, а группе. Зрелище было потрясающим. И никто не понял тогда, что эту картину сконструировала классный руководитель, повысив тем самым коллективную ответственность за взятое ею на педсовете обещание.

Тамара Тугановна постоянно встречалась с родителями мальчика, интересовалась его домашней жизнью. Ни на один час не выпускала его из поля своего внимания.

Юноша благополучно закончил училище, был призван в армию, где работал фельдшером. И в течение двух лет постоянно писал письма своей милой, доброй, отзывчивой Тамаре Тугановне. Писал ей обо всем. И в первую очередь о том, что сейчас вдалеке от дома он, наконец, понял, какое счастье встретить в жизни такого человека, как она, Тамара Тугановна, — протянувшей ему в трудный, возможно самый решающий час жизни, руку помощи. «Вы для меня всегда будете светом в ночи», — написал он ей однажды. И Тамара Тугановна не выдержала — заплакала. От счастья и радости, которые могут испытать только настоящие люди, истинные учителя.

Тамара Тугановна убеждена, что все должно начинаться с семьи.

«Ребенок формируется только под влиянием родителей. Именно они первыми должны объяснить ему, что плохо, а что хорошо. Важно научить детей делиться своими впечатлениями, не боясь, что они не будут поняты правильно. Необходимо постоянно вселять в них уверенность, что многое им по плечу. Только надо кропотливо работать над собой, полагаться всегда на свои силы, искать и не останавливаться на достигнутом. Ни в коем случае нельзя ребенка третировать, оскорблять его, даже если он и провинился в чем-то. Только взаимное уважение и доверительность между родителями и детьми могут способствовать правильному воспитанию последних...»

Именно на таких принципах строились отношения и в семье Тамары Тугановны. Вместе с мужем она воспитала прекрасных детей, привив им самые простые, но необходимые людям качества: доброту, честность, стремление постоянно творить добро, отзывчивость, не оставаться равнодушным к горю живущих рядом людей...

...1979 год. Вместе с мужем она уезжает в Польшу. Это был непростой период в их совместной многолетней жизни. По области поползли слухи, что, мол, Боташева сняли с поста председателя облисполкома. Люди терялись в догадках: за что? Другие, наоборот, поддерживали их: «Это еще не худший вариант. С другими нашими руководителями вообще не церемонятся. Надумали – убрали. А то, как ты работор, – никого не интересуется».

Тамара и Магомет ни на что не реагировали. Не давали выхода своим эмоциям. Да и зачем? Что это даст? Решение уже принято. Их беспокоило только одно – дети. Мурат уже был женат. Медина и Рамазан пока еще не определены. Тамара ночи напролет думала и переживала только о них.

...За несколько дней до отъезда в Варшаву ее пригласил на беседу заместитель министра внешней торговли Журавлев и долго рассказывал ей о нормах поведения за рубежом, о том, как принимать гостей, и т. д.

Слушая его, Тамара Тугановна поймала себя на мысли, что предъявлявшиеся к ней требования мало чем отличаются от традиций карачаевского народа, и вообще горского этикета.

...Как только они пересекли границу СССР и Польши, Тамара Тугановна заметила, как изменилось лицо Магомета. Тяжелые воспоминания словно придавили его плечи. И он как-то сразу осунулся. Только она знала причину. Здесь, в этих местах, в далеком 1944 году он был снят с фронта и отправлен в тыл как представитель депортированного народа.

Здесь началась для него трагедия, которую вместе со своим народом он достойно переживал в течение 14 лет.

В Варшаве их сразу отвезли на квартиру, где они прожили недолго. А затем их поселили в особняке с большими светлыми комнатами. А еще через некоторое время к родителям приехал Рамазан, поступивший потом в местный университет. Ласковый, мягкий и добрый младший сын скрашивал жизнь родителей, тосковавших по родным местам и близким.

В доме Боташевых в Варшаве часто собирались студенты из разных стран мира. И однажды, к своему удивлению, Тамара Тугановна услышала как великолепно, почти без акцента Рамазан изъяснялся на польском. Его уважали, к нему тянулись сверстники.

Это радовало родителей. На собрании союза иностранных студентов Рамазан был единодушно избран его руководителем.

Кто бы мог подумать, что парень из далекой и незнакомой многим Карачаево-Черкесии станет лидером иностранной молодежи в Польше. Но факт остается фактом. С тех пор жизнь Рамазана резко изменилась. Тамара Тугановна уже редко видела сына дома. Он обивал пороги многих инстанций, чтобы помочь студентам: добивался стипендии, продуктов и жилья. Особенно нуждалась в этом арабская молодежь.

Не оставалась в стороне от общественной жизни и Тамара Тугановна. Как-то ее пригласили на собрание женщин, живущих и работающих в Польше. В основном это были жены сотрудников посольства и других аккредитованных в Польше советских ведомств.

Разговор шел о роли женщин в воспитании детей, участии в проводимых мероприятиях. Встал вопрос и о председателе женсовета. В ходе долгой дискуссии почти 300 женщин остановились на кандидатуре Тамары Тугановны Боташевой, жены руководителя торгпредства. Она с энтузиазмом взялась за порученное ей дело. Несмотря на то, что много времени отнимала школа, в которой училось полторы тысячи детей, из всех стран соцлагеря, Боташева успевала за день многое. С утра занятия; уроки химии и биологии; после обеда работа в женсовете. Под ее руководством организовывались и проводились различного характера встречи, приемы, культурно-массовые мероприятия. Но главное внимание женсовет уделял вопросам нравственного и патриотического воспитания подрастающего поколения.

В редкие дни отдыха Боташевы знакомились с достопримечательностями Варшавы, посещали музеи, театры, много читали, принимали у себя гостей. Одним словом, пытались жить полнокровной жизнью.

При этом Тамара Тугановна никогда не забывала, что остается супругой большого государственного деятеля Магомета Абдурзаковича Боташева. В доме всегда было чисто,

прибрано, на плите завтрак, обед, ужин. Уют и тепло царили везде и во всем.

В ходе наших встреч Тамара Тугановна мало, почти вскользь, говорила о Магомете хвалебных слов. В горах это не принято. Впрочем, я и не настаивала, зная, что скромность и воспитанность Тамары не позволят ей возносить Магомета, который вовсе и не нуждается, как сейчас говорят, в рекламе. Хотя мне очень хотелось узнать, каким Магомет Абдурзакович бывает непосредственно в кругу семьи, самых близких и родных ему людей.

И я решила обратиться за помощью к их дочери Медине-Зухре. Она охотно согласилась. И уже через несколько дней пришла ко мне и положила на стол несколько исписанных листов. А потом с увлечением читала мне написанное. Иногда голос ее начинал дрожать, а на глазах появлялись слезы. Боль по безвременно ушедшим из жизни братьям — Мурате и Рамазане — до сих пор не утихает в ее сердце. Магомет и Тамара тяжело перенесли это горе, поддерживая друг друга.

«Папа и мама для меня — люди святые. Конечно, каждый так может сказать о своих родителях. Но сегодня, когда я строю свою собственную семью, всегда оглядываюсь назад, на нашу семью. Вспоминаю взаимоотношения моих родителей. И думаю, что они прожили так, как и подобает людям».

Я слушала ее и думала вот о чем.

Оценка детьми поступков, жизни родителей, их мыслей, отношения к другим людям — важнейший показатель нравственности, самая верная и безупречная оценка свершенного в жизни. Как часто мы бываем на работе одни, а дома совсем другими, не задумываемся, что за нами неотступно следуют наши дети. Берут с нас пример. Перенимают привычки...

Я просила Зухру саму прочитать то, что она написала о родителях. И в первую очередь об отце, которым, как и матерью, она гордится беспредельно. Мне хотелось, чтобы сделала это именно она, любящая и любимая дочь.

«Сколько себя помню, мой папа то учился, то работал, то снова учился, — Зухра засмеялась и устремила взгляд своих красивых глаз куда-то вдаль. — Но больше папа, конечно, работал. И до того много, что у него развилась язва желудка. Пришлось долго и упорно лечиться. Боли иногда были сильными. Тогда он, лежа на полу или диване, укладывал моего младшего брата Рому на область желудка и гово-

рил при этом, что боль утихает. Как знать, может и правда ему становилось легче.

Папа был очень внимателен к своей маме – нашей бабушке. Вообще я редко встречала людей, которые так могли бы любить. Папа это умел. И всячески заботился о ней. Каждую субботу папа отвозил нас к уже старенькой бабушке. Она нуждалась в большом внимании. Много ли ей было нужно. Увидев сына и внуков, она оживала. Менялся как-то сразу и папа.

Часами он сидел с бабушкой и рассказывал ей о своей жизни, работе, о делах в области. Бабушка прямо сияла. Забывала о годах, болезнях. Он спрашивал у нее совета, как поступить, что сделать. Бабушка была умной женщиной. Она понимала, что вряд ли может чем-то помочь ему. Для нее было важно другое – сын приезжал к ней не только проведать, но и спросить совета, лишний раз проверить себя в правильности выбранного решения. Не встречала такого отношения сына к матери.

Бабушка была женщиной необыкновенной. Умная, мудрая. Былая красота не сходила с ее лица. Знала, что и где говорить. Нас никогда не ругала. Да и мы в ее присутствии старались вести себя хорошо. К нашему приезду обязательно припасала что-нибудь вкусненькое. Несмотря на большое сердце, не сидела без дела. Делала домашний сыр, готовила, вязала. Особенно любила вязать носки для папы.

Ежедневно к ней приходило очень много людей. Она была вроде мирового судьи. Умела, как никто другой, улаживать семейные конфликты, разрешать любые проблемы. Женщины доверяли ей свои сокровенные тайны. Все находили у нее живое участие и помощь. Но при всей своей сдержанности, она не могла скрывать свою беззаветную любовь к папе. И к нам, его детям.

Бабушка несомненно сыграла огромную роль в жизни нашего папы. Ее личный жизненный пример, подвиг повлияли на его становление, формирование его лучших человеческих качеств. Она часто повторяла народную поговорку: «Голодный желудок, но спокойные уши». Для нее самым главным были совестливость и порядочность. Эти качества основные и в характере моего папы...»

Зухра уже почти не заглядывает в записи. Ей и не нужно. Она знает все и так. Потому что выдумывать нечего.

Перелистывая страницу за страницей своей памяти, она воскрешает все, что ей близко и дорого, все, что связано с отцом.

«Театр в жизни папы занимал особое место. Его можно с полным правом назвать заядлым театралом.

Когда я училась в институте в Москве и папа приезжал в командировку, у меня начиналась особая жизнь. Сразу мы составляли график посещения театров. Не забывали, разумеется, и выставки. Мы очень любили ходить в Малый театр, театр имени Моссовета. Иногда удавалось попасть в Большой и театр имени Вахтангова.

Никогда не забуду спектакль «Перед заходом солнца» с Р. Пляттом и Ф. Раневской в главных ролях. Игра актеров с мировыми именами растрогала нас до слез.

С глубоким уважением папа относился к нашим местным актерам. Хотя прекрасно понимал, что возможности у них другие. Дружил с писателями, поэтами, актерами, художниками. Особенно ценил творчество Муссы Батчева. Гордился им. Говорил, что он будущее нашей литературы. Творческие люди тянулись к папе. Часто была свидетелем того, как тепло и радушно встречали актеры папу, когда мы приходили на спектакли. Он старался не пропускать ни одну премьеру.

Но не только культура и искусство волновали его. Самым, пожалуй, сложным в работе Советов было наращивание промышленного и сельского производства.

Папа очень переживал, когда мешали развивать индивидуальную трудовую деятельность. Отстаивал право женщин заниматься производством шерстяных изделий. Не понимал, как можно запретить горцам держать скот, и т. д.

Его иногда упрекали в приверженности национальным обычаям. Даже в том, что он носил каракулеву кубанку некоторые партийные боссы видели проявление национализма. Вот до чего доходило!

А то, что его супруга была княгиней из рода Дудовых, – становилось темой всевозможных интриг. Дикости встречалось много. И она проявлялась по-разному и в разные периоды жизни. Но сдержанность, терпение и мудрость помогали папе с достоинством переносить все трудности и нападки со стороны.

Будучи патриотом своего народа, папа очень беспокоился о будущем карачаевской культуры и особенно языка. Папа никогда не противопоставлял карачаевскую культуру культурам других народов, и прежде всего русской.

Он просто старался донести до всех, что над малыми культурами всегда висит угроза исчезновения. И в первую очередь это касается языка. Сохранить это достояние могут только

носители этой культуры, этого языка. К сожалению, многие руководители того периода понимали это неправильно.

И в нашей семье папа всегда стремился воспитать нас на почве национального этикета, культуры, родной истории. В детстве он очень много рассказывал нам об истории рода Боташевых, о Хурзуке. И до того мы явственно представляли картину нашего далекого прошлого, что когда впервые приехали в Хурзук, то ощутили, что нам здесь уже все давно знакомо. Нашли старое грушевое дерево, стоящее у ограды бывшей усадьбы дедушкиного дома. Помню, как мы вошли в развалины родового очага. Устроились поудобней и пообедали. Папины глаза наполнились слезами. Потом я поняла: его сердце ныло. Когда-то жизнь была здесь ключом. Теперь... Папа усиленно искал могилу своего отца. Но тщетно. Могильных камней здесь уже нет давно.

Мы часто приезжали в детстве в эти места. Это сближало нас с родным краем, нашими родовыми истоками. Так папа формировал в нас любовь и уважение к земле предков, без которой, как поется в песне, «жить и петь нельзя».

Особое отношение в нашей семье к книгам. Книги – самая большая страсть папы. В его библиотеке нет случайных книг. Куда бы он не ездил, возвращаясь, обязательно привозил книги. Так в нашей библиотеке появились редко встречавшиеся тогда в продаже произведения Фирдоуси, Низами, Драйзера, Бомарше и других классиков. Часто по вечерам папа читал нам стихи Лермонтова, Гамзатова и наслаждался звучанием их слога, музыкой их рифмы. Биографические издания, мемуары, книги об искусстве занимают в его жизни особое место. А какие книги он привез из Польши! Их надо видеть!

Папа любил и любит читать. И всегда находил для этого время. Читает он медленно, вдумчиво, но прочитанное запоминает до мелочей. Книги в нашем доме, везде – на кухне, в спальне, в гостиной, кабинете. Справочников, энциклопедий уйма. Он говорит так: «Необязательно все знать, но обязательно надо знать, где об этом написано».

Отгадывать кроссворды – еще одно хобби нашего папы.

Сейчас огромное удовольствие ему доставляют внуки. Играя с ними в шахматы, он бывает счастлив, если они выигрывают у него.

Я очень хочу, чтобы они были похожи на дедушку.

В нашей семье всегда была удивительная атмосфера доброжелательности и уважения друг к другу. Родители с нами почти не нянчились. Они были заняты работой. Уроки с нами никто не учил. Над душой не стоял. Да и в школу на родительские собрания они почти не ходили. Между нами, троими детьми, было много общего: книги, музыка, театр, кино. Это создавало между нами духовную связь.

Когда настала пора выбирать профессию, папа предоставил нам полную свободу. Подолгу беседовал с нами, но не настаивал. Мы выбирали каждый свой путь. Старший брат Мурат стал художником, я – врачом, младший Рома – строителем.

Помню, что когда я окончательно решила, что стану врачом, папа сказал мне: «Только помни, всю жизнь будешь иметь дело с болью людей, ждущих от тебя помощи и надеющихся только на тебя. На твои знания, опыт, твое сострадание, твое умение и желание творить добро. Ты должна знать, что существует только один принцип: не больной для врача, а врач для больного. Ты берешь на себя большую ответственность. Сможешь вынести, выдержать это – дерзай!»

Я давно закончила институт. Не один год уже работаю, но эти слова своего папы помню и буду помнить всегда!..»

Я внимательно слушала Зухру и не заметила, как она подвела черту своему повествованию.

– Вот, впрочем, и все, – сказала Зухра, пододвигая ко мне исписанные листки бумаги.

А потом вдруг спохватилась:

– А не получится так, что я будто решила возвеличить своего отца. Вообще родителей. Вдруг это ему самому не понравится, а? Хотя, кто не любит своих родителей и не готов рассказывать о них часами? Пусть поймут меня правильно...

– Верно, – успокоила я Зухру. – Тебе есть, кем гордиться. Как и народу, чьим достойным сыном по праву является Магомет Абдурзакович Боташев.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Дорогой читатель!

Перед тем, как поставить точку, я хотела бы поделиться с тобой своими соображениями о том, как родилась идея написать документальную повесть «Дерево держат корни». Что подтолкнуло меня рассказать о человеке, который, оставаясь живым памятником героического прошлого страны, трагического, полного бед и лишений времени своего народа, уже по праву стал легендой.

Встречаясь, подолгу беседуя в разной обстановке с Магомедом Абдурзаковичем Боташевым, каждый раз приятно удивляясь феноменальности его памяти, способности верно, в тесной взаимосвязи, оценивать минувшее и настоящее, я не могла не поблагодарить судьбу за предоставленную возможность общения с мудростью.

Карачаевцы говорят: «Ата Джуртуму башчысы болмасам да, босагъасыны ташы болайым», что в переводе звучит так: «Пусть я не буду главой своей Отчизны, пусть я буду камнем на ее пороге».

Эти слова, рожденные коллективным гением народа, с максимальной точностью выражают главную суть жизни Магомета Абдурзаковича. Беззаветная преданность древней земле предков, неустанный, подлинно титанический труд во имя ее расцвета и благополучия обозначили важнейшие ориентиры в его долгом и трудном, но чистом, как горный ручей, восхождении к безукоризненному авторитету и уважению у народов Карачаево-Черкесии.

Сегодня, когда магические, освещенные благородными идеями, понятия «Патриот», «Отчизна», «Родина», «дружба» стали обесцениваться и терять свой высокий смысл, обращение к образам таких людей, как Магомед Абдурзакович Боташев, способно вернуть нас к своим истокам, сохранить память об удивительном поколении и возродить в нас лучшее.

Лауреат Нобелевской премии по литературе, выдающийся писатель современности Александр Солженицын в одном из своих интервью, размышляя о произошедших в России изменениях и их последствиях, заметил, что спасти Россию, ее специфическую уникальность может и должна, так называемая, общенациональная идея. Своего рода формула нашей жизни в совершенно новых условиях. Фундаментальная разработка ее концепции пока не увенчалась успехом. Одной из ее составных, мне видится, может стать предельно внимательное изучение истории через судьбы наиболее значительных личностей, ставших национальным достоянием своих народов. Именно таким национальным достоянием не только карачаевского, но и всех народов Карачаево-Черкесии является Магомет Абдурзакович Боташев.

Несмотря на солидный возраст, он и сегодня в гуще всех событий. Внимательно следит за происходящим в России, Карачаево-Черкесии, анализирует, сопоставляет, высказывает свою точку зрения и... часто не может уснуть по ночам. Возвращается в прошлое, перелистывает страницы памяти, вновь и вновь осмысливая жизненный путь, трудные дороги, свершенное им на благо людей.

Его совесть перед народом и временем чиста. Пройдя две войны, ад сталинских репрессий, долгое время находясь на высоком государственном посту, он никогда не покривил душой. Не сделал того, за что потом становится стыдно и заставляет на людях опускать глаза.

Из редчайшей, а с точки зрения сегодняшнего дня, уникальной породы одержимых Магомет Абдурзакович являет собой пример постоянного стремления к самосовершенствованию и самопожертвованию. Совершенствоваться, чтобы ежедневно отдавать себя людям, растворяться в них – удел понастоящему избранных. Немногих. Но без которых на смену ночи не придет день, не зацветут весной сады, не прольется с неба освежающий дождь и не засверкает над землею радуга.

Вовсе не гипербола использованное мной выше в отношении Магомета Абдурзаковича слово «легенда». Свидетельство тому – поступившие накануне его юбилея сотни писем от простых граждан, которым он пришел в трудный час на помощь. Или просто дал добрый совет. Не заставлял, пользуясь своим положением, томиться в приемной, не отправлял по другим инстанциям, зная, что зачастую даже один час зря потраченного времени может решить судьбу человека.

Не нажив добра, он стал обладателем главного в жизни богатства – непререкаемого уважения народа.

Трудно назвать кого-либо из бывших руководителей Карачаево-Черкесии, о ком так тепло, так проникновенно, с такой любовью и почтением говорят русские и карачаевцы, греки и абазины, осетины и черкесы, ногойцы, армяне, представители других народов, проживающих на территории республики.

Прошедшее в конце мая 2001 года в Черкесске торжественное собрание, посвященное 80-летию со дня рождения Магомета Абдурзаковича Боташева, вновь показало огромную объединяющую, созидающую силу отдельно взятой яркой личности, интересы которой прямо пропорционально отражают интересы и чаяния простых людей.

Магомет Абдурзакович понятен, близок и дорог всем народам Карачаево-Черкесии. В нем, как в капле росы, аккумулировано самое ценное, чем дорожили мы долгие годы, что составляет основу самой жизни: дружба, добрососедство, взаимосотрудничество, умение находить приемлемые компромиссы и постоянно стремиться к сохранению в обществе мира, согласия и стабильности.

Да, порой по ночам он долго не может уснуть. Потому что щемит его сердце. Честного и порядочного человека. Не раз смотревший смерти в лицо, познавший невероятные тяготы жизни, он не может спокойно взирать на происходящее сегодня. Когда его Родина – великая Россия – превратилась в полигон межнациональных конфликтов, когда с экрана телевизора голодными, полными безысходности глазами смотрят на него дети, наши дети, а старики, когда-то создававшие блага, униженные и оскорбленные, копошатся в мусорных ящиках в надежде чем-нибудь поживиться. Когда, наконец, на фоне массового народного обнищания растет число миллионеров и даже миллиардеров, беззастенчиво – да что там! – бессовестно обкрадывающих страну.

Никто не знает, как разрывается душа этого благородного, умного, мудрого человека, когда ему рассказывают о продолжающемся падении жизненного уровня населения, в том числе и родной Карачаево-Черкесии, происходящей переоценке ценностей, особенно среди молодежи, увеличивающемся количестве разрушенных и обворованных промышленных предприятий, колхозов, совхо-

зов, многие из которых появились не без его самого активного участия.

Но еще большее ему от того, что люди перестают понимать друг друга, прислушиваться друг к другу, извлекать из прошлого правильные уроки и пытаться не совершать уже когда-то допущенные ошибки.

В наших многочисленных беседах Магомет Абдурзакович очень часто повторял слова великого доктора Гааза: «Спешите делать добро». Потом я поняла: в этих словах кодекс его чести, его образ жизни, мышления, раз и навсегда выбранная линия поведения.

Впитав с молоком матери лучшие человеческие качества, вобрав в себя духовную сокровищницу народа, изначально верно определив приоритеты жизненных интересов, Магомет Абдурзакович Боташев взошел на вершину мудрости, что удастся далеко не каждому.

Я не могла не написать о нем. Не могла не поделиться с тобой, мой дорогой и взыскательный читатель, своими чувствами от общения с талантливым своей человечностью человеком.

Я давно знакома с Магометом Абдурзаковичем Боташевым. Порой, мне кажется, всю свою сознательную жизнь. Но, надо признаться, в значительной степени мое представление об этой, вновь повторяю, неординарной личности формировалось на основе искренних, добрых, проникнутых глубоким уважением впечатлений о Магомете Абдурзаковиче моего ушедшего из жизни супруга Азрета Шахим-Гериевича Шаманова, работавшего с Боташевым бок о бок на протяжении долгих лет в должности заместителя председателя облисполкома.

Вечерами, когда в нашем доме становилось, наконец, тихо, Азрет, сидя за чашкой чая на кухне, рассказывал о событиях минувшего дня, делился планами, переживал, если что-то не получалось. И каждый раз разговор непременно заходил о М. А. Боташеве. Председатель облисполкома высоко ценил своего заместителя А. Ш.-Г. Шаманова, такого же, как и он, участника Великой Отечественной войны, сполна разделившего всю тяжесть выпавших на долю родного народа жестоких испытаний в годы депортации.

Каюсь: многое из услышанного тогда от Азрета не записывала. А надо было. Кое-что все-таки успевала занести в блокноты, которые храню и до сих пор. Эти записи помогли мне в работе над книгой, которую вы сейчас держите в своих руках.

Азрет не раз говорил, что такие, как Магомет Абдурзакович появляются на земле нечасто.

Разумеется, в эту книгу вошло не все, что я собрала в ходе работы над рукописью. Многих, с кем мой герой долго работал и общался, уже давно нет в живых. Да и в самой судьбе Магомета Абдурзаковича и его верной спутницы Тамары Тугановны было не все просто. Жизнь есть жизнь. Потери и горести сменялись радостями, ожидания – надеждами.

Сегодня Магомету Абдурзаковичу уже за 80. Но, как и многие десятилетия назад он по-прежнему не может сидеть сложа руки. Его активной энергии, целеустремленности, глубокому, всестороннему интересу ко всему происходящему в жизни можно только позавидовать. Его часто можно увидеть на различных мероприятиях, собраниях, встречах. Магомет Абдурзакович щедро делится своим богатым опытом, к его мудрым советам прислушиваются руководители республики, его словам внимают все, кто стремится превратить Карачаево-Черкессию в цветущий уголок великой России.

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ БИОГРАФИИ М. А. БОТАШЕВА

Родился 5 мая 1921 года в ауле Хурзук бывшей КАО

– 1939 год – окончил среднюю школу № 4 г. Кисловодска

– 1939 год – поступил в Тбилисский индустриальный институт.

– Ноябрь 1939 года – призван на срочную службу в ряды Красной Армии

– 1939–1940 гг. – участвовал в войне с Финляндией.

– С 22-го июня 1941 г. по июль 1944 г. – активное участие в Великой Отечественной войне.

– Июль 1944 г. – конец 1945 г. – служба в тыловом Южно-Уральском военном округе.

– 1952 год – заканчивает Ташкентский институт инженеров железнодорожного транспорта.

– 1952–1957 гг. – инженер путей сообщения на Туркестано-Сибирской железной дороге.

– 1957 г. – учеба на курсах при Высшей партийной школе в Москве.

– 1957 г. – избирается вторым секретарем Карачаевского райкома КПСС.

– 1958–1962 гг. – председатель Карачаево-Черкесской областной плановой комиссии.

– 1962–1964 гг. – учеба в Высшей партийной школе ЦК КПСС в Москве.

– 1964–1966 гг. – заведующий отделом промышленности и транспорта, секретарь Карачаево-Черкесского областного комитета КПСС.

– 1966–1979 гг. – председатель Карачаево-Черкесского облисполкома.

– 1979–1987 гг. – заместитель Торгового представителя СССР в Польше.

– 1966–1979 – избирался депутатом Верховного Совета РСФСР трех созывов.

– 1999 г. – Магомет Абдурзакович становится доверенным лицом кандидата на пост Президента Карачаево-Черкесской Республики генерала армии В. М. Семенова.

– 2001 г. – избран председателем межнационального консультативного совета при президенте Карачаево-Черкесской Республики.

Друзья и родные на проводах М. А. Боташева на работу в Польшу

Май, 1979 год. Руководство торгпредства СССР в Польше, г. Варшава

*Старый воин привел молодого на плац Победы. Варшава, октябрь, 1979 год.
М. А. Боташев с сыном Рамазаном*

*1981 год, Варшава. Выставка книг.
В штабе военного округа, Польша. В центре — командующий округом и Боташев М. А.*

У здания посольства СССР в ПНР. Встреча ветеранов. Май, 1980 год, г. Варшава

Варшава, май 1979 года, на приеме. Справа М. Боташев с супругой Тамарой Тугановой

Варшава, 1985 г. 22 января

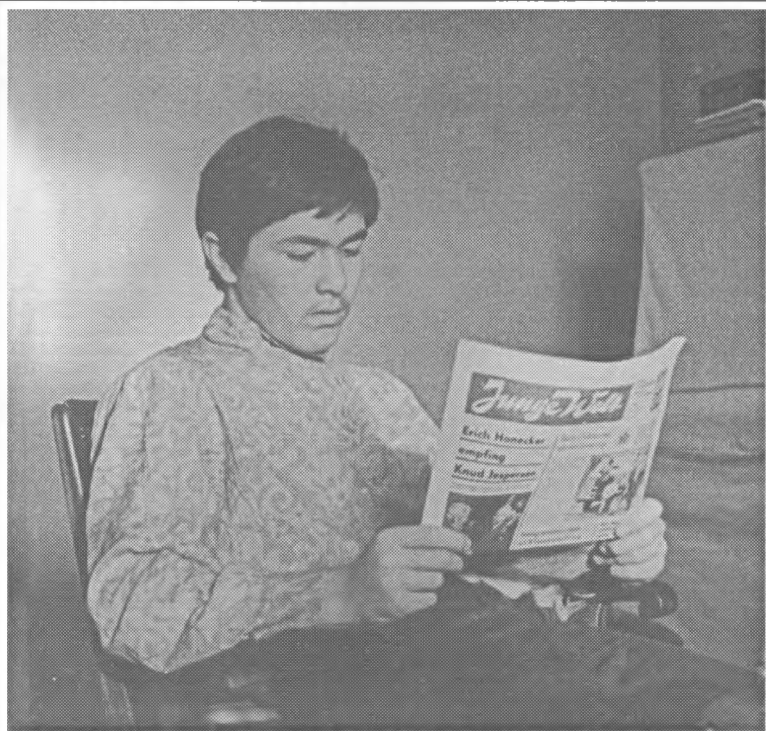
Варшава, 1984 год. Переговоры на заводе тяжелого оборудования

Переговоры в Торгпредстве СССР. Варшава, 1984 г.

*Копальня.
Польша, г. Катовица, М. А. Боташев среди польских шахтеров*

*Сын М. А. Боташева Рамазан — студент Варшавского университета —
за чтением польской молодежной газеты*

*Чрезвычайный и Полномочный Посол
Союза Советских Социалистических Республик
и В. Ф. Аристова*

имеют честь просить тов. Боташева М.А.

пожаловать на прием
во вторник, 21 апреля 1981г. в 19 часов 30 минут.

Улица Бельведерска, 49

М. А. Боташев в Польше

Первый ряд, слева направо: Метител Федор Степанович – консул СССР в Польше, Аксенов – посол СССР в Польше, Крапивин Михаил Александрович – советник, Никифорул Иван Евстафьевич – советник СССР в Польше, второй ряд, слева направо: Лебяжьев Георгий Георгиевич – торгпред СССР в Польше, Боташев Магомет Абдурзакович – замторгпреда СССР в Польше

Магомед у боевых орудий

В день возвращения из Польши, 1987 год, с. Красный Курган

*Москва. Кремль. Георгиевский зал. 8 мая 2001 года.
Президент России В. Путин вручает М. Боташеву орден Дружбы*

М. А. Боташев и Т. Т. Боташева

Семья Боташевых

Дети М. А. Боташева. Справа старший сын Мурат, дочь Медина, сын Рамазан. Фото 1975 года – в год окончания Мединой Московского медицинского института

*Магомет с племянником
Борей Борлаковым*

Магомет и Тамара с первенцем Муратом. Ташкент, 1950 г.

Магомет и Тамара с дочерью Мединой. Фрунзе, 1952 г.

*Тамара и сестры Магомета
Гезам и Айшат с его младшим сыном
Рамазаном. Фрунзе, 1957 г.*

Кисловодск, 1987 г.

Сыновья М. А. Боташева и невестка, слева – Мурат, справа – Рамазан, в центре – Клара (урожденная Каппушева). На руках – внук Ислам

Кисловодск, 1971 г. М. А. Боташев с сестрами. Сидят (справа налево) Сапрахан (Гыджыккы), Гезам, Зурум, стоит – Айшат

с. Красный Курган, 1999 г.

М. А. Боташев с внуками. Справа налево: Ислам Боташев, Руслан Салпагаров и сын двоюродного брата Умар Борлаков

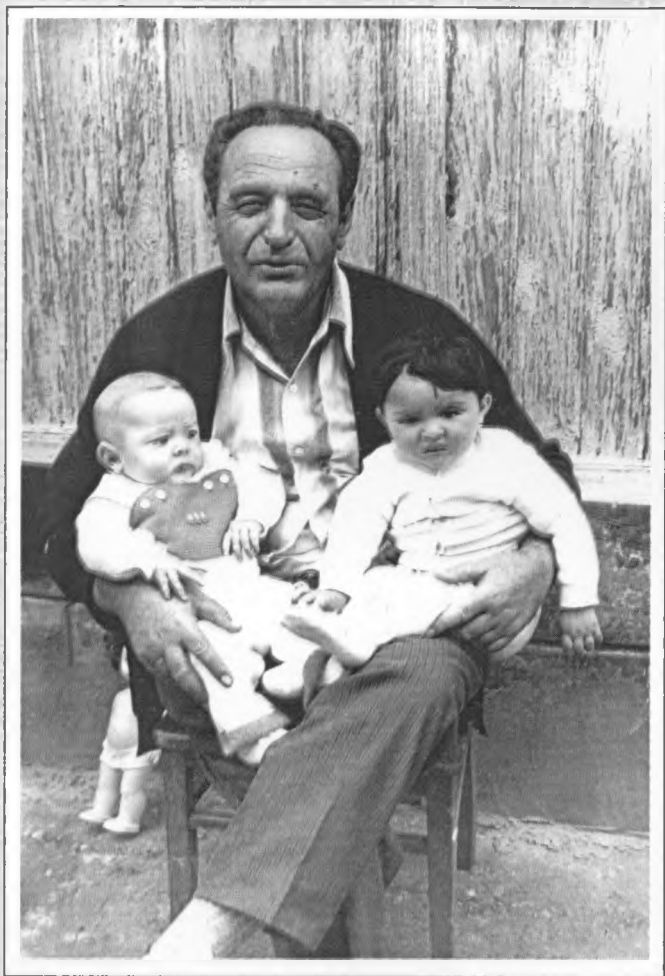
с. Красный Курган, 1999 г. Отмечается день рождения внуков: Ислама – слева от М. А. и Руслана – справа от Тамары Тугановны. На заднем плане стоит Клара Узеировна – невестка Боташевых

*14 марта 1979 г., Новая Дзегута.
Магомет с семьей в гостях у двоюродного брата Ахмата Борлакова*

Лето у матери. 1965 г., с. Красный Курган

*с. Красный Курган. М. А. Боташев
с внучкой Айшат и внуком Шамилем. 1981 г.*

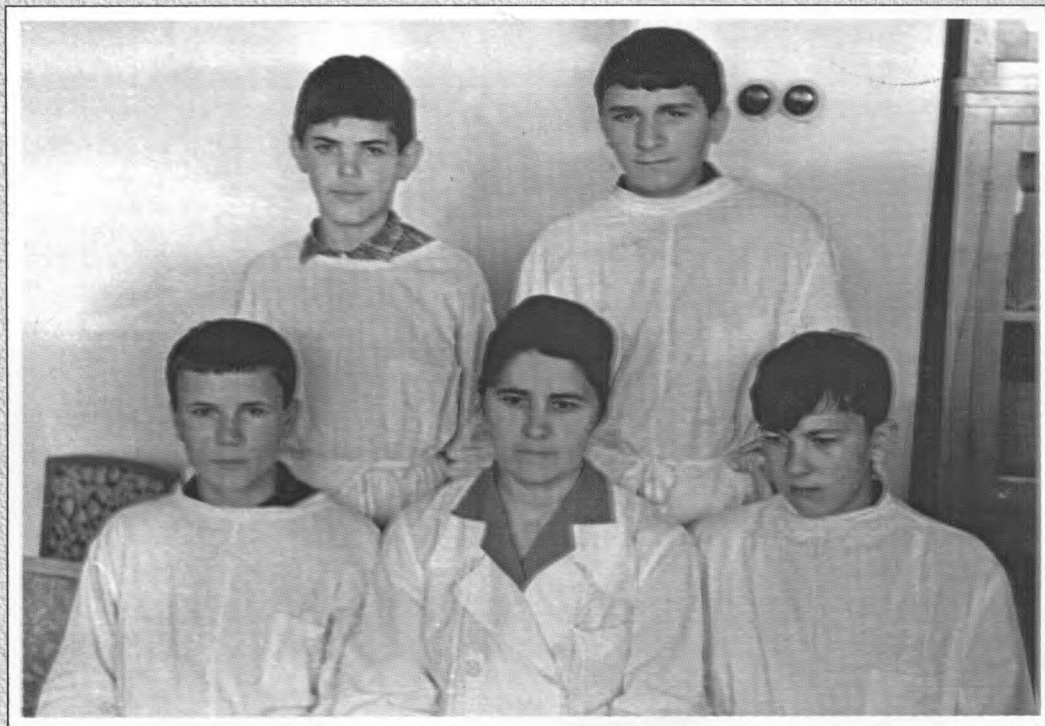
Магомет Абдурзакович и его сын Мурат. Ракетный полигон в Астраханской области

*Педагогический коллектив Черкесского медучилища.
3 января 1975 г. Третья слева в первом ряду Т. Боташева*

*Заседание КИД.
Черкесск, медучилище, 28 февраля 1974 г.*

Тамара Тугановна с будущими фельдшерами. Черкесск, медучилище

Перед первомайской демонстрацией. Черкесск, 1971 г.

*– Я совершенно не понимаю, о чем они только думают?!
Ведь говоришь, говоришь...*

В лаборатории медучилища со студентами

Теберда, турбаза. 1969 г.

Черкесск, 23 февраля 1978 г. Встреча с ветеранами

Последний выпуск. 1979 г.

Боташев М. А., Магомедов С. К., Абисалов Ш.

*Зять Боташева Умар Салпагаров, дочь Медина,
их дети Шамиль, Руслан, Айшат*

С любимой внучкой Айшат

2001 г. М. Боташев в кругу родных

НАГРАДЫ М. А. БОТАШЕВА

- Орден Отечественной войны I степени
- Орден Красной Звезды
- Орден Трудового Красного Знамени
- Орден Трудового Красного Знамени
- Орден Трудового Красного Знамени
- Орден «Знак Почета»
- Орден Дружбы
- Медаль «За отвагу»
- Медаль «За оборону Сталинграда»
- Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
- Медаль «20 лет Победы 1941–1945 гг.»
- Медаль «25 лет Победы 1941–1945 гг.»
- Медаль «30 лет Победы 1941–1945 гг.»
- Медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина»
- Медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне»
- Медаль «В память 45-летия обороны Киева»
- Медаль «50 лет Вооруженным силам СССР»
- Медаль «60 лет Вооруженным силам СССР»
- Медаль «70 лет Вооруженным силам СССР»
- Медаль ордена «За заслуги перед Отечеством»
- Медаль «Ветеран труда»
- Четыре благодарности Верховного главнокомандующего Маршала СССР И. Сталина
- Почетная грамота Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации
- Золотая медаль ВДНХ «За успехи в народном хозяйстве СССР»
- Почетный гражданин г. Черкесска.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГОДЫ. ВСТРЕЧИ. ЛИЦА

Магомет Абдурзакович долгие годы работал на разных руководящих должностях, контактировал со многими работниками ЦК КПСС, Совета Министров СССР. А с руководителями Ставропольского края постоянно приходилось встречаться для решения проблем экономической, социальной и культурной жизни области.

И сегодня Магомет перелистывает записи, которые он делал десятки лет назад, и опять берется за перо. Берется для того, чтобы рассказать, в каких условиях, с какими людьми приходилось работать, чтобы ошибки тех лет не переходили на день сегодняшний, чтобы властьпредержащие сегодня не забывали, что их деятельности, их человеческим качествам, их нравственности и духовности дадут оценку будущие поколения.

Об этом рассказывает он в своих воспоминаниях. Я предлагаю их вашему вниманию без комментариев, без каких-либо правок и дополнений. Ибо это его мнение. Мнение человека, который вынашивал свои мысли десятки лет. Мнение, которое он не может не высказать, не сделать достоянием других.

МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ ГОРБАЧЕВ

В период моей работы в Карачаево-Черкесской автономной области первыми секретарями Ставропольского краевого комитета партии были И. К. Лебедев, Ф. Д. Кулаков, Л. Н. Ефремов, М. С. Горбачев и В. С. Мураховский.

О Лебедеве мне сказать почти нечего. Запомнились, правда, два момента. Первое, когда мы, группа карачаевцев, вместе с представителями других репрессированных народов были в Москве в начале 1957 года на курсах ВПП при ЦК

КПСС. Тогда Лебедев приехал к нам, рассказал о ходе возвращения карачаевцев на родину. Здесь же передал свой разговор с А. И. Микояном по вопросу переименования города Клухори. Как известно, после выселения карачаевцев территория Карачаевской автономной области была разделена между Грузией, Ставропольским и Краснодарским краями. Кубанское и Тебердинское ущелья вместе с областным центром Микоян-Шахаром достались Грузии. Город тогда переименовали в Клухори.

Когда Лебедев сказал Микояну, что есть мнение городу вернуть прежнее название «Микоян-Шахар», то, по словам Лебедева, Микоян какое-то время молчал, а потом спросил: «Есть ли другие предложения?»

Лебедев ответил, что есть мнение назвать город именем народа: «Карачаевск». Микоян тут же сказал: «Пусть будет Карачаевск».

И еще помнится выступление Лебедева на пленуме Карачаево-Черкесского обкома партии. Разговор шел о развитии птицеводства. Было мнение разводить больше уток. Он тогда говорил: «Утка не столько водоплавающая птица, сколько сухопутная», и что они «заставят весь край крякать».

Что касается Кулакова и Ефремова, то они пользовались большим авторитетом. Им люди верили, уважали их.

При них экономика и культура края ускоренно развивались, росло благосостояние населения.

Ф. Д. Кулаков, по общему мнению, прекрасно разбирался в сельском хозяйстве, был человеком энергичным, решительным, подвижным. Благородная внешность, общительность завоевывали симпатии всех, кто с ним общался.

Мне особенно запомнилась одна обстоятельная встреча с Кулаковым. Это произошло в Пятигорске, куда он приехал из Москвы отдыхать. В это время он уже работал секретарем ЦК по сельскому хозяйству.

Нас было несколько человек, в том числе М. С. Горбачев. Ф. Д. Кулаков рассказывал о только что состоявшемся пленуме ЦК, где обсуждался вопрос о развитии Нечерноземья России.

Основным докладчиком на пленуме был сам Кулаков. Все присутствующие горячо одобрили принятые решения, особо подчеркивали их своевременность. У меня вырвалась реплика: «Решение запоздало на 15–20 лет». Она произнесена была мною

под свежим впечатлением, которое я вынес из посещения перед этим города Алексина Тульской области. Я был там со своим товарищем из Совета Министров РСФСР в субботу и воскресенье в гостях у младшего брата всем известного председателя колхоза, ныне губернатора Тульской области Стародубцева. То, что я видел и слышал там, ошеломило меня.

В то время 94 процента населения области проживало в городах и рабочих поселках. Сельскохозяйственные работы, буквально все (пахота, сев, уборка, уход за скотом, дойка и т. д.), в колхозах и совхозах Алексинского района выполнялись коллективами промышленных предприятий.

Заводы города Алексина, в том числе пороховые, имели так называемые сельскохозяйственные цеха со своими агрономами, зоотехниками, механизаторами, разнорабочими.

В деревнях, встречавшихся по дороге, окна и двери почти всех домов были крест на крест заколочены досками, а дворы и приусадебные участки заросли бурьяном. Гнетущее впечатление.

После моей реплики все замолчали. Мне подумалось, что Кулаков знает, что я имел в виду. О мотивах моего мнения он не спросил и перевел разговор на другую тему. Зато потом состоялся серьезный разговор с Горбачевым.

Он заявил, что ЦК знает, когда и какое решение принимать, и не мое дело секретарю ЦК указывать. Надо знать с кем и что говорить! От подобных реплик пользы никакой, а вред может быть.

Л. Н. Ефремов до приезда в Ставрополь работал первым заместителем председателя (Н. С. Хрущева) бюро ЦК КПСС по РСФСР. Именно это стало причиной того, что после смещения Хрущева с должности первого секретаря КПСС и председателя правительства, Ефремов был «сослан на Кавказ».

Л. Н. Ефремов — человек с широким кругозором, с большим жизненным и профессиональным опытом. Он инженер-механик, работал по специальности на заводе, был председателем облисполкома, возглавлял крупнейшие областные партийные организации. Был переведен на работу в ЦК с должности первого секретаря Горьковского обкома КПСС. После работы в Ставрополе он был первым заместителем председателя Госкомитета СССР по науке.

Глубокие всесторонние знания, высокая культура, исключительная порядочность, доброжелательность и остроумие, присущие Ефремову, завоевали ему уважение всех

слоев населения края. Он хорошо относился к Карачаево-Черкесии, знал ее проблемы, старался помогать.

Этим объясняется и следующий факт. Когда в его бытность в Ставрополе подняли вопрос о повышении статуса автономной области и образовании автономной республики, он не чинил нам никаких препятствий. А мог бы загубить этот вопрос в зародыше. Тот же Горбачев никогда бы этого не допустил. Это говорило о том, что он понимал: Карачаево-Черкесия переросла статус автономной области, у нее есть все условия для динамичного развития без опеки края.

Л. Н. Ефремов сейчас живет в Москве. Дай Бог ему здоровья на долгие годы.

После Л. Н. Ефремова первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС стал М. С. Горбачев. По свидетельству Л. Н. Ефремова, Горбачев был избран вторым секретарем крайкома по настоянию Ф. Д. Кулакова, который ссылался на мнение секретариата ЦК. И первым секретарем крайкома Горбачев был избран, конечно, не по инициативе членов крайкома партии.

На этом посту М. С. Горбачев проработал 8 лет. С 1978 года он секретарь ЦК КПСС, с 1980 года член Политбюро и с марта 1985 года Генеральный секретарь ЦК КПСС, председатель Совета обороны СССР.

Михаил Сергеевич, в отличие от многих руководителей страны, ни на хозяйственной, ни на советской (государственной) работах никогда не был. Юрист по образованию он практической юридической работой совершенно не занимался.

Университет, комсомольская работа, секретарь парткома, заведующий отделом партийных органов и т. д.

Знал я Горбачева ряд лет. Много раз с ним встречался. Я не могу сказать, что он ко мне плохо относился. Каких-либо обид личного характера не имею.

Сейчас о Горбачеве много пишут, много говорят. Безусловно, он вошел в историю нашей страны, да и мира. Ведь при Президенте СССР Горбачеве развалилась великая держава, это при нем разрушилась могучая партия, генсеком которой он был.

Говоря о Горбачеве, я хочу сослаться на мнение одного человека, которого я искренне уважаю. Это Виталий Иванович Воротников. Виталий Иванович трудился на заводе и во время войны. Окончил авиационный институт, работал

по специальности, был председателем Куйбышевского облисполкома, первым заместителем председателя Совета Министров Российской Федерации, послом нашей страны в республике Куба, первым секретарем Краснодарского крайкома партии, председателем Совета Министров Российской Федерации, Председателем Верховного Совета РСФСР, членом Политбюро, Герой Социалистического Труда.

Я с ним встречался многократно по делам КЧАО в его бытность первым заместителем председателя Совета Министров РСФСР. В этот период, между прочим, не только я, а все советские руководители краев, областей, республик стремились решать свои вопросы не у Соломенцева – председателя Совета Министров, а у Воротникова. Когда по какому-либо вопросу надо было отчитываться в Совете Министров, то просили Бога, чтобы заседание вел Воротников, а не Соломенцев, ибо Соломенцев бесконечно перебивал докладчика, не давал говорить, произносил длинные речи. Из его выступлений в памяти ничего полезного не оставалось. Все мы считали, что Воротников намного умнее Соломенцева, обладает более глубокими знаниями, более воспитан, приносит больше пользы России, регионам. Освобождение его от должности первого заместителя председателя Совета Министров было расценено как козни Соломенцева, который не хочет иметь заместителем сильного, авторитетного человека.

После назначения Виталия Ивановича послом на Кубе, я часто с ним встречался в здании МИДа и минвнешторга СССР на Садовой. В течение месяца он в МИДе, а я во внешторге проходили стажировку перед отъездом ему на Кубу, а мне в Польшу. В это время я узнал Воротникова еще лучше.

В своей книге «А было это так...» В. И. Воротников пишет: «Я часто размышляю сейчас, насколько Горбачев искренен, утверждая в своих интервью, начиная с 1992 года, что все то, что происходит ныне в демократической России, было им изначально с первых шагов перестройки задумано. Но он скрывал это, двигаясь этапами, шаг за шагом реализовывал эти планы, идя по пути «демократических» реформ. «Если бы я тогда провозгласил конечную цель, – заявляет Горбачев, – то меня немедленно бы свергли».

...Я не верю этому «чистосердечному» признанию. Да, Горбачев обманул ожидания своего народа. ...Вверх Советский Союз в хаос, разруху и развал. Но не благодаря своему уму или заведомо мощной стратегии, а вследствие неумного фата-

лизма, веры в свое особое предназначение. И не без помощи, как сейчас говорят, «агентов влияния», поддавшись и купившись на посулы своих и заокеанских «доброжелателей».

Я тоже не верю Горбачеву, когда он открыто и нагло заявляет: «Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма. Именно для достижения этой цели я использовал свое положение в партии и стране». Все, кто мало-мальски знают Горбачева, будут со мной согласны. Никакой цели «уничтожения коммунизма» в период его работы в Ставропольском крае он не имел. Наоборот, он был самым рьяным защитником идей коммунизма, ярым врагом инакомыслия. При обсуждении любых вопросов выпячивал политическую сторону проблемы, любым недоработкам и упущениям подводил идейную базу, видел угрозу делу строительства коммунизма. Приведу несколько примеров.

Испокон веков карачаевские женщины изготавливают изделия из шерсти. Они умеют делать и делают добротные, красивые вещи. Это мастерство, можно сказать и искусство, передается из поколения в поколение. Изделия делаются для членов семьи, для родственников, гостям, а так же для продажи. Кстати, женщины-карачаевки в период войны солдатам и командирам Советской Армии отправляли в качестве подарков тысячи и тысячи теплых вещей из шерсти (носки, варежки, башлыки, бурки). Вязали даже дошкольницы. Это же мастерство и трудолюбие женщин спасло от неминуемой смерти, от голода и холода в первые годы пребывания карачаевцев в Средней Азии и Казахстане, куда они были сосланы в 1943 году.

Этим ремеслом занимались наши женщины-горянки и после возвращения на родину. Да, они ездили по всей стране. Разве это было плохо?! В карачаевской семье не было понятия «сидеть без дела». Домохозяйки, девочки вязали. Они создавали своими руками красивейшие шерстяные изделия. Это настоящее искусство.

Нашлись люди, которые посчитали, что это незаконное занятие, а женщин, во многих случаях многодетных, и их дочерей причислили к «паразитическим элементам».

Летом 1973 года в газете «Правда» появился фельетон «Аргонавты на толкучках» корреспондента этой газеты по Ставропольскому краю Панкратова. В фельетоне факт широкого распространения производства изделий из шерсти в области практически рассматривался как общественно опасное явление.

В постановлении бюро крайкома, принятом после обсуждения статьи в «Правде», изобилуют такие выражения: «негатив-

ные процессы ... в социальной и духовной жизни населения», облсовет и местные советы «занимают примиренческую позицию в борьбе с этими нездоровыми явлениями, недооценивают их общественную опасность», «прирост поголовья овец в индивидуальном секторе превышает темпы роста в общественном», «чуждые социалистическому образу жизни», «частнособственническая психология», «стяжательство», «паразитические элементы», «национализм», «местничество» и т. д. Читаешь сейчас и диву даешься. «Организация бытовых услуг по чесанию шерсти способствовала оживлению частнособственнических тенденций...»

В постановлении бюро также отмечалось что административные и финансовые органы, народный контроль не принимают жестких мер для «пресечения преступного промысла».

Таким образом, изготовление шерстяных носков, кофт, джемперов, шапочек и т. д. из собственного сырья квалифицируется в постановлении как «преступный промысел». И это постановление принял партийный комитет, который возглавлял М. С. Горбачев.

Еще один пример. В Ставрополе было принято решение заслушать КЧАО на заседании бюро краевого комитета партии по вопросу о ходе поставок государству продуктов животноводства. Крайком и крайисполком часто практиковали такой метод руководства автономной областью, поэтому ничего необычного вроде не было. Однако, если до этого и после этого отчета на заседании бюро крайкома отчитывался всегда первый секретарь обкома партии. А на заседаниях крайисполкома обычно отчитывался председатель облисполкома. Но на этот раз правило решили изменить. И потому на бюро должен был по данному вопросу сделать информацию я.

Решили заслушать председателя облисполкома. Я готовился к отчету. Надо сказать, что в это время Карачаево-Черкесия свои обязательства по заготовкам продуктов животноводства выполняла неплохо. И я, когда мне предоставили слово, за 7–10 минут доложил результаты нашей работы. Когда ведущий заседание Горбачев спросил, есть ли вопросы, один из членов бюро Савельев (председатель крайсовпрофа) обратился с вопросом не ко мне, а к Горбачеву: «А вы знаете, как они выполняют план? Они выполняют план за счет индивидуальных хозяйств, а не колхозов и совхозов».

Я же заметил: «По-моему, для рабочих Челябинска все равно: мясо доставлено из колхозных, совхозных ферм или из подворий колхозников и рабочих совхозов».

Я упомянул Челябинск, вспомнив отправку в Челябинск незадолго до этого дня большой партии мяса Черкесского мясокомбината, а рабочих – имея в виду профсоюзную должность Савельева.

Реплика вызвала оживление в зале, но никак не у членов бюро. Вопрос Савельева, похоже, был заранее подготовленным сигналом, отправной точкой горячего, продолжительного монолога Горбачева. В чем только он не обвинил облисполком и другие советы области. В сплошном нарушении в Карачаево-Черкесии норм содержания скота в подворьях колхозников и рабочих совхозов, учителей, врачей и т. д. В том, что мы возрождаем кулачество, в строительстве двухэтажных домов (индивидуальных), и что самое преступное – кроют их оцинкованным железом.

В выступлении прозвучало о многих фактах негативных явлений в области.

После Горбачева почти все выступления были в том же ключе. Мол, страна идет к коммунизму, а в Карачаево-Черкесии культивируют индивидуализм, потакают частнособственническим пережиткам.

Нашелся и такой член бюро, который считал, что недопустимо, когда учителя во время летних каникул вместо того, чтобы совершать туристические походы, поездки по стране для расширения кругозора, косят сено для своих коров. Никто не сказал, что все это наблюдается у представителей карачаевского народа. Но фамилии назывались только карачаевские. И все знали, «в чей огород бросали камни».

Меня все время удивляло отношение к карачаевскому народу. И этот раз не был исключением. Очень удивило полное незнание психологии карачаевского народа. Ведь ни для кого не секрет, что этот народ начисто лишился домов, всего своего имущества в результате насильственного выселения за несколько часов.

Второй раз практически лишился еще раз всего нажитого тяжким трудом за четырнадцать лет вдали от родины. При возвращении на родину все было продано за бесценок.

Приехали ведь на голое место. Даже если были целы дома, хозяева не имели права их требовать, чтобы вернули. Надо было снова строиться. Никто из членов бюро не задумывался над тем, что карачаевские семьи обустроиваются капитально в уверенности, что теперь уже они и их потомки будут жить здесь вечно. Для этого они работают неутомимо, работают муж-

чины и женщины, старики и дети. Обустраиваются в большинстве случаев, отказывая во многом себе и своим детям.

В общем, критика в наш адрес была острейшей. Можно было ожидать оргвыводов, как тогда говорили. Но постановляющая часть решения оказалась на редкость общей: «признать», «отметить», «обязать», «потребовать», «обеспечить», «доложить».

Другой бы на моем месте, может быть, и обрадовался, что легко отделался: не сняли с работы, не объявили взыскание. Но я страшно переживал по дороге из Ставрополя в Черкесск. Не мог понять такое предвзятое отношение именно ко мне, как к представителю карачаевского народа, такое несправедливое обвинение людей труда. За то, что они день и ночь работают, производят мясо, молоко, а вместо одобрения, поощрения – критика, оскорбления, унижения! Как все это проглотить?! Как пройти мимо этого факта, будто ничего особого не случилось?! Не спал всю ночь. Слышал эти голоса пренебрежения, видел эти взгляды. За что?! За что?!

Утром, как только пришел, позвонил Горбачеву и попросился на прием. Он спросил: «По вчерашнему заседанию бюро?» Я ответил: «Да». Он засмеялся и говорит: «Приезжай. Только к концу рабочего дня, чтобы нам никто не мешал».

Принял меня Горбачев так, как будто ничего особого не случилось. Настроение у него было хорошее. Угостил чаем. Показал массу фотографий, снятых в Архызе во время пребывания там Косыгина. Просил выбрать себе фотографии. Он знал о моем отношении к Косыгину. Я с удовольствием взял фотографии, поблагодарил.

Приехал я в Ставрополь с намерением сказать Горбачеву: «После такой острой критики, после такого отношения я считаю, что мне не следует дальше занимать пост председателя облисполкома. Я занимаю эту должность уже десять лет. Хватит. Может, на другой работе я принесу больше пользы. А кто-то другой на посту председателя сделает больше, нежели я». Я обдумал и решение мое было твердым. И я сказал все, что думал. Горбачев стал меня успокаивать. Мол, ты не воспринимай все так близко к сердцу. Подобные недостатки есть у нас и в других районах. Мы сделали это, чтобы другие сделали соответствующие выводы. Ты работай смело, мы тебе доверяем и т. д.

Я уехал со странным чувством. Почему-то не верил в искренность Горбачева. Какое-то сомнение не давало мне покоя.

Было тяжело на душе от такого двойственного поведения секретаря крайкома партии.

Обидно было и за него. Что он такой... В крае бытовало мнение, что Горбачев многое делал чтобы показать ЦК, какой он принципиальный, инициативный, энергичный, деятельный и так далее. Может, и этот разговор на бюро крайкома партии тоже для показухи. В частности, Суслову, «другу» карачаевского народа, еще раз продемонстрировал какой он, Горбачев, принципиальный, идейно непримиримый к малейшим фактам, не укладывающимся в схему ускоренного продвижения к коммунизму.

Много непродуманных инициатив исходило от Горбачева. Например, по реорганизации сельскохозяйственного производства края. К ним можно отнести требование о незамедлительном создании межхозяйственных предприятий, ликвидации овощеводства в неспециализированных хозяйствах, строительстве железобетонных дворцов для овец и многое другое.

В период работы Горбачева были решены и крупные вопросы, которые имели определенную значимость для развития края. К ним можно отнести крупномасштабные работы по мелиорации, внедрению в засушливых районах парового земледелия и др., но инициаторами многих начинаний были такие прекрасные люди, настоящие профессионалы как председатель крайисполкома И. Т. Таранов, его первый заместитель Г. Г. Старшиков, секретари и заведомы крайкома Калашников, Будыка и др. Горбачев пробивал в ЦК идеи этих несомненно умных, по-настоящему заботящихся о благе страны и горячо любимого ими Ставропольского края.

Однако, как показала дальнейшая деятельность Горбачева, и в этих, несомненно положительных фактах просматривается его основная цель — продвижение по службе.

Оценивая деятельность Горбачева некоторые употребляя слова «предатель», «двурушник», «перевертыш» и т. д.

Эти определения, по моему, для его деятельности в Ставрополе не подходят. Здесь его больше знают как целеустремленного, энергичного, настойчивого, умного карьериста.

Все что он делал — это для собственной карьеры, из-за себялюбия, тщеславия. В это время ни малейшей «борьбы с коммунизмом» в деятельности Горбачева не было. Наоборот, все видело чрезмерное рвение Горбачева в приближении коммунизма.

Горбачев был инициатором перестройки. Объявленный им курс реформ в экономике и общественной жизни народы Советского Союза встретили, можно сказать, с единодушным одобрением. С таким же удовлетворением этот курс был

встречен во всех дружественных странах, в том числе и в Польше, где я в то время работал. Это объясняется не столько личными качествами Горбачева (в отличие от своих предшественников он был молод, хорошо говорил, подвижен и т. д.), сколько тем, что очень и очень многие понимали: реформы давно созрели, а «косыгинская реформа» спущена на тормозах.

Страна была чрезмерно централизована. Госплан, который в истории развития страны сыграл определенную положительную роль, теперь, регламентируя производственную деятельность предприятий до мелочей, лишил полностью или почти полностью свободы производителей продукции. Это относилось как к промышленным предприятиям, так и сельскохозяйственному производству. А это тормозило развитие, лишало инициативы (тогда было в ходу выражение: «Инициатива наказуема»), снижало ответственность руководителей, приводило к скоплению огромных масс товаров на складах из-за отсутствия сбыта, казенному отношению к делу, к снижению качества продукции. Ограничение свободы советских и хозяйственных органов иногда доходило до абсурда.

Помню такой случай. По инициативе прославленного председателя колхоза, Героя Социалистического Труда А. Д. Аргунова на собрании колхозников было принято решение штрафовать лиц, допускающих своим скотом потраву посевов.

Сколько нервов потратил бедный Аргунов, доказывая целесообразность, полезность этой меры. Так его заставили отменить это решение, ссылаясь на то, что решение о видах штрафов и их размерах может принять только Верховный Совет.

Или еще случай. Территория Тебердинского госзаповедника сильно засорялась массами туристов. В смете заповедника и бюджете поселкового совета деньги на уборку территории не предусматривались. Чтобы как-то выйти из положения, облисполком установил практически мизерную оплату за въезд в зону заповедника. Эти средства предназначались для уборки территории заповедника. Оказалось, что облисполком не имел на то права. И крайисполком потребовал отмены нашего решения. Мы не согласились. Тогда они обратились в Совет Министров России. Там, конечно, отменили наше решение.

Примеры, которые я привел, казалось бы мелочи. Но они говорят о многом. Любой поймет, что если по таким мелочам

нас опекали, указывали, что и как делать, то крупные проблемы мы тем более не могли самостоятельно решать.

Был такой эпизод. В связи с возвращением карачаевского народа остро встал вопрос о занятости трудоспособного населения. Особенно женщин. Делались неоднократные попытки решить эту проблему. Обратились мы в Министерство электронной промышленности СССР, просили для начала организовать производство самых простых комплектующих изделий, чтобы можно было трудоустроить как можно больше женщин и девушек. Я хорошо помню, что первого заместителя министра К. И. Михайлова заинтересовало наше предложение.

Он объяснил, что без разрешения Госплана новый завод они не могут построить. А добиться включения в государственное строительство нового завода трудно и потребует уйму времени. Поэтому он предложил: дайте нам какие-нибудь помещения, а мы за счет министерских средств, под видом реконструкции, расширения организуем производство. «Дайте нам пуговицу, а мы к ней пришьем пальто». По этому принципу было организовано производство, а потом построены новые заводы в Учкекене, Карачаевске, Черкесске, Хабезе, Зеленчуке.

Требовались реформы во многих областях. Было ненормально, когда государство взяло в свои руки всю сферу обслуживания населения, включая парикмахерские и сапожные мастерские, всю розничную торговлю, производство самых простых изделий вплоть до веников.

В стране была острая нехватка жилья. Выполнение программы «Каждой семье — отдельную квартиру» провалилось из-за нехватки у государства средств. Желаящим строить себе жилье земельные участки выделялись с огромным трудом. Или чаще всего не выделялись вообще. Ставили ограничения в размерах постройки жилья. На практике грубо нарушалось конституционное право граждан. Не могло быть и речи о строительстве мечети или церкви. Ненормальны были отношения между партийными и государственными органами.

Партийные комитеты, начиная с райкома и заканчивая ЦК КПСС, дублировали отделы и управления на местах, министерства — в центре. Некоторые партийные функционеры от имени партийного органа командовали государственными и хозяйственными органами.

Все, что я упомянул, а это мизер, требовало изменения, совершенствования, реформы. Этим, на мой взгляд, и объясняется, в основном, поддержка народом курса перестройки в ее начальном периоде. Следовательно, и рост авторитета Горбачева, объявившего перестройку, по его словам, направленную на совершенствование социализма, на улучшение жизни населения страны: рабочих и крестьян, стариков и детей, учителей и врачей, работников науки и культуры, военнослужащих.

А когда стала жизнь стремительно ухудшаться, большинство народа от Горбачева отвернулось. К моменту отставки с поста президента страны рейтинг его был низким.

Горбачев не оправдал надежд народа. Он обманул его. Даже приписывает себе это в заслугу: мол, он обманул всех и сделал так, как хотел. Это возмутительно!

Горбачеву нельзя верить. Я, например, не верю, когда он говорит, что не знал о расправе в Тбилиси над демонстрантами, о кровопролитии в Баку, о штурме телецентра в Риге, о создании ГКЧП.

Уважаемый в стране за честность, правдивость, справедливость, скромность Н. И. Рыжков говорит: «...Горбачев по своим деловым качествам не лидер, не руководитель, а проповедник. Ему бы говорить, говорить, говорить... Он и дальше будет говорить. Говорить до конца жизни своей, может быть с деньгами, но без уважения честных людей, без прощения за развал могучего государства, за развал экономики страны, за обнищание народа, за межнациональные конфликты, за разрушение Вооруженных Сил, за деградацию общества. Все эти беды берет начало от него, от его инициатив».

НА ВЕРШИНЕ ВЫСОКОЙ ВЛАСТИ

В годы моего нахождения в должности председателя облисполкома мне пришлось работать с пятью первыми секретарями Карачаево-Черкесского обкома КПСС. Факт остается фактом: ни один из них не был уроженцем Карачаево-Черкесии. Сегодня уже, впрочем, не секрет, что все первые и вторые секретари горкомов и райкомов партии русской национальности были так называемые «привозные» из Ставропольского края. Исключением был, пожалуй, только П. Астахов, родом из станицы Кардоникской, который непродол-

жительное время работал первым секретарем Зеленчукского райкома партии.

Практически все назначаемые секретари после освобождения не оставались в Карачаево-Черкесии. Они вновь возвращались в край, но, разумеется, на более высокую должность. Карачаево-Черкесия, как это ни больно говорить, была для них чем-то вроде полигона и одновременно трамплина. Вместе с тем в области проживало немало достойных представителей русской и других славянских национальностей, прекрасно знавших менталитет, образ жизни, обычаи местных народов. В некоторой степени такой подход в кадровой политике можно считать дискриминационным по отношению к русским уроженцам Карачаево-Черкесии.

Однако, надо честно признать, среди приезжих партийных руководителей было немало порядочных, образованнейших, талантливых людей. Такие, например, как Марчуков (Усть-Джегутинский РК КП), Еремин (Зеленчукский РК), Василенко (Прикубанский РК), Кирюхин (Карачаевский) и другие, немало вложившие в развитие районов и городов Карачаево-Черкесии. Их до сих пор вспоминают добрым словом. Были, правда, у нас руководители районных и городских комитетов партии совсем иного порядка. О них, думаю, лучше и не вспоминать...

И все же надо сказать, что помощь со стороны Ставропольского края, министерств Российской Федерации и Советского Союза, конечно же, была неоценима. Этого забывать нельзя. Это тема большого и серьезного разговора. В этой связи надо сказать о руководителях заводов, фабрик,строек, инженерно-технических работниках, квалифицированных рабочих, приехавших в разные годы поднимать народное хозяйство Карачаево-Черкесии. Без их помощи нам самим, конечно, не удалось бы добиться такого бурного роста, в частности, промышленного производства.

Всего несколько цифр. В 1968 году по сравнению с 1960 годом валовая продукция промышленности Карачаево-Черкесии возросла более чем в три раза, рост производительности труда в промышленности – в 1,7 раза. Капитальные вложения составили: в 1960 году – 17,6 миллиона рублей, в 1968 году – 61,6 миллиона рублей. Ввод в действие основных фондов соответственно: 26,5 и 67,0 миллионов рублей. Таких темпов роста никто из наших соседей не имел.

Практически все приехавшие к нам в те годы рабочие и инженерно-технические работники остались в Карачаево-Черкесии, которая для них стала второй родиной, для их детей – единственной родиной. Они стали горячими патриотами горного края. А такие руководители предприятий и строительных организаций как Рыбаков, Борматов, Винничек, Баймаков и другие стали гордостью народов республики.

Что касается партийных руководителей, а также правоохранительных органов, то некоторые остались у нас навсегда, другие были переведены на работу в другие регионы Ставропольского края и бывшего Советского Союза. Из оставшихся партийных работников особо хочется отметить Н. Л. Сухобоченкова. Он был первым секретарем Черкесского горкома партии, секретарем обкома КПСС по промышленности, строительству, связи, транспорту. Это человек исключительно ответственный, добросовестный, с большими организаторскими способностями. Николай Львович сделал немало для развития областного (ныне республиканского) центра. И совершенно правильно власти Черкесска присвоили ему высокое звание «Почетный гражданин Черкесска», где он проживает и сегодня. Я желаю ему здоровья.

Хочу упомянуть еще одного партийного работника, посланного к нам из Ставрополя. Это Н. Т. Поротов, бывший руководитель областного комитета народного контроля. Его отличала исключительная принципиальность, забота о народном добре, трудящихся. Он всегда стоял за правду, невзирая ни на что. И сегодня он не порывает связей с республикой. Вместе с нами радуется успехам, огорчается по поводу нелегкого положения, сложившегося в республике.

...В. А. Коробейников при мне и после меня работал первым заместителем председателя облисполкома. Благодаря своим чисто человеческим качествам он, можно сказать, стал одним из уважаемых людей области. К сожалению, его уже нет в живых. Но о нем помнят в нашем горном крае.

Хорошее впечатление о себе оставили работавшие начальником УВД области Баранов, прокурором – Снегирев. Их авторитет был безупречен. Все вопросы, связанные с правонарушениями, они рассматривали непредвзято, объективно, не допускали и в самих органах правопорядка нарушения законов, руководствовались только интересами государства и народа.

Одно время работал прокурором области А. В. Бутурлин. Затем он был прокурором Узбекистана, на высокой должно-

сти заместителя Генерального прокурора СССР. В настоящее время А. В. Бутурлин – советник Генпрокурора Российской Федерации.

Бутурлин – профессионал высокого класса. Прекрасно воспитанный, образованный, благородный, с развитым чувством уважения к человеческому достоинству. Я абсолютно убежден: в бытность его прокурором области ни один безвинный не пострадал. Все его действия были объективны, основаны только на букве закона. Он не воспринимал так называемого телефонного права. А. В. Бутурлин – настоящий русский интеллигент, интернационалист. Эти качества в полной мере проявились в период жарких споров по поводу полной реабилитации карачаевского народа, обвиненного в измене родине и высланного поголовно в 1943 году из родных мест в степи Средней Азии и Казахстана. А. В. Бутурлин помог доказать, что бериевские материалы по обвинению народа были фальсификацией, после чего все невинно пострадавшие были реабилитированы, многие, к сожалению посмертно.

А. В. Бутурлин настоящий патриот Карачаево-Черкесии. Он и сейчас не порывает с нашей республикой связей, живо интересуется событиями, происходящими у нас...

О секретарях областного комитета партии уже вскользь было сказано выше. При мне их было пять: В. И. Антонов, Н. М. Лыжин, Ф. П. Бурмистров, В. С. Мураховский, А. А. Инжиевский.

В. И. Антонов работал у нас недолго, но оставил у всех, кто его знал, хорошее впечатление. И когда его перевели первым секретарем Астраханского обкома партии, жалко было с ним расставаться. Это был солидный человек, он не суетился, всегда принимал взвешенные решения. Подкупал ровным отношением ко всем народам, населяющим область. Проявлял необходимую заботу и оказывал помощь возвращающимся в родные места карачаевцам.

О Н. М. Лыжине. Он родился на Урале. В период Великой Отечественной войны был в Белоруссии секретарем Брестского подпольного обкома комсомола. Работал под руководством таких знаменитых организаторов партизанского движения в Белоруссии, как К. Т. Мазуров и Л. М. Машеров. После войны работал в комсомоле, в ЦК ВЛКСМ, ЦК КПСС. В Карачаево-Черкесию был переведен из Ставрополя. Николай Михайлович Лыжин был человеком исключительной сме-

лости, настойчивости в решении поставленных задач. Его энергия, казалось, была неисчерпаемой. За годы работы в Карачаево-Черкесии он стал горячим патриотом нашей земли. Справедливости ради надо сказать, что в развитие экономики и культуры он вложил, может быть, больше всех остальных. Именно в годы его работы на посту первого секретаря обкома партии была заложена основа экономики Карачаево-Черкесии. Он заботился о росте кадров руководителей. При нем я, как руководитель органа государственной власти, никогда не чувствовал мелочной опеки с его стороны. Напротив, он помогал мне решать самые сложные хозяйственные вопросы в Совете министров, Госплане, Министерствах СССР и РСФСР. Обидно, что освобожден он был от обязанностей первого секретаря по чисто формальному поводу – будучи женатым человеком был связан с другой женщиной. Для того времени это было недопустимо. Вспоминаю, когда на совместном заседании бюро крайкома и бюро обкома партии обсуждали персональное дело Н. М. Лыжина, никто кроме К. А. Деккушева и меня не попытался встать на защиту этого порядочного и честного человека. Ну кого должна интересовать и волновать личная жизнь человека, каждый волен распоряжаться ею по-своему. Главное, чтобы это не мешало работе. Но, увы, тогда времена и устои были другие. Ничто не бралось в счет, даже самые великие заслуги и деяния. А у Н. М. Лыжина их было немало. Не рассмотрели ни на что. Что было, то было. Но его никогда не забывали и не забывают в нашей Карачаево-Черкесии. Многие из наших земляков были на его похоронах в Москве (я, к сожалению, в это время находился за границей). Считаю вполне справедливым было бы увековечить имя Николая Михайловича Лыжина у нас в республиканском центре. Как? Думаю, органам власти стоит над этим подумать.

На посту первого секретаря КПСС Н. М. Лыжина сменил Ф. П. Бурмистров. Существует хорошее правило: об умершем говорить или хорошее или ничего. К сожалению, об этом человеке ничего хорошего сказать не смогу. Никаких чувств ни к самой Карачаево-Черкесии, ни к народам, ее населяющим, он не питал. Я долго вспоминал, что же оставил после себя Бурмистров в Карачаево-Черкесии, где он проработал первым секретарем пожалуй больше других. Наконец вспомнил. По его инициативе был открыт один пивной бар и один магазин, – «Природа», где до сих пор продают птиц и корм для них. Бур-

мистров был абсолютно безынициативным человеком, равнодушным. Если Н. Д. Лыжин вместе со мной ездил в Москву, помогал мне решать всевозможные вопросы, открывать двери больших циковских и совминовских кабинетов, то Ф. П. Бурмистров был совсем другим. Не то что ездить вместе со мной в Москву, но и упросить его подписать какое-либо письмо в высшие эшелоны власти вместе со мной было почти невозможно. А если вдруг приходил отрицательный ответ на наши запросы и просьбы, что бывало, то Бурмистров бесконечно упрекал, мол, толкнули его на авантюру, и вот пожалуйста! – не получилось. И кто еще знает, какие могут быть последствия. Формализм – это главное, что характеризовало Бурмистрова. Его не волновали даже вопросы, обсуждавшиеся на заседаниях бюро обкома партии. По большому счету всю работу вели секретари обкома партии Н. Л. Сухобоченков, К. Д. Деккушев и другие.

Зато облизполком Бурмистров «по-отечески» опекал, причем по самым, что называется, мелочным вопросам: почему фасад дома Советов окрасили в зеленый цвет, почему в селах области строят двухэтажные дома, почему их покрывают оцинкованным железом, почему женщины-карачаевки торгуют шерстяными изделиями, почему на предприятиях бытового обслуживания открывают чесальные цеха, облегчая работу тунеядцев и т. д. и т. п.

Особую «заботу» проявлял Бурмистров и в отношении карачаевского населения, как бы исподволь выполняя чью-то инструкцию. Это было весьма заметно.

Недавно бывший начальник управления КГБ по Ставропольскому краю генерал Э. Б. Нордман рассказал мне о состоявшейся в те далекие годы беседе Бурмистрова с Ю. В. Андроповым. Разговор шел в машине, направлявшейся из Кисловодска в Домбай. Проезжая через карачаевские села, Бурмистров, указывая на двухэтажные дома, расположенные вдоль трассы, заметил Андропову: «Видите, какие большие дома они строят, посмотрите, чем они покрыты? А мы ничего не можем сделать. Нужно чтобы вы, в Москве, приняли строгий закон».

По словам Э. Б. Нордмана, Бурмистров в течение одной поездки несколько раз повторил эту просьбу. Долго молчавший Ю. В. Андропов сказал: «Федор Петрович, вы первый секретарь Карачаево-Черкесского обкома партии. О каком строгом законе вы говорите? Вы должны радоваться, что у вас в области люди строят добротные дома. Раз они строят,

значит собираются здесь жить, трудиться, растить детей. Ведь одна из острейших проблем – это большая миграция населения и вопрос с жильем».

Известны факты, когда Бурмистров всячески пытался настроить народы области, людей друг против друга. К. А. Деккушев рассказывал как-то мне, Бурмистров упрекал его: мол, что за народ карачаевцы? При этом называл одного из руководителей, который вроде бы лил на Деккушева грязь, а он, Деккушев, дескать, молчит. Как будто ничего не слышит и не видит. «Почему не отвечаете тем же?» – наконец, не выдержав терпение Деккушева, прямо заявил Бурмистров. Кемал Аскерович, к его чести, дал Бурмистрову достойный ответ.

Рассказывают, как Бурмистров, будучи первым секретарем Зеленчукского райкома партии в 1957 году, в период возвращения карачаевцев на родину всячески пытался не допустить расселения народа на территории этого района.

Одним словом, Ф. П. Бурмистров в руководстве областной партийной организации был совсем случайным человеком. Меня до сих пор удивляет только одно: как Л. Н. Ефремов, первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС, кстати умнейший человек, так долго терпел Бурмистрова на такой ответственной работе.

Всеволод Серафимович Мураховский был коренным ставропольчанином. Родился он в г. Невинномыске. Возглавлял партийную организацию Кисловодска, работал в крайисполкоме. Потом в Карачаево-Черкесии в должности первого секретаря обкома партии. Опытный, энергичный, работоспособный. С ним работать было легко и просто. Сам работал, давал работать другим, никакой мелочной опеки с его стороны не было. Охотно и много помогал мне и в Карачаево-Черкесии, и в Ставрополе, и в Москве. В то время поддержка партийных органов в Совмине СССР и РСФСР, Госплане много значила. При Всеволоде Серафимовиче экономика Карачаево-Черкесии обрела как бы второе дыхание. Этот факт неоспоримый. Затем ему доверили более высокую должность. Он работал первым секретарем Ставропольского крайкома партии, а после в ранге первого заместителя Председателя Совета Министров СССР возглавлял Агропром Союза СССР. Я с большой радостью встречал его в Варшаве. Сейчас живет в Москве и также, как и многие другие, истинно любящие Карачаево-Черкесию, не порывает с нами связей.

С пришедшим на смену В. С. Мураховскому А. А. Инжиевским мне довелось работать совсем недолго...

МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ СУСЛОВ

Впервые о М. А. Суслове я услышал еще будучи учащимся средней школы в г. Кисловодске. В те годы он уже был первым секретарем Орджоникидзевского (ныне Ставропольского) крайкома ВКП(б). С 1944 года он возглавлял бюро ЦК партии по Литовской ССР, с 1947 года, вплоть до смерти в 1980 году – секретарь ЦК партии (при Сталине, Хрущеве, Брежневе). Суслов был главным идеологом партии, ведал вопросами международного коммунистического и рабочего движения, играл решающую роль в кадровой политике.

Моя первая личная встреча с Сусловым состоялась в 1968 году. И вот по какому поводу. По инициативе тогдашнего первого секретаря обкома Н. М. Лыжина нами был поднят вопрос о повышении статуса Карачаево-Черкесии. Мы полагали, что есть все основания для преобразования автономной области в составе Ставропольского края в самостоятельную автономную республику, подчиняющуюся непосредственно центру. Карачаево-Черкессия по территории, населению, экономическому потенциалу, перспективам развития, по подготовленным кадрам не уступала некоторым автономным республикам. И не только Северо-Кавказского региона.

Обстоятельно изучив этот весьма непростой вопрос (мы подробно знакомились с положением в республиках Северного Кавказа, я лично с этой целью был в Кабардино-Балкарии. Знакомился с бюджетом этой республики, в частности, ассигнованиями на образование, здравоохранение, культуру и т. д.), получив согласие первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС, Карачаево-Черкесский обком и облисполком написали письмо непосредственно в Политбюро с просьбой о преобразовании автономной области в автономную республику. Вслед за письмом поехали в Москву втроем: Н. М. Лыжин, я и У. Е. Темиров – второй секретарь обкома. В этой поездке мы встретились по нашему вопросу почти со всеми членами Политбюро. С Л. И. Брежневым встретиться не удалось. А. Н. Косыгин был за границей, А. П. Кириленко, Г. И. Воронов, Н. В. Подгорный, П. Н. Демичев и дру-

гие отнеслись к нашему предложению с пониманием и однозначно заявили, что поддерживают эту идею.

На встречу с Подгорным я пришел вместе с Темировым. Стараясь быть немногословным, я изложил Председателю Президиума Верховного Совета СССР и члену Политбюро партии наш вопрос. При этом подчеркнул большую помощь, которую оказали Карачаево-Черкесии, ее народам Ставропольский край, Правительство Российской Федерации.

Объяснил, что условия для преобразования области, особенно в связи с возвращением карачаевского народа на родину из Казахстана и Средней Азии в республику, созрели. А наличие уже достаточно развитой экономической базы, квалифицированного кадрового потенциала позволят значительно увеличить вклад народов Карачаево-Черкесии в общее благосостояние России и в целом Советского Союза. Сам же факт повышения статуса области до уровня автономной республики станет огромным стимулом в работе трудящихся Карачаево-Черкесии, начиная от простого рабочего до руководителя, повысит их ответственность.

Н. В. Подгорный, не перебивая, как мне показалось, внимательно и даже заинтересованно выслушал меня. Не задал ни одного вопроса. А затем произнес совсем неожиданное для нас с Умаром Ереджибовичем: «Я не возражаю. Давайте сделаем две области – Карачаевскую и Черкесскую». Вот тебе на! Объяснил, называется! Придя в себя, подумал: неужели столь неясно изложил Подгорному то, за чем мы приехали в Москву. И вновь повторил нашу просьбу поддержать предложение об образовании Карачаево-Черкесской АССР. Услышали в ответ то же: «Не возражаю. Я – за». При этом лицо одного из руководителей великой страны оставалось абсолютно неизменным, как и в ходе самой беседы. Возникло ощущение, что человек, сидевший перед нами, уже не улавливает суть того, о чем идет речь. Он одновременно был согласен на два, друг друга взаимоисключающих, варианта решения вопроса. Проще говоря, Николаю Викторовичу было, как мне показалось, абсолютно безразлично. Эта встреча разочаровала меня. Вдруг вкралась страшная мысль: а если в Политбюро он такой не один?!

Вторая встреча была с М. А. Сусловым. На прием к нему пошли Н. М. Лыжин, я и У. Е. Темиров. Изложив суть нашей просьбы, Н. М. Лыжин сообщил Суслову, с кем из членов Политбюро мы встречались. Суслов, как и Подгорный, много вопросов не задавал. Не высказавшись против этой идеи, Михаил

Андреевич в конце беседы попросил нас в течение 2-3 месяцев этот вопрос (имеется в виду образование Карачаево-Черкесской АССР) пока не поднимать. Связано это было, по его словам, с тем, что в ряде регионов (о чем, разумеется пресса не сообщала) в это время наблюдалось напряжение в межнациональных отношениях. В частности, в Ташкенте. Центральный Комитет был обеспокоен этой проблемой.

Для нас, впрочем, не имело принципиального значения. — через 2 или 3 месяца Карачаево-Черкесия получит новый статус. Важно, что согласие мы получили. Мы были рады. Однако радость была преждевременной. Поздним вечером того же дня Н. М. Лыжина пригласил к себе В. И. Кочемасов, заместитель Председателя Совета Министров РСФСР и, безапелляционно заявил ему, что ЦК КПСС предлагает поднятый нами вопрос снять с повестки дня.

Мы и тогда абсолютно не сомневались, что это было дело рук Суслова.

Вторая встреча с Сусловым состоялась уже в Ставрополе. Случилось это на торжествах, посвященных вручению краевому центру ордена за достигнутые успехи в экономическом и культурном развитии. Первый секретарь крайкома партии М. С. Горбачев хотел, чтобы эту награду вручил непременно Суслов. Правда, пришлось ждать несколько лет, прежде чем Суслов нашел время и прилетел в Ставрополь со своей дочерью выполнить эту миссию.

У трапа самолета его встречал Горбачев и все руководство края. Михаил Сергеевич подвел высокого гостя к нам, выстроившимся в шеренгу, и представил каждого. Дошла очередь до меня: «Магомет Абдурзакович Боташев, председатель Карачаево-Черкесского облисполкома». А затем, сделав паузу, Горбачев зачем-то добавил «карачаевец». Мне показалось это весьма странным.

Визит Суслова в край продолжался несколько дней. Он побывал на ряде промышленных предприятий, в некоторых городах и районах края. Посетил даже квартиру, где жил в бытность секретарем Ставропольского крайкома. Посещение Карачаево-Черкесии в программе его визита запланировано не было. Тем не менее я ожидал, что Михаил Александрович, являясь секретарем ЦК по идеологии и членом Политбюро, все таки хотя бы поинтересуется жизнью народов области и, в частности, жестоко пострадавшего, не без его участия, карачаевского. Кому, кому, а Суслову доподлинно

было известно, как готовилась чудовищная акция насильственного выселения карачаевцев, сколько страданий принесла она этому народу за долгие 14 лет ссылки.

И. Т. Таранов в своей книге «Годы, люди, встречи» отмечает феноменальную память Суслова. Это была правда. Во время одной встречи за обеденным столом (нас было не более 10 человек) Суслов нас прямо таки удивил, назвав, не напрягаясь, несколько фамилий рядовых звеньевых, бригадиров некоторых колхозов края...

Конечно, Суслов прекрасно помнил, что произошло с карачаевцами. Но факт остается фактом: от Суслова, за время ряда встреч, — ни единого слова, ни единого вопроса не слышал о том, как живут карачаевцы. Никогда никаких рекомендаций от него не было в отношении обустройства карачаевцев. Казалось бы, что больше всех он должен был интересоваться жизнью вернувшегося карачаевского народа. Ибо при нем мы были насильно оторваны от родных мест, от родных гор, разбросаны на тысячекилометровых просторах Средней Азии и Казахстана, терпели голод, холод, каждодневные унижения, оскорбления. Вымирали тысячами. Куда там! Сегодня уже известно: предвзятое отношение к народу, недоверие к кадрам карачаевской национальности, постоянный поиск националистов, всякого рода негатива исходили именно от Суслова.

Суслов прожил 80 лет. Из них сорок лет сознательной жизни в Москве, работал в ЦК КПСС. Из сорока лет тридцать пять лет секретарем ЦК КПСС. Был избран секретарем ЦК еще при Сталине в 1947 году. Удержался в руководстве ЦК при Хрущеве, Брежневе, Андропове. Занимался он в ЦК вопросами идеологии. При Брежневе был фактически вторым секретарем ЦК. Решал кадровые вопросы.

Несомненно, за это время, рекордное для секретарства, он, видимо, сделал много полезного и вредного. То, что я рассказал о встречах с этим человеком, конечно, никак не может полностью характеризовать деятеля такого ранга как Суслов, точно также как и восторги о том, что он все гонорары, причитающиеся ему за изданные работы, перечислял в бюджет партии, или по поводу его исключительной памяти. Но приведенные мною факты все же характеризуют одну из сторон Суслова как человека.

О нечеловеческом, наплевательском отношении, в данном случае, к пострадавшему карачаевскому народу я вспоминаю с болью.

Не могу забыть его реакцию на факт возвращения карачаевцев на родину. Все время сопоставляю с отношением к этому большому вопросу моего народа других, известных всей стране руководителей. Таких как А. Н. Косыгин, Д. А. Кунаев, А. Н. Микоян, К. Т. Мазуров, Н. К. Байков, Ю. В. Андропов и другие. Конечно же, отдельно надо говорить о Никите Сергеевиче Хрущеве.

Я им бесконечно благодарен за то, что они искренне участливо и заинтересованно расспрашивали обо всем, что касалось возвращения репрессированного народа на историческую родину. Конечно, такая поддержка нам, тогда работающим на руководящих должностях, была необходима.

Некоторым не понять, как мне было нелегко быть объективным, рассказывая о встречах с Сусловым, излагая свое мнение о нем. Но я уверен, что читатель, оценивая факты, которые я излагаю, сам сделает выводы. Только скажу одно — в достоверности того, о чем я рассказал, нет ни малейших оснований сомневаться. Я не сгущал красок.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	3
Потомки легендарного Боташа (некоторые страницы из истории рода Боташевых)	5
Детство, юность	24
На финской войне	35
Дорогами Великой Отечественной	43
По национальному признаку	73
Возвращение	121
Нелегкие будни председателя	149
Незабываемые встречи	181
Неожиданный поворот судьбы	200
Его знали и знают таким	215
Высокая награда — из рук Президента России	233
Надежный тыл — надежная опора	235
Послесловие	250
Основные вехи биографии М. А. Боташева	255
Приложение	259
Годы. Встречи. Лица	260

Медиха Шаманова

ДЕРЕВО ДЕРЖАТ КОРНИ

**Средства, вырученные от реализации
этой книги, пойдут на издание
документальной повести «Когда оживает
история» о трагических страницах жизни
карачаевского народа в годы депортации**

Редактор *А. И. Румянцев*
Технический редактор *Н. Ф. Морозова*
Корректоры *О. В. Макеева, Н. П. Сливинская*
Компьютерная верстка *О. В. Лобач*
Художественное оформление обложки *В. Г. Коротченко*

ЗАМЕЧЕНЫ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Напечатано	Следует читать
14	«Боташ в Москве»	«Боташ»
15	1905—1915 гг.	1805—1815 гг.
31	Лариса Семеновна Захватаева	Мария Семеновна Захватаева
37	132 семьи	132 тысячи семей
44	Белград	— слово исключить
51	западнее Харькова	западнее Киева
54	ПҚ	КП
62	жилет	шинель
97	Глова	Глоова
118	Пишнек	Пишпек
218	умнеший	умнейший
278	отвественной	ответственной
В конце книги	департация	депортация

Медиха Хызыровна Шаманова - известная карачаевская писательница, поэтесса, журналист, общественный деятель. Член Союза писателей России, заслуженный журналист Карачаево-Черкесской Республики, отличник радио и телевидения СССР.

Почти 40 лет проработала на республиканском радио, из них четверть века главным редактором вещания на карачаевском языке. Написала немало книг, изданных в разные годы в Черкесске и Ставрополе. Среди них документальная повесть «Кичибатыр» о легендарных партизанских командирах, Героях Российской Федерации Кичибатыре Хаиркизове и Юнусе Каракетове,

сборники рассказов «Малыши-ровесники», «Пусть всегда будет мама», «Крылья», «Окъя берк», сборник стихов «Одуванчик» и др. М. Шаманова - автор либретто первого карачаевского балета «Айтугъан - дочь Карчи», которым были открыты торжества в честь 200-летия г. Краснодара, балет был показан в четырех городах Франции (автор музыки известный, талантливый композитор, заслуженный деятель культуры России Марат Кочкаров), радиоповести «Отвага», радиодрам «Судьба Джюзджан», «Зульфия», «Зарият».

Большой жизненный опыт М. Шамановой, пристальное изучение проблем воспитания подрастающего поколения легли в основу подготовленного к изданию сборника бесед о нравственности «Намыс» («Честь»).

Огромное внимание в творчестве писательницы занимает тема депортации карачаевского народа в республики Средней Азии и Казахстан в 40-е годы XX столетия. Этому трагическому периоду истории карачаевского народа посвящены роман «Свинец» и большая документально-публицистическая книга «Правда о Карачае», в которой собраны воспоминания сотен и сотен очевидцев тех лет.

В 1999 году в Ставропольском книжном издательстве на русском языке вышла повесть М. Шамановой о выдающемся российском военачальнике, бывшем заместителе министра обороны СССР, Российской Федерации, главнокомандующем Сухопутными войсками СССР, генерале армии, а ныне Президенте Карачаево-Черкесской Республики В. М. Семенове.

Герой новой документальной повести Медихи Шамановой «Дерево держат корни» - участник финской и Великой Отечественной войн, бывший председатель Карачаево-Черкесского облисполкома, заместитель председателя торгового представительства СССР в Польше Магомед Абдурзакович Боташев.